

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А.С. ПУШКИНА «БОЛДИНО»

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРЗАМАССКИЙ ФИЛИАЛ

Н. Л. Васильев

О ПУШКИНЕ:
язык классика,
поэтика романа «Евгений Онегин»,
писатель и его современники

Монография

Саранск
2013

УДК 882 (09)
ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 5-8 Пушкин
В 19

Серия «**Монографии участников
“Болдинских чтений”**»

Печатается по решению Ученого совета
Государственного литературно-мемориального и природного
музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино»

Васильев, Николай Леонидович.

В 19 **О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники:** монография / Н.Л. Васильев; Музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»; Нижний Новгород, Нижегородский госуниверситет (Арзамасский филиал). – Саранск, 2013. – 387 с.

ISBN

УДК 882 (09)
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 5-8 Пушкин

ISBN

© ННГУ им. Н.И. Лобачевского
(Арзамасский филиал), 2013
© Государственный литературно-мемориальный
и природный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Болдино», 2013
© Васильев Н.Л., 2013
© Сазанов Анатолий, обложка, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Habent sua fata libelli...

Монография включает статьи автора о творчестве А.С. Пушкина, опубликованные или подготовленные к печати в период с 1977 по 2012 г., т. е. за три с половиной десятилетия... Некоторые из них в процессе работы над книгой были отредактированы, сокращены или, наоборот, дополнены. Отдельные статьи, тем не менее, сохранили приметы своего времени¹.

Исследовательский интерес к наследию классика возник у меня еще в студенческие годы, затем продолжился в аспирантуре Мордовского университета им. Н.П. Огарева под руководством ученика акад. В.В. Виноградова проф. П.Г. Черемисина (1921–1978). Темой диссертации стала «Терминология в языке А.С. Пушкина». После смерти научного наставника пришлось поменять место учебы и стать аспирантом Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского. Новый научный руководитель – проф. Н.Д. Русинов (1923–1998) согласился сохранить прежнюю тему и концепцию исследования при условии, что в анализе пушкинского творчества будут использованы методы «точных наук» (математики и кибернетики), за что автор ему очень благодарен. Идеи квантитативного измерения языка, речи, текстов буквально витали в тогдашней горьковской (нижегородской) научной атмосфере под влиянием крупного отечественного лингвиста, тоже ученика В.В. Виноградова – проф. Б.Н. Головина (1916–1984), которому я также обязан своими первыми шагами в науке и поддержкой на всех этапах учебы в аспирантуре. Так произошло соединение в одной упряжке *коня* (отнюдь не Пегаса) и *трепетной лани* Поэзии, к чему обязывали имена, с одной стороны, Н.И. Лобачевского, с другой – Н.П. Огарева...

---

¹ Необходимые сведения о наших предшествующих публикациях отражены в заключительном разделе монографии – «Библиография работ автора по теме книги».

В дальнейшем автор, продолжая (по сегодняшней день) работать на кафедре русского языка Мордовского университета, постепенно стал все более вовлекаться в литературоведческие исследования: в 1994 году защитил в МГУ им. М.В. Ломоносова докторскую диссертацию о современнике Пушкина – «Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы»¹. Не оставлял без внимания и собственно пушкинскую тему.

Знакомство с Болдинским музеем тоже состоялось в середине 1970-х годов. В аспирантские годы приходилось выезжать в Большое Болдино с профориентационной работой по выявлению абитуриентов для историко-филологического факультета Горьковского университета, трудиться со студентами в качестве куратора во время сбора урожая картофеля в этом регионе, попутно готовя диссертацию о творчестве чиновника, когда-то не пожелавшего усердно заниматься саранчой в Новороссийской губернии...

Постоянным участником традиционных Болдинских чтений я стал в год 200-летия со дня рождения Пушкина, когда преобразились и само село, и Музей поэта. С тех пор прошло уже 15 лет... С теплом вспоминаю о всех участниках и организаторах этих ярких, насыщенных мероприятий; благодаря им у каждого из нас расширились возможности в плане полноценного научного общения, публикаций, развития связей с зарубежными коллегами. В такой же мере признателен и «арзамасскому братству» пушкинистов за приглашения на конференции, внимание к научным интересам саранского коллеги и поддержку их в изданиях Арзамасского пединститута.

Здесь уместно сказать о том, что Саранск – ближайший к Б. Болдину областной город, а само нижегородское село находится в нескольких километрах от границы с Республикой Мордовия. Кстати, творческая группа известного фильма Р. Балаяна (по сценарию Р. Ибрагимбекова) «Храни меня, мой талисман» (1986 г.), в котором снимались, в частности, О. Янковский, А. Абдулов,

---

¹ Официальными оппонентами диссертанта были, в частности, основатель «Болдинских чтений» Г.В. Краснов и пушкинист М.В. Строганов.

М. Козаков, Т. Друбич, А. Збруев, базировалась именно в Саранске, поскольку в Б. Болдине в те годы еще не было комфортабельной гостиницы. Город насыщен и разнообразными пушкинскими символами: Национальная библиотека им. А.С. Пушкина; просторный, тенистый, ухоженный Пушкинский парк (с огромным портретом классика в технике растительной орнаментации); замечательный, если не лучший в стране, памятник поэту мордовского скульптора Н.М. Филатова¹, сказочные персонажи, навеянные пушкинскими произведениями, скульптора Г.М. Филатова и др. Там же печатаются в последнее время и выпуски «Болдинских чтений», монографии их постоянных участников.

Добираться из Саранска до пушкинской вотчины приходилось сначала «на перекладных» – используя то железнодорожный транспорт (до станции Ужовка), то редкое автобусное сообщение между столицей Мордовии и соседними районными центрами (Починки и др.), значительно отдаленными от Б. Болдина, то с помощью случайных попутных машин. Пока, наконец, автор не высказал в республиканской прессе идею соединить Саранск и Болдино регулярным автобусным рейсом, что, к удивлению, и произошло после, вероятно, некоторых административных согласований и «дорожных жалоб». А в последние годы я стал приезжать в гости к поэту уже на личном транспорте, запряженном 80 «лошадьми», понукаемыми Пегасом, – весьма забавное сюжетное «ответвление» в контексте хронотопа *дороги* в русской литературе XIX в., и пушкинском творчестве в частности. Кратчайший, уже основательно проторенный путь от Саранска до Болдина пролегает по живописным окрестностям Ичалковского и Большеигнатовского районов РМ, по асфальтированной и относительно безопасной трассе, напоминая, что где-то здесь, *в дыму столетий*, Пушкин возвращался из поездки по пугачевским местам в нижегородское имение своих предков. «...Со временем (по расчисленью / Философических таблиц, / Лет чрез пятьсот) дороги верно / У нас изменятся безмерно...» («Евгений Онегин»).

---

¹ Золотая медаль Российской Академии художеств (2004 г.).

Любая книга накладывает большую ответственность на пишущего за высказанное *слово*, тем более – книга о Пушкине. (Особенно, если принять во внимание, что творчеству писателя посвящены тысячи исследований.) Автор не без сомнений и сердечного волнения представляет здесь свои филологические наблюдения на этот счет. *Honni soit qui mal y pense!*

Особую признательность нам хотелось бы выразить директору Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» кандидату исторических наук Ю.А. Жулину – за предложение подготовить данную книгу в серии «Монографии участников “Болдинских чтений”»; доктору филологических наук, заместителю директора по научной работе Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета С.Н. Пяткину – за помощь в подготовке книги; научному координатору «Болдинских чтений» доктору филологических наук, заведующему кафедрой русской литературы Нижегородского университета Н.М. Фортунатову – за доброжелательное отношение к докладам и статьям автора.

ЯЗЫК А.С. ПУШКИНА

АРХАИЧНОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА

Пушкин по праву считается основоположником современного русского литературного языка. Это утверждение основывается на том, что, несмотря на более чем полутора столетнюю дистанцию между пушкинской эпохой и сегодняшним днем, наша литературная речь не претерпела сколько-нибудь существенных изменений в своих стилистических чертах. Авторитетный исследователь истории литературного языка по этому поводу отмечает, что «язык Пушкина послужил источником последующего развития не только языка художественной литературы, но и всего литературного языка как системы подсистем»¹. Положение о том, что «речь Пушкина стала образцовой и благодаря литературному и общественному авторитету поэта была признана нормой, примером для подражания»², «должно быть отнесено не только к стабилизации словарного состава и закреплению тех или иных морфологических и синтаксических моделей, но и, главное, к принципам употребления языковых единиц в тексте и к характеру выделения и взаимодействия стилей в пределах литературного языка»³.

Вместе с тем существует мнение, что язык писателя архаичен по отношению к нашему времени, так как впоследствии в русском языке появилась масса новых слов и значений, а многие из употреблявшихся Пушкиным лексем устарели, непонятны современному читателю.

М.В. Панов пишет: «Когда мы читаем произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и их современников, мы воспринимаем их язык как свой, родной. Переводчики нам не нужны. Речевое общение сохраняет свою непосредственность, это – прямое общение. Поэтому вполне реален, имеет объективное

---

¹ Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984. С. 272–273.

² Головин Б.Н. Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1983. М., 1983. С. 17.

³ Горшков А.И. Указ. соч. С. 271.

существование современный русский язык от эпохи Пушкина до наших дней»¹. Анализируя пушкинские тексты, ученый приходит к выводу: «...между языком наших дней и языком эпохи Пушкина легла история в 150 лет. Изменился словарный состав, у слов появились новые значения и были утрачены старые... стали несколько иными произносительные и грамматические формы. Поэтому вполне оправдано и второе понимание слов “современный русский язык” – “язык середины и второй половины XX в.”»².

Стал ли архаичным язык Пушкина? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо, в частности, рассмотреть словарный состав пушкинского языка с точки зрения его отношения к активному и пассивному словарю современного русского языка.

Анализ лексики, зафиксированной в словаре писателя³, показал следующее. Общее число устаревших лексем составляет в нем чуть более тысячи единиц. Среди них преобладают архаизмы, т. е. слова, замененные сейчас синонимами; в меньшей мере присутствуют историзмы, т. е. слова, которые означают реалии, ушедшие в прошлое. Доля первых в пушкинском лексиконе составляет 5,6%, вторых – 1%.

В ряду архаизмов встречаются лексические (*аматер*, *басурман*, *благоденствие*, *благоусмотрение*, *гробокопатель*, *единоземец* и др.), словообразовательные (*благодарственный*, *вервие*, *воитель*, *вседневный*, *гражданственный*, *другия* и др.), грамматические (*завес*, *занавеса*, *метода* и др.), семантические (*выходец* – «переселенец из другого края», *гастроном* – «гурман», *изоцренный* – «заостренный, отточенный», *муж* – «мужчина» и др.). Отметим, что последние не устарели в формальном плане, архаизировались лишь их прежние значения.

Среди историзмов присутствуют слова *абшид* («свидетельство об отставке»), *брегет* («часы особой конструкции»), *ванька* («извозчик из крестьян»), *капот* («вид женской одежды»), *камердинер* («слуга»), *камергер* («придворное звание и его

¹ См.: Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961.

носитель»), *картель* («письменный вызов на дуэль»), *ливеря* («парадная одежда слуг»), *мушка* («искусственная родинка на лице») и др. Поскольку процесс архаизации отдельных явлений происходит постоянно, данной группой лексики при учете баланса старого и актуального в языке Пушкина в какой-то степени можно пренебречь, тем более что некоторые из указанных слов хорошо известны образованному читателю, используются в художественной и исторической литературе.

Многие из употребленных писателем слов, в частности *алкать*, *вежды*, *велеречие*, *ворог*, *выя*, *дщерь*, *зело*, *зрак*, ушли в пассивный состав языка уже в его время или даже ранее, но продолжали использоваться как экспрессивно-стилистическое средство. Например, в программном стихотворении «Пророк»:

Перстами легкими как сон
 Моих **зениц** коснулся он.
Отверзлись вещие **зеницы** <...>
 И бога **глас** ко мне воззвал:
 «Восстань, пророк, и **виждь**, и **внемли**,
 Исполнись волею моей,
 И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» (III, 30–31)¹.

Помимо этого, писатель привлекал устаревшие элементы для исторической стилизации, литературной пародии, шутки и т. д. – вполне осознавая их архаичность. Например: «[Варлаам] Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех **велий** на **языцы земнии**. Все пустилися в торги, в **мытарства**; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех **полушек** не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в **мошонку**, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться...» («Борис Годунов»); «**Издревле** Горюхино

¹ Все ссылки на произведения Пушкина, за исключением особо оговоренных случаев, приводятся по изданию: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 т. М.; Л, 1937-1959. После цитаты в скобках указывается том (римской цифрой) и страница (арабской цифрой).

славилось своим плодородием и **благорастворенным** климатом» («История села Горюхина»); «...Какой-нибудь **пиит** армейский / Тут подмахнул стишок злодейский» («Евгений Онегин»). Это тоже говорит в пользу незначительной разницы между пушкинским языком и современной речью.

Таким образом, можно констатировать, что около 95 % слов, использованных Пушкиным, не потеряли своей актуальности до сих пор и, следовательно, наше представление о пушкинском языке как современном вполне закономерно. Это не означает, что читатель конца XX в. должен понимать все слова, употребленные писателем, – речь идет лишь о том, что большинство из них сохранили свою значимость и сегодня. Классик верно уловил главные тенденции литературной речи, своим авторитетом закрепил языковые начинания предшественников и современников.

А.С. ПУШКИН И СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Пушкин, по мнению большинства исследователей, считается основоположником русского литературного языка нового времени. Это утверждение основывается на том, что, несмотря на почти двухсотлетнюю дистанцию между пушкинской эпохой и сегодняшним днем, наша литературная речь не претерпела принципиальных изменений в своих стилистических чертах, а словарный состав сохранил преемственность с предшествующим состоянием.

Вместе с тем существует и мнение, что язык классика в какой-то мере уже архаичен, поскольку в современной речи появились новые слова и значения, а многие лексемы, употреблявшиеся в пушкинских текстах, устарели и не понятны сегодняшнему читателю¹.

Бесспорно, в языке Пушкина встречается немало слов или их отдельных значений, потерявших свою прежнюю актуальность:

---

¹ См., например: *Алексеев М.* Современный литературный язык – язык «от Пушкина до наших дней»? // А.С. Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тез. докл. междунар. науч. конф. Н. Новгород, 1999. С. 12–14; *Калюта А.М.* Архаичен ли язык Пушкина? // Там же. С. 142–143.

абаз, абшид, августейший, аггел, агнец, адмиралтейств-коллегия, адъюнк, адъюнктский, аз, азиатец, азийский, аи, ауд, айdessкий, аквилон, аксельбант, алебарда, алкать, алкоран, алтын, алчно, алчный, альдерман, альманашиник, альманашиный, аманат, аматер, амуриться, анахорет, арак...

Однако число подобных лексем составляет, по нашим наблюдениям, чуть более тысячи единиц – приблизительно 6,6% от всего объема слов, зафиксированных в «Словаре языка Пушкина». Из них на архаизмы приходится 5,6%, на историзмы – 1%. Заметим, что некоторые из таких слов ушли в пассивный состав языка еще в допушкинское время, но продолжали и продолжают (!) использоваться как средство создания возвышенного слога, исторической стилизации, пародии и т. д. Следовательно, в подавляющем большинстве слова, употребленные писателем, по-прежнему нужны в современной речи.

Листая «азбучным порядком» «Словарь языка Пушкина», мы встречаем в нем лексемы, не только не устаревшие, но и воспринимающиеся, скорее, как достояние XX в.: *абонировать, авторитет, агент, агроном, адвокат, адепт, администрация, адресовать, аксиома, амбиция, американский, амнистия, анатомия, анахронизм, антихрист, апелляция, аренда, арендатор, арест, армейский, архив, архитектура, астроном, атмосфера, аттестат, аудитор, афиша, банкир, банкрот, бассейн, батальон, библиограф, библиографический, библиоман, библиофил, биограф, блондинка, богочеловек, бомбардировать, боснийский, броня, брошюрка, брюнетка, буфет, венерический, вербовать, ветеринарный, вечеринка, взвод, взнос, взорвать, взрыв, взятка, визит, винтовка, виолончель, виртуоз, вития, вице-президент, властный, водопровод, военнопленный, возврат, всенародный, вспышка, втридорога, гамма, гарнизон, генерал-лейтенант, героизм, гипербола, гипотеза, гипс, гласность...* Пушкин парадоксальным образом оказывается нашим современником, переживающим все происходящее в России и в мире!

Свидетельством близости пушкинского лексикона словарному фонду современной литературно-разговорной речи являются и многие лексемы, представленные в «Новых материалах к Словарю А.С. Пушкина» (М., 1982), основанных на учете черновых редакций

и вариантов произведений писателя: *амбразура, амплификация, аукционный, барельеф, барометр, бдительность, безграмотность, бездарность, бульварный, варварски, версификация, воскрешение, гаубица, геостатический, гигант, гимнастика, жесточайший, изгой, изнанка, итог, кабинетный, казино, карательный, квадратный, квадратура, конвоировать, контузия, коричневый, корреспонденция, краеугольный, ландшафт, либерал, лунатик, милосердный, новоизбранный, обанкротиться, обогащаться, обречь, обстреленный, одышка, озабоченность, опаздывать, опрометчиво, основа, отрезвиться, официальность, панорама, первостепенный, переселение, пересмотр, по-братски, поголовный, погрязнуть, подвижник, попивать, поучиться, преобразовывать, прерывистый, путеводитель, развод, раздражение, раздробляться, разлучиться, ранг, резидент, рекогносцировка, рисковать, руководить, самонадеянный, святотатство, спекулировать, сумбур, телохранитель, трагикомический, трибунал, углубление, умничание, упраздняться, урожай, учительство, филология, ханжество, хаос, ходатайствовать, цитата, чистоплотность, чрезмерность, штатный, эволюция, эстафета и др.*

Интереснейшие новые сведения о словнике Пушкина можно почерпнуть, знакомясь с такими незавершенными его произведениями, как «История Петра. Подготовительные материалы», «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенникова», лексика которых не вошла в картотеку «Словаря языка Пушкина». Здесь тоже встречаются слова, активно употребляющиеся в наши дни, воспринимаемые порой как почти неологизмы, например *администратор, апробация, афганец, бальзамировать, банк* («финансовое учреждение»), *беспошлинно, блокада, бритье, бродяжничать, валовой, восстанавливаться, вывозиться, выплавка, высылка, гарантия, генералиссимус, генералитет, дежурить, декларация, десант, дипломатия, диспут, еретический, заказчик, запасаться, заточение, иезуитский, извне, имперский, инспектор, инструмент, интендант, иск, кабала, кандагарский, канонада, капитуляция, колбаса, коллегиальный, коммерция, коммуникация, конвенция, конфискация, лаборатория, лозунг, ломка, маршрут, медиация, минер, монстр, навигационный,*

наименование, натрое, неудовлетворительный, неутралитет, нота (дипломат), областной, обменивать, обнажение, обыскивать, остаточный, отписка, отстреляться, оцепенение, оштрафовать, параличный, пароксизм, перезимовать, переименование, перестрелять, перспективный, пиратство, плацдарм, полигон, понижение, понятой, прелиминарный, претендент, протестовать, разграничение, размежевать, разменять, расторжение, ратификация, ратифицировать, рацион, реакция, реванш, регламент, резолюция, сбережение, сев, секвестр, секвестрация, сепаратный, слесарный, словопрение, смежный, соразмерный, соучастник, специальный, стерлинг, стратегия, тариф, токарь, транспарант, транспорт, транспортный, туняедец, уборка, фабрикант, фарватер, фискал, фундамент, хирургия, чукча, штурман, экзаменовать, явка, японец, яхта. Отдельные из них, впрочем, используются писателем не в привычных значениях; тем не менее даже формальное сходство пушкинского лексикона с сегодняшним словарем весьма красноречиво свидетельствует об изоструктурности рассматриваемых явлений.

Яркий пример тому – слова *секвестр* и *секвестрация*, получившие популярность в последнее время в связи с событиями российской внутриполитической жизни и кажущиеся, на первый взгляд, специфическими понятиями новейшей экономики. Между тем данные лексемы и производные от них образования отмечаются в словарях русского языка начиная с конца XVIII века (не проигнорировал понятие *секвестроваться* даже В.И. Даль, как известно, более чем сдержанно относившийся заимствованиям). Согласно академическому «Словарю современного русского литературного языка», слово *секвестр* означает, помимо медицинского понятия, «запрещение или ограничение, налагаемое органами государственной власти на пользование каким-нибудь имуществом», *секвестрация* – «наложение секвестра». Первая из указанных лексем употреблялась, в частности, еще в сочинениях А.И. Герцена¹. Пушкин применяет данные понятия, руководствуясь требованиями смысла (прежде всего внутренней формой

¹ См.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. 13. Стб. 579–580.

соответствующих латинских слов: «ставить вне, отделять»), собственного языкового вкуса и как знак «чужой речи»: «Шведский генерал-губернатор граф Веллинг 10 июня [1713 г.] заключил с администратором Голштейн-Готорпским договор в Гамбурге, по коему отдавал Веймар и Штетин в покровительство герцогу. А сей, не надеясь на свои силы, отдал их в **секвестрацию** королю прусскому...»; «Стральзунд и Руген приняты в ту же **секвестрацию**»; «Петр отвечал, что <...> кор.<оль> Пруссии без секвестра Померании не вступил бы в союз...» (X, 200–202). Как видим, словоупотребление классика ближе к исходному значению лексем, чем их современное использование по отношению к бюджетной сфере...

Заметим, что некоторые писатели первой половины XIX века, например, А. Бестужев (Марлинский), В. Одоевский, А. Полежаев, М. Лермонтов, были смелее Пушкина в привлечении отдельных стилистических средств, прежде всего книжно-отвлеченного и бытового плана. Так, в поэзии Полежаева встречается свыше 1200 слов, не использующихся в пушкинской речи вообще, хотя без многих из них трудно представить наш сегодняшний язык: *автомат, азарт, анархия, атом, бальзам, безответственный, брюки, бульон, водоворот, гидра, глухота, гном, двуличный, десерт, запрет, казачка, калейдоскоп, карабах, каскад, кляуза, контур, кукуруза, маяк, мессия, металл, могущественный, молниеносный, монотонный, монумент, необъятный, новоявленный, обелиск, обоняние, обручальный, огласка, оптимист, пантомима, патруль, плотоядный, порабощение, пресыщение, призма, проблеск, простуда, протест, радиус, самоотверженный, самоубийца, сердцебиение, симпатия, совокупный, смертоносный, сонливость, титан, уродство, фантазмагория, фантом, фаталист, физик, фруктовый, фундамент, электричество, эмблема, эпоха* и др.¹

Поэтому, говоря о роли Пушкина как реформатора русского литературного языка, необходимо учитывать деятельность его современников, испытавших воздействие пушкинских принципов отбора и синтеза языковых средств, но вместе с тем оказавшихся в чем-то оригинальнее его и ближе к нам по своему словарю. Язык

¹ См.: Васильев Н.Л. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка. Саранск, 1995. С. 17.

требует не сольной партии, а хора. «Создать язык, – писал В.Г. Белинский, – невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами»¹.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА А.С. ПУШКИНА

Пушкин, по мнению большинства исследователей, считается создателем современных стилистических норм русского языка. Говоря о новаторстве писателя, ученые отмечают в его творчестве две главные языковые тенденции – демократизацию и интеллектуализацию². Первая выразилась в масштабном, эстетически аргументированном привлечении разговорно-просторечных элементов, многие из которых ранее считались недопустимыми в литературной речи; вторая – в выработке «метафизического языка», основанного, в частности, на научной лексике и заимствованиях³.

Соответственно в пушкинском языковом синтезе выделяют такие важнейшие стихии, как славянизмы, народно-разговорные слова, западноевропейские элементы, научные термины. Известно, что последних в языке писателя более тысячи (5,4% от всего объема его лексикона)⁴. Однако по-прежнему актуально изучение количественной стороны иных стилистических ингредиентов в произведениях Пушкина, их соотношения друг с другом. Без учета этого какие-либо суждения о месте, значимости, доминировании

¹ См.: Русские писатели о языке: Хрестоматия. Л., 1954. С. 144.

² См., например: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 2-е изд. М., 1938. С. 267; *Горшков А.И.* История русского литературного языка. М., 1969. С. 349–351; *Васильев Н.Л.* Научная лексика в языке А.С. Пушкина. Саранск, 1989. С. 5–8, 87.

³ См.: *Васильев Н.Л.* «...Метафизического языка у нас вовсе не существует»: (Из истории русского литературного языка) // Филологические науки. 1997. № 5. С. 77–79.

⁴ См.: *Васильев Н.Л.* Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1981. С. 6–7.

конкретных лексических элементов в речи писателя становятся зыбкими, порой субъективными.

В наши задачи входит рассмотреть удельный вес разноплановых в стилистическом отношении средств пушкинского языка – нейтральных, книжных, высоких, разговорных, просторечных и др. Материалом для анализа послужил «Словарь языка Пушкина», в котором зафиксировано 21 290 слов¹. Стилистическая окраска пушкинской лексики определялась с учетом современных нормативных представлений о языке, т. е. на основе толковых словарей XX века (одновременно учитывались и особенности функционирования отдельных слов в пушкинское время).

Проведенные исследования показали, что доля стилистически нейтральных слов в языке Пушкина составляет 88 %. Это лексемы *абаз, аббат, абшид, август, австрийский, автограф, автор, агат, ад, адмирал, адрес, азбука, акация, актер, бабочка, багаж, багор, базар, бакалавр, бал, балкон* и др.

На долю книжной, поэтической, мифологической и высокой лексики приходится в совокупности около 4%. Из них на книжную (научные термины, общественно-политические понятия, «канцеляризмы» и т. п.) – 1,7%. Среди них *адепт, аксиома, анатомия, анахронизм, англомания, аневризм, антологический, апелляционный, апология, апоффегма* и др. На высокую – 1,3%: *агнец, алкать, бездыханный, бестрепетно, благодарение, благодеяние, блато, боренье, брада, бразда* и др. На поэтическую и близкую к ней антично-мифологическую – приблизительно 1%: *Авзония, Аврора, аид, аквилон, Амур, Аполлон, Аргус, Афродита, Ахерон, Бахус, Беллона, Вакх, Венера, Веспер, галл* и др.

Доля стилистически сниженных слов составляет около 8%. Из них на литературно-разговорные элементы приходится 6%: *авось, ай, амуриться, амурный, афишка, ахнуть, ба, баламутить, баловень, баловник, барашек, барыш, басенка, батюшка* и др. На народно-разговорные (просторечные, диалектные, фольклорные) – 2%: *али*

---

¹ См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961 (в конце каждого тома указано общее количество слов). Лексика, отмеченная в «Новых материалах к Словарю А.С. Пушкина» (М., 1982), выявленная в черновых редакциях и вариантах произведений писателя, в расчет не принималась.

(аль), ан, ахти, батька, батюшки, башка, баять, белешенок, бельмес, бишь, блажной, близенько, брюхо и др.

Следовательно, среди стилистически окрашенных средств пушкинского языка преобладают элементы сниженного характера, что убедительно свидетельствует о демократизации литературной речи в его творчестве. Однако бóльшая часть подобных слов имеет литературно-разговорную окраску. Вместе с тем в языке писателя немало и лексем стилистически возвышенного «спектра».

Впечатление об активности тех и других основывается также на частотности их использования в письменной речи Пушкина вообще и в художественных текстах в особенности. Поэтому, говоря о пропорции разнородных стилистических элементов в языке писателя, мы должны учитывать, во-первых, их жанровую ориентацию (в письмах, например, Пушкин свободнее употреблял просторечие, чем в художественном творчестве); во-вторых, вероятность их появления в произведениях писателя, складывающуюся из суммы словоупотреблений отдельных лексем. Так, слова *агнец*, *алкать*, *бездыханный* используются Пушкиным соответственно 5, 10, 4 раз; *Авзония*, *Аврора*, *айд* – 2, 5, 5 раз; *авось*, *ай*, *амуриться* – 47, 35, 1 раз; *али*, *ан*, *ахти* – 32, 6, 7 раз.

Исследование стилистической и статистической структур собственно художественного (или только поэтического) лексикона писателя могло бы конкретизировать принципы привлечения им различных ресурсов русского языка.

НАУЧНЫЕ ТЕРМИНЫ В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА

Первые симптомы взаимодействия средств научного стиля с общелитературными элементами становятся заметными уже в XVIII веке. Активное употребление терминологии в художественном и публицистическом стилях, часто сопровождающееся изменением семантической структуры терминов, в отечественном языкознании традиционно связывается с 30–40 гг. XIX века, т. е. послепушкинским периодом¹. Ранние этапы

---

¹ См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 гг. XIX в. М.; Л., 1965. С. 449.

этого процесса (XVIII – первая треть XIX в.), и в первую очередь роль в нем самого Пушкина, изучены пока недостаточно¹. Более того, складывается представление, будто «однозначное специальное слово воспринималось в ту пору как конкретное наименование без художественно-выразительных возможностей»².

Термин, как известно, отличается от обычного слова рядом черт – узкой сферой употребления, ограниченной рамками научного стиля; строгой точностью значения, поддерживаемой дефиницией; однозначностью в пределах своего терминологического поля; отсутствием в нем оценочно-экспрессивных коннотаций; особым характером системной организации; специфической внешней формой, часто иноязычной³.

Под термином мы понимаем слово (или словосочетание), соотнесенное с научным понятием какой-либо отрасли знания. Термин – атрибут научного стиля. В целом терминология – семантически и стилистически изолированный пласт словаря. Эта изолированность, однако, имеет относительный характер.

Весьма важным является вопрос о необходимости исторического подхода к терминам, о разграничении терминов и нетерминов в разные эпохи, о критериях такого противопоставления. Отметим, что эта проблема представляет значительные трудности, так как терминология в эпоху Пушкина еще только развивалась, а лексикографическая практика была на невысоком уровне. Сложно и выяснение того, существовало ли у термина уже устойчивое переносное употребление (значение).

---

¹ В кандидатской диссертации С.Е. Вайнтруба «Литературоведческая и языковедческая терминология в произведениях А.С. Пушкина» (Киев, 1967) ставилась иная задача – выяснить вклад писателя в разработку и уточнение филологических понятий.

² Брагина А.А. Синонимы и термины (о возможной полифункциональности терминов) // Русский язык в школе. 1976. № 6. С. 88.

³ Эти черты в совокупности характерны для термина, мыслимого как идеальный. В реальности отдельные из указанных характеристик терминов могут не соблюдаться, вследствие влияния на них лексической системы языка в целом.

В каждом конкретном случае при выделении терминов и терминологических значений слов мы руководствовались следующими критериями: 1) указанием на специальный (научный) статус лексем и словосочетаний в толковых словарях пушкинского времени; 2) дефинициями значений слов в «Словаре языка Пушкина»; 3) частными замечаниями, касающимися конкретных лексем и терминов, в работах по исторической лексикологии; 4) семантико-стилистическим характером слов и контекстов, где они используется; 5) в некоторых случаях обращением к Картотеке Словарного сектора ЛО Института языкознания АН СССР.

Наличие «Словаря языка Пушкина» само по себе не снимает проблему квалификации терминов, поскольку его составители не ставили цель отразить научную лексику как таковую. Поэтому в словаре не учитываются отдельные термины, являющиеся словосочетаниями по структуре, не отмечаются употребления ряда слов в качестве терминов¹.

В произведениях Пушкина нами зафиксировано 1135 терминов (более 12 000 словоупотреблений). Они представляют широкий круг наук: **литературоведение** (*ямб, хорей, дактиль, гекзаметр, октава, рифма, метр, стопа, пентаметр, размер, цезура, пародия, мадригал, идиллия, филиппика, ода, эклога, комедия, классицизм, романтизм, единство действия, народность, завязка, период, риторическая фигура, гипербола, аллегорический, сравнение, эпитет, метафора, плеоназм и др.*); **языкознание** (*лексикон, неологизм, термин, этимологический, гласный, согласный, ударение, падеж, грамматика, род, часть речи, склонение, наречие, существительное, прилагательное, причастие, местоимение, частица, союз, имя, знак восклицания, орфография, знак препинания, наклонение, галлицизм, тире, точка и др.*); **медицина** (*чума, холера, горячка, лихорадка, аневризм, золотуха, каталепсия, грипп, грудница, почечуй, паралич, поветрие, подагра, столбняк, чахотка, насморк, венерическая болезнь, спазмы, медицина, хирург, операция, регулы, беременность, гермафродит, анатомия, нерв, станова яила и др.*); **философия**

---

¹ Ср., например: «**Движенья** нет, сказал мудрец брадатый. / Другой смолчал и стал пред ним ходить. / Сильнее бы не мог он возразить...» (II, 432).

(философ, философия, метафизика, природа, циник, прагматик, материализм, эмпиризм, скептицизм, идеологизм, афеизм, деист, афей и др.); **математика** (математический, алгебра, геометрия, арифметика, разделить, плюс, минус, ноль, сумма, умножение, окружность, объем, фигура, треугольник, пирамида, параллельный, аксиома, диаметр, основание, симметрия, угол, формула и др.); **физика** (физика, равновесие, тело, механизм, оптический обман, магнетизм, электрический, машина и др.); **география** (география, градус, горизонт, меридиан, тропик, часть света, широта и др.); **астрономия** (астроном, атмосфера, земной шар, солнечное затмение, комета, метеор, небесное светило, созвездие, планета и др.); **политическая экономия** (кредит, курс, меновой оборот, политическая экономия, продукт, золото, физиократ и др.); **логика** (логика, понятие, софизм, софист и др.); **химия** (брожение, кислый, кисло-серный, химик, химический и др.); **геология** (меловой, минералог, минеральный, руда и др.); **биология** (насекомое, натуралист, организм и др.); **музыка** (аккорд, гамма, гармония, мелодия, каданс, нота, сопрано, такт, тон, финал и др.) и иные сферы знания. Отметим также наличие терминов «лженаук» (алхимия, философский камень, астрология, гороскоп и др.), общенаучных терминов (гипотеза, метод, опыт, система, теория и др.). Отдельные термины (агроном, педагогический, психолог, топография, эстетика, этнография и др.) не образуют самостоятельных микросистем.

Наиболее многочисленны термины филологии, медицины, философии, математики. Это объясняется относительной развитостью данных наук по сравнению с другими областями знания, тесной связью их понятий с бытом человека, пушкинскими интересами.

Таким образом, тематический спектр терминов, представленных в творчестве писателя, широк. В его словаре отразились многие стороны специальной лексики того времени.

По своему характеру выявленные термины в основном не являются узкоспециальными, они были широко известны в среде образованных людей. Употребление терминов в пушкинских текстах не ограничивается рамками какого-то определенного жизненного периода или же какого-то одного рода литературы. Наоборот,

терминология, использованная им, гармонично растворена в его творчестве.

Попытаемся выяснить, с какой целью и как именно Пушкин использовал термины в художественных произведениях, статьях, письмах и т.д. Функции терминов в конкретных контекстах, особенности их употребления тем или иным писателем – все эти проблемы справедливо определяются как важные и актуальные¹. Между тем они не получили достаточно широкого освещения на большом фактическом материале, в системе стиля конкретного автора.

В произведениях Пушкина термины несут большую идейно-эстетическую нагрузку, выполняют разнообразные задачи. Прежде всего обращает на себя внимание их привлечение для экспрессии выражения, образности, т.е. в **изобразительной (образной)** функции; в этом случае использование терминов, как правило, метафорическое. Например:

А точно: силой магнетизма
Стихов российских **механизма**
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик (VI, 184).

А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья **лихорадкой** (III, 404).

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный **бред**... (VI, 29).

Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,

---

¹ См.: *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка... С. 354.

И наклонясь ей шепчет нежно
Какой-то пошлый **мадригал**... (VI, 116).

В некоторых случаях изобразительная функция терминов реализуется в составе эксплицитно выраженного сравнения, например:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная **комета**
В кругу расчисленном **светил** (III, 112).

Интересно и оригинально использование терминов в прозе писателя, в частности письмах, путевых заметках, например: «Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную **беременность** пера ленивейшего из поэтов-племянников?» (XIII, 10); «...я сам в карантине, и смотритель Инзов не выпускает меня, как зараженного какой-то либеральной **чумою**» (XIII, 31); «По журналам вижу необыкновенное **брожение** мыслей» (XIII, 142); «Велосифер, порусски поспешный дилижанс, несмотря на **плеоназм**, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак» (XV, 30); «Здесь, бывало, сживал со мною А. Р<аевский>, прислушиваясь к **мелодии** вод» (VIII, 447).

В приведенных примерах отчетливо заметен яркий пушкинский прием соединения слов с формально несовместимыми значениями. При внешней простоте метафорическое употребление писателем терминов отчается большим изяществом.

Типично для Пушкина использование терминов для оценки того или иного явления, персонажа (**оценочная, образно-оценочная** функции). Например:

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех **нулями**,
А **единицами** – себя (VI, 37).

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском **афеизме**,
Потолковать еще со мной... (II, 404).

В романе «Евгений Онегин» субъективно-авторское начало ощущается достаточно ясно. Интересно проследить, какими средствами достигается решение писателем художественного замысла в отношении главного героя. Ср.:

Зато читал Адама Смита,
И был глубокий **эконом**,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно **золота** ему,
Когда **простой продукт** имеет (VI, 8).

Всё, чем для прихоти обильной,
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, –
Всё украшало кабинет
Философа в восемнадцать лет (VI, 14).

Ироническое употребление терминов приводит к вполне определенному осмыслению персонажа – показывает поверхностный характер его знаний, намекает на противоположное тому, что было сказано. Ирония усиливается благодаря некоторым средствам: в первом случае – эпитетом *глубокий*, с последующим разъяснением, в чем именно состоит эта «глубина»; во втором – характерным для Пушкина неожиданным подключением дополнительной информации, развенчивающей только что сказанное.

С помощью приема иронии достигается и сатирическое изображение Зарецкого:

Опершись на плотину, Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем, **механик** деревенский,
Зарецкий жорнов осуждал (VI, 128).

Обращает на себя внимание присоединение эпитета *деревенский* к термину, а также корреляция последнего с почти бытовым словом *жернов*, что усиливает иронический эффект.

Использование терминов, обозначающих лиц по профессии, роду научной деятельности (*философ, идеолог, механик, агроном, филолог, математик, хирург, юрист, физиолог* и др.) с экспрессивной нагрузкой встречается у Пушкина очень часто.

Особенно это относится к термину *философ*, почти все употребления которого имеют оценочный характер. Диапазон такой оценки различен – от юмора до сатиры, например:

Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, **философ** скромный,
Укрылся в милый мне приют... (I, 171)

Вдруг фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал (I, 279–280).

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный **философ**,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф (I, 50).

Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды <при> звезде,
Или **философа**, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,

Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор? (II, 188)

Особенно интересен последний пример. Вряд ли случайно философский термин перекликается здесь с географическим понятием «четыре части света», что делает авторскую оценку более язвительной.

Оценочно-ироническое употребление терминов наблюдается и в прозаических текстах, хотя здесь можно отметить некоторое своеобразие, в частности пародийные намерения писателя. Например: «Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. <...> Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к **Мысу Доброй Надежды**. Увидя мои упражнения в **географии**, батюшка дернул меня за ухо...» (VIII, 280); «Московский Вестник сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем, на этот **метафизический** вопрос можно бы и отвечать, да NB)» (XIII, 320); «Познакомя таким образом моего читателя с **этнографическим** и **статистическим** состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию» (VIII, 137).

Встречаются случаи иронического использования терминов для стилистического контраста. Например: «...он [Троекуров] по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повел на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей **атмосфере** и спешил выдти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами» (VIII, 207)¹. Книжное, греческое по происхождению физическое понятие сталкивается здесь со стилистически сниженным эпитетом...

Нередко термины употребляются для профессиональной и вообще речевой характеристики героя (**характерологическая** функция), например в монологе Сальери:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня

---

¹ В «Словаре языка Пушкина» употребление слова *атмосфера* отмечается как прямое, что, на наш взгляд, не вполне верно.

Так это ясно, как простая **гамма**. <...>
...**Звуки** умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй **гармонию**... (VII, 123).

Примечательно, что термины характеризуют здесь не только научное, но и образное мышление персонажа на материале понятий своей области знаний.

В меньшей степени представлено использование терминов в других функциях. К ним относятся, в частности, следующие:

а) **каламбурная**, например: «Письмо ваше такое **существительное**, которому не нужно было **прилагательного**, чтоб меня искренно обрадовать» (Пушкин – Н.И. Гнедичу, 27 июня 1822 г. – XIII, 39); «...я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтоб Годунов со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть **трагедия** искупит меня... но до **трагедий** ли нашему черствому веку?» (Пушкин – В.А. Жуковскому, 6 окт. 1825 г. – XIII, 237); «Словесность русская больна. / Лежит в истерике она / И бредит языком мечтаний, / И хладный между тем зоил / Ей Каченовский застудил / *Теченье **месячных изданий***» (II, 417);

б) **социально-эвфемистическая**, когда термин обязан своим появлением в контексте идеологическим, общественным или личным обстоятельствам, побуждающим автора или героя выбрать перифрастическую форму, например: «Но со временем История оценит влияние ее (Екатерины II – *Н.В.*) царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в **политической экономии**...» (XI, 15–16); «Жениться! – думал африканец, – зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека потому только, что я родился под **** градусом?**» (VIII, 27);

в) собственно **эвфемистическая** (при этом предметом «табуирования» становится сам термин, заменяющийся на более «нейтральный» в плане воздействия на сознание другого человека), например в пушкинских письмах: «Губернатор принял меня очень мило, я поговорил с ним о своей **жиле**, посоветовался с очень добрым

лекарем и приехал обратно в свое Михайловское. Теперь, имея обстоятельственные сведения о своем аневризме [sic!], поговорю об нем толком» (Пушкин – В.А. Жуковскому, 6 окт. 1825 г. – XIII, 236); «Около меня **Колера Морбус**. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает – того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию» (Пушкин – П.А. Плетневу, 9 сент. 1830 г. – XIV, 112);

г) **символическая**, когда термин употребляется в расширенно-символическом смысле, например: «Итак, – хвала тебе, **Чума**, / Нам не страшна могилы тьма, / Нас не смутит твое призванье. / Бокалы пеним дружно мы, / И девы-розы пьем дыханье, – / Быть может... полное **Чумы**» (VII, 181); «Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни **алгебры**, ни Аристотеля» (XI, 268).

Мы рассмотрели типичные примеры употребления Пушкиным терминов в новых для них функциях. Естественно, в первую очередь нас интересовали контексты, где научные понятия обогащаются добавочным семантическим «капиталом», различными идейно-эстетическими нюансами. При этом не фокусировалось внимание на использовании терминов в их специальном значении, обычной для них роли. Между тем такое привлечение популярных понятий науки, особенно в поэтических жанрах, тоже является заслугой писателя, вызвано типизацией, развитием реализма в его творчестве. Например: «Легко и радостно играет в сердце кровь, / Желания кипят – я снова счастлив, молод, / Я снова жизни полн – таков мой **организм** / (Извольте мне простить ненужный прозаизм)» (III, 320).

Можно выделить следующие принципы использования терминов Пушкиным: 1) тематический, вытекающий из широты охвата действительности; 2) изобразительный, реализующийся через образную функцию термина; 3) стилистический, основанный на сочетании терминов с контрастирующей лексикой; 4) оценочный, связанный с авторским выражением отношения к описываемому.

Пушкин, несомненно, видел в терминах новое, важное и яркое средство для решения разнообразных идейно-эстетических задач. Он чутко уловил тенденцию «интеллектуализации» литературной и разговорной речи. Деятельность писателя в этом направлении

совпадала с объективными закономерностями развития русского литературного языка. Термины, представленные в его творчестве, отражают широкий круг наук, органично входят во все многообразие пушкинской лексики.

Писатель во многом способствовал интенсификации процесса «экспансии» терминов в неспециальные сферы. Может быть, временем начала активного процесса взаимодействия терминов с общелитературными средствами следует считать именно пушкинскую эпоху, – тем более что эту мысль легко было бы подтвердить многочисленными фактами употребления научных понятий, например, А.А. Бестужевым (Марлинским), для которого использование терминов, хотя и ограниченное в функциональном отношении, вызванное его романтической поэтикой, характерно в еще большей степени, чем для Пушкина.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА

Известно, что лексикон классика включает, по данным «Словаря языка Пушкина», свыше 21 тысячи слов. Русский язык начала XIX века отразился в его творчестве самыми разнообразными гранями – социальными, генетическими, стилистическими и др. Многие из аспектов словоупотребления писателя, например привлечение им просторечия, научной терминологии, церковнославянизмов, уже были предметом исследовательского внимания. Однако этимологический «спектр» заимствований и их количественное соотношение в языке Пушкина пока не изучались.

Анализ пушкинской лексики показывает, что в ней встречаются заимствования из более чем 20 языков: древнегреческого (*аллегория, амброзия, анахорет, афоризм* и др.), латинского (*арена, бестия, вулкан, грация, дирекция* и др.), старославянского (*аз, алкать, бездна, божество* и др.), древнееврейского (*Авель, Адам, Азраил, Гавриил* и др.), арабского (*арак, бусы, рамазан, факир, халиф* и др.), персидского (*диван, караван, пери, сурьма* и др.), скандинавских (*блюдо, верблюд, кнут, сага* и др.), тюркских (*альий, арба, аркан, артель, атаман, бей,*

бурдюк, кунак и др.), польского (*вензель, гарцевать, отвага, пан, сейм* и др.), итальянского (*ария, гондола, олива, паяц* и др.), испанского (*мандарин, мантилья, сеньор* и др.), голландского (*апельсин, верфь, гавань, зонтик, матрос* и др.), французского (*авангард, актер, алебарда, альбом, антресоль* и др.), немецкого (*бригадир, веер, галстук, герцог, граф* и др.), английского (*бифштекс, дистрикт, гроз, памфлет, парк, портер, раут* и др.), украинского (*кобзарь* и др.), китайского (*чай*), литовского (*кувшин*), чешского (*полька*) и др.

Общее число иноязычных элементов в словаре писателя – свыше двух тысяч лексем, что составляет приблизительно 10% от всего лексикона Пушкина. На долю славянизмов приходится 2,6%, заимствований из античных языков (древнегреческого и латинского) – 2,5%, галлицизмов – 1,7%, немецких заимствований – 0,9%, тюркизмов – 0,5%, полонизмов – 0,4%, слов из итальянского и английского языков – по 0,2% и т. д.¹

Отдельные заимствования проникали в русский язык, в частности пушкинские произведения, не прямо из языка-источника, а через посредство иных языков, например латинского, старославянского, польского, французского, немецкого, испанского, английского, голландского, тюркских: *автор, агат, агроном, ад, адвокат, администрация, адмирал, адъютант, академик, акт, алгебра, алкоран, аллилуя, алтарь, альманах, аманат, амбар, амбиция, аминь, амнистия, анатомия, анафема* и др.

Немало в языке писателя словообразовательных и семантических калек, чаще по модели древнегреческих, латинских, французских, немецких слов, например *августейший, введение, высочество, живопись, загробный, занимательный, землемер, значительный, идолопоклонство, издание, насекомое*. Встречаются иностранные слова, записанные кириллической графикой: *бель-сёры* (фр. *belle-soeurs* «свояченицы»), *бон-мо* (фр. *bon mot* «острота»), *брудер* (нем. *der bruder* «брат»), *васисдас* (нем. *Was ist das?* и фр.

¹ Ср.: *Макеева Е.В.* Иноязычная лексика в языке А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // А.С. Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тез. докл. междунар. науч. конф. Н. Новгород, 1999. С. 213.

vasistas – употреблялось в значении «форточка; фрамуга»), *кокую* (фр. *cocu* «рогоносец»), *дормир* (фр. *dormir* «спать»), *кенз-ель-ва* (фр. *quinze-elle-va* – ставка в карточной игре в 15 раз больше первоначальной), *колера морбус* (лат. *cholera morbus* «холера») и др.

Используются в его произведениях и нетранслитерированные лексемы латинского, французского, итальянского, английского и немецкого языков, ставшие позже полноправными элементами нашей речи, например *allusion, antidote, bis, bravo, comfort, conspirateur, dandy, discussion, entrechat, entrepreneur, faveur, hotel, incognito, mademoisele, maman, memoires, patronage, porte-feuille, prima donna, requiem, resume, review, roast-beef, schelm, speech, ultimum, variante, yankee*.

В итоге можно сделать вывод, что, несмотря на «интернациональный» характер привлекаемых писателем средств, основу его языка составляют исконно русские элементы. Это важно, поскольку были попытки рассматривать русский литературный язык как русифицированный вариант церковнославянского и даже «слепок» французского. Ядром нашего литературного языка, представшего в классическом виде в творчестве Пушкина и его современников, является национальная речевая стихия, подпитываемая в нужной мере иноязычными источниками.

ВАРВАРИЗМЫ В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА¹

Язык классика впитал в себя самые разнообразные стилистические ресурсы – исконно русские слова (от древнерусизмов до просторечия, диалектизм), заимствования из старославянского, греческого, латинского, польского, французского, немецкого и многих других языков. Они отражены в «Словаре языка Пушкина», за пределами которого остались, однако, нетранслитерированные лексемы и выражения².

---

¹ Этот сюжет написан в соавторстве с Е.В. Савиной, отдельные изменения при его републикации внесены нами.

² См.: Содержание и построение словаря // Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

Иноязычные лексические вкрапления в пушкинских произведениях уже являлись предметом внимания исследователей: рассматривались их некоторые художественные функции, анализировалось привлечение писателем французских заимствований¹. Однако работ, обобщающих эти сведения, пока не было.

Между тем представляется важным выяснить, сколько единиц такого рода использовал Пушкин в своих письменных текстах, из каких языков они заимствованы, какова общая «стратегия» привлечения писателем данных средств и т. д. Цель этой главки – восполнить указанный пробел в изучении языка классика.

Под варваризмами нами понимались иностранные слова и выражения, окончательно обрусевшие в послепушкинское время или же зафиксированные в иноязычной форме в соответствующих словарях современного русского языка².

В пушкинских произведениях³ встречается 234 варваризма с общим числом употреблений 891 раз; из них лексических – 92 (191), фразеологических – 142 (700). Они заимствованы из латинского, французского, английского, итальянского и немецкого языков.

В составе лексических варваризмов преобладают французские: *affectation, allusion, amateur, amour, antidote, aspirant, aventurier, bon-mot, brochure, bulletin, calembour, canaille, chef-d'oeuvre, civilisation, cocu, cocuage, comme il faut, conspirateur, coquette, discussion, éloge, entrechat, entrepreneur, fantaisie, faveur, impromptu, individualite, intervention, libéral, madame, mademoiselle, mémoires, monsieur, mystère, Noël, patronage, portefeuille, prologue,*

---

¹ См., например: Макаров В.В. Об использовании неассимилированной иноязычной лексики в произведениях Пушкина // Учен. зап. Калнин. пед. ин-та. Калинин, 1957. Т. XIX. Вып. 2. С. 99–114; Колосова Н.А. Нетранслитерированные французские элементы в языке Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1982.

² См., например: Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. 2-е изд. Л., 1981–1987.

³ Принимались во внимание и некоторые тексты писателя, не вошедшие в выборку «Словаря языка Пушкина»: «История Петра», «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки”...», «Другие редакции и варианты».

prude, résumé, rococo, variante, virelai, vulgaire и др. – всего 58 с числом употреблений 126. В меньшей мере присутствуют латинские: *bis, dixi, ergo, errata, ibid, junior, incognito, in folio, requem, sic, ultimatium, vale* – всего 12 (23); английские: *beef-steaks, comfort, dandy, gentleman, mistriss, review, roast-beef, rout, speech, spleen, vulgar, yankee* – всего 12 (20); итальянские: *addio, a parte, casino, con amore, cocetti, inferno, lazzarone, prima donna, signor, signora* – всего 10 (21). Из немецкого языка единично используется лишь слово *schelm* «плут»¹.

Некоторые из перечисленных варваризмов употребляются в сочинениях писателя и в русифицированном виде, например *бифштекс, брошюра, вирле, джентельмен, каламбур, каналья, коко, что свидетельствует об их наметившейся адаптации в русском языке первой трети XIX в.* Другие, в частности *антидот, авантюрист, бис, денди, комфорт, костипатор*, обрусели лишь в последующее время. Отдельные варваризмы остались таковыми вплоть до сегодняшнего дня.

Среди фразеологических варваризмов встретились латинские, итальянские, французские и английские идиомы, пословицы, крылатые слова, этикетные выражения: *ab ovo, in quarto, nota bene, perpetuum mobile, post scriptum, Divide et impera* («Разделяй и властвуй»), *etc (et caetera), Et tu autem, Brute?* («И ты также, Брут?»), *Habent sua fata libelli* («Книги имеют свою судьбу»), *Mens sana in corpore sano* («В здоровом теле здоровый дух»), *Suum cuique* («Каждому свое»), *Timeo Danaos* («Боюсь данайцев»), *Ubi bene, ibi patria* («Где хорошо, там и родина»), *Vox populi – vox dei* («Глас народа – глас божий»); *e sempre bene* («и отлично, и ладно»), *far niente* («безделье, праздность»); *à la lettre, à propos, entre nous, vis-à-vis, Il n'est de bonheur que dans les voies communes* («Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах»), *Les aristocrates à la lanterne!* («Аристократов на фонарь!»); *blue stockings* («синий чулок»), *the*

¹ Кроме указанных варваризмов в языке Пушкина имеются не обрусевшие иностранные слова, записанные русской графикой (в отличие от первых, они зафиксированы в пушкинском Словаре): *брудер, велосифер, дормир, кенз-ель-ва, кло-д-бужо, колера морбус, комераж, мистрисс, пуркуа, супирант, танта* и др.

honey moon («медовый месяц»), *How do you do?* («Как поживаете?»), *table-talk* («застольная беседа»). Как в и лексике, здесь преобладают французские заимствования (91, 116), за ними идут латинские (37, 568¹), сдержаннее применяются писателем итальянские (8, 9) и английские (6, 7) выражения.

Варваризмы используются почти во всех стилевых «регистрах» творчества Пушкина – в лирике (8²), поэмах (7), романе «Евгений Онегин» (19), художественной прозе (38), драматургии (5), критике и публицистике (90), исторических сочинениях (9), автобиографических заметках (4), письмах (91). Чаще всего он употреблял их в нехудожественной прозе – критике и письмах.

В первые годы творчества Пушкина варваризмы привлекаются им в минимальной степени (4); в период ссылки их объем в произведениях писателя заметно возрастает (78); во второй пол. 1820-х гг. им используется 84 подобные единицы, в 1830-х гг. – 103.

Варваризмы выполняют в пушкинской речи следующие функции:

1. **Семантическая** – употребление иностранного слова или выражения в случае отсутствия адекватного синонима в русском языке. Как правило, в такой роли варваризмы выступают в критике и переписке Пушкина. Например: «Она (г-жа Моро-де-Бразе – *H.B.*), как кажется, была то, что французы называют *une aventurière*» («Записки бригадира Моро-де-Бразе». – X, 295); «Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté, bonhomie*) есть врожденной свойство французского народа...» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова». – VII, 23); «Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. <...> Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *comfort*» («Путешествие из Москвы в Петербург». – XI, 256); «Что сказать тебе о

¹ Главным образом за счет высокой частотности аббревиатуры *etc.*, которую мы рассматриваем как сокращенный вариант фразеологизма *et caetera*, и отчасти выражений *nota bene (NB)*, *post scriptum (PS)*.

² Здесь и далее в скобках указывается количество отдельных слов и фразеологизмов, без учета их частотности.

себе, о своих занятиях? Стихи покаместь я бросил и пишу свои *memoires...*» (Пушкин – П.А. Катенину. Первая пол. сент. 1825 г. – XIII, 225); «Что за чудо Д.<он> Ж.<уан>! я знаю только 5 перв. песен; прочитав первые 2, я сказал тотчас Раевскому, что это *Chef-d'œuvre* Байрона...» (Пушкин – П.А. Вяземскому. Вторая пол. нояб. 1825 г. – XIII, 243); «Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены... <...> Он едет к тебе, если карантин его не удержит. Постарайся порастрепать его *porte-feuille*, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится» (Пушкин – П.А. Вяземскому. 11 июня 1831 г. – XIV, 175); «Печатаю *incognito* мои повести...» (Пушкин – П.В. Нащокину. 3 сент. 1831 г. – XIV, 220); «Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной *blue stocking*, сорокалетней, несносной бабе...» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 12 сент. 1833 г. – XV, 80); «Я не ревнив... но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar...*» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 30 окт. 1833 г. – XV, 89).

В художественных текстах этот прием встречается гораздо реже, главным образом романе «Евгений Онегин», стилистика которого позволяет Пушкину свободно рассуждать о самых разных предметах, в том числе проблемах современного ему литературного языка, что нередко сопровождается авторскими ремарками по поводу употребления тех или иных речевых средств, остроумными полемическими замечаниями и т. д. Например:

...Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру... (VI, 12).

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный *tête-à-tête*;
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет (VI, 175).

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу

Зовется *vulgar* (Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покаместь ново... (VI, 172).

Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.) (VI, 171).

2. **Изобразительная**, реализующаяся, в частности, при описании европеизированной дворянской среды, в которой воспитывался Онегин, – с помощью приема массивного привлечения разного рода заимствований, фамилий, произведений иностранных авторов и т. д.¹. Например:

Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил (VI, 6).
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy* лондонский одет... (VI, 6).

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпитафы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*... (VI, 7).

К *Talon* помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин. <...>
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет... (VI, 11).

---

¹ См.: Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 177–179. Ср.: Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. М., 1974. С. 81–83.

3. **Характерологическая** – отражение речи персонажа, показывающее его нерусское происхождение, знание чужого языка, манеру выражения и т. п. Например: «О, этот Швабрин превеликий Schelm, и, если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парাপете крепости!» («Капитанская дочка». – VIII, 343);

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный;
И вздох он пеплу посвятил; <...>
И долго сердцу грустно было.
«*Poor Yorick!* молвил он уныло. –
Он на руках меня держал (VI, 48).

Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм *et cetera?*.. (VI, 51–52)¹.

4. **Авторского самовыражения** – привлечение варваризмов, позволяющее писателю точнее выразить свои мысли, показать знание иностранных языков, избежать использования привычных слов и т. д. Например: «Москва доныне центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ubi bene, ibi patria*...» («Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов». – XI, 206); «*Divide et impera* есть правило государственное, не только махиавелическое...» («Table-talk». – XII, 156); «В Сенат писал (Петр I. – *H.B.*) о сборе недоимок, о новых кораблях для будущей кампании, о 8.000 недостававших рекрут <...> etc. etc.» («История Петра». – X, 169); «Addio, поклон всем твоим, до свидания» (Пушкин – П.А. Вяземскому. 2 янв. 1831 г. – XIV, 140); «У меня сегодня spleen – прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски...» (Пушкин – Н.И. Кривцову. 10 февр. 1831.

---

¹ В данном случае Пушкин использует французский аналог латинского фразеологизма.

– XIV, 150); «Что нам делать? перепечатать ли страницу или поместить в *Errata*?» (Пушкин – А.А. Краевскому. Вторая пол. июня 1836 г. – XVI, 134).

Очень редко подобное словоупотребление можно увидеть в художественных произведениях писателя, что вполне естественно, учитывая пушкинское стремление к простоте и гармоничности слога в зрелые творческие годы. Например, в поэме «Езерский» (1832): «Начнем ab ovo: мой Езерский / Происходил от тех вождей, / Чей дух воинственный и зверский / Был древле ужасом морей» (V, 97).

5. **Синонимическая** – уточнение контекстного значения русского слова с помощью иностранного¹. Например: «Жаль мне, что слово *вольнoлюбивый* ей (цензуре. – Н.В.) не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее *libéral*, оно прямо русское, и верно почтенный А.С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем» (Пушкин – Н.И. Гречу. 21 сент. 1821 г. – XIII, 32); «Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям он [Вяземский] невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (*discussion*) и ловкостью самого софизма» («О статьях кн. Вяземского». – XI, 97); «*Coquette, prude*. Слово кокетка обрусело, но *prude* не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) – недотрогу. Такое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае *прюдство* или смешно или несносно» («Отрывки из писем, мысли и замечания». – XI, 56).

6. **Шутливо-эвфемистическая** – использование иноязычного слова или фразеологизма для непрямого выражения мысли, смягчения выражаемой оценки и т. д. Например: «Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание Русл.<ана> и К.<авказского> Пле.<нника> – но *timeo danaos*, т. е. боюсь, чтоб он

¹ См.: Виноградов В.В. Язык Пушкина. М.; Л., 1935. С. 283; Он же. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 239–240.

со мной не поступил, как прежде» (Пушкин – П.А. Вяземскому. 19 авг. 1823 г. – XIII, 66); «Я давно уже не сержусь за опечатки, но в старину мне случалось забалтываться стихами, и мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute!*» (Пушкин – А.А. Бестужеву. 12 янв. 1824 г. – XIII, 84).

Таким образом, словарный состав языка Пушкина представлен не только русскими лексемами, выражениями (исконными или заимствованными), но и нетранслитерированными иноязычными единицами, системно используемыми писателем с различными коммуникативными и художественными целями.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛЕКСИЧЕСКОМ БОГАТСТВЕ ЯЗЫКА А.С. ПУШКИНА

Интерес к языку Пушкина традиционен. Творчество классика находится в центре внимания филологов на протяжении уже многих десятилетий. Вместе с тем в лингвопушкинистике остается еще немало вопросов, требующих осмысления или коррекции с точки зрения современного состояния науки. Одной из важных проблем является уточнение объема использованной писателем лексики. Несмотря на наличие уникального по охвату материала «Словаря языка Пушкина», данная задача по-прежнему актуальна.

Словарь отразил лексику почти всех известных пушкинских сочинений – 21 290 слов¹. «Новые материалы к словарю А.С. Пушкина», основанные на анализе черновых редакций и вариантов произведений писателя, расширили представление о его языке. Здесь зафиксировано, по нашим подсчетам, 1646 новых лексем². Следовательно, можно было бы сказать, что Пушкин использовал в своей письменной речи 22 936 слов.

---

¹ См.: Словарь языка Пушкина. В конце каждого тома указано количество зафиксированных в нем лексем. Ср., однако: Фрумкина Р.М. Статистическая структура лексики Пушкина // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 78; *Она же*. Статистические методы изучения лексики. М., 1964. С. 48 (автор пишет, что словник Пушкина составляет 21 197 единиц).

² См.: Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина. М., 1982. С. 278–287.

Однако данный вывод будет преждевременным, поскольку в «Словарь языка Пушкина» вошла далеко не вся лексика, употребленная писателем. Поясним сказанное.

В картотеку Словаря не был включен словарный массив таких крупных, хотя и незавершенных, произведений писателя, как «История Петра. Подготовительные тексты», «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова»¹. Между тем в них встречается более тысячи лексем, отсутствующих в Словаре: *администратор, анатомический, апробация, афганец, бальзамировать, безветрие, блокада, болото, бомбардирование, ботанический, бракосочетание, бритье, бродяжничать, бруствер, ввозить, восстанавливаться, врачебный, вторжение, выкопать, выплавка, высадка, высылка, выслуживаться, гарантия, гаубица, генералиссимус, генералитет, гипсовый, глобус, гнилость, гравер, дежурить, декларация, десант, дипломатия, диспут, доброжелатель, донашивать, древко, духота, единогласие, еретический, заказчик, застенок, заточение, иезуитский, извне, именитый, имперский, инспектор, инструмент, интендант, иск, истец, кабала, казначей, кандагарский, канонада, капитуляция, колбаса, коллегиальный, коммерция, коммуникация, конвенция, конфисковать, кораблестроение, крейсеровка, лаборатория, лозунг, ломка, маршрут, медиация, минер, минерал, миролюбие, монстр, навигационный, наименование, неудовлетворительный, областной, обнажение, обрушить, овладение, опробовать, остаточный, отправление, отстреляться, отсылка, оцепенение, оштрафовать, пароксизм, параличный, перезимовать, переименование, перестрелять, перспективный, пиратство, плацдарм, погружение, поименно, полигон, помесечно, понижение, понятой, порознь, порт, поручатель, посланец, предначертать, прелиминарный, препарат, претендент, прибавочный, пролив, протестовать, разграничение, разжаловать, размежевать, размещение, размножить, разноязычный, расписание, рассылка, расторжение, ратификация, ратифицировать, рацион, реакция, реванш, регламент, резолюция, рейд, розница, сбережение, секвестр, секвестрация, сепаратный, слесарный, словопрение, смежный,*

¹ См.: Содержание и построение словаря // Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

соразмерный, соучастник, специальный, стерлинг, стратегия, судоходный, тариф, токарь, трактат, транспарант, транспортный, триумфатор, туняедец, уборка, фабрикант, фарватер, фискал, фундамент, футляр, хирургия, чайка, чеканка, чукча, итурман, экзаменовать, явка, японец, яхта и др.

В Словарь не вошли имена реальных лиц, персонажей, географические названия и иные собственные наименования. Исключения делались лишь в случае, если они были употреблены писателем в «нарицательном или переносном значении», а также для имен «античной, библейской и христианской мифологии» и «условно-поэтических»¹. В то же время в Словарь были включены притяжательные и относительные прилагательные, образованные от имен собственных: *Абервильский, Абердинский, Августов, Аландский, Алатырский, Алексеев, алжирский, Альфонсов, Американский, Арзамасский, Арзрумский, Арпачайский, афинский, Байронов, Батюшковский, Бендокиров, Биргеров, Бонапартов, Бородинский, Боснийский, Брантов, Буалов, Бугульминский, Бугульчанский, Буджацкий, Булгаринский, Вандиков, Вейдов, Виландов, Витгенштейнов* и др.²

Признавая обоснованность позиции составителей Словаря, ставивших целью отразить не столько индивидуальный стиль Пушкина, сколько его «язык», «факты общенационального литературного русского языка»³, следует все же заметить, что учет собственных имен имеет немаловажное значение. Они отражают художественный мир автора, уровень его образованности, те или иные смысловые «доминанты» в мировосприятии, тенденции эволюции поэтического языка эпохи. Закономерно поэтому наличие

¹ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

² Между тем в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» притяжательные прилагательные приравнены к именам собственным и помещены в приложение. См.: Словарь автобиографической трилогии М. Горького: В 6 вып. с приложением имен собственных. Л., 1974. Вып. 1. С. 10; Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений). Л., 1975.

³ См.: *Виноградов В.* Предисловие // Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 10.

подобных лексем в более поздних писательских тезаурусах, например в «Частотном словаре языка М.Ю. Лермонтова», где в качестве отдельных словарных единиц рассматриваются «не только слова, но также имена с отчествами», географические объекты¹.

Объем имен собственных в произведениях Пушкина едва ли не соотносителен с количеством иных слов и составляет по приблизительным подсчетам не менее 15 тысяч единиц. Все они представлены в сводном «Указателе имен» академического издания сочинений писателя². Вместе с тем мы должны учитывать, что знаковая природа собственных имен специфична: есть основания не считать их лексемами и, следовательно, не включать в понятие «лексика языка»³. Компромиссным выходом была бы фиксация подобных наименований в приложении к основному корпусу пушкинского словаря; однако здесь перед составителями стоят технические трудности разграничения собственно лексем (например, *московский* – по отношению к словам *пожар*, *улица*, *кузина* и др.) и номинативных словосочетаний (например, *Московский университет*, *Московский Вестник*, *Московский Наблюдатель*).

Заметим, что составители Словаря, вопреки заявленным намерениям, не обошли вниманием названия административных единиц, учреждений, наград, некоторых художественных произведений, прозвища, имена отдельных лиц и персонажей, употребленные в прямом значении: *Абидосский* (в названии поэмы Байрона «Абидосская невеста»), *Агриона* (трагедия В.И. Майкова),

¹ См.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 719–762. В лермонтовском словаре, по нашим данным, содержится 948 собственных имен; в трилогии М. Горького составителями словаря отмечено 1009 имен собственных (Вып. 1, с. 104).

² См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1994–1997. Т. 19. С. 101–648. Здесь же помещен указатель иноязычных (нетранслитерированных) имен собственных, встречающихся в пушкинских текстах (с. 649–673).

³ См.: *Васильев Н.Л.* Слово и маргинальные языковые сущности // Функционально-семантические исследования. Саранск, 1996. С. 94–96; *Он же.* Язык и смежные семиотические системы // Вестн. Мордов. ун-та. 1996. № 4. С. 8–11.

Алексеевский (монастырь), *Алжирец* (прозвище Н.В. Всеволожского), *Анакреон*, *Андреевский* (лента, кавалер), *Андромаха* (одноименные трагедии Ж. Расина и П.А. Катенина), *Аничкин* (мост), *Аничков* (Аничковский дворец), *Анненский* (крест, лента), *Антигона* (персонаж трагедии В.А. Озерова «Эдип в Афинах»), *Апеллес* (древнегреческий художник), *Апокалипсис*, *Аристокитон*, Архангельский (собор), *Асан-агиница* (действующее лицо в стихотворении Пушкина «Что белеется на горе зеленой?»), *Асмодей* (прозвище П.А. Вяземского), *Астраханский* (полк, губерния), *Атеней* (название журнала, издаваемого М.Г. Павловым), *Балтийский* (море), *Бастилия* и др. Для пользующихся Словарем данная информация, безусловно, важна; но она отражает не столько «язык» писателя, сколько фактографическую структуру его текстов.

По понятным причинам составителями были проигнорированы вульгарные и обсценные элементы пушкинского языка, эксплицитно не фигурирующие в академическом собрании сочинений писателя, на основе которого создавался Словарь. Исключением явились лишь лексемы *выблядок*, *выдрочить* и выражения *сукин сын*, *сукины дети*. Между тем в произведениях писателя подобных слов не менее 40 и используются они, как правило, неоднократно¹.

Не вошла в картотеку Словаря и лексика пародийной баллады Пушкина «Тень Баркова»². Кроме нецензурных в ней есть вполне пристойные слова, отсутствующие в Словаре: *водрузиться*, *восплакать*, *детинин*, *задорно*, *зардеть*, *измяться*, *каплун*, *корпеть*, *матерный*, *милашка*, *поводить*, *портища*, *пятерня*, *расстричь*, *скопище*, *устрашиться*, *ядренный* и др.

В Словарь не были включены и варваризмы, ставшие впоследствии полноправными элементами русского языка: *affectation*, *allusion*, *antidote*, *aventurier*, *bis*, *bpavo*, *chef d'oeuvre*, *com il*

¹ См.: Цявловский М.А. Комментарии [к «Тени Баркова»] // *Philologica*. 1996. Т. 3. №. 5/7. С. 199–213.

² Об авторстве «Тени Баркова» и попытках пушкинистов опубликовать ее в первом академическом собрании сочинений писателя см., в частности: Шальман Е.С. <Вступ. заметка> // *Philologica*. 1996. Т. 3. №. 5/7. С. 133–135; Цявловский М.А. Указ. соч. С. 159–265.

faut, comfort, conspirateur, dandy, discussion, entrechat, entrepreneur, faveur, hotel, incognito, mademoisele, memoires, patronage, portefeuille, prima donna, requiem, resume, review, roast-beef, speech, variante, yankee (приводим лишь те из них, для которых нет русифицированных аналогов в лексиконе писателя)¹. Это касается также лексем и отдельных выражений, употребляющихся в нетранслитерированном виде вплоть до сегодняшнего дня, например *addio, bon-mot, coci, cociage, con amore, dixi, eloge, entrechat, ergo, errata, ibid, in folio, prude, sic, vale*. Подобные заимствования традиционно квалифицируются как особые единицы русского языка². В то же время в Словарь вошли иноязычные лексемы, выражения и даже фразы – *бель-серы, брудер, вербана-ат, велосифер, дормир, кенз-ель-ва, кесь ке се, кло-д-вужо, колера морбус, комераж, Конверсационс Лексикон, манир, пуркуа, цирлих манирлих* и т. п. – лишь на том основании, что они записаны русским алфавитом.

Не рассматриваются литературоведами в качестве произведений Пушкина переводы писателя с иностранных языков; исправления, сделанные им на страницах книг и рукописей других авторов; черновые наброски неизвестных в беловом виде сочинений и писем; заметки при чтении книг; планы издания собственных произведений и томов «Современника»; записи интимно-бытового содержания; списки лиц, купленных вещей, адреса; «приходно-расходные записи, списки долгов»; подписи к рисункам; записи народных сказок и песен; надписи на своих и чужих книгах; записи в дамских альбомах; шуточные «протоколы» празднования лицейских годовщин; показания о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады»; прошения, доверенности, контракты, векселя, денежные обязательства;

¹ Данный упрек был высказан составителям Словаря одним из его первых рецензентов. См.: *Сорокин Ю.С.* [Рец.] Словарь языка Пушкина в четырех томах. Т. 1. // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 130.

² См., например: Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык <...> / Сост. Соколов, Кремер. Ред. С.Н. Алексеев. Изд. 9-е. [СПб., 1903]; *Бабкин А.М., Шендеев В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т.

документы, относящиеся к службе Пушкина в Коллегии иностранных дел¹. Не принимались они во внимание, естественно, и авторами Словаря.

В литературном отношении данные тексты представляют, второстепенный интерес. Однако среди них есть образцы письменной речи писателя, любопытные для лингвистического изучения, например перевод Пушкиным с немецкого языка биографии его предка А.П. Ганнибала, сказки, записанные им со слов А.Р. Яковлевой, где соответственно встречаются лексемы *единокровный, единоутробный, лютеранский; заволока, лепешечка, локоток, молоточик, нацедить, нищенка, пенька, подменить, приколотить, пролубь* (прорубь), *радехонький, рига, слюнка, чурбан* и др., отсутствующие в Словаре, но прямо или косвенно отражающие пушкинский слог².

Таким образом, объем лексикона Пушкина на самом деле больше, чем это представлялось ранее. С учетом изложенных выше наблюдений он составляет по меньшей мере 24 тысячи слов³.

¹ См.: Цявловский М. Предисловие // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 9–12; Фомичев С. <Предисловие> // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 10.

² См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 17. С. 33–48, 362–369. В пользу того, что в текстах сказок, записанных Пушкиным (возможно, даже по памяти), могли невольно запечатлеться и его собственные стилевые представления о фольклорном языке, свидетельствуют попутные комментарии писателя: «Новый Иосиф», «*allusion à la reine qui suit le roi*» («намек на царицу, которая сопровождает царя»), «На шелковой виселице вешает он сводника, купца *Шелковникова*, вот куда каламбуры зашли!» (с. 367–368).

³ Мы не принимаем во внимание в данном случае французские тексты писателя, лексика которых тоже может входить в понятие «язык Пушкина», ввиду особой роли французского языка в русской культуре. См., например: Сержан Л.С., Ванников Ю.В. Об изучении французского языка Пушкина (К постановке вопроса) // Временник Пушкинской комиссии: 1973. Л., 1975; Колосова Н.А. Нетранслитерированные французские элементы в языке Пушкина. В какой-то степени можно учесть и словник латинских, английских, итальянских, немецких «вкраплений» в письменной речи Пушкина.

Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку речь идет не только о выдающемся классике отечественной литературы, но и создателе русского литературного языка новой поры.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА А.С. ПУШКИНА

«Словарь языка Пушкина» отразил лексику почти всех известных пушкинских произведений, включив в себя 21 290 слов. «Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина», основанные на анализе черновых редакций и вариантов сочинений писателя, расширили представление о его лексиконе: здесь зафиксировано 1646 новых слов¹.

Однако в общую картотеку «Словаря языка Пушкина» не вошла лексика таких крупных, хотя и незавершенных, текстов классика, как «История Петра. Подготовительные тексты» и «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова». Между тем в них встречается более тысячи слов, не отмеченных указанными словарями².

Цель настоящего сюжета книги – проанализировать выявленную лексику в предметно-тематическом плане, что важно для углубления представлений о количественной и качественной сторонах языка Пушкина и отчасти осмысления тенденций развития словарного состава русской литературной речи первой трети XIX века³.

«История Петра» (1834–1836) представляет собой незаконченное сочинение писателя, основанное на его конспектах, прежде всего из книги И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя

---

¹ См.: Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина. М., 1982. С. 278–287.

² См.: *Васильев Н.Л.* Новые данные о лексическом богатстве языка А.С. Пушкина (по материалам «Истории Петра» и «Заметок при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова») // А.С. Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тез. докл. междунар. науч. конф. Н. Новгород, 1999. С. 51–52.

³ В кандидатской диссертации Т.Г. Ильинской «Лексика “Истории Петра”» (Тбилиси, 1953), где анализируются общие принципы словоупотребления писателя, подобная задача не ставилась.

России» (М., 1788–1797), архивных и иных материалах. В качестве собственно пушкинской речи рассматривались а) текстовые фрагменты, не имеющие цитатного характера; б) разделы «Указы Петра I», поскольку последние, как правило, не являются буквальным воспроизведением исторических документов¹; в) отдельные слова, выделенные писателем как знак «чужой речи» (в изданиях сочинений писателя – курсивом), но органично входящие в пушкинскую фразу – в соответствии с принципами отбора лексем, принятыми в «Словаре языка Пушкина»².

В «Истории Петра» нам встретилось 940 лексем, не отмеченных в «Словаре языка Пушкина». В их число не вошли слова, зафиксированные в «Новых материалах к Словарю А.С. Пушкина»: *азовский, аргамак, архитектор, астрономия, банный, безоруженный, безуспешный, виват, воздерживать, встревожиться, выбелить, герцогиня, жолудь, заметить, измерение, конвоировать, купно, лейб-медик, малороссиянин, молоть, мурза, наемник, наказной, начинить, неважный, новокрестьяне, пересмотр, поголовный, рагузинец, ранг, рассеивать, резидент, строевой, утеснить, целительный, чеканить, шотландец, эволюция (военн.)*³. Учет последних тем не менее важен для выявления системных закономерностей употребления писателем отдельных языковых элементов в разных литературных жанрах.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. III–VII.

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

³ О значении тех или иных редких и устаревших слов см., например: Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: В 3 ч. СПб., 1803–1806; Словарь церковнославянского и русского языка Второго отделения Академии наук: В 4 т. СПб., 1847; Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка / Сост. под ред. А.Н.Чудинова. СПб., 1901; Самый полный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык <...> / Сост. С.Н. Алексеев. 9-е изд. СПб., [1903]; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л./СПб., 1984–2011 (изд. продолжается).

В предметно-тематическом аспекте не учтенные в «Словаре языка Пушкина» лексемы распадаются на следующие основные группы:

а) административно-правовая лексика – *администратор, альянс, апробация, аудиенц-зал, аудиенция, банк* («финансовое учреждение»), *беспошлинно, библиотекарь, бискуп* («католический епископ»), *бракосочетание, бурмистр, валдмейстер* («надзиратель над лесами»), *валовой* («оптовый»), *виц-канцлер, воеводский, вотчинник, гарантия, генерал-аудитор, генерал-прокурор, генерал-рекет-мейстер, генерал-провиант-мейстер, герольдмейстер, гетьманство, гроссмейстер, декларация, дежурить, дипломатия, дискреция, доимки, душеприказчик, единоголосный, единовластие, заводчица* («зачинщица»), *заемщик, зажигальщик, закладная, законовонец, засвидетельство, иеромонах, инспектор, интендант, иск, истец, истребование, истцовый, истчик, кабала, кабинет-курьер, кабинет-секретарь, казначей, камер-коллегия, колесование, колесовать, коллегияльный, коммерц-коллегия, конвенция, конфискация, конфисковать, кредитив, кур-принц, курфиршеский, кухмистер, кухмистр, ландграф, ландрат, ландрихтер, ландмилиция, лжесвидетель, лжесвидетельство, любодейство, магистратский, медиация, межевание, миц-кабинет, мызник, надзорицк, надписание, надсматривать, наемщик, наиб, наказной, наследный, неблагонадежный, недоноситель, незаконнорожденный, нетчик* («не оказавшийся в наличии»), *неутралитет, неутральный, нота* («дипломатический документ»), *обер-аудитор, обер-валдмейстер, обер-инженер, обер-инспектор, обер-командир, обер-комиссар, обер-кригс-комиссар, обер-провиантмейстер, обер-прокурор, обер-фискал, областной, обложение, обмежевать, обоброчить, общежительство, объезжий* («объездчик»), *обыскивать, описка* («опись»), *описывание, опробовать, подводчик* («подводящий кого-либо со злым намерением»), *подканцлер, подметный* (о письмах), *подкупление, полицмейстерский, понятой, поручатель, поручная запись, посланец, послух, посольский, пошлинный, правительствовать, праздноваться, претендент, прибавочный, приписание, приставник, провиантмейстер, провиантский, провизия, провинциал-фискал, прогульный* (день),

пропускной (сбор), разжаловать, размежевать, расспросный, рассылка, рассыльщик, расторжение, ратификация, ратификатовать, ратифицировать, ревизион-коллегия, регламент, резолюция, розница, розыскной, самодержица, секвестр, секвестрация, сепаратный, синодик, сиротский, скрывать, соучастник, соцарствие, списываться, супер-интендант, сыск, татейный, укрыватель, формальный, фискал, цалмейстер, цесарец, цесаревна, цесарь, челобитчиков, челобитня, италмейстер («придворный чиновник, ведающий конюшнями и лошадьми»), штатгалтер («правитель в Голландии»), штатгалтерский, электор («курфюрст, правитель в Пруссии»), эрц-герцогиня, явка, явочный и др.;

б) книжно-отвлеченная лексика – *водрузить, вознегодовать, восстановитель, восстанавливаться, вторгаться, всевозможно, высылка, гнилость, горделивость, диспут, верослужение, доброжелатель, дюйм, еретический, еретичество, закреплять, записываться, иезуитский, избыть, известительный, извне, изнурять, именитый, имперский, иноверный, иноверческий, кавалерский, кальвинист, квакерский, кварта, кирка, коварствовать, комиссарство, коммерция, коммуникация, коммуникационный, креатура, летосчисление, лихоимство, лозунг, мануфактура, миролюбие, миропомазание, миропомазать, многократно, многолетие, многосложный, могол, монстр, моржовый, мостовой, негоциация, неискренно, ненарушимо, нерегулярно, неудовлетворительный, неявственный, обрушить, отлучать, поверстать, повольный, по-голландски, подзорный, подпасть, поелику, помесячно, понедельно, понеже, поотдалиться, поперечный, порознь, порцион, предначертать, предречение, предускорить, прелиминарный, припечатать, прислаться, прогностик, произволение, пролегать, протестант, протестовать, противность, раздвоить, размножить, разноситель, разноязычный, разрушитель, ратуша, ратушный, реванш, рейхсталер («старинная серебряная монета в Дании»), своеручный, северо-восточный, северо-запад, сноситься, соразмерный, спасителей, стерлинг, султанов, султанский, тиранский, тиранствовать, трактат, транспарант, транспорт, транспортный, триумфатор,*

троекратный, туняедец, уведомиться, удовольствоваться, умилоствивить, фундамент, хорунг («несущий знамя»), человекаедец, черепица, шамхал, шафран, эквивалент, экзаменовать, экзерцировать, экзерсироваться, экзерсация и др.;

в) бытовая лексика – *аладя, алтынник, безветрие, бездорожица, бесконница, бесконный, бич, бланкет («слабое белое вино»), бобыльский, болото, бритье, бродяжничать, буковый, великорослый, взлезать, вкопаться, вкоренять, водосвятие, всячески, выкопать, вымерить, высокосный, вяз, гарнец («старинная русская мера сыпучих тел»), гать, горностаевый, городьба, дароносица, деготь, декабрьский, денежно, долбить, донашивать, доправить, древко, дробовик, духота, ефимок, жеребенок, закорючка, закупать, засека, засохлый, застенок, зверообразно, звонарь, зимовье, злотый, излучина, камышовый, китовый, клей, колбаса, колтун, конопатчик, коровий, корчемный, корчемство, кочевье, кравчий, кротко, кружевница, кружечный, ларечный, ленточный, мазанковый, мамонтовый, мельничный, моча, навязать, наговаривать, назади, наипаче, наказной, напольный, насад, натирать, недород, обменивать, обскакать, обстроить, обстроиться, окреститься, овечий, овчарный, окладный, окольность, ольховый, опашия, осиновый, остаточный, остерегать, побивать, подвоз, подновить, подовой, подрядить, подстригать, полтинник, полуведро, полуюефимок, полуимя, поноска, полуполтинник, поморский, помощный, попортить, порча, постройка, посул, посыльщик, поташ, привес, привоз, пригон, припас, приятельски, прядильница, прядильный, пряжка, разменять, разместить, ремешок, рубка, рублевик, сваливать, сев, сосчитать, телесно, тертый, торжок, треска, трехпудовый, уборка, уступиться, утеснять, ухорониваться, футляр, хлебенный, хлебопечение, хлебородный, холстинный, целовальник, цыфирь, четверик, четвертной, шаарашиться, швея, шинкарь, шпалерный, юфть и др.;*

г) географическая наименования (относительные прилагательные, названия жителей городов, стран и т. д.) – *алексинский, амстердамский, афганец, бендерский, близкаспийский, бобруйский, болгарин, брандбургский, бранденбургский, брауншвейг-люнебургский, вейсенфельский, верхотурский, вестфальский, виленский, виртенбургский, гамбургец, ганноверец, ганноверский,*

ганноврский, гребенский, гречанин, гродненский, дербентский, женевец, замосковный, замосковский, заонежец, илимский, имеретинский, казикумыцкий, кандагарский, карельский, каширский, коломенский, Кольский, константинопольский, копенгагенский, краковский, краснокроат, ладожский, лезгинец, лифляндец, луцкий, любский, люнебургский, магдебургский, мальтийский, мариенбургский, мекленбургский, мекленбуржец, миргородский, митавский, москворецкий, мстиславский, нежинский, нерчинский, олонецкий, остиндский, познанский, померанский, пскович, путивльский, радзивильский, саксонец, серпуховский, силистрийский, стародубский, стокгольмский, стральзундский, суздальский, таганрожский, терский, трансильванский, франконец, фризладский, царицынец, черкас, черногорский, чернослободец, чернослободский, черноморец, шемахийский, шонский, штетинский, эстляндец и др.;

д) военная терминология – *апроши, арриергардия, багинет* («штык»), *блокада, блокгауз, болверк* («бастион»), *бомбардир, бомбардирный, бомбардирование, бруствер, высадка, гардмарин, гаубица, генерал-адмиральский, генералиссимус, генералитет, генерал-квартимейстер, генерал-кригс-комиссар, генеральство, десант, канонада, кантонир-квартира, капитан-командор, капитан 1-го ранга, капитуляция, квартирмейстер, контрлиния, кордебаталия* («основная часть войска, занимающая середину между крыльями боевой линии»), *кригс-комиссар, кронверк, минер, минерный, нерегулярный, неслужилый, новонабранный, ордер* («приказ»), *осадный, отдаточный, полигон, пушкарь, рavelин, разведовать, редут, ретраншемент, сорокапушечный, стратегия, фальконет, фашина, фортификация, циркумвационная линия, шанец, шаутбенахт, ширинга* («шеренга»), *шквaдрон* (?), *шпионка, штаб-офицер, штильштанд* («перемирие») и др.;

е) техническая – *бакан* («вид красной краски»), *брак* («дефект»), *браковщик, брусчатый, ветряной, виноделец, винокурение, выплавка, гипсовый, гравер, жерновой, золотник, инженерство, инструмент, компасный, литейный* (в «Словаре языка Пушкина» – в составе онома *Литейная часть*), *ломка* (каменная), *плотинный* (мастер), *плотнический, позументный* (фабрика), *полосной, раствор, резчик, рудокop, рудокopный, рыбий*

(клей), *рытье* (каналов), *свая*, *слесарный*, *смольчуг* («густая смола»), *снур* («шнур»), *соловарня*, *солодовник*, *типографщик*, *токарь*, *фабрикант*, *чеканка* и др.;

ж) морская терминология – *буер*, *галеас*, *галерный*, *галиот*, *гекбот*, *гребной*, *гукор* [гукарь] («промысловое и грузовое двухмачтовое судно с широким носом»), *каютный*, *клипа* («клипер»), *капер*, *кораблестроение*, *кортик*, *крейсировать*, *крейсировка*, *крюйссер* («крейсер»), *матросский*, *матросство*, *мачтовый*, *маштмакер*, *навигационный*, *порт*, *прам* («старинное плоскодонное грузовое судно»), *прогрести*, *рейд*, *потесь* («длинное бревно, служащее веслом для управления на барках»), *скампаева* («небольшая галера»), *снастить*, *староманерный* («устаревший по техническим характеристикам – о судне»), *струг*, *фарватер*, *флагман*, *фрегат*, *шаутбенахт* («командующий флотом»), *шкута* [шкют] («плоскодонное судно с двумя мачтами»), *шнава*[шнява] («двухмачтовое судно»), *штурман*, *ихеры*, *якорный*, *яхта* и др.;

з) научная терминология – *анатомический*, *аптекарский*, *арифметический*, *астролог*, *астрологический*, *бальзамировать*, *ботанический*, *врачебный*, *глобус*, *лаборатория*, *лазаретный*, *магнит*, *матка*, *минерал*, *отмель*, *пролив*, *пургация*, *препарат*, *рацион*, *реакция*, *селитра*, *скорбутика*, *специальный*, *урина*, *хирургия*, *четвероугольник* и др.

В «Заметках при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова» (январь 1837 г.), являющихся конспектом соответствующей книги русского академика, вышедшей в 1755 г., встречается 124 слова, отсутствующих в иных текстах писателя, не считая лексем, известных лишь по черновым вариантам пушкинских сочинений (*балаган*, *бойница*, *вовлекать*, *вышесказанный*, *заметать*, *огнедышащий*, *поверхность*, *посадский*, *прилив*, *сирена*, *указной*, *юрта*). Часть «новых» слов совпадает с лексикой «Истории Петра», что объективизирует вывод о неслучайном характере их функционирования в письменной речи Пушкина (это касается лексем *перезимовать*, *переколоть*, *штурман*).

Среди не отмеченных в «Словаре языка Пушкина» слов выделяются:

а) бытовые понятия – *батожье, вываривать, головешка, доискивать, жердь, запрудиться, землица, зимование, зимовье, изворотиться, кабалить, летовье* (ср. *зимовье*), *лютость, малолюдный, малолюдство, матерый, мелкость, мелочник, наменять, нарты, натрое, наход, обвеать, объясачить, осеневать* (ср. *зимовать*), *острожок, отбыть, отписка, отсылка, перезимовать, переколоть, переранить, перестрелять, писчик, побивать, побросаться, повещать, повольный, подарочный, покамчатски, присуд, присудный, проведывать, пролуб* («прорубь»), *промышляться, сборщик, сгрузиться, сиводушчатый, сидячий, скарб, словить, смежный, снасти, умышлять, чайка, челобитная, шаманить, шнуровой* (книга), *ясак* и др.;

б) книжная и научная лексика – *бесстрашно, гористый, губа* («морской залив»), *зажжение, комиссарский, лопатка* (в названии *Курильская л.*), *маршрут, навигатор, небезопасный, непропуск, окислый, отлив, паки, перешеек, писчик, поименно, пролив, проповедование, сарана* («дикое растение»), *северо-восток, сопка, цынга, штурман, юго-западный* и др.;

в) географические и этнические обозначения – *авчинский, анадырский, большеерецкий, еловский, камчадал, камчадальский, камчатский, ключевский, коряк, коряцкий, косухинский, курил, курилец, нижнешанталец, нижнешантальский, чукча, якутка, якутский, японец, японский* и др.;

г) экзотизмы, т. е. понятия, присущие быту, верованиям населения Камчатки – *брыхтатан* («огненные люди» – наименование русских у камчадалов), *гамул* («дух»), *бранок* – («ободранный медведем человек»), *едель* («волк»), *заказчик* («управляющий»), *ительмен* (самоназвание камчадалов), *казенка* («тюрьма»), *калан* («бобер»), *камуй* (местное божество), *когачь* (особый род морской волны на языке камчадалов), *оленный* (тип коряков, которые разводят оленей), *сува* и *сула* (особый род морской волны – на языке казаков), *тайон* («титул вождя у камчадалов»), *хончало* (самоназвание камчадалов), *хора* («олень»), *юкагир* («волк» – на языке камчадалов) и др.;

д) названия средств передвижения по воде – *байдара, дощаник, коча, пакетбот* и др.

Среди выявленных лексем встретились также видовые глагольные формы, отсутствующие в «Словаре языка Пушкина», например *запасаться* (ср. *запастись*) и варианты слов, не встречающиеся в иных текстах писателя, например *болгарин* (ср. *болгар*), *по-казачьи* (ср. *по-казацки*), что дополняет представление об уже известных сторонах языка писателя.

С точки зрения словообразования интересно отметить активизацию в «Истории Петра» употребления некоторых структурных типов слов. Так, обращают на себя внимание следующие микросистемы:

а) отглагольные существительные с суффиксами *-аниј, -ениј, -иј* – *арестование, вершение, взломание, воспрепятствие, восхождение* («восход»), *впадение, вскрытие, вспомоществование, вторжение, выбитие, вымерение, жжение, забирание, задобрение, запись, затворение, заточение, зауготовление, крытие, мешкание, наведение* (моста), *наименование, написание, не-битие* (челом), *не-вписывание, небытие, невозвращение, не-вписывание, невпущение, невступление, невывоз, невыдавание, неделание, недержание, недержание, обнажение, обрезание, овладение, оставление, отложение, отменение, отображение, побивание, погружение, подписывание, пожалование, понижение* (чина), *посылание, привезение, приискание, приуготовление, приятие, пропущение, пускание, разведение, разведение, размещение, разграничение, разобранье, разорвание, расписание, расславление, сбережение, сделание, славление, словопрение, сломание, солотование* («салютование»), *стояние, слияние, унятие, уполномочение, утаение, учинение, чищение* и др.;

б) отвлеченные существительные (нередко с указанными выше формантами) с приставками *не-, недо-* – *недоудовольствие, недружба, не-житье, неискусство, неисполнение, не-наказание, неношение, не-оборона, неостановление, неотдаление, неотпуск, неперекрещение, неписание, неподавание, неподбивание* (сапог), *непослушность, непресечение, непривоз, непризнание, непринимание, непродажка, непропуск, нерубка, неспокойствие, не-торгование, неусердие, нехождение, не-челобитье, нечистка, не-шинкование* и др.;

в) сложные прилагательные с элементом *ново- — новоманерный, новонабранный, новоначинавшийся, новонемецкий, новоприборный, новосочиненный* и др.

Таким образом, общее количество неучтенных в «Словаре языка Пушкина» лексем, встречающихся в проанализированных выше произведениях писателя, составляет более тысячи единиц. Некоторые из них ушли в прошлое еще в допушкинский период или позже. Большая же часть по-прежнему актуальна и в наше время. Есть и такие, которые обрели вторую молодость в конце XX века: *афганец, полигон, ратифицировать, резолюция, секвестр, сепаратный* и др. Все они обогащают наше представление о лексическом богатстве языка писателя.

ЯЗЫКОВОЕ СО-ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА

Несмотря на беспрецедентность внимания филологов к наследию Пушкина, вопрос о языковом новаторстве писателя как носителя русского языка – его **словотворчестве** в целом пока не рассматривался¹. Между тем интересно узнать, в какой степени Пушкин прибегал к авторской неологизации, т. е. созданию окказиональных лексем и имен собственных, всегда ли его удовлетворяли традиционные ресурсы русского языка.

Материалом для нашего исследования послужил «Словарь языка Пушкина». Окказиональная природа представленных в нем лексем определялась с помощью словарей, наиболее полно отражающих русский язык XIX века в его разнообразных гранях².

---

¹ См., однако: *Филиппов Л.К.* Окказионализмы в письмах А.С. Пушкина // Филологические науки. 1999. № 4. С. 76–79.

² См., в частности: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 4-е изд. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1912–1914; Полный церковно-славянский словарь / Сост Г. Дьяченко. М., 1993 [репр. изд.]; Самый полный словотолкователь 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык <...> / Сост. С.Н. Алексеев. 9-е изд. [СПб., 1903]; Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л./СПб., 1984–2011 (изд. продолжается); Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. М., 1991. См. также: Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-

Это позволило исключить из числа предполагаемых пушкинских неологизмов много устаревших к сегодняшнему дню слов: *великосердый, внити, высмотр, доброконный, закусливый, изгага, земледельатель, измлада, людство, многоречие, насуточный* и др.

В «Словаре языка Пушкина» выявлены, в частности, следующие индивидуально-авторские лексемы: *анти-драматический, анти-польский, антиромантик, арзамасец, арзамаска, аристократичествовать, байроничать, безмундирный, безнравствие, бесстыдно-бледный, бестемпераментный, бесчувственно-покорный, библеизм, благородно-независимый, близкочующий, боксовать, болезненно-отверстый, бывало-острый, важно-шутливый, великокняжество* («Область княжества великого князя в древней Руси»¹), *вечно-праздный, вицекандлерша, воейковствовать, вольно-вдохновенный, горюхинец, грозновецкий, дамоподобный, двухутренний*², *демонствовать, драммоторжественный, емка* («Об алкогольном напитке»), *живо-неспокойный, журнальщик, звонко-скачущий, зелено-бледный, идеологизм, искокетничаться, историко-нравственно-сатирический, казначеиха, камер-герство, камер-пажиха,*

справочник / Сост.: Р.П. Рогожникова и др. 2-е изд. М., 2000. В настоящий момент большие возможности в этом плане предоставляет Национальный корпус русского языка, разработка которого началась в 2003 г.

¹ В кавычках в случае необходимости нами указаны значения пушкинских слов; когда такие пояснения заключены в скобки, мы цитируем «Словарь языка Пушкина».

² Ср. в романе В.-Ю. Крюденер (1764–1824) «Валерия, или Письма Густава де Линара к Эрнесту фон Г.» (1803), где героиня прощается с умершим младенцем: «O mon jenne Adolphe, tu es tombé de mon sein comme **une fleur de deux matins**, et tu es tombé dans le cercueil [О мой юный Адольф, ты упал с моей груди (одним из знач. фр. слова *sein* является и «лоно»), как **двухутренний** цветок, и упал во гроб]» (цит. по: *Krüdener m-me de. Valérie* <...>. Paris, 1878. P. 167). См. об этом: *Цоффка В.В.* Из поэтики цветов как знаков и символов христианства в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 274. В примечании № 18 к «Евгению Онегину» Пушкин, описывая круг чтения влюбленной Татьяны, поясняет: «<...> Густав де Линар – герой прелестной повести баронессы Крюднер».

кокетственный, косвенно-внимательный, коцебятина, кузинка «кузина», *кюхельбекерно, легкязычный* («Бездумно, безответственно говорящий»), *маротический* («В стиле эпиграмм Маро (французского поэта 16 в.)»), *меченосец* («Перевод турецкого слова «селихтар»), *мигушка* («Тот, кто подмигивает кому-н., перемигивается с кем-н. О кокетке»), *миртильничать* («Вести себя, как влюбленный пастушок (шутливое новообразование Пушкина от «Mirtile» или «Myrtile», традиционного имени влюбленного пастушка во французских идиллиях XVIII в.)»), *многодорожный, много-мыслящий, модинка* («Модница. В каламб. употр. (с намеком на лицейского товарища Пушкина Модеста Корфа)»), *молдаванно* («Шутливое новообразование Пушкина в письме из Кишинева, где он находился в ссылке <...>»), *наглагольный, небратский, небритие, недворянство, недевственный, недотыка, не-лечение, нерелигиозный, нравственно-сатирический, обер-капрал* («Пародийное наименование несуществующего военного чина»), *ольдекопничать* («Шутливо – «поступать, как Ольдекоп» (Е.И. Ольдекоп без ведома Пушкина напечатал русский текст «Кавказского пленника» при изданном им немецком переводе поэмы)»), *орогатить* («Сделать рогоносцем»), *острамитить* («Осрамить»), *отгрызываться* («Отгрызаться. В каламб. употр.»), *охтинка, паясить* («Паясничать»), *перевыразить, переоборот* («Превращение, изменение в противоположное <...>»), *подкупательный, подогревец* «подогревание», *подуруша* («Недалекий, излишне доверчивый человек <...>»), *пол-девица, полу-баснословный* («Такой, существование которого исторически не вполне достоверно, наполовину легендарный»), *полу-благой, полувлюбленный, полу-герой, полудержавный* («Обладающий почти монаршей властью»), *полудуховный, полу(-)европейский, полу-журавль, полузатворница* («О женщине, готовящейся постричься в монахини»), *полу-истина, полу-купец, полу-латинский, полу-медаль* («Шутливо о средней золотой медали, присуждаемой Российской Академией»), *полу-милорд, полу-милость, полу-мудрец, полу-мучительный, полу-невежда, полуотверстый, полупечально, полу-печальный, полу-плут, полу-подлец, полу-политический, полупокойник, полу-продать, полу-проиграть, полупросвещение, полу-религиозный, полу(-)русский,*

полусветлый, полу-святой, полу-сделанный, полу-скиф, полу-славенский («Наполовину церковнославянский»), *полу-смешной, полу-талант, полутурецкий, полууничтоженный, полу-фанатик, полу-французский, преоборот* «переворот», *приятно-томный, прозрачно-легкий, пронзительно-унылый, простомыслие, прюдничать* («Быть излишне строгим в вопросах приличия, благопристойности»), *прудство, пучеокый, расподличаться, резвоскакать* («резвоскачущая кровь (выражение из стихотворного послания В.К. Кюхельбекера А.С. Грибоедову <...>); Прим. Пушкина: Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером <...>»), *религиозно-философический, рифмичество* («Пренебрежительно о поэтическом творчестве, сочинении стихов»), *рифмодей, рифмотвор, родственно-аристократический, румяно-золотистый, светло-снежный, скompанировать* («Составить целое из отдельных частей, создать композицию чего-н.»), *скотоложница, сладко-звонкий, смугло-румяный, снисходительно-послушный, стишистый* («Шутливо – связанный со стихами, имеющий своим предметом стихи»), *страмец, стыдливо-холодный, тихо-спящий, томно-голубой, топталце* («Новообразование А.С. Шишкова в знач. «тротуар»»), *траги-нервический, трибунство* («О звании трибуна <...>»), *тяжело-звонкий, тяжело-золотой, ублудить, унтер-генерал* («Пародийное наименование несуществующего военного чина»), *хладномыслие, холодно-ревнивый, цензоровать, челоперунный* («С челом, мечущим молнии (слово заимствовано Пушкиным из «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из отечества» Г.Р. Державина в пародических целях»), *чтеньбесие* («Безрассудное влечение, пристрастие к чтению стихов, мания читать стихи (шутливо в обращении к брату Л.С. Пушкину, распространявшему ненапечатанные стихи Пушкина»), *чухландия* («Шутливо о Петербурге и его окрестностях как о месте, где проживали чухонцы»), *шаротык* («Новообразование А.С. Шишкова в знач. “биллиардный кий”»), *широко-медный, широкошумный, ярко-позлащенный*.

Как правило, они используются писателем единично; по 2 раза употреблены лексемы *кузинка, полу-истина, полу-милорд, полу-*

русский, резвоскакать; по 3 раза – *искокетничаться, нравственно-сатирический*; 4 раза – *кюхельбекерно*; 5 – *горюхинец*; 7 – *арзамасец*. Чаще всего подобные элементы фигурируют в лирике и письмах Пушкина; реже – в критике, «Евгении Онегине», «Истории села Горюхина»; эпизодически встречаются в поэмах, художественной и исторической прозе писателя. В лирике поэт прибегал к неологизации преимущественно в романтический период своего творчества.

В «Новых материалах к Словарю А.С. Пушкина», отражающих лексику черновых редакций и вариантов произведений писателя, нам встретились и иные окказионализмы, например *антипоэтический, благопристойно-ничтожный, благопристойно-посредственный, бледно-сумрачный, далеко-звонкий, деятельно-хладный, живо-непокойный, звероловица* (ср. *зверолов*), *лже-владыка, лжепреступный, лжеумствование, наисердечный, обраняться* («Обороняться»), *самостоянье, свободно-вдохновенный, святоисполненный, столповенчаный, тяжело-мерный, фабулист* («...сочинитель фабул (басен, сказок, притч)»), *целомудренно-стыдливый, ярко-снеговой*. Все они употребляются по одному разу.

Редкие лексемы отмечены также в пушкинском сочинении «История Петра», не вошедшем в генеральную выборку «Словаря языка Пушкина»: *бесконница, верослужение, воспоследствовать* (ср. *воспоследовать*), *гофмейстерина, гречанин, законоводец, коварствовать, курфишеский* (ср. *курфюрстский*), *невпущение, невывоз, неношение, неотдаление, неподавание, неподбивание, непресечение, непринимание, нерубка, неусердие, окольность, пилование, подкупление, прогностик, пропушение, экзерцировать, экзерсироваться* и др¹.

В типологическом плане среди указанных слов выделяются, в частности, собственно пушкинские неологизмы; окказионализмы других авторов (*безмундирный, двухутренний, резвоскакать, рифмичество, топталище, челоперунный, шаротык*, в том и числе

¹ Количество употреблений последних нами не фиксировалось.

коллективные – *арзамасец*)¹; окказиональные формы известных слов (*аристократичесествовать, безнравствие, боксовать, великокняжество, казначейша, мигушка, нонече, паясить, религиозно-философический, рифмотор, третьегодняшний, цензоровать* и др.)²; пушкинские кальки, транслитерации и трансформации иноязычных слов (*меченосец, хладномыслие; вирле, новель, нозль, супирант, суспиция, шиболет, цуккерброд; прюд, прюдничать, прюдство* и др.). Наиболее продуктивными моделями пушкинского словообразования, отражающими диалектику мышления, вербальное поведение, поэтику образов и остроумие писателя, являются следующие: создание сложных прилагательных (*бесстыдно-бледный, бесчувственно-покорный, благородно-независимый, болезненно-отверстый, историко-нравственно-сатирический* и т. д.), добавление элемента *полу-* к уже известным словам – прилагательным, существительным, наречиям, глаголам (*полу-баснословный, полу-благой, полувлюбленный, полу-герой, полу-истина, полу-купец, полу-милорд, полу-невежда, полупечально, полупокойник, полу-проиграть* и т. д.), использование приставки *не-* (*небратский, небритие, недворянин, недворянство, недевственный* и т. д.), привлечение в качестве основы неологизации имен собственных (*байроничать, воейковствовать, горюхинец,*

¹ Грань между пушкинскими и непушкинскими неологизмами порой провести очень сложно, тем более что писатель охотно пользовался словесными находками своих современников, а многое просто являлось плодом коллективного словотворчества, выявить в котором чей-то приоритет практически невозможно. Ю.М. Лотман в известном комментарии к роману пишет, что слово *щепетильный* («Торгует Лондон щепетильный») является «неологизмом В. Лукина» (с. 152), имея в виду, очевидно, комедию «Щепетильник» (1765). Однако словосочетание *щепетильные* («галантерейные») *товары* известно по крайней мере с 1771 года и ко времени Пушкина стало обыденным. См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 5-е изд. М., 2002. Т. 2. С. 433–434.

² Ср.: *аристократничать, безнравственность, боксировать/боксовать, великокняжение, казначейша, мигуша, ноне/нонче/нынеча, паясничать, религиозно-философский, рифмоторец, третьеводнишний, цензуровать/цензуровать* и др.

коцебятина, маротический, миртильничать, модинка, молдаванно, ольдекопничать, охтинка, чухландия); образование отвлеченных отглагольных существительных (пилование, подкупление, пропущение и др.); изобретение парадоксальных с точки зрения здравого смысла и логики языка должностей (обер-капрал, унтер-генерал); активизация приставок анти-, бес-, из/ис-, о-, у-, а также формантов -ина, -иха, -ша, -ка и др. – со значением женского лица (арзамаска, вице-канцлерша, гофмейстерина, казначейша, камер-пажиха). В грамматическом отношении в составе авторских лексем Пушкина преобладают прилагательные и существительные, заметно уступают им глаголы и наречия.

В «Словаре языка Пушкина» фиксируются и собственные имена окказионального характера, многие из которых придуманы Пушкиным: *Безглагольник* («Прозвище, данное К.Н. Батюшковым поэту С.А. Ширинскому-Шихматову, избегавшему глагольных рифм»), *Безрифмин* («Прозвище поэта С.С. Боброва, автора поэмы «Таврида», написанной белыми стихами <...>»), *Бесстыдин* («Вымышленное условное имя»), *Бестолков* («Условное имя»), *Бибрус* («Прозвище поэта С.С. Боброва (от лат. bibere – пить)»), *Бьевриана* («Об «альманахе каламбуров», изданном в Париже в 1771 году маркизом Биевром»), *Вертопрахин* («В шутовском обращении к П.А. Вяземскому»), *Вертопрахина* («В шутовском обращении к В.Ф. Вяземской»), *Визгов* («Прозвище драматурга С.И. Висковатова»), *Глупон* («Условное имя (вероятно о бездарном поэте С.С. Боброве)»), *Глухо-рев* («Шутовливо об Александре Глухареве, петербургском трагическом актере»), *Гнедко* («Шутовливо прозвище Н.И. Гнедича в кругу В.А. Жуковского»); *Графов* («Насмешливое именование бездарного поэта Д.И. Хвостова»), *Дундук* («О князе М.А. Дондукове-Корсакове, вице-президенте Академии наук»; *Каторжников* («Вымышленная фамилия, созданная по образцу подобных фамилий в нравоучительной литературе»), *Лайон* («Шутовливая переделка имени брата Пушкина Льва на английский лад (англ. lion – «лев»))), *лже-Дмитриев* («В шутовл.-каламб. употр. (о писателе М.А. Дмитриеве, племяннике известного поэта И.И. Дмитриева)»), *Невеждин* («Каламбурная переделка фамилии Н.И. Надеждина, издателя журнала «Телескоп»),

Отрыжков («Шутливая переделка фамилии Н.И. Тарасенкова-Отрежкова»), *Пентефреиха* («Шутливо – жена египетского вельможи Пентефрея, которая, согласно библейской легенде, преследовала своей любовью Иосифа Прекрасного (о Е.М. Хитрово)»), *полу-Хвостов* («Шутливо о лице, имеющем в чем-н сходство с поэтом Д.И. Хвостовым»), *Рамаков* («Шутливая переделка фамилии журналиста и критика, сторонника Карамзина, П.И. Макарова»), *Рифматов* («Насмешливое наименование поэта С.А. Ширина-Шахматова»), *Рифмов* («То же, что Рифматов <...>»), *Сле-Пушкин* («Шутливо-каламбурное разложение фамилии крестьянина-поэта Ф.Н. Слепушкина»), *Теле-графский* («Прил. к Телеграф (журнал «Московский Телеграф»)), *Теле-скопский* («Прил. к Телескоп (журнал «Телескоп»))), *Уоронцов* («Фамилия М.С. Воронцова, измененная с намеком на его англomанию, в нариц. употр.»), *Фиглярин* и *Флюгарин* («Каламбурная переделка фамилии Ф.В. Булгарина»), *Хаврониос* («Вымышленное имя, данное Пушкиным М.Т. Каченовскому»), *Хлопоухин* («Вымышленная фамилия, созданная по образцу подобных фамилий в нравоучительной литературе»), *Хло-Пушкина* («В каламб. употр. (шутливо о Н.Н. Пушкиной)»), *Шлюхина* («Вымышленная фамилия в нравоучительной литературе»), *Шутовский* («Каламбурная переделка фамилии драматурга и режиссера, литературного противника «арзамасцев» князя А.А. Шаховского») и др. Обычно они употребляются не более одного раза, за исключением следующих: *Вертопрахин*, *Невеждин*, *Рифматов* – 2 раза; *Бесстыдин* – 3 раза; *Графов*, *Дундук*, *Лайон* – 4 раза; *Фиглярин* – 7 раз. Чаще всего подобные имена используются Пушкиным в лирике, письмах и критике. В лирике они более характерны для лицейского периода творчества поэта.

Окказионализмы выполняют в произведениях Пушкина ряд важных функций:

1) Изобразительную. Например: «Ты предаешься мне нежна без упоенья, / **Стыдливо-холодна**, восторгу моему / Едва ответствуешь, не внемлешь ничему <...>» («Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»); «Город пышный, город бедный, / Дух неволи, стройный вид, / Свод небес **зелено-бледный**, / Скука, холод

и гранит <...>» («Город пышный, город бедный...»); «И выстраданный стих, **пронзительно-унылый**, / Ударит по сердцам с неведомою силой <...>» («Ответ Анониму»); «Светила ночи затмевались: / В дали прозрачной означались / Громады **светлоснежных** гор <...>» («Кавказский пленник»); «Всё в ней пленяло: тихий нрав, / Движенья стройные, живые / И очи **томно-голубые**» («Бахчисарайский фонтан»); «И, озарен луною бледной, / Простерши руку в вышине, / За ним несется Всадник Медный / На **звонко-скачущем** коне <...>» («Медный всадник»); «Но так и быть – рукой пристрастной / Прими собрание пестрых глав, / **Полу-смешных, полу-печальных** <...>» («Евгений Онегин», Посвящение); «**Траги-нервических** явлений, / Девичьих обмороков, слез / Давно терпеть не мог Евгений: / Довольно их он перенес» («Евгений Онегин»); «И бездыханна и тепла / Немая ночь. Луна взошла, / **Прозрачно-легкая** завеса / Объемлет небо. Всё молчит <...>» («Отрывки из путешествия Онегина»).

2) Оценочную и самооценочную. Например: «А я, повеса **вечно-праздный**, / Потомок негров безобразный, / Взросленный в дикой простоте <...>» («Юрьеву»); «О, сколько лиц **бесстыдно-бледных**, / О, сколько лбов **широко-медных** / Готовы от меня принять / Неизгладимую печать!» («О муза пламенной сатиры!»); «Но вы, мутители палат, / **Легкоязычные** витии, / Вы черни бедственный набат, / Клеветники, враги России!» («Бородинская годовщина»); «**Полу-милорд, полу-купец, / Полу-мудрец, полу-невежда** <...>» («На Воронцова»); «...здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни италийской оперы. Но зато нет – ни саранчи, ни милордов **Уоронцовых**» (Пушкин – Д.М. Шварцу, ок. 9 дек. 1824 г. – XIII, 129).

3) Понятийно-терминологическую. Например: «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам. / [На них основано от века / По воле Бога самого / **Самостоянье** человека / Залог величия его]» («Два чувства дивно близки нам...»); «Но мы и в литературе и в общественном быту слишком чопорны, слишком **дамоподобны**» («Разговор о критике»); «Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую

в своих понятиях о чести (женской) – недотрогу. Такое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилкой женщине позволено многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае *прюдство* или смешно или несносно» («Отрывки из писем, мысли и замечания»); «Как можно переводить эпиграммы? Разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, не **Маротическую**, в которой сжимается живой рассказ, но ту, которую Буало определяет словами: “Un bon mot de deux rimes orné”» («Материалы к “Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям”»); «*Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть *sens froid* – **хладномыслие**, а не *sang froid*» («Заметки и афоризмы разных годов»); «Мы живем во дни переворотов – или **переоборотов** (как лучше?)» (Пушкин – М.П. Погодину, 3 янв. 1831 г. – XIV, 140).

4) Комическую. Например: «За ужином объелся я, / А Яков запер дверь оплошно – / Так было мне, мои друзья, / И **кюхельбекерно**, и тошно» («За ужином объелся я...»); «Здесь у нас **молдованно** и тошно <...>» (Пушкин – Н.И. Гнедичу, 27 июня 1822 г. – XIII, 40); «Я ведь тебе писал, что **Кюхельбекерно** мне, на чужой стороне. А где Кюхельбекер?» (Пушкин – Л.С. Пушкину, 30 янв. 1823 г. – XIII, 57); «...но что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына? <...>» (Пушкин – А.И. Тургеневу, 1 дек. 1823 г. – XIII, 80); «Ан.<на> Ник.<олаевна> тебе кланяется и очень жалеет, что тебя здесь нет; потому что я влюбился и **миртильничую**» (Пушкин – Л.С. Пушкину, 14 марта 1825 г. – XIII, 152); «Перешли ему (Вяземскому. – *Н.В.*), душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего **чтеньебесия**» (Пушкин – Л.С. Пушкину, 27 марта 1825 г. – XIII, 157); «Кланяйся от меня почтенному, умнейшему Арзамасцу, будущему своему тестю – а из жены своей сделай **Арзамаску** – непременно» (Пушкин – А.А. Дельвигу, окт. – первая пол. нояб. 1825 г. – XIII, 241); «Жду твоей новой повести, да возьмишь-ка за целый роман – и пиши его со всею свободою

разговора или письма, иначе всё будет слог сбиваться на **Коцебятину**» (Пушкин – А.А. Бестужеву, 30 нояб. 1825 г. – XIII, 245); «Лев был здесь – малый проворный, да жаль, что пьян. Он задолжал у Вашего Andrieux 400 рублей и [себе] **ублудил** жену гарнизонного майора» (Пушкин – А.А. Дельвигу, 2 марта 1827 г. – XIII, 320); «Что ты **Ольдекопничаешь** и **Воейковствуешь**, перепечатывая нас <...>. Хорош!» (Пушкин – С.А. Соболевскому, дек. 1827? – XIII, 351); «К новому году вероятно явлюся к Вам в **Чухландию**» (Пушкин – А.А. Дельвигу, сер. нояб. 1828 г. – XIV, 34); «Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты **камер-пажиха**; это дело службы» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, 30 апр. 1834 г. – XV, 136).

5) Каламбурную. Например: «...если бы покойник Байрон связался браниться с **полупокойником** Гёте, то и тут бы Европа не шевельнулась, чтоб их сравнить, поддразнить или окатить холодной водой. Век полемики миновался» (Пушкин – А.А. Бестужеву, 29 июня 1824 г. – XIII, 101); «Что ж, милый? Будет ли что-нибудь для моей маленькой гречанки (о К. Полихрони. – *Н.В.*)? она в жалком состоянии, а будущее для нее и того жалчее. Дочь героя, Жуковский! Она родня поэтам по поэзии. Но **полу-милорд** Воронцов даже не **полугерой**. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами <...>» (Пушкин – В.А. Жуковскому, 29 нояб. 1824 г. – XIII, 124); «**Сле-Пушкину** дают и кафтан, и часы, и полумедаль, а Пушкину полному – шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвер<та>ка (что мне следует), по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское» (Пушкин – П.А. Плетневу, 3 марта 1826 г. – XIII, 265); «Сейчас приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов*. Поручаю тебе грабеж Заводов – слышишь ли, моя **Хло-Пушкина**? ограбь Заводы и возвратись с добычею» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, около 26 июля 1834 г. – XV, 182-183).

6) Пародийно-стилистическую. Например: «Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. <...> Однако ж великороссиянину легко понять **горюхинца** и обратно» («История села Горюхина»);

«Грамоту **грознавещую** сию списах я у Трифона старосты <...>» («История села Горюхина»).

7) Эвфемистическую. Например: «Покойный имп.<ератор> в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки **не-религиозные** <...>» (Пушкин – П.А. Плетневу, вторая пол. янв. 1826 г. – XIII, 256).

Сделаем выводы. Известно, что многие писатели прошлого, не удовлетворяясь апробированными ресурсами языка, стремились к поиску новых средств выражения, прибегая порой и к словотворчеству. Пушкин, на наш взгляд, не злоупотребляет авторскими неологизмами, опираясь в первую очередь на общенародные литературно-разговорные средства, избегая всего вычурного, искусственного. В этом сказалась его художественная интуиция и определенная эстетическая позиция – стремление к точности выражения, а не внешним эффектам. Вместе с тем в необходимых случаях писатель создавал и необычные слова или имена, – особенно когда это касалось нюансов его мысли, сатирической установки, словесной игры. Число окказионализмов в языке Пушкина составляет не менее 1 % его словаря. Важнее, однако, качественное место таких неологизмов в творчестве писателя – многим из них он обязан неповторимой экспрессией своего авторского стиля, убедительностью формулировок и убийственной точностью оценок.

ПУШКИНСКИЙ БЕСТИАРИЙ

Многие пушкинские образы, основанные на представлении о животных, являются своеобразными брендами творчества классика, его писательской мифологии... Белка, грызущая орешки; ученый кот; бурый волк, верно служащий царевне; избушка на курьих ножках; лакей-медведь из сна Татьяны; лошадка, почувствовавшая первый снег; заячий тулуп, которым одарил юный Гринев Пугачева... Они встречаются и в философских размышлениях Пушкина, и в его шуточных наблюдениях над жизнью, и в пародийных контекстах: «Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье. / Жизни **мышья** беготня...» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830); «Ох, лето красное! любил бы я

тебя, / Когда б не зной, да пыль, да **комары**, да **мухи**» («Осень», 1833); «Порой дождливою намедни / Я, завернув на **скотный** двор... / Тыфу прозаические бредни? / Фламандской школы пестрый сор!» («Отрывки из путешествия Онегина»). Можно вспомнить и о крымской (одесской) саранче, и о знаменитом зайце, перебежавшем писателю дорогу, когда он, по легенде, отправился в начале декабря 1825 г. из Михайловского в Петербург... Есть среди произведений автора, помимо басен, и лирические стихотворения, посвященные персонажам-животным: «Еще дуют холодные ветры...» (1828), «Кобылица молодая...» (1828), «Ворон к ворону летит...» (1828), «Шумит кустарник...» (1830) и др. Пушкинская художественная вселенная населена разнообразными представителями фауны. Наверное, о каждом ее обитателе можно сделать отдельный доклад, написать целую статью.

В данном случае мы попытаемся лишь наметить контуры этой обширной темы, ставя задачи, во-первых, выявить пушкинский бестиарий; во-вторых, употребительность тех или иных наименований из мира животных в произведениях писателя; в-третьих, их основные речевые (эстетические) функции. Материалом для наших наблюдений и выводов послужил, в частности, «Словарь языка Пушкина», отразивший основное словарное богатство произведений писателя¹.

В указанном словаре зафиксированы следующие лексемы (существительные и прилагательные), прямо или косвенно отражающие животный мир: *агнец* (5)², *баран* (5), *бараний* (4), *барашек* (2), *белка* (3), *белобока*, *белочка* (3), *бестия* (8), *блоха* (5), *бобр* (2), *божия коровка*, *борзая* (4), *буйвол* (2), *буйволоный* (2), *бык* (6), *бычачий*, *верблюд* (5), *верблюжий*, *вол* (20), *волк* (24), *воловий*, *волчонок* (2), *волчий* (2), *волчиха* (2), *ворон* (25), *ворона*, *вороненок*, *вороний*, *вошь*, *вран* (3), *гад*, *галка*, *галочка*, *голубица* (4), *голубка* (4), *гончая* (2), *грач*, *гусь* (14), *див-рыба*, *еж* (3), *елень* (2), *жаба* (10), *жеребец* (6), *животное* (7), *жук* (3), *журавль* (2), *жучка*, *зайка* (7),

¹ Ср.: Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина. М., 1982

² В скобках отмечена частота употреблений конкретного слова в текстах писателя; при наличии многозначности, учитывается основное значение лексем.

зайчий (14), зайчик, заяц (15), зверинец, звериный (2), зверишка, зверок (2), зверь (46), зверюшка, змеиный (4), змей (6), змея (27), змий (7), иволга, индейка (2), кабан, канарейка, карась, клоп (2), кляча (9), клячка (4), кобель (4), кобылий, кобылица (3), кобылка (7), кобылятина, коза (4), козел (2), козий (4), козочка, комар (10), конский (12), конь (267), корова (10), коршун (8), косатка, кот (17), котенок (4), кошка (12), кошурка, крокодил, кролик, крыса (5), кузнечик (летучий), кукушка (2), кулик (2), куний, куриный, курица (10), курятник, ласточка 'птица' (5), ласточка (уменьшит. от ласка – 'хищный пушной зверек'), лебединый, лебедушка (3), лебедь м. р. (18), лебедь ж. р. (20), лев (16), лиса (чернобурая), лисий, лисица (2), лось (11), лошадиный (4), лошадка (6), лошадь (277), лошац (2), львиный, львица, лягушка (4), мартышка (2), медведиха (12), медведь (56), медвежатухи (6), медвежий (7), медвежонок (5), миша – о медведе (3), Мишин, моська (мопс, разг.) (3), мотылек (4), мошка, муравей, муравьиный, мурашка (2), муха (11), мыший, мышонок (2), мышь (8), налим, наседка, насекомое (5), обезьяна (9), овца (3), олений (2), олень (9), орел (33), орленок, орлиный (3), орлица (2), осел (8), осетр (4), осленок, ослиный, ослица (3), паук (5), петух (22), петуший, петушок (14), пиявка (3), плотца, полужуравль, полукот, попугай, поросенок (5), пташка (2), птенец (3), птица (26), птичий, птичка (15), пчела (62), пчелиный, пчелка (2), рак (5), русак, рыба (10), рыбка (44), рыбный (2), рысак (2), рысий (3), сайгак, саранча (5), свиной (3), свинья (19), селедка (3), сельдь (2), серна (3), скворец (2), скот (15), скотный (2), слепень, слон, собака (52), собачка (6), собачонка, соболий (5), соболь (2), сова (3), сокол (18), соколиный, соловей (20), соловейко (2), сорока (3), стерлядь (еда), стрекоза, сука (2), сукин (4), сурок, сучка, табун (15), теленок, телец (3), телячий, тигр (8), тигренок, устрица (5), утка (6), форель (2), хищник (7), цыпленок (4), червь (3), червяк, черепаха, чижик (2), штиц (2), щенок (5), щука (3), ястреб (3). Всего подобных слов свыше 200, из них конкретных наименований представителей фауны более 100 единиц.

По частоте употребления наиболее активны у Пушкина слова *лошадь* (277), *конь* (267)¹, *пчела* (62)², *медведь* (56), *собака* (52), *зверь* (46), *рыбка* (44), *лебедь* (38), *орел* (33), *петух* (22), *змея/змей/змий* (27), *птица* (26), *ворон* (25), *волк* (24), *вол* (20), *соловей* (20), *свинья* (19), *сокол* (18), *кот* (17), *лев* (16), *заяц* (15), *птичка* (15), *гусь* (14), *петушок* (14), *кошка* (12), *лось* (11), *муха* (11), *жаба* (10), *комар* (10), *корова* (10), *курица* (10), *рыба* (10). И, наоборот, «одноразовыми» являются в произведениях писателя следующие наименования: *божья коровка*, *ворона*, *вошь*, *галка*, *грач*, *еж*, *жучка*, *иволга*, *кабан*, *канарейчка*, *карась*, *крокодил*, *кролик*, *кузнечик*, *ласточка* (от *ласка*), *лиса*, *львица*, *муравей*, *налим*, *наседка*, *плотица*, *русак*, *сайгак*, *слепень*, *слон*, *стерлядь*, *стрекоза*, *сурок*, *черепаха*. Каких-то экзотических животных в пушкинском языке не отмечено (разве что *верблюд*, *крокодил*, *лев*, *слон* и т. п.); в основном представлен мир русского быта, мифологии, фольклора. Встречаются, впрочем, зоомифологизмы и вымышленные писателем существа, например *кентавр*, *Див-Рыба*, *полу-журавль*, *полу-кот*.

Привлечение лексем из мира фауны можно наблюдать в различных проявлениях творчества писателя – лирике, поэмах, романе в стихах, сказках, прозе, драматургии, критике, письмах и т. д. Подобные слова выполняют в пушкинских произведениях несколько эстетических функций, иногда выступающих в чистом виде, но чаще наслаивающихся друг на друга.

Прежде всего такие наименования служат Пушкину средством создания речевой **образности**, которая может выражаться с помощью а) сравнительного оборота, б) развернутого сравнения-предложения, в) метафоры, г) описательного оборота, д) контрастивного оборота. Например:

а) «О стыд! о ужас наших дней! / **Как звери**, вторглись янычары!..» («Вольность», 1817); «Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя; / То, **как зверь**, она завоет, / То заплачет, как дитя <...>» («Зимний вечер», 1825); «Перстами легкими как сон / Моих

¹ Частотность этой лексемы, вероятно, поддерживается и ее потенциальными ассоциациями с крылатым конем поэзии Пегасом. См., например, пушкинское стихотворение «К другу стихотворцу» (1814).

² С учетом наименования петербургского издания «Северная пчела».

зениц коснулся он. / Отверзлись вещие зеницы, / **Как у испуганной орлицы**» («Пророк», 1826); «Уж мало ль бился я, **как ястреб молодой**, / В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой, / А не исправленный стократною обидой, / Я новым идолам несу мои мольбы...» («Каков я прежде был, таков и ныне я...», 1828); «...Играет [Терек] и воеет, **как зверь молодой**, / Завидевший пищу из клетки железной; / И бьется о берег в вражде бесполезной, / И лижет утесы голодной волной...» («Кавказ», 1829); «Да вот беда: сойди с ума, / И страшен будешь как чума, / Как раз тебя запрут, / Посадят на цепь дурака / И сквозь решетку **как зверка** / Дразнить тебя придут» («Не дай мне бог сойти с ума...», 1833); «...При Калке / Один из них был схвачен в свалке, / А там раздавлен **как комар** / Задами тяжкими татар» («Родословная моего героя», 1836); «...И падшими вся степь покрылась / **Как роем черной саранчи**» («Полтава»); «В строях ровняются полки. / Толпы кипят. Сердца трепещут. / Дорога, **как змеинный хвост**, / Полна народу, шевелится» («Полтава»); «Будь проклят мной! <...> / Чтоб ты, **как раненый олень**, / Бежал, тоскуя безотрадно, / Чтоб дети русских деревень / Тебя веревкою поймали / И **как волченка затерзали**» («Тазит»); «Угрюмый Анджело в громаде уложенья / Отрыл его – и в страх повесам городским / Опять его на свет пустил для исполненья, / Сурово говоря помощникам своим: / “Пора нам зло пугнуть. В балованном народе / Преобразились привычки уж в права / И шмыгают кругом закона на свободе, / **Как мыши около зевающего Льва**. / Закон не должен быть пугало из тряпицы, / На коем наконец уже садятся **птицы**”» («Анджело»); «...Нева вздувалась и ревела, / Котлом клокоча и клубясь, / И вдруг, **как зверь остервенясь**, / На город кинулась» («Медный всадник»); «Вынырнул подосланный бесенок, / Замяукал он **как голодный котенок** / “Здравствуй, Балда мужичок; / Какой тебе надобен оброк? / <...>”» («Сказка о попе и о его работнике Балде»); «...И царица над ребенком / **Как орлица над орленком** <...>» («Сказка о царе Салтане...»); «При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, **как тигр по своей клетке**» («Выстрел»); «На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены салями мирных осетинцев, **как будто гнездами**

ласточек» («Путешествие в Арзрум...»); «Статьи и стихов Шаликова не читал. Неужто он обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен, **как барашек!**» (Пушкин – П.А. Вяземскому, 25 мая 1825 г.); «Кузинки пищат, **как галочки**» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, 11 мая 1836 г.). Разновидностью сравнительного оборота является особая конструкция (наречие в сравн. ст. + зооним в род. п.), ср.: «**Быстрее орла**, быстрее звука лир / Прелестница летела, как зефир» («Монах», 1813); «...Дверь отворилась. Ольга к ней, / Авроры северной алей / И **легче ласточки** влетает <...>» («Евгений Онегин»); «И с диким смехом завизжала, / И **легче серны** молодой / Она вспрыгнула, побежала / И скрылась в темноте ночной» («Полтава»); «Саша **быстрее белки** бросился к нему и зацепился за его обеими руками» («Дубровский»).

б) «...Но из виду не выпускаю вас / И выберу когда-нибудь любого: / Не избежит пронзительных когтей, / Как налечу нежданный, беспощадный. / **Так в облаках кружится ястреб жадный** / И сторожит **индеек и гусей** («Приятелям», 1825); «**Так иногда лукавый кот**, / Жеманный баловень служанки, / **За мышью крадется с лежанки**» («Граф Нулин»); «...Ждала Татьяна с нетерпением, / Чтоб трепет сердца в ней затих, / Чтобы прошло ланит пыланье. / Но в персях то же трепетанье, / И не проходит жар ланит, / Но ярче, ярче лишь горит... / **Так бедный мотылек и блещет** / И **бьется радужным крылом**, / Пленный школьным шалуном; / **Так зайчик в озиме трепещет**, / Увидя вдруг издалека / В кусты припадшего стрелка» («Евгений Онегин»); «Гремят отодвинутые стулья; / Толпа в гостиную валит: / **Так пчел из лакомого улья** / **На ниву шумный рой летит**» («Евгений Онегин»).

в) «В одну телегу впрячь неможно / **Коня** и трепетную **лань**. / Забылся я неосторожно: / Теперь плачу безумства дань...» («Полтава»); «Ты в горло сталь ему воткнул / И трижды тихо повернул, / Упился ты его стонаньем, / Его **змеиным** издыханьем...» («Газит»); «Палач вошел... О, ночь мучений! / Но где же гетман? где злодей? / Куда бежал от угрызений / **Змеиной** совести своей?» («Полтава»); «Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались **насекомыми**»

(«Путешествие в Арзрум...»); «Дом сей (*«Хитровой на Арбате»*. – Н. В.) нанял я в память моей Элизы; скажи это Южной **ласточке**, смугло румяной красоте нашей» (Пушкин – П.А. Плетневу, 26 марта 1831 г. – XIV, 158). Ср. также более сложный случай использования наименований животных в этой функции: «...“Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь; / Не **мышонка**, не **лягушку**, / А неведому **зверюшку**”» («Сказка о царе Салтане...»).

г) «<...> Ее движенья / То **лебеда** пустынных вод / Напоминают плавный ход, / То **лани** быстрые стремленья» («Полтава»).

д) «Не **серна** под утес уходит, / **Орла** послыша тяжкий лёт; / Одна в сених невеста бродит, / Трепещет и решенья ждет» («Полтава»).

Образная роль подобных слов чаще сопровождается **оценкой** описываемого, иногда с идеологической окраской. Так, одна из известнейших эпиграмм Пушкина («Собрание насекомых», 1829) целиком построена на параллелях из мира животных:

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот Глинка – божия коровка,
Вот Каченовский – злой паук,
Вот и Свинын – российский жук,
Вот Олин – черная мурашка,
Вот Раич – мелкая букашка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах (III, 204).

Приведем и другие примеры подобного словоупотребления: «Охотник до журнальной драки, / Сей усыпительный зоил / Разводит опиум чернил / Слюнею бешеной **собаки**» («Охотник до журнальной драки...», 1824); «Поверь, когда **слепней** и **комаров** / Вокруг тебя летает **рой** журнальный, / Не рассуждай, не трать

учтивых слов, / Не возражай на писк и шум нахальный: / Ни логикой, ни вкусом, милый друг, / Никак нельзя смирить их род упрямый. / Сердиться грех – но замахнись и вдруг / Прихлопни их проворной эпиграммой» («Совет», 1825); «Подруга дней моих суровых, / **Голубка** дряхлая моя! / Одна в глуши лесов сосновых / Давно, давно ты ждешь меня» («Няне»); «Перед гробницею святой / Стою с поникшею главой... / <...> / Под ними спит сей властелин, / Сей идол северных дружин, / Мاستитый страж страны державной, / Смиритель всех ее врагов, / Сей остальной из стаи славной / Екатерининских **орлов**» («Перед гробницею святой...», 1831); «...Ты проклянешь и день и час, / Когда ты дочь крестил у нас, / <...> / И ночь, когда **голубку** нашу / Ты старый **коршун**, заклевал!..» («Полтава»); «Разврат, бывало, хладнокровный / Наукой славился любовной, / Сам о себе везде трубя, / И наслаждаясь не любя. / Но эта важная забава / Достойна старых **обезьян** / Хваленых дедовских времен <...>» («Евгений Онегин»); ««<...> Не потерплю, чтоб развратитель / Огнем и вздохов и похвал / Младое сердце искушал; / Чтоб **червь** презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек <...>» («Евгений Онегин»); «А ткачиха с Бабарихой / Да с кривою поварихой / Около царя сидят, / Злыми **жабами** глядят» («Сказка о царе Салтане...»); ««<...> на беду мою, отец его [Валериана] во время бунта спас мне жизнь, и черт меня догадал принять в свой дом проклятого **волченка**» («Арап Петра Великого»); «Увлеченный однажды **львиным** ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального **тигра**» («Александр Радищев»); «Судьба не перестает с тобой проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной **обезьяной**, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего» (Пушкин – П.А. Вяземскому, втор. пол. мая 1826 г. – XIII, 278); «...вы на меня видно сердитесь, между тем как я пренесчастное **животное** уж без того» (Пушкин – Н.Н. Гончаровой, 29 окт. 1830 г. – XIV, 119); «...что решил комитет на мое всеуниженное прошение? Ужели залягает меня **ослеенок** Никитенко, и забодает **бык** Дундук?» (Пушкин – П.А. Плетневу, ок. 11 окт. 1835 г. – XVI, 55-56); «Как ты права была в том, что не должно мне было

принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все **пиявки** дома нашего ее мне не высосут» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, ок. 28 июня 1834 г. – XV, 168).

Нередко Пушкин прибегает к **шутливо-ироническому** (порой с элементами каламбуризации, контекстуальной синонимии, антонимии и т. д.) использованию данных наименований. Например: «Студент под лестницей трактира / В каморке темной жил один; / <...> / Творенье Фихте и Платона / Да два восточных лексикона / Под паутиною в углу / Лежали грудой на полу, – / Предмет занятий разнородных, / Ученого да **крыс** голодных» («Послание Дельвигу», 1827); «Но надо знать и честь; полгода снег да снег, / Ведь это наконец и жителю берлоги, / **Медведю** надоест» («Осень», 1833); «Мне жаль, <...> / Что геральдического **льва** / Демократическим копытом / Теперь лягает и **осел**: / Дух века вот куда зашел!» («Родословная моего героя», 1836); «(Люблю я дружеские враки / И дружеский бокал вина / Порою той, что названа / **Пора меж волка и собаки**¹, / А почему, не вижу я.)» («Евгений Онегин»); «У Пелагеи Николавны / Все тот же друг мосье Финмуш, / И тот же **шпиц**, и тот муж <...>» («Евгений Онегин»); «Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого **кобеля**» («Капитанская дочка»); «Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной **медведь** кланяется *господам* по приказанию своего вожатого» («Барышня-крестьянка»); «Княгинюшка, мужчина, **что петух**: / Кири ку-ку! мах мах крылом и прочь. / А женщина, **что бедная наседка**: / Сиди себе да выводил **цыплят**» («Русалка»); «Каков Булгарин и вся братья. Это не **соловьи-разбойники**, а **грачи-разбойники**» (Пушкин – П.А. Вяземскому, нач. апр. 1824 г. – XIII, 92); «Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне – скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни италийской оперы. Но зато нет – ни **саранчи**, ни милордов Уоронцовых» (Пушкин – Д.М. Шварцу, ок. 9 дек. 1824 г. – XIII, 129). «Прости, прощай – с тобою ли твоя княгиня-**лебедушка**? кланяйся ей от арзамасского **гуся**» (Пушкин –

¹ Калька французской идиомы *entre chien et loup*.

П.А. Вяземскому, 13 июля 1825 г. – XIII, 188); «Пас стада главы моей (**вшей?**)» (Пушкин – В.К. Кюхельбекеру, 1–6 дек. 1825 г. – XIII, 248); «Сестра (О.С. Пушкина-Павлищева. – *Н.В.*) просит для своего **Голубчика** моего **Ворона**; как ты думаешь. Пускай шурин гравировет, а ты печатай» (Пушкин – А.А. Дельвигу, сер. нояб. 1828 г. – XIV, 35)¹, «С Нащокиным вижусь всякий день. У него в *домике* был пир: подали на стол **мышенка** в сметане под хреном в виде **поросенка**. Жаль не было гостей» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, ок. 30 сент. 1832 г. – XV, 33). «Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабенка, и каков красноглазый **кролик** Смирнов?» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, ок. 27 июня 1834 г. – XV, 166). Ср. также оригинальное употребление синонима слова *свинья* (*хавронья*) в латинизированной форме по отношению к издателю «Вестника Европы», профессору Московского университета М.Т. Каченовскому «**Хаврониус!** ругатель закоснелый <...>» («На Каченовского», 1820).

Вариантом реализации данной функции наименований животных является их **пародийно-стилистическое** употребление. Например: «**Орел** бьет **сокола**, а **сокол** бьет **гусей**; / Страшятся **щуки крокодила**; / От **тигра** гибнет **волк**, а **кошка** ест **мышей**. / Всегда имеет верх над слабостью сила» («Сила и слабость», 1826)²; «У ворот покойницы уже стояла полиция, и расхаживали купцы, **как вороны**, почуя мертвое тело» («Гробовщик»); «Пруд наполнен **карасями**, а в реке Сивке водятся **щуки** и **налимы**» («История села Горюхина»).

Используется писателем и **стилистический** потенциал наименований животного мира, их сниженно-бытовая или, наоборот, высокая маркировка, – в **орнаментально-**

¹ Н.И. Павлищев выступил одним из издателей альманаха «Лирической альбом на 1829 год», в котором была помещена музыкальная вариация переводного стихотворения Пушкина «Ворон к ворону летит...». См.: Пушкин. Письма: В 3 т. / Под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 314–315.

² Авторство стихотворения – из пародийного цикла «Нравоучительные четверостишия» – оценивается как «коллективное», т. е. принадлежащее Пушкину и Н.М. Языкову. См.: (II, 445).

изобразительной (а) или **контрастивно-натуралистической** (б) функций. Например:

а) «...И много, много сильных пало; / Их гробы черный **вран** стрежет» («Кольна: Подражание Оссиану», 1814); «Милее мне смиренная девица – / Послушная, как **агнец** полевой; / Йоанна же была душою **львица** <...>» («Начало I “Девственницы”», 1825); «...И вял я неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И **гад морских** подводный ход, / И дольней лозы прозябанье. / И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный, и лукавый, / И жало мудрыя **змеи** / В уста замерзшие мои / Вложил десницею кровавой» («Пророк», 1826); «Стрекотунья белобока / Под калиткою моей / Скачет пестрая **сорока** / И пророчит мне гостей» («Стрекотунья белобока...», 1829); «По белым хижинам аула / Мелькает бледный свет луны; / **Елени** дремлют над водами, / Умолкнул поздний крик **орлов**, / И глухо вторится горами / Далекий топот **табунов**» («Кавказский пленник»); «...Уже приюта между скал / **Елень** испуганный искал; / **Орлы** с утесов подымались / И в небесах перекликались; / Шум **табунов**, мычанье **стад** / Уж гласом бури заглушались» («Кавказский пленник»); «...она / Цвела как ландыш потаенный, / Незнаемый в траве глухой / Ни **мотыльками**, ни **пчелой**» («Евгений Онегин»); «...На красных лапках **гусь** тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на лед <...>» («Евгений Онегин»).

б) «<...> Закаркав, отлетела / Ватага черная **ворон**, / Лишь только к ним подъехал он («Альфонс садится на коня...», 1836); «Наталья Павловна сначала / Его внимательно читала, / Но скоро как-то развлеклась / Перед окном возникшей дракой / **Козла** с дворовою **собакой**. / И ею тихо занялась. / Три **утки** полоскались в луже...» («Граф Нулин»); «Вот бегают дворовый мальчик, / В салазки **жучку** посадив, Себя в **коня** преобразив...» («Евгений Онегин»); «Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. **Жук** жужжал» («Евгений Онегин»)¹; «...На станции **клопы** да **блохи** /

¹ См. иронический комментарий писателя к выпадам в его адрес по поводу данного контекста: «Критик («Северной пчелы». – Н. В.) радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих» (XI, 150).

Заснуть минуты не дают <...> («Евгений Онегин»); «Мелькают мимо будки, бабы, / <...> Балконы, львы на воротах / И стаи **галок** на крестах» («Евгений Онегин»); «Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем **собачьем** языке. Тут же находился и лазарет для больных **собак**, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные **суки** оцелялись и кормили своих **щенят**» («Дубровский»); «...если б “Недоросль” явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *канальей* и *собачьей* дочерью, а себя сравнивает с *сукою* (!!)» («Опровержение на критики», 1830).

Зоонимы служат писателю и средством отражения своеобразного **философско-эстетического единения человека и природы**, включая ее животную ипостась. Например: «Как быстро в поле, вокруг открытом, / Подкован вновь, мой **конь** бежит! / Как звонко под его копытом / Земля промерзлая звучит» («Как быстро в поле...», 1828); «Но знаешь: не велеть ли в санки / **Кобылку** бурую запречь? // Скользя по утреннему снегу, / Друг милый, предадимся бегу / Нетерпеливого **коня** <...>» («Зимнее утро», 1829); «Встает заря во мгле холодной; / На нивах шум работ умолк; / С своей **волчихою** голодной / Выходит на дорогу **волк**; / Его почуя, **конь** дорожный / Храпит – и путник осторожный / Несется в гору во весь дух; / На утренней заре пастух / Не гонит уж **коров** из хлева <...>» («Евгений Онегин»); «**Пчела** за данью полевой / Летит из кельи восковой» («Евгений Онегин»). Ср. также реалистические детали подобного рода даже в условиях романтического хронотопа пушкинского творчества, например: «Но вот на табор кочевой / Нисходит сонное молчанье / И слышно в тишине степной / Лишь лай **собак** да **коней** ржанье» («Цыганы»).

Несколько реже Пушкин привлекает обозначения животного мира в целях **каламбурной** игры: «Напрасно ахнула Европа, / Не унывайте, не беда! / От петербургского потопа / Спаслась Полярная Звезда. / Бестужев, твой ковчег на бреге! / Парнаса блещут высоты; / И в благодетельном ковчеге / Спаслись и люди и **скоты**» («Напрасно ахнула Европа...», 1825); «Как же смел ты, вор,

назваться государем? продолжал Панин. – Я не **ворон** (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по-своему обыкновению, иносказательно, я **вороненок**, а **ворон**-то еще летает) («История Пугачева»); «Приходил целовальник **еж**, / Все-то **еж** он ежится, / Все то он щетинится» («Сказка о медведихе»); «Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как **барана**, а не как барона» (Пушкин – П.А. Плетневу, 9 дек. 1830 г. – XIV, 133).

Порой термины фауны выступают в качестве тех или иных **символов**, чаще всего – свободы, реже – безграничного самовластия или иных явлений. Например: «Сижу за решеткой в темнице сырой. / Вскормленный в неволе **орел** молодой, / Мой грустный товарищ, махая крылом, / Кровавую пищу клюет под окном. // <...> // “...Мы вольные **птицы**; пора, брат, пора!”» («Узник», 1822); «Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся **орел**» («Поэт», 1827); «Кавказ подо мною. Один в вышине / Стою над снегами у края стремнины; / **Орел**, с отдаленной поднявшись вершины, / Парит неподвижно со мной наравне» («Кавказ», 1829); «Когда подьмется с полей / Станица поздних **журавлей** / И с криком вдаль на юг несется, / Пронзенный гибельным свинцом / Один печально остается, / Повиснув раненым крылом» («Цыганы»); «Куда ты скачешь гордый **конь** / И где опустишь ты копыта?» («Медный всадник»); «Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и **врана** и **голубицу**, излетающих, символы казни и примирения <...>» («Путешествие в Арзрум...»).

Используются термины фауны для создания **речевой** портретной **характеристики** персонажей. Например: «Послушай, князь: взять меры сей же час; / Чтоб от Литвы Россия оградилась / Заставами; чтоб ни одна душа / Не перешла за эту грань; чтоб **заяц** / Не прибежал из Польши к нам; чтоб **ворон** / Не прилетел из Кракова. Ступай» («Борис Годунов»); «– Господа енералы! – провозгласил важно Пугачев. – Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские **собаки** дрыгали ногами под одной перекладной; беда, если наши **кобели** меж собою перегрызутся» («Капитанская дочка»).

Почти единичны случаи употребления зоонимов в других функциях – а) фольклорной, б) фантастико-фантазмагорической, в) историко-поэтической, г) мифопоэтической, д) металитературной, е) полемической. Например: а) «Спой мне песню, как **синица** / Тихо за морем жила; / Спой мне песню, как девица / За водой поутру шла» («Зимний вечер», 1826); «Как жениться задумал царский арап, / Меж боярынь арап похаживает, / На боярышень арап поглядывает, / Что выбрал арап себе сударушку, / Черный **ворон** белую **лебедушку**» («Как жениться задумал царский арап...», 1824); б) «К нему и **птица** не летит / И **тигр** нейдет – лишь вихорь черный / На древо смерти набезит / И мчится прочь уже тлетворный» («Анчар», 1828); «...И что же видит?.. за столом / Сидят чудовища кругом: / Один в рогах с **собачьей** мордой, / Другой с **петушьей** головой, / Здесь ведьма с **козьей** бородой, / Тут остов чопорный и гордый, / Там карла с хвостиком, а вот / **Полужуравль** и **полукот**» («Евгений Онегин»); в) в качестве яркой иллюстрации здесь можно привести поэтическое переложение легенды о смерти киевского князя Олега («Песнь о вещем Олеге», 1822); г) «Будь проклят мной! поди – чтоб слуха / Никто о робком не имел, / Чтоб вечно ждал ты грозной встречи, / Чтоб мертвый брат тебе на плечи / Окровавленной **кошкой** сел / И к бездне гнал тебя нещадно» («Газит»); д) «Есть различная смелость: <...> Крылов говорит о храбром **муравье**, что “Он даже хаживал один на **паука**”» («Материалы к “Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям”»); е) «Иметь **корову** везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь **коровы** есть знак ужасной бедности» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Таким образом, наименования животных формируют в словаре Пушкина особую лексическую подсистему и являются важным изобразительным элементом его поэтики, выполняя при этом различные эстетические функции, одновременно отражая бытовую «изюминку» русской жизни, русской мифопоэзии. Активное привлечение Пушкиным данных языковых ресурсов свидетельствует о демократизации его литературной речи еще с одной стороны, ранее системно не рассматривавшейся исследователями.

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА»: 50 ЛЕТ СПУСТЯ...¹

Значение «Словаря языка Пушкина», воплотившего замыслы ученых не одного поколения, может быть осмыслено в разных аспектах. Он дал филологам возможность обращаться по самым разным поводам к алфавитно-концептуальной базе пушкинских текстов; предоставил систематизированные сведения о языке писателя для различных наблюдений, сравнений, сопоставлений; инициировал продуктивные статистические исследования²; стимулировал появление новых авторских словарей.

Мы остановимся на трех принципиальных вопросах пушкинской лексикографии: 1) какими новыми фактами, касающимися «языка Пушкина», был дополнен Словарь; 2) какие системные стороны языка классика удалось выявить на основе Словаря; 3) что еще предстоит сделать, чтобы исчерпывающе репрезентировать язык Пушкина в контексте его литературной эпохи.

Важнейшим является вопрос о количественно-качественных характеристиках языка Пушкина, поскольку речь идет об основоположнике современного литературного языка. Словарь отразил лексику почти всех известных сочинений писателя. В нем представлены, по данным составителей, 21 290 лексем³.

В «Новых материалах к Словарю А.С. Пушкина»⁴, основанных на «других редакциях и вариантах» произведений классика, зафиксировано, по нашим подсчетам, еще 1656 слов⁵. Среди них немало таких, которые существенно расширяют

---

¹ Доклад автора на расширенном научном семинаре «Авторская лексикография и история слов», посвященном 50-летию выхода в свет заключительного тома «Словаря языка Пушкина» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 16–17 дек. 2011 г.).

² См.: Фрумкина Р.М. Статистическая структура лексики Пушкина. С. 78–81; Материалы к частотному словарю языка Пушкина (проспект). М., 1963.

³ Ср.: Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения языка. С. 48.

⁴ Новые материалы к словарю А.С. Пушкина. М., 1982.

⁵ Ср.: Словарь языка Пушкина. 2-е изд., доп. / Отв. ред.: В.В. Виноградов, В.А. Плотникова; при участии С.Н. Боруновой, Н.Н. Ивановой, Е.Ф. Петрищевой, В.В. Пчелкиной, Е.П. Ходаковой. М., 2000. Т. 1. С. VIII.

представления о богатстве пушкинского лексикона: *алгебраический, амбразура, амплификация, антипоэтический, арбуз, архитектор, астрономия* и др. Заметим попутно, что в «Списке слов, не зарегистрированных в “Словаре языка Пушкина” (т. I–IV)» составителями пропущено 21 слово с пометой «н.с.» (*боров, взяточница, вольнолюбие* и др.); эта неточность присутствует и во втором издании Словаря.

Следовательно, можно было бы сказать, что Пушкин использовал в своей письменной речи 22 946 слов. Однако данный вывод будет преждевременным, поскольку а) в выборку для картотеки Словаря вошли не все произведения писателя; б) не все слова, встречающиеся в основном корпусе пушкинских текстов, были включены в Словарь; в) в нем присутствуют не только лексемы, но и имена собственные; г) имеются случаи дублирования слов; д) в «Новых материалах к Словарю...» тоже обнаруживаются онимы и морфологические дублеты.

Составителями Словаря не были приняты во внимание такие крупные сочинения Пушкина, как «История Петра» и «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова».

Комментируя это обстоятельство, Г.О. Винокур писал: «Что касается самого объема привлекаемых текстов Пушкина, то <...> практическая сторона дела с самого же начала заставила отказаться от включения в Словарь <...> материалов к Истории Петра I, выписок о “Камчатских делах” <...>»; «...конспекты из Голикова или Крашенинникова – это не просто выдержки из книг, а переложение, сделанное самим Пушкиным <...>. Но этим ограничениям не придается строго принципиального характера. Они <...> имеют своей целью не откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков <...>»¹.

«История Петра» – незавершенный труд, основанный на выписках Пушкина из книги И.И. Голикова «Деяния Петра Великого <...>» (М., 1788–1797), архивных и иных материалах. При этом в качестве собственно пушкинской речи можно рассматривать

¹ См.: Проект Словаря языка Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.; Л., 1949. С. 14–15.

текстовые фрагменты, не имеющие цитатного характера, разделы «Указы Петра I», обычно не являющиеся буквальным воспроизведением исторических документов, отдельные слова, выделенные писателем курсивно как знак «чужой речи», но органично входящие в пушкинскую фразу. Здесь встречается 940 лексем, отсутствующих в Словаре. В их число мы не включаем, однако, слова, зафиксированные в «Новых материалах к Словарю...»: *аргамак, архитектор, астрономия* и др. Учет последних тем не менее важен для понимания системных закономерностей употребления писателем языковых элементов в разных литературных жанрах.

В тематическом плане выявленные в «Истории Петра» лексемы распадаются на следующие группы, раскрывающие новые грани языка Пушкина: административно-правовая лексика (*администратор, альянс, апробация, аудиенция, банк* ‘финансовое учреждение’, *беспошлинно, библиотекарь, бракосочетание, валовой* ‘оптовый’, *гарантия* и др.); книжно-отвлеченная (*верслужение, вознегодовать, восстановитель* и др.); бытовая (*алтынник, безветрие, бездорожища, бесконница, болото, бритье, бродяжничать* и др.); этнические и географические наименования (*амстердамский, афганец, болгарин* и др.); военная терминология (*апроиши, блокада, бомбардирование, бруствер* и др.); техническая (*брак* ‘дефект’, *винокурение, выплавка, гипсовый, гравер* и др.); морская (*буер, галерный, галиот, каютный* и др.); научная (*анатомический, аптекарский, бальзамировать, ботанический, врачебный* и др.)¹.

В «Заметках при чтении “Описания земли Камчатки”...» – конспекте книги русского академика, вышедшей в 1755 г., обнаружены 124 слова, отсутствующие в иных текстах писателя, не считая совпадающих с лексикой «Истории Петра» (*перезимовать, переколоть, штурман*) или отмеченных в «Новых материалах к Словарю...» (*балаган, бойница, вовлекать* и др.). Это бытовые понятия (*вываривать, головешка, жердь* и др.); книжная и научная лексика (*бесстрашно, гористый, губа* ‘морской залив’ и др.);

¹ См.: *Васильев Н.Л.* Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3. С. 48–51.

географические и этнические обозначения (*анадырский, камчадал, камчатский* и др.); экзотизмы, т. е. понятия, присущие быту, верованиям населения Камчатки (*брыхтатан* ‘огненные люди’ – наименование русских у камчадалов, *гамул* ‘дух’, *бранок* ‘ободранный медведем человек’ и др.), названия средств передвижения по воде (*байдара, дощаник, пакетбот* и др.).

Не рассматриваются пушкинистами в качестве произведений писателя переводы с иностранных языков, записи народных сказок, различные документы и т. д.¹. Не принимались они во внимание и составителями Словаря.

В литературном отношении данные тексты представляют второстепенный интерес. Однако среди них есть проявления речи писателя, любопытные для лингвистического изучения, например перевод с немецкого языка биографии А.П. Ганнибала, сказки, записанные со слов А.Р. Яковлевой², где, соответственно, встречаются лексемы *единокровный, единоутробный, лютеранский; заволока, лепешечка, локоток* и др., прямо или косвенно отражающие пушкинский лексикон.

Не вошла в картотеку Словаря и лексика пародийной баллады Пушкина «Тень Баркова», планировавшейся к публикации в 1937 году в качестве приложения к первому тому академического собрания сочинений писателя³. Помимо грубых в произведении есть вполне пристойные слова, отсутствующие в Словаре: *водрузиться, восплакать, задорно, зардеть, измяться, каплун, корпеть, матерный, милашка* и др.

По формальным и отчасти этическим соображениям составителями Словаря были проигнорированы вульгарно-обценные элементы, скрывающиеся в академическом собрании пушкинских сочинений за пропусками и отточиями. Исключениями явились лексемы *выблядок, выдрочить, сука* (в бранном значении),

¹ Цявловский М. Предисловие // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 9–12; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 10.

² См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 17. С. 33–48, 362–369.

³ См.: Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002. С. 158–159.

сукин (в составе фразеологизмов *с. сын, с. дети*) и стыдливый полуэвфемизм *толсто<- ->ый*. Между тем в текстах писателя подобных слов не менее 40: *говночист, жопа, серить* и др.¹ Некоторые такие лексемы отмечены в «Новых материалах к Словарю...», поскольку «другие редакции и варианты» пушкинских произведений в меньшей степени подвергались эстетической «цензуре»: *блядин, бордельный, курва, пернуть, пис-пис, шлюха*.

Несмотря на вульгарность, данные языковые средства расширяют представление о стилистической палитре писателя, характере его речи в условиях дружеской переписки. Почти все они, за исключением окказионализмов, представлены в тех или иных толковых словарях, т. е. вполне «реабилитированы» современным лексикографическим сознанием, и, следовательно, не компрометируют Пушкина, заявлявшего: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейской жеманности и фр<анцузской> утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (XIII, 80).

Стоит также напомнить, что первичный замысел авторского коллектива Словаря относительно спектра помещаемой лексики исходил из отсутствия каких-либо границ в этом плане: «Общим требованием всякого словаря языка Пушкина должно быть включение в него решительно всего лексического материала из текстов Пушкина»².

В Словарь, однако, не были включены и варваризмы³, ставшие позже полноправными элементами русского языка: *antidote, bravo, chef d'oeuvr* и др. Это касается и лексем, выражений, употребляющихся в нетранслитерированном виде до сегодняшнего дня: *addio, bon-mot, con amore* и др.⁴ Подобные заимствования квалифицируются как особые единицы русского языка⁵. В то же

¹ Цявловский М.А. Комментарии <к «Тени Баркова»> [1930–1931, 1937] // Публ. Е.С. Шальмана; подгот. текста и прим. И.А. Пильщикова // Philologica. 1996. № 5/7. С. 199–213.

² Проект Словаря языка Пушкина. С. 14.

³ См.: Сорокин Ю.С. [Рец.] Словарь языка Пушкина в четырех томах. С. 130.

⁴ Васильев Н.Л., Савина Е.В. Варваризмы в языке А.С. Пушкина // Филологические науки. 2000. № 2. С. 99–105.

⁵ Бабкин А.М., Шеноецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов.

время в Словаре отражены иноязычные лексемы, онимы, термины, фразы (*брудер, вербана ат, кесь ке се, кло-д-вужо, колера морбус, Конверсационс Лексикон* и др.) лишь на том основании, что они встречаются в текстах писателя в кириллической графике.

По принципиальным соображениям в Словарь не вошли имена собственные, кроме условно-поэтических, мифологических и употребленных нарицательно или переносно¹. Фактически же они представлены гораздо шире. Составители отразили названия административных единиц, художественных произведений, исторических событий, имена отдельных лиц и т. д.: *Абидосский* («Абидосская невеста» Байрона), *Агриона* (трагедия В.И. Майкова), *Алжирец* (прозвище Н.В. Всеволожского), *Аландский* (конгресс), *Аничкин* (мост), *Анненский* (крест, лента), *Антигона* (персонаж трагедии В.А. Озерова), *Апеллес* (древнегреческий художник), *Астраханский* (полк, губерния), *Атеней* (журнал) и др. В Словаре присутствуют притяжательные и относительные прилагательные, образованные от онимов: *Абердинский, Августов, Алатырский* и т. п.² Такого же рода противоречия встречаются и в «Новых материалах...»: *Австрицкий, Адриянов, Аристотелев, Васильевский* (остров), *Каспий, Куликов* (поле), *Царь-пушка* и др.

Следует все же заметить, что учет онимов имеет немаловажное значение. Они репрезентируют художественный мир писателя³, в условиях которого коммуникативно-знаковое противопоставление нарицательных и собственных имен «в известной степени нейтрализуется»⁴. Закономерно поэтому наличие подобных единиц в более поздних писательских тезаурусах⁵.

¹ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

² См.: *Васильев Н.Л.* Словарь языка А.И. Полежаева. С. 4; *Шестакова Л.Л.* Имена собственные в словарях языка писателей // *Поэтика. Стихосложение. Лингвистика.* М., 2003. С. 125–128.

³ См.: *Карпова О.М., Ступин Л.П.* Советская писательская лексикография: К 25-летию со дня выхода в свет первого тома Словаря языка А.С. Пушкина // *Вопросы языкознания.* 1982. № 1. С. 14–15.

⁴ *Григорьев В.П.* Введение // *Поэт и слово: Опыт словаря.* М., 1973. С. 107.

⁵ См.: *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011. С. 115–130.

Число онимов в творчестве Пушкина составляет не менее 15 тысяч единиц¹. Естественно, что включать их в Словарь в полном объеме было бы неразумно. Компромиссом может стать выборочная фиксация подобных наименований в приложении к основному корпусу Словаря.

Нужно сказать и о расширенном понимании в Словаре лексемы как таковой. Например, сравнительные и превосходные степени прилагательных, наречий (*аккуратнее, алей, безопаснее* и др.) подаются в качестве самостоятельных словарных единиц – при одновременной фиксации исходных частей речи: *аккуратный, алей, безопасно, безопасный* и т. д. Ср. также в «Новых материалах...»: *благодарнее, гуляющий, добрейший* и т. п. Как автономные трактуются в Словаре лексемы *не-восторженный, не-задумчивый, не-красавица, не-религиозный*; однако переход отрицательной частицы в приставку у них проблематичен. Требуется внимания и интерпретация «слов» *вечно-новый, вечно-праздный, вечно-юный, истинно-народный*, орфография которых не столь однозначна². Ср. также в «Новых материалах...»: *богатубранный* (комната).

Далее мы приведем некоторые данные о количественно-качественной структуре лексикона Пушкина, полученные благодаря наличию Словаря.

Исконно русских слов в языке классика около 90 %, заимствованных – 10 %. Среди последних преобладают славянизмы – 2, 6 %, грецизмы и латинизмы – 2, 5 %, галлицизмы – 1, 7 %³. Стилистически нейтральных слов – 88 %, разговорных – 6 %, просторечных (в современном понимании) – 2 %, книжных – 1, 7 %, высоких – 2, 3 %⁴. Слов активного состава – 93, 4 %; пассивного –

¹ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 101–673.

² См.: Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно?: Опыт словаря-справочника. 3-е изд. М., 1982.

³ См.: Васильев Н.Л. Заимствованная лексика в языке А.С. Пушкина // Вестн. Мордов. ун-та. 2000. № 3/4. С. 58–60; ср.: Савина Е.В. Взаимодействие русской и французской речевых стихий в произведениях А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2002. С. 7.

⁴ Васильев Н.Л. Стилистическая структура языка А.С. Пушкина (статистические аспекты) // А.С. Пушкин и современность. Саранск, 1999.

6,6 %, из них архаизмов – 5,6 %, историзмов – 1 %¹. При этом писатель употреблял многие устаревшие слова с художественными, научными целями, т. е. его язык почти изоморфен современному. Доля авторских неологизмов в пушкинском языке – 1 % (*демонствовать, кюхельбекерно, молдаванно, самостоянье, чтеньебесие, чухландия* и др.), что показывает Пушкина с неожиданной стороны, как в буквальном смысле языкотворца².

Ранее считалось, что в синтезе языковых средств, осуществленном классиком, ведущую роль играли славянизмы, европеизмы и «элементы живой русской речи»; научную терминологию во внимание почти не принимали³. Между тем она занимает более значимое место в творчестве писателя, чем названные языковые стихии, – 5,4 %⁴. Ярчайшие, знаковые контексты поэтической речи Пушкина тоже основаны на эстетически новом использовании средств научного стиля, например: «...Не мог он **ямба** от **хороя**, / Как мы ни бились, отличить», «...И был глубокий **эконом**...», «...Все украшало кабинет / **Философа** в осьмнадцать лет» («Евгений Онегин»); «...Музыку я **разъял как труп**, / Поверил я **алгеброй гармонию**»

С. 15–17; *Он же*. Стилистическая структура языка М.Ю. Лермонтова в сравнении с языком А.С. Пушкина (статистические аспекты) // *Тарханский вестник*. Вып. 15. Пенза, 2002. С. 71–73.

¹ См.: *Васильев Н.Л.* Архаичное и современное в языке Пушкина // *Русская словесность*. 1999. № 2. С. 51–52.

² См.: *Васильев Н.Л.* Пушкинское словотворчество в аспекте писательской лексикографии // *Русская академическая неография* (к 40-летию научного направления): Материалы Междунар. конф. СПб., 2006. С. 15–17; *Он же*. Индивидуально-авторские слова в языке А.С. Пушкина // *Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ* (Варна, 17–23 сент. 2007 г.). Sofia, 2007. Т. 3. С. 320–327.

³ См.: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 227; *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. 3-е изд. М., 1957. С. 229–231; ср.: *Горшков А.И.* История русского литературного языка. С. 351.

⁴ *Васильев Н.Л.* Научная терминология в литературном творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1981; *Он же*. Научная лексика в языке А.С. Пушкина. Саранск, 1989.

(«Моцарт и Сальери»); «...Я снова жизни полн – таков мой **организм** / (Извольте мне простить ненужный **прозаизм**)» («Осень»). Отсюда вывод, что тенденция демократизации пушкинской речи не была единственной и тем более определяющей. Ей сопутствовала тенденция «интеллектуализации», т. е. активного вовлечения в общелитературный язык научных, абстрактных понятий – в русле формирования «метафизического языка»¹.

Актуальна подготовка словарей языка представителей «пушкинской плеяды», других писателей, входивших в близкое окружение или сферу особого внимания классика. Это поможет объективировать вклад Пушкина в формирование литературно-художественного языка, – выявить, в чем он был новатором, в чем развивался в фарватере своей эпохи, а в чем уступал другим авторам в плане самовыражения. Кое-что в данном отношении уже сделано². Наблюдения над языком современников писателя порой дают весьма интересные и неожиданные результаты. Так, в поэзии Полежаева встречается более 1200 слов, которые Пушкин не употреблял в своей речи вообще: *автомат, атом, звездный, металл, оптимист, протест, самоубийца, смертоносный, симпатия, фантом, фаталист, электричество, эпоха* и др.; зато многие из них охотно использовал и Лермонтов³.

¹ Васильев Н.Л. Вопрос о «метафизическом языке» в истории русской литературы и ее языка // VI Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Секция 5. Будапешт, 1986. С. 25–27; *Он же*. «...Метафизического языка у нас вовсе не существует» (Из истории русского литературного языка) // Филологические науки. 1997. № 5. С. 76–79.

² См., например: Васильев Н.Л. Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Пушкин и мировая культура: Материалы III Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Минск, 2009. Ч. 1. С. 126–130; Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. М., 2009; *Они же*. О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845.

³ См.: Васильев Н.Л. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка. Саранск, 1995. С. 14–21, 25–38; *Он же*. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001; *Он же*. Поэтические идиолекты

Второе издание Словаря, являющееся механической контаминацией с «Новыми материалами...», не решило всех проблем пушкинской лексикографии, хотя и продвинуло ее вперед. В будущем предстоит работа над третьим изданием, где следует в одном ряду с ранее известными лексемами отразить слова, встретившиеся в «других редакциях и вариантах» произведений писателя; учесть новые лексические значения, словоупотребления и контексты; принять во внимание остальные наблюдения, изложенные выше.

Это долг современных исследователей перед филологами прошлого, оставившими нам богатейшее наследие в виде «Словаря языка Пушкина» и апробированных принципов картографирования авторских словоупотреблений, их сверки, построения словарных статей и т. д.

СКОЛЬКО СЛОВ В «ЯЗЫКЕ ПУШКИНА»?

В 2011 г. исполнилось 50 лет со времени выхода заключительного тома «Словаря языка Пушкина». Это юбилейное событие было отмечено в Институте русского языка им. В.В. Виноградова в рамках специального теоретического семинара¹.

Указанный Словарь не только масштабно и почти исчерпывающе отразил письменную речь классика, но и инициировал появление других писательских словарей, разнообразных по своей лексикографической стратегии².

А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. СПб., 2012. С. 276–280.

¹ «Авторская лексикография и история слов» (16–17 дек. 2011 г.).

² См. Русская авторская лексикография: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов; сост.: Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, Л.Л. Шестакова. М., 2003; Шестакова Л.Л. Авторская лексикография на рубеже веков // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 166–129; Она же. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Дополнялась новыми данными и пушкинская лексикография¹. К 200-летию со дня рождения Пушкина вышло расширенное переиздание Словаря, в аннотации к которому говорится, что в нем зафиксировано «более 20 000 слов»².

Тем не менее многие стороны языка писателя требуют дальнейшего исследовательского внимания. Одним из принципиальных является вопрос о количественно-качественном составе лексикона Пушкина как основоположника современного русского литературного языка.

Словарь отразил лексику почти всех известных сочинений писателя – художественных, литературно-критических, публицистических, автобиографических, исторических, эпистолярных и др. В нем представлено, по данным составителей, 21 290 лексем³.

В НМ, основанных на «других редакциях и вариантах» произведений классика, зафиксировано, по нашим подсчетам, еще 1656 слов, использованных Пушкиным⁴. Среди них немало таких, которые существенно расширяют представления о богатстве пушкинского лексикона, в частности его ментальной близости к актуальным понятиям XX в.: *алгебраический, амбразура, антипоэтический, архитектор, астрономия, аукционный, барельеф, барометр, бдительность, безжизненный, безлюдный, библиография, ботаника,*

---

¹ Новые материалы к словарю А.С. Пушкина (далее – НМ). Заметим, что акад. В.В. Виноградов (1895–1969) вряд ли мог быть в буквальном смысле «ответственным редактором» указанного издания, не только вследствие анахроничности данного факта, но и по соображениям степени научной выверенности дополнений к «Словарю языка Пушкина» (см. далее).

² Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд., доп. М., 2000. Переиздание Словаря является контаминацией его первого издания и НМ.

³ В конце каждого тома Словаря отмечено общее количество «слов (без ссылочных)»: т. 1. – 4568; т. 2. – 5376; т. 3. – 6663; т. 4 – 4683. Р.М. Фрумкина, ссылаясь на «данные картотеки» Словаря, указывает иное их число – 21 197. См.: *Фрумкина Р.М.* Статистическая структура лексики Пушкина. С. 78; *Она же.* Статистические методы изучения языка. М., 1964. С. 48.

⁴ В предисловии ко второму изданию Словаря (т. 1, с. VIII) сообщается, что в него добавлено «около 1000 слов, отсутствующих в 1-м издании».

версификация, возродить, воплотить, выдумывать, гардероб, геостатический, гигант, гимнастика, дневник, доморощенный, еженедельный, естественность, жертвенный, заметка, зарница, затажной, знаменованье, изумрудный, имярек, исключительность, искупительный, итог, кабинетный, карательный, квадратный, квадратура, комнатный, конвоировать, контузия, конфета, корреспонденция, косноязычный, краеугольный, лагуна, ландшафт, лебеда, лейтенант, либерал, лунатик, людоед, люстра, магистратура, математика, механика, мигрень, мина 'снаряд для взрыва', мифический, модник, мордовский, наваждение, надрывать, наемник, нажаловаться, накрасть, нахально, начитанный, невежественность, невнимательность, недвижимость, недостаточность, незавидный, незамысловатый, немота, необразованность, неоценимый, нерешенный, нестройной, низменный, носитель, нотация 'нравоучение', обанкротиться, обессмертить, облегчать, обмелеть, обогащаться, образовывать, обречь, обременительный, одышка, ожесточенный, озабоченность, озлобление, озолотить, опаздывать, оперный, оплата, оправдывание, опровергаться, опрометчиво, освежать, освящать, ослаблять, осмотр, основа, осязание, отблеск, отбунтовать, ответный, отрезвиться, отторгать, официальность, ощутить, паломник, панегирический, панорама, паром, первостепенный, передаваться, перелетать, переменчивый, переселение, переселить, пересмотр, переставлять, перестановка, платонизм, плита, поверхность, повествовать, повреждение, поголовный, погремушка, погрузить, погрязнуть, подбросить, подвижник, подвозить, подделывать, поделить, поденный, подкапываться, подколотый, подниматься, подрыв, подтянуть, поезд, покос, полечь, поломать, полуистлевший, помыслить, понизиться, поразительный, посев, посетовать, посылно, постановлять, потеряться, поучиться, похвалиться, починять, пошлость, прагматический, превозмогать, превозноситься, предвестник, предопределять, предоставляться, предостерегать, преобразовывать, прерывистый, приближать, приведение, приготавливать, придерживать, примадонна, примиритель, приписывание, приправа, прислушаться, пристрелить, пристыженный, причинять, проедать, прозорливость, промолчать,

пророчица, просматривать, просмотр, прохладно, прохлаждаться, прочитывать, прочно, проявить, прыгун, пустырь, путеводитель, равнозначный, радеть, развод, раздражение, раздражить, раздробляться, ранг, рассмеяться, рассудочный, рассылать, расширить, ратовать, резидент, рекогносцировка, рисковать, руководить, ряженный, салат, самонадеянный, саранский, святотатство, священнодействие, сгибаться, сдвинуться, сибиряк, сквозить, слабоумие, слушанье, смениться, сместиться, смуть, смягчение, снисходить, совершаться, советаться, созидание, сообща, сорить, состязание, сотрясать, спекулировать, стамбульский, стремительно, строевой, сугубо, сумбур, суфлер, схоластика, телохранитель, тенор, терпеливо, терцет, тиранический, торопливость, трибунал, тысячелетний, убавлять, углубление, угарный, указка, улучшить, умалить, умение, уменьшаться, умничание, унести, уповать, упраздняться, упреждать, уравнивать, урожай, учительство, ущербный, филология, фланговый, ханжество, хаос, хило, ходатайствовать, ходячий, храбриться, художница, целительный, цитата, цитация, чародейка, чеканить, четвероногий, чистоплотность, чрезмерность, шеф, итатный, языческий и др. Указанные лексемы обозначены соответствующей пометой («н.с.») и отражены в «Списке слов, не зарегистрированных в “Словаре языка Пушкина” (т. I–IV)»¹.

¹ Новые материалы к словарю А.С. Пушкина. С. 278–287. В этом списке, однако, пропущено 21 «слово» с пометой «н.с.»: *блядин, боров, взяточница, воздвигнуться* ‘начать двигаться’, *вои* ‘воины, войско’, *вольнюлюбие, высчитывать, досчатый, дровяной, евангелий* ‘прил. к евангелие’, *зверушка, ископать, казаться* ‘в соч. казаться на глаза кому’, *Л* ‘буква, читающаяся по своему старому названию “люди”, обычно, порождать, пылить, тоскливый, уронять, худо (сущ.)’, *Элодия* ‘об А.А. Олениной’. И наоборот: в нем встречается лексема *зад*, хотя в основном тексте НМ она не имеет пометы «н.с.» и является семантическим вариантом уже известного пушкинского слова. Кроме того вместо окказионализма *двуххолмистый* в перечне новых слов ошибочно фигурирует лексема *двухкомнатный*, впервые отмеченная толковыми словарями в 1954 г. (см.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 3. С. 617). Эти погрешности присутствуют и во втором издании Словаря.

Следовательно, можно было бы сказать, что Пушкин использовал в своей письменной речи 22 946 слов. Однако данный вывод будет преждевременным и далеко не точным, поскольку 1) в выборку для Словаря вошли не все произведения писателя; 2) не все слова, встречающиеся в основном корпусе пушкинских текстов, включены в Словарь; 3) в нем отражены не только лексемы, но и некоторые имена собственные; 4) имеются случаи дублирования слов; 5) в НМ тоже обнаруживаются онимы и лексемные дублиеты.

1. По ряду соображений составителями Словаря изначально не были приняты во внимание, в частности, такие сочинения Пушкина, как «История Петра. Подготовительные тексты» (1834–1836 гг.) и «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова» (янв. 1837 г.)¹.

Комментируя это обстоятельство, идейный вдохновитель Словаря Г.О. Винокур писал: «Что касается самого объема привлекаемых текстов Пушкина, то, несмотря на идеальные стремления к полноте, **практическая сторона дела** (здесь и далее выделено нами. – Н. В.) с самого же начала заставила отказаться от включения в Словарь следующих пушкинских текстов: 1) деловых бумаг, выписок, копий, надписей на книгах и тому подобного материала, получившего техническое наименование “Рукою Пушкина”; 2) материалов к Истории Петра I, выписок о “Камчатских делах”, а также и некоторых более мелких выписок, конспектов и заметок, предназначенных для задуманных Пушкиным, но не осуществленных им исторических трудов; 3) текстов, которые в новом академическом издании помещены в отделе “Другие редакции и варианты”. С точки зрения строго принципиальной три указанных ограничения вряд ли могут быть оправданы полностью. В особенности легко было бы возражать против 2-го и 3-го пунктов этих ограничений, поскольку конспекты из Голикова или Крашенинникова – это не просто выдержки из книг, а **переложение, сделанное самим Пушкиным**; а в отделе “Других редакций и вариантов” помещено немало высокоценных художественных образцов пушкинского творчества. Но этим ограничениям не придается строго

¹ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

принципиального характера. Они продиктованы чисто практическими соображениями, и **в первую очередь имеют своей целью не откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков**, а отказ от подобных ограничений в очень сильной степени увеличил бы и без того колоссальный объем работы. Естественно, что раз уж приходится идти на какие-то ограничения, то они должны касаться текстов черновых, отвергнутых художественной волей автора или **не получивших со стороны автора настоящей литературной отделки**, как бы ни были ценны эти тексты сами по себе»¹.

Таким образом, указанные произведения вовсе не игнорировались составителями Словаря как материал для изучения «языка Пушкина»; их анализ был перенесен на будущее – в качестве своеобразного завещания новым поколениям исследователей.

1.1. «История Петра» представляет собой незавершенный исторический труд классика, основанный на его конспектах, прежде всего из книги И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (М., 1788–1797), архивных и иных материалах². Своему замыслу, не осуществленному вследствие преждевременной смерти, Пушкин придавал исключительное значение, воспринимая в зрелые годы миссию писателя не только как поэта, прозаика, драматурга, публициста, но и историографа – вслед за Вольтером («История Карла XII», «История Российской империи в царствование Петра Великого»), Н.М. Карамзиным («Истории Государства Российского») и другими великими предшественниками на литературном поприще. Автор не следовал «первоисточникам» буквально, а критически их осмысливал и дополнял. По этому поводу Л.Б. Модзалевский пишет: «Конспекты <...> представляют значительный интерес, так как <...> отражают непосредственное восприятие труда Голикова и свободное его переложение. Значительное место в изложении Пушкина уделено критике Голикова, указаниям на необходимость дальнейшего

---

¹ Проект Словаря языка Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.; Л., 1949. С. 14–15.

² См., например: *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. 5-е изд. М., 1969. С. 15–242.

изучения того или иного вопроса, наведения дополнительных справок в других источниках и т. п.»¹.

При этом в качестве собственно пушкинской речи можно рассматривать текстовые фрагменты, не имеющие цитатного характера, разделы «Указы Петра I», обычно не являющиеся буквальным воспроизведением исторических документов, отдельные слова, выделенные Пушкиным курсивно как знак «чужой речи», но органично входящие в пушкинскую фразу – в соответствии с принципами отбора лексем, принятыми в Словаре². Заметим, что для исследователей пушкинского языка ценны и те слова, термины, которые писатель использовал пассивно, заимствуя их из анализируемых источников, – поскольку они вступали в партнерские отношения с другими элементами пушкинского языкового синтеза.

В «Истории Петра» встречается не менее 940 лексем, отсутствующих в Словаре и НМ³. В произведении есть и лексемы, отмеченные в «других редакциях и вариантах» пушкинских произведений.

1.2. В «Заметках при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова», являющихся конспектом соответствующей книги русского академика, вышедшей в 1755 г., обнаружены 124 слова, отсутствующие в иных текстах писателя, не считая совпадающих с лексикой «Истории Петра» или встречающихся в «других редакциях и вариантах», что тоже объективирует вывод о закономерном характере их функционирования в речи Пушкина.

1.3. Не рассматриваются пушкинистами в качестве полноценных произведений писателя его переводы с иностранных языков⁴; исправления, сделанные на страницах книг и рукописей

¹ Модзалевский Л.Б. Примечания // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 9. С. 512.

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

³ См.: Васильев Н.Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина. С. 48–51.

⁴ Исключением стали опубликованные в 1837 г. «Записки бригадира Морозе-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года)», рассматривавшиеся ранее как стилизованное произведение Пушкина, а на

других авторов; черновые наброски неизвестных в беловом виде сочинений и писем; заметки при чтении книг; планы издания избранных произведений и томов «Современника»; записи интимно-бытового содержания; списки лиц; перечни купленных вещей; адреса; «приходно-расходные записи, списки долгов»; подписи к рисункам; записи народных сказок и песен; надписи на своих и чужих книгах; записи в дамских альбомах; шуточные «протоколы» празднования лицейских годовщин; показания о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады»; прошения, доверенности, контракты, векселя, денежные обязательства; документы, относящиеся к службе Пушкина в Коллегии иностранных дел¹. Не принимались они во внимание и составителями Словаря (см. выше).

В литературном отношении данные тексты представляют, конечно, второстепенный интерес. Однако среди них есть проявления письменной речи писателя, любопытные для лингвистического изучения, например перевод Пушкиным с немецкого языка биографии его предка А.П. Ганнибала, сказки, записанные со слов А.Р. Яковлевой, где встречаются лексемы, отсутствующие в Словаре, но прямо или косвенно отражающие пушкинский лексикон².

1.4. Не вошла в картотеку Словаря и лексика пародийной баллады Пушкина «Тень Баркова» (1814–1815), исключенной в последний момент из академического собрания сочинений

самом деле представляющие собой перевод фрагментов анонимно напечатанной в 1716 г. книги французского автора, позже переизданной как «Мемуары политические, забавные и сатирических мессира Жана Моро де Бразе, графа Ливонского 1735 г.». См.: Путеводитель по Пушкину [1931]. М., 2009. С. 183; *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. С. 144–145 (вкладки); ср.: *Модзалевский Л.Б.* Примечания // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 557.

¹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.; Л., 1935; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1994–1997. Т. 17.

² См.: *Васильев Н.Л.* Новые данные о лексическом богатстве языка А.С. Пушкина. С. 92–93.

писателя¹. Помимо вульгарно-обсценных в этом произведении есть и вполне пристойные слова, отсутствующие в Словаре: *водрузиться, восплакать, детинин, задорно, зардеть, измяться, каплун, корпеть, матерный, милашка, поводить, портища, пятерня, расстричь, скопище, устраишься, ядреный* и др.

2.1. По формальным и отчасти этическим соображениям составителями Словаря были проигнорированы вульгарно-обсценные элементы, эксплицитно не фигурирующие в академическом собрании пушкинских сочинений, скрывающиеся там за буквенными пропусками, полуоформленностью, например: «“Признаюсь пред всей Европой, – / Хромоногая кричит: – / М<аврогеней> **толсто<- ->ый** / Душу, сердце мне томит <...>”» («Раззевавшись от обедни...», 1821); «К кастрату раз пришел скрыпач, / Он был бедняк, а тот богач. / “Смотри, сказал певец <- - - - ->², – / Мои алмазы, изумруды <...>”» («К кастрату раз пришел скрыпач...», 1835); «А живя в нужнике, по неволе привыкнешь к <- - - - ->³, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman» (Пушкин – Н.Н. Пушкиной, 11 июня 1834 г.) (II, 192; III, 394; XV, 159). Исключениями явились лексемы *выблядок, выдрочить, сука* (в бранном значении), *сукин* (в составе фразеологизмов *с. сын, с. дети*), *тутька*⁴ и приведенный выше «полуэвфемизм» *толсто<- ->ый*.

Между тем в произведениях писателя подобных слов не менее 40 и используются они, как правило, неоднократно. Среди них слова *говенный, говночист, дрисать, жопа, жопка, засраный, насать,*

¹ См.: Комментарии <к «Тени Баркова»> [1930–1931, 1937] / Публ. Е.С. Шальмана; подгот. текста и прим. И.А. Пильщикова // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 159–286; *Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы* / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002. С. 158–159. Ср.: *Сурат И.З., Бочаров С.Г. Пушкин А.С. // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. слов. М., 2007. Т. 5. С. 190.*

² безмудый.

³ говну.

⁴ М.А. Цявловский (Указ. соч. С. 202) относит это слово к «вульгаризмам»; ср., однако: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост.: В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др.; под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 4. С. 714.

обосцанный, пердеть, серить, сцать и др.¹ Некоторые лексемы такого рода (*блядин, бордельный, курва, пернуть, пис-пис, шлюха*) отмечены в НМ, поскольку «другие редакции и варианты» пушкинских произведений в меньшей степени подвергались эстетической цензуре.

Несмотря на вульгарность, данные речевые средства расширяют представление о стилистической палитре писателя, демократизации его речи. Почти все они, хотя и в разной степени, представлены в новейших толковых словарях², т. е. вполне «реабилитированы» современным лексикографическим сознанием³; следовательно, не компрометируют Пушкина, заявлявшего: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейской жеманности и фр<анцузской> утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (Пушкин – П.А. Вяземскому. 1–8 дек. 1823 г. – XIII, 80).

Уместно напомнить, что первоначальный замысел авторского коллектива Словаря относительно спектра помещаемой в нем лексики

¹ См.: Цявловский М.А. Рукою Пушкина... С. 199–213.

² См., например: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. [2-е изд.] СПб., 2002. С. 284, 346, 601, 681, 792, 825, 1257; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003. С. 134, 195.

³ Это не касается, впрочем, академических («нормативных») словарей. См., например: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.; Большой академический словарь русского языка / Гл. ред.: К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.; СПб., 2004–2011. Т. 1–19 (изд. продолжается). Как тут не вспомнить: «...Но *панталоны, фрак, жилет*, / *Всех этих слов на русском нет; / <...> / Хотя и заглядывал я встарь / В Академический Словарь*» («Евгений Онегин»). Вместе с тем имеются прецеденты включения обсценных (!) слов в толковые, диалектные и иные словари. См., например: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 4-е изд. [1912–1914]. М., 1998; Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 2006. Ср. также: Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) <...> / Сост. священник магистр Г. Дьяченко [1898]. М., 1993 – где фигурируют славянизмы *блядение, блядивый, блядословить, блядство, блядь* и др. (с. 48–49).

исходил из отсутствия каких-либо границ в этом плане, о чем писал Г.О. Винокур: «Общим требованием всякого словаря языка Пушкина должно быть включение в него **решительно всего лексического материала из текстов Пушкина**. Возможные ограничения допустимы только в отношении самого объема привлекаемых текстов, но не в отношении тех или иных категорий слов»¹.

2.2. В Словарь не были включены и варваризмы, ставшие впоследствии полноправными элементами русского языка или употребляющиеся в нетранслитерированном виде вплоть до сегодняшнего дня². В то же время в нем отражены необрусевшие иноязычные лексемы, онимы, термины, фразы лишь на том основании, что они встречаются в текстах писателя в кириллической графике³.

3. По принципиальным соображениям в Словарь не вошли имена собственные, кроме условно-поэтических, мифологических и употребленных нарицательно или переносно⁴. Фактически же они представлены в нем гораздо шире⁵. В Словаре присутствуют также притяжательные и относительные прилагательные, образованные от онимов. Отсюда вывод, что пушкинский **лексикон** в Словаре расширен за счет некоторых имен собственных⁶, число которых в данном случае составляет десятки единиц.

Следует все же заметить, что учет онимов имеет немаловажное значение. Они репрезентируют художественный мир писателя, уровень его образованности, те или иные смысловые «доминанты» в мировосприятии и т. д.⁷ Кроме того, в условиях

---

¹ Проект Словаря языка Пушкина. С. 14.

² См.: *Васильев Н.Л., Савина Е.В.* Варваризмы в языке А.С. Пушкина. С. 99–105.

³ Там же. С. 105.

⁴ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

⁵ См.: *Васильев Н.Л.* Словарь языка А.И. Полежаева. С. 4 (вступ. ст.); *Шестакова Л.Л.* Имена собственные в словарях языка писателей // *Поэтика. Стихосложение. Лингвистика.* М., 2003. С. 125–128.

⁶ Тем более это касается названий художественных произведений, оформляющихся с помощью кавычек.

⁷ См., например: *Карпова О.М., Ступин Л.П.* Советская писательская лексикография: К 25-летию со дня выхода в свет первого тома Словаря

художественной речи коммуникативно-знаковое противопоставление нарицательных и собственных имен в известном смысле нейтрализуется¹. Закономерно поэтому наличие подобных единиц, помещенных отдельно от лексем, в более поздних писательских тезаурусах².

Число онимов в творчестве Пушкина составляет, по приблизительным подсчетам, не менее 15 тысяч единиц. Все они отражены в сводном «Указателе имен» академического издания сочинений писателя³. Естественно, что учитывать их в Словаре в полном объеме неразумно. Компромиссом может стать выборочная (в соответствии с определенными принципами) фиксация подобных наименований в приложении к основному корпусу Словаря.

4. Нужно сказать и о расширенном понимании в Словаре существа лексемы как таковой. Приведем некоторые примеры.

4.1. Сравнительные и превосходные степени прилагательных, наречий (*аккуратнее, алей, бдительнее, беднее, безопаснее, безумнее, ближайший* и др.) подаются в качестве самостоятельных словарных единиц – при одновременной фиксации исходных частей речи: *аккуратный, алей, бдительный, бедный, безопасно, безопасный, безумно, близкий* и т. д.⁴ Между тем вопрос о лексико-грамматическом статусе подобных словоформ решается в науке

языка А.С. Пушкина // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 14–15; Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М., 2005; Н.Л. Васильев. Между словом и именем: о «словаре личных имен» в русской поэзии XX века // Opera slavica: Slavistické Rozhledy, XVII. [Brno]. 2007. № 2. С. 43–51.

¹ Григорьев В.П. Введение // Поэт и слово: Опыт словаря. М., 1973. С. 107. Например: «Мы все глядим в **Наполеоны**; / Двunoгих тварей миллионы / Для нас орудие одно <...>» («Евгений Онегин»).

² См. также: Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. С. 70–74; Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. С. 121–133; Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. С. 100–112.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 19. С. 101–673.

⁴ Это справедливо в какой-то степени для прилагательных *благозвучнее* (оно не зафиксировано в речи Пушкина в положительной степени), *благоразумнее*, употребляющегося в произведениях писателя как категория состояния, *благоразумнейший* (со значением элатива) и некоторых других.

далеко не столь однозначно¹; и уж во всяком случае такие «слова» не включаются в толковые словари в качестве самостоятельных единиц.

4.2. Как автономные трактуются в Словаре окказиональные лексемы *не-восторженный*, *не-задумчивый*, *не-красавица*, *не-лечение*, *не-религиозный*; однако переход отрицательной частицы в приставку у них проблематичен². Вместе с тем учет подобных авторских неологизмов в словарях языка писателей именно в такой форме, на наш взгляд, вполне приемлем.

4.3. Требуется внимания интерпретация «слов» *вечно-новый*, *вечно-праздный*, *вечно-юный*, *истинно-народный*. Ср. современное написание некоторых из них: *вечно юный*, *истинно народный*³.

5. Необходимо подробно остановиться на анализе уже дважды опубликованных НМ (1982, 2000) – в аспекте уточнения количественно-качественных параметров словаря Пушкина.

5.1. Среди новых слов в НМ отмечаются не только лексемы, но и **они́мы** (*Атрей*, *Ганнибал*⁴, *Гера*, *Гёте*⁵, *Графон*, *Иерусалим*, *Иосиф*, *Каспий*, *Лалла-Рук*, *Метром*<ания> [«Метромания»], *Моина*, *Онегин*, *Ослов*, *Отелло*, *Полевой*, *Потемкин*, *Протей*, *Сен При*, *Фоблас*, *Хмельницкий*, *Царь-пушка*, *Шиллер*, *Эраст*, *Юнона* и

¹ См., например: *Жирмунский В.М.* О границах слова // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 9–10; *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология: В 2 ч. Братислава, 1965. Ч. 1. С. 205–206, 260; *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 35–36.

² Ср., например: «Жена его тихая, скромная не-красавица» (Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 802).

³ *Бужчина Б.З., Калакуцкая Л.П.* Слитно или раздельно?: Опыт словаря-справочника. 3-е изд. М., 1982.

⁴ В пушкинском тексте, однако, *Аннибал* – архаичная форма имени, типичная для первой пол. XIX в. Ср., например, название драматической поэмы Д.Ю. Струйского «Аннибал на развалинах Карфагена» (СПб., 1827).

⁵ Вряд ли уместна графически акцентированная орфография в НМ этого имени как *Гёте*, поскольку в пушкинское время оно звучало иначе – *Гете*. Ср. в «Евгении Онегине»: «Он [Ленский] с лирой странствовал на свете; / Под небом Шиллера и Гете / Их поэтическим огнем / Душа воспламенилась в нем <...>». Рифма подсказывает произношение [г'ет'е].

др.)¹, **притяжательные** (*Адрианов, Аристотелев, Беллонин, Брюсов, Галев, Гасубов, Геснеров, Дюенев, Екатеринин, Иисусов, Карлов, Катулло, Клеопатрин, Людмили, Мономахов, Перуджинов, Рафаелев, Танин, Тассов, Татьяна, Филиппов, Цицеронов, Чильд-Гарольдов, Чингис-Ханов* и др.)², а также **относительные прилагательные**, образованные от онимов (*альпийский, Анапский, Араратский, белевский, Вольтеровский, Гатчинский, Геликонский* и др.)³, в том числе входящие в состав **имен собственных** или близких к ним **номинативных словосочетаний**: *Австерлицкий* (А. <кампания>), *Азовский* (А. архив), *Андреевский* (А. звезда), *Афинский* (А. школа <живописи>), *Берденский* (Б. слобода), *Васильевский*⁴ (В. остров), *Великолуцкий* (В. гренадерский полк),

¹ Заметим, что не все из них, например *Гера, Метромания, Царь-пушка*, напечатаны в «Списке слов, не зарегистрированных в “Словаре...”» с прописной буквы.

² В большинстве своем они также употребляются в текстах Пушкина с прописной буквы, однако в указанном «Списке...» напечатаны, за редким исключением, со строчной, т.е. орфографически не маркированы, что десемантизирует эти полуонимы при беглом знакомстве с новыми пушкинскими словами.

³ Приводим их в реальной пушкинской орфографии, подчеркивающей переходный статус этих полулуксем-полуонимов.

⁴ В «Списке...», в отличие от основного текста НМ, это и многие другие слова воспроизведены без угловых скобок, указывающих на лексемные конъектуры. Ср. также: *воскрешение*, *двадцатипятилетие*, *добавлять*, *добыть*, *дрянной*, *карательный*, *компаньонка*, *летописатель*, *лисичка*, *любительница*, *малоросс*, *неблаговоление*, *невежественность*, *невоспитанный*, *незавидный*, *описываться*, *пленитель*, *приготовил*, *придерживать*, *провесть*, *продать*, *пролепетать*, *просматривать*, *противупологать*, *ряженый*, *троюродный*, *эвксиинский*. В отдельных случаях эти конъектуры небесспорны. Ср., например: «Хлапенко, **малоросс** лекарь» (напрашивается встречающееся 8 раз в основном корпусе пушкинских текстов прилагательное *малороссийский*, в том числе в сокращенной форме *малороссийский*), или же отмеченное в «других редакциях и вариантах» существительное *малороссиянин*: «Схватить поляка или **малороссиянина** за усы»).

Витебский (В. губерния), *Дьяков* (Д. гора), *заднепровский* (З. пороги), *Куликов* (К. поле), *Ледовитый* (Л. море), *Минский* (М. губерния), *Новоторжский* (Н. уезд), *Ото<манский>* (О. империя), *Селенгиской* [*Селенгинский*] (С. пехотный полк), *Сретенский* (С. ворота), *Хутынской* [*Хутынский*] (Х. монастырь), *Чаганский* (Ч. Устье), *Шемшинский* (Ш. драгунский полк), *Ширванской* (Ш. полк).

5.2. На правах «новых слов» в НМ фиксируются причастие *гуляющий* («в знач. сущ.»), сравнительные степени наречий и прилагательных, превосходные степени прилательных (*благодарнее, болтливей, вольнее, действительнее, добрейший, жесточайший, значительнее, истиннее, коварней, красивее, кудрявее, мельче, многочисленнее, несносней, несчастливее, отличнейший, послушнее, правдоподобнее, привлекательнее, скрытней, совершеннее, темнейший, трогательнее, тщательнее, упрямее, учение, хладней* и др.).

5.3. Это касается и **вариантов** уже известных пушкинских слов: *геральд* [*герольд*], *зверушка* [*зверюшка*], *налеву* [*налево*], *направу* [*направо*], *скифтр* [*скипетр/скиптр*]¹, которые, по традиции Словаря, уместнее подавать не как самостоятельные лексемы, а в одной словарной статье².

5.4. В качестве новых слов в НМ рассматриваются существительное с приложением *поэт-лорд* (о Байроне) и прилагательное *богатоубранный* («В комнате богатоубранной...»), хотя в современном понимании это словосочетание³.

5.5. Слово *недремля* ‘неусыпно, бдительно’, будучи формально деепричастием с отрицательной частицей, должно писаться, в отличие от прилагательного *недремлющий*⁴, раздельно¹ –

¹ Ср. также оним *Сербер* – при наличии в Словаре имени *Цербер*.

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 12.

³ Ср., например: *богато декорированный, богато обставленный, богато отделанный, богато украшенный* и т. д. (*Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П.* Слитно или раздельно.... С. 88).

⁴ См.: *Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П.* Указ. соч. С. 430; Русский орфографический словарь. 2-е изд. / Сост.: О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. М., 2005. С. 427.

и, следовательно, является комбинацией лексем *не* и *дремать*. Если считать это особой орфографической щепетильностью составителей, строго следующих тексту классика, то почему в таком случае пушкинские словоупотребления *глупинькой*, *до сѹха* ‘до дна’ подаются ими как лексемы *глупенькой*, *досуха*²?

5.6. В качестве «н.с.» отмечается употребление глагола *казаться* в составе фразеологизма *к. на глаза (кому)*, хотя оно не является омонимом соответствующей лексемы³ и органично входит в семантическую структуру многозначного слова⁴. Новым признано в НМ и слово *слепый* («А он слепый мудрец!»), хотя это лишь славянизированная форма лексемы *слепой*. Как новая лексема, а не значение уже известного слова *письмо* фиксируется словоформа *письма* ‘письменные знаки, начертания’ (ср. *письмена*), что небесспорно.

5.7. Есть расхождение между заголовочным словом *канцелярийский* и его подачей в «Списке...»: *канцелярийский*. Пушкинское словоупотребление *еморой* ‘геморрой’, основанное на почти «фонетическом» написании греческого слова *αιμορροϊς*, отражается в заглавии словарной статьи и в перечне новых слов как *геморой*; это, может быть, и соответствует принципам Словаря⁵, орфографической норме первой трети XIX века⁶, но при беглом, «списочном» знакомстве с лексиконом писателя лишает данное слово особого стилистического (иронического) шарма. Ср.: «Вокруг ручьев его целебных / Больных теснится бледный рой / Кто жертва

¹ См.: Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Авт.: Н.С. Валгина и др.; под ред. В.В. Лопатина. М., 2009. С. 134, ср. с. 133. Ср. также: *не мешкая, не спеша, но нехотя*.

² Ср. у Пушкина: «...Полней бокал – до сѹха».

³ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 272–274.

⁴ См., например: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 259; Большой академический словарь русского языка. Т. 7. С. 541–542.

⁵ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 13.

⁶ См.: Большой академический словарь русского языка. Т. 4. С. 70; Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 5. Л., 1989. С. 100.

чести боевой / Кто Емороя, / Кто Киприды» («Отрывки из путешествия Онегина». – VI, 500).

Сделаем выводы. В «Словарь языка Пушкина» (1956–1961, 2000) вошли не все слова, употребленные писателем. Вне внимания составителей – по разным причинам – оказались лексемы, встречающиеся в «Истории Петра», «Заметках при чтении “Описания земли Камчатки”...» и в некоторых других пушкинских текстах, а также вулгаризмы, обсценизмы, варваризмы. Помимо этого количество лексем, представленных в Словаре, «Новых материалах к Словарю...» и, соответственно, во втором издании Словаря, в реальности меньше совокупного числа фигурирующих в них словарных единиц, поскольку там встречаются имена собственные, производные от них притяжательные прилагательные, дублирующие друг друга «лексемы» (словоформы, варианты слов), комбинации уже известных пушкинских лексем, их семантические варианты. Надеемся, что эти наблюдения будут приняты во внимание при подготовке в будущем третьего издания Словаря.

**ПОЭТИКА РОМАНА А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

**НАУЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Исследований, в той или иной мере затрагивающих вопросы языка пушкинского романа, немало. Но в них чаще приводятся энциклопедические, историко-понятийные сведения о значении слов и их употреблении в произведении и реже обращается внимание на функциональную, историко-лексикологическую сторону использования языковых средств, а если это и делается, то не всегда последовательно. При этом языковая картина романа, судьба отдельных речевых стихий в их системном содержании показываются нерасчлененно. Между тем, именно на примере одного какого-то пласта лексики можно продемонстрировать систему употребления конкретных лексических средств, их функциональную, семантическую, стилистическую и экспрессивную подчиненность решению идейно-эстетических задач.

Лексика науки выбрана объектом наблюдения неслучайно. Во-первых, в системе языковых средств романа она представляет собой сравнительно четкую предметно-тематическую группу, количественно небольшую (около 160 единиц), но функционально весомую и достаточно активно используемую. Во-вторых, на ее примере особенно отчетливо можно видеть, как привлекаются и употребляются Пушкиным в романе разностилевые средства, как происходит «вживление» научных терминов в инородную для них ткань художественного произведения. В-третьих, причиной повышенного внимания к научной лексике является то обстоятельство, что до самого последнего времени она не воспринималась исследователями творчества писателя и историками русского литературного языка как самостоятельный и значимый элемент пушкинского языкового синтеза. В него, по традиции, включали только

народно-разговорные слова, церковнославянизмы, западноевропейские заимствования и иногда лексику «социально-речевых стилей»¹.

В романе «Евгений Онегин» Пушкин использует термины, обозначающие филологические, искусствоведческие, медицинские, философские, политэкономические, физические и иные научные понятия пушкинского времени: *эконом, простой продукт, комета, сатира, комедия, философ, октава, рифма, эклога, грамматика, галлицизм, правописанье, аккорд, лексикон, классицизм, диктатор, магнетизм, механик, каватина* и др. Одни из них и в настоящее время достаточно отчетливо воспринимаются как элементы научного стиля. Другие с течением времени утратили былой стилистический ореол «научности» и являются теперь обычными общелитературными, иногда даже разговорно-бытовыми словами. Произошло это под воздействием таких внеязыковых факторов, как развитие науки, повышение общеобразовательного уровня населения, наличие более чем двухвековой традиции употребления терминов в художественной и публицистической литературе и др. Но во времена Пушкина привлечение научных терминов в художественные, а тем более поэтические произведения, хотя и было исторически и эстетически оправданным, целесообразным, а иногда даже необходимым, вследствие ограниченности традиционных лексических ресурсов, воспринималось современниками, особенно консервативно настроенными, как смелый, иногда даже дерзкий эксперимент, нарушение канонов классической эстетики и традиционных стилистических норм. Наглядно такое отношение к научному слову как «прозаизму» иллюстрируют, например, следующие пушкинские строки из стихотворения «Осень» (1833):

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой **организм**
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

¹ См., например: *Виноградов В.В.* Язык Пушкина, М.; Л., 1935; *Он же.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 2-е изд. М., 1938; *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М., 1941; *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. 3-е изд. М., 1957; *Мещерский Н.А.* История русского литературного языка. Л., 1981.

Современному читателю трудно представить, какими обычными синонимическими средствами можно было бы заменить указанное слово (понятие), введенное Пушкиным в поэтический обиход. Ср., также:

Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, *машинально*)
Татьяна молча оперлась... (IV, 17)¹.

Не случайно поэтому Пушкин часто оговаривает использование научных слов, прикрывая это шуткой, пикировкой с апологетами классицизма или же выделяя термины в тексте курсивом: намек на некоторую условность, стилистическую инородность слова. Писателю требовалась известная художественная смелость, историческая дальновидность и лингвистическая интуиция, чтобы ввести в круг традиционных поэтических средств более чем нетрадиционные языковые элементы и дать им литературную «паспортизацию».

Терминологическая лексика выполняет в романе помимо обычной функции выражения научного понятия и ряд новых: образную, оценочную, создание различных форм комического (ирония, сарказм, шутка), изобразительную, психологическую, версификационную и др.

Особенностью использования терминов является то, что они употребляются писателем, как правило, в переносном значении или с какими-то смысловыми и экспрессивно-стилистическими приращениями, порой достаточно необычными для пушкинского времени.

Важнейшая роль научной лексики в романе – образная. Характерный способ такого ее использования – метафора. Например:

А точно: силой магнетизма
Стихов российских **механизма**
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик (VIII, 38).

---

¹ В настоящем разделе книги после цитируемых фрагментов романа «Евгений Онегин» в круглых скобках дается указание на главу (римской цифрой) и строфу (арабской цифрой).

В пушкинскую эпоху переносное значение физического термина *механизм* словарями еще не отмечено. Писатель нарушает привычную сочетаемость слова, добиваясь яркого образного, стилистического и версификационного (рифма *магнетизма* – *механизма*) эффекта на новом языковом материале.

Поэт прибегает и к образному употреблению терминов политической экономии, юриспруденции, философии. Ср.:

И мыслей мертвый **капитал**
Отвсюду воскресить прикажешь... (IV, 32).

Я б верно вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в **залог**... (IV, 13).

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет (VIII, 7).

Очень выразительны в образной функции искусствоведческие понятия. Ср., например:

И темной **рамою** мужчин
Вкруг дам как около **картин** (VIII, 6).

Шутливый комплимент дамам основан здесь на приеме контекстуальной антонимии (*рама* – *картина*).

Важной ролью научной терминологии в романе является оценочная функция. Вариации оценки многогранны – от мягкой, добродушной иронии до язвительной сатиры, сарказма. На оценочную функцию терминов нередко наслаивается образная и создание комического (обычно иронии). Вот пример подобного использования математических терминов (в переносном значении):

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех **нулями**,
А **единицами** – себя (II, 14)

Один из любимых стилистических приемов Пушкина – ироническая характеристика героев. С помощью уже упоминавшихся терминов политэкономии и философии поэт передает свое отношение к описываемому (иногда не прямо, а «между строк»). Интересно проследить, например, как и какими средствами создается образ Онегина в первой главе романа:

Зато читал **Адама Смита**,
И был глубокий **эконом**,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно **золота** ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в **зalog** (I, 7).

Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, –
Всё украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет (I, 23).

Термины *эконом* («экономист»), *философ* являются средством иронической оценки героя. Такое их употребление приводит к вполне определенному осмыслению персонажа: показывает поверхностный, наваянный салонной модой характер знаний Онегина. В контексте иронии усиливается особой «инструментовкой» – прибавлением к термину *эконом* эпитета *глубокий* (с последующим пояснением того, в чем именно состоит эта «глубина») и характерным для Пушкина неожиданным подключением новой информации, заставляющей пересмотреть сказанное ранее («философа в осьмнадцать <!> лет»).

Общая трактовка художественного образа включает и такие элементы авторской оценки, выражаемой в микроконтекстах произведения.

В отдельных случаях термины, использованные в прямом значении, помогают поэту раскрыть духовный мир героев. Ср.:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой (II, 13)

Потенциальная антонимия терминов актуализуется, превращая их в яркий оценочный материал.

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он **ямба** от **хорея**,
Как мы ни бились, отличить (I, 7).

Здесь термины нужны Пушкину для описания «прозаичности» Онегина, его равнодушия к поэзии (ср. и предшествующий контекст)¹, а не для уничижительной характеристики его знаний стихосложения, как иногда упрощенно комментируют эти строки.

Интересно системное употребление Пушкиным общественно-политических терминов в переносном значении – с целью шутливо-ироничной оценки явления или героя путем отнесения соответствующих специальных понятий к бытовой стороне жизни:

Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила
Лихая мода, наш **тиран**,
Недуг новейших россиян (V, 42)

Театра злой **законодатель**,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру... (I, 17).

¹ См.: *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 192.

В дверях другой **диктатор** бальный
Стоял картинкою журнальной... (VIII, 26).

К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай **деспот** меж людей (I, 25).

Важной сквозной ролью терминологии в романе является обрисовка прозападного колорита при описании среды, в которой воспитывался Онегин. Достигается это отчасти использованием стилистических свойств заимствованных терминов (*философ, эконом, простой продукт*¹, *магнетизм* и др.), создающих наряду с варваризмами в первых строфах романа особый языковой фон².

Иногда термины привлекаются поэтом в каламбурных целях, например:

Конечно вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи без **меры**, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены (IV, 28).

Можно предположить, что лексема *мера* «стихотворный размер» здесь неслучайно сталкивается с омонимом *мера* «предел, граница».

Термины употребляются и для отражения душевного состояния человека. Так, с помощью музыкального понятия Пушкин изящно передает психологический дискомфорт, погруженность Ленского в свои мысли перед дуэлью:

Садился он за клавикорды
И брал на них одни **аккорды**... (VI, 19).

Таким образом, в системе языковых средств романа немаловажное место занимает и научная терминология. Она

¹ Калька с фр. *produit net* (Словарь языка Пушкина. Т. 3. С. 809).

² См.: *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. С. 177–179.

привлекает поэта как яркий, потенциально богатый материал для оценки, образности, неожиданных экспрессивно-стилистических эффектов, каламбуров, решения других идейно-художественных задач. Отмеченные функции научной лексики реализуются через характерные, повторяющиеся приемы – метафору, иронию, контекстуальную антонимию и др. Очарование многих хорошо известных пушкинских строк порой основывается на удачном и смелом использовании эстетических возможностей терминов.

**ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Поэтический язык Пушкина давно вызывает пристальное внимание исследователей. Особенно это касается романа «Евгений Онегин», в котором сконцентрировались наши представления о русской ментальности, быте XIX века, грациозности пушкинского слога и стиха.

Изучению языка данного произведения посвящено немало работ¹. Вместе с тем отдельные стороны словоупотребления писателя еще не были предметом специального анализа.

В задачи данной статьи входит выявление использованной в романе фразеологии, ее особенностей и эстетической роли, а также

---

¹ См., например: *Винокур Г.О.* Слово и стих в «Евгении Онегине» // Пушкин: Сб. ст. М., 1941. С. 155–213; *Ефимов А.И.* Язык и стиль романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1959. № 5. С. 22–28; *Левин В.Д.* «Евгений Онегин» и русский литературный язык // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 38. Вып. 3. С. 244–258; *Бонди С.* Вопросы языка в «Евгении Онегине» // Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1973. С. 296–303; *Меднис Н.Е.* Слово в скобках в романе «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Горький, 1979. С. 82–94; *Михайлов В.Н.* Антропонимия «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (Наблюдения над творческой историей и ролью собственных имен в романе) // Русский язык в школе. 1979. № 1. С. 41–43; *Васильев Н.Л.* Научная лексика как художественно-изобразительное средство в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1984. № 3. С. 46–49.

рассмотрение феномена фразеологизации отдельных строк «Евгения Онегина».

Специфика фразеологизмов как языковых единиц, в частности их особая образная семантика, экспрессия, преимущественно разговорный характер и синтаксическая связанность лексических компонентов, в известной степени препятствует их свободному использованию в поэтических жанрах. Тем не менее устойчивые обороты далеко не редки в стихотворных произведениях, особенно – в условиях стилистической полифонии «Евгения Онегина».

В тексте пушкинского романа встречается более 100 фразеологических единиц (ФЕ): *без лишних слов, без малого, без предисловий, без ума* (2), *без умолку, бес вселился, бог ведает, бог весть, бог знает, бог мой, боже мой* (2), *божий раб* (у Пушкина – *господний раб*), *бровью не повести* (у Пушкина – *бровью не пошевельнуть*), *в голос, в душе, в нос, в самом деле, в цвете* (2), *в чести, вкось и вкривь, во весь дух, во весь опор, входить в роль, всё равно, глаз не сводить, глаза открылись* (у Пушкина – *очи открылись*), *голову ломать, господь с тобой, грести лопатой серебро, дай бог* (2), *дать слово, дать ход, двери гроба отворились, день и ночь* (3), *до глубины, до гроба (твой), до гробовой доски* (2), *душа моя* (2), *за гробом, забреть лоб, забыть себя, закусить губу, запретный плод, злость берет, избави боже, как знать, как ни бейся, к лицу, кануть в Лету* (у Пушкина – *потонуть в Лете*), *кровь застыла, кровь кипит, кровь стынет, лить слезы* (2), *махнуть рукой, мелким бесом рассыпаться, мерить на свой аршин, мочи нет, на беду, на минуту, на случай, на уме, на цыпочках, накрыть стол, не без греха* (2), *не без труда, не в силах* (2), *не в шутку, не верить своим глазам, не дай бог, не находить слов, не сводить очей, не шутя, нет дела, ни души, ни капли* (2), *ни слова, ни шагу, никак нельзя, носа не показывать, обагрилась рука, обливаться слезами, от нечего делать, отдать сердце, отправить к праотцам* (у Пушкина – *отослать к отцам*), *по плечу, по сердцу, по старине, повесить нос, подавать повод, поднять нос, пойти на статью, помилуй господь, попасть впросак, потупить взор, принять (мученический) венец, про себя, пролить слезу, ради бога, рука не дрогнет, рука с рукой, с виду, с ног до головы* (2), *с плеч долой, сам не свой, своротить с ума, сердце*

жмет, сердце рвется на части (у Пушкина – *сердце рвется пополам*), *сквозь зубы, сил нет* (у Пушкина – *силы нет*), *со двора* (прогнать), *сквозь сон, слава богу* (3), *со света согнать, сойти с ума, спаси боже, спать вечным сном, спать мертвым сном* («крепко спать»), *стоять горой, считать минуты* (у Пушкина – *считать часы*), *так и быть* (4), *так и сяк, хоть умри, час от часу, час пробил, черт возьмет тебя, что делать* и др.¹

Употребляются ФЕ и в «Путешествии Онегина», набросках к X главе, ранних редакциях и черновых вариантах романа: *девятый вал, здесь и там; не чета, боже мой* (2), *между нами, что будешь делать, слабый пол, помилуй бог, слава богу, во время оно* (см.: VI, 207–655).

Можно выделить кроме того устойчивые выражения, обладающие признаками ФЕ, но не фиксируемые в указанных словарях: *бог велел, вкушать мир, всегда готов, добрый малый, за двух (есть, пить, лгать), и да и нет, мой свет, к ручке подходить, оставит след, под венец, поставит на барьер, пред алтарем, правил нет без исключений, родная душа, свести знакомство, у гробовой доски, узы брака, честный малый* и др.; а также номинативные единицы, рассматриваемые некоторыми исследователями в качестве особого разряда ФЕ: *Академический словарь, белый стих, магический кристалл, низкая природа, падучая звезда, подблюдная песня, прелестная звезда, простой продукт, русский бог, троицын день* и др.

Отдельную группу ФЕ – в широком их понимании – составляют варваризмы: *et cetera, sed alia tempora, Poor Yorick, comme il faut, tête-à-tête, mon ange, nota bene*. Есть также калькированные галлицизмы (*острое слово, пора меж волка и*

¹ Они отмечены в соответствующих словарях. См., например: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967; Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. М., 1995; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. Устойчивые выражения фиксируются и при статьях в «Словаре языка Пушкина». В скобках нами указывается количество употреблений конкретных ФЕ в романе.

собаки) и шутливая перифраза из «Божественной комедии» Данте (*Оставь надежду навсегда*).

Индивидуально-авторская вариативность отдельных ФЕ, возникшая под пером писателя (*господний раб, бровью не пошевельнуть* и т. п.) объясняется, на наш взгляд, не столько его стремлением к оригинальности выражения, сколько необходимостью соблюдения поэтических условностей – метрики или рифмы, что и приводит к структурной трансформации ФЕ.

В стилистическом отношении выявленные ФЕ имеют преимущественно разговорный характер, реже – книжный, нейтральный и просторечный. Большинство из них сохранилось и в современной речи. Исключение составляют следующие: *в голос* («единодушно»), *в чести, двери гроба отворились, душа моя* (в обращении), *забрить лоб* («отдать в солдаты»), *по старине* («как раньше, по старинным обычаям»), *пойти на статью* («пойти на лад»), *принять мученический венец* («умереть в мучениях за веру»), *рука с рукой* («взявшись за руки»), *со двора*; а также архаичные варианты ФЕ: *своротить с ума, грести лопатой серебро, очи открылись, не сводить очей*.

По главам романа частота употребления Пушкиным ФЕ распределяется достаточно равномерно, что свидетельствует о закономерном характере их бытования в произведении, хотя и не исключает некоторой зависимости от содержания и стилевой тональности тех или иных глав.

ФЕ используются Пушкиным в авторском повествовании, в речи персонажей – Онегина, Ленского, Татьяны, ее няни, матери, московской тетки, Анисьи (экономки Онегина).

Уже в самом начале произведения с помощью фразеологии задается тон непринужденной беседы с читателем:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда **не в шутку** занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, **боже мой**, какая скука
С больным сидеть и **день и ночь**,

Не отходя **ни шагу** прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать **про себя**:
Когда же **черт возьмет тебя?**» (I, 1).

Разговорные по своей окраске ФЕ характеризуют эмоциональный внутренний монолог главного героя, одновременно определяя стилевой регистр романа в целом, в его перспективе, давая возможность и повествователю прибегать к таким же экспрессивным элементам. Интересно, что выражение *черт возьмет тебя*, воспринимающееся сейчас как просторечное, в пушкинское время имело иной знаковый смысл: указывало на модное «щегольское» наречие, являясь калькой французской идиомы *Que diable t'emporte*, а кроме того – и на прямую параллель с романом Ч.-Р. Метьюрина «Мельмот-скиталец», героя которого в буквальном смысле унес дьявол¹.

В речи автора фразеологизм впервые используется в посвящении, адресованном П.А. Плетневу: «Но **так и быть** – рукой пристрастной / Прими собранье пестрых глав...». (Оно появилось, однако, позже выхода в свет начальных глав романа – в 1828 г.)

В дальнейшем Пушкин также нередко прибегает к стилистически окрашенным ФЕ, выражая с их помощью свои чувства по отношению к действующим лицам, событиям и т. д. Например:

Да помнил, хоть **не без греха**,
Из Энеиды два стиха (I, 6).
Во дни веселий и желаний
Я был от балов **без ума**... (I, 19).

Он застрелиться, **слава богу**,
Попробовать не захотел... (I, 38).

---

¹ См.: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. 2-е изд. Л., 1983. С. 120.

Цель жизни для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он **голову ломал**
И чудеса подозревал (II, 7).

И запищит она (**бог мой!**):
Приди в чертог ко мне золотой!.. (II, 12).

В одном случае поэт сам выделяет в тексте устойчивое выражение, характеризующее психологию человеческих поступков, – здесь мы сталкиваемся с явлением «чужой речи»: «Так люди (первый каюсь я) / *От делать нечего друзья*» (II, 13).

Пример репрезентации несобственно-прямой речи встречается и в описании обобщенного облика «приятеля» повествователя (при этом фразеологизм «редуцируется»): «...А впрочем, он **за вас горой**: / Он вас так любит... как родной!» (IV, 19).

В форме цитаты, отражающей «чужую речь», ФЕ употребляются в стилизованной эпитафии: «Надгробный памятник гласит: / *Смиранный грешник, Дмитрий Ларин, / Господний раб и бригадир, / Под камнем сим **вкушает мир***» (II, 36). Прием цитации используется также в описании типичного альбома «уездной барышни», в тексте «песенки старинных дней»: «Тут, верно, клятвы вы прочтете / *В любви **до гробовой доски**...*» (IV, 29); «*“Там мужички-то всё богаты, / **Гребут лопатой серебро**...”*» (V, 8).

Полушутливое употребление фразеологизма *кануть в Лету* в трансформированном виде встречается в следующем контексте: «Быть может, **в Лете не потонет** / Строфа, слагаемая мной...» (II, 40). В этой же функции привлекается фразеологизм *бес вселился*, в состав которого поэт включает добавочный компонент, «обыгрывая» тем самым семантику слова *бес*: «Быть может, волею небес, / Я перестану быть поэтом, / В меня **вселится новый бес**...» (III, 13).

Наблюдается структурно-смысловое совмещение ФЕ и обычных слов (*дрожь, плечи*), приводящее к усилению экспрессии авторского самовыражения:

Когда блистательная дама
Мне свой *in-quarto* подает,
И **дрожь и злость** меня берет... (IV, 30).

...и всех выше

И нос и плечи подымал

Вошедший с нею генерал (VIII, 15).

В целом, однако, подобное экспериментирование с ФЕ Пушкину не свойственно: он стремился избегать стилистических вычурностей.

Встретилось и каламбурное употребление фразеологизма в речи автора: «И так они старели оба. / И отворились наконец / Перед супругом двери гроба, / И новый **приял он венец**» (II, 36). Церковнославянское выражение *принять (мученический) венец* иронически соотносится здесь с предшествующим описанием семейной истории Лариных: «Но, не спросяся ее совета, / Девицу повезли **к венцу**» (II, 31).

В отдельных случаях необходим литературоведческий комментарий к контекстам с использованием ФЕ. Например, в строках «Так ты, Языков вдохновенный, / В порывах сердца своего, / Поешь **бог ведает** кого...» (IV, 31) Пушкин иронически намекает на нескромные стихи юного Н.М. Языкова («Элегии», «Романс» и др.), в которых тот воспевал утеху с «мимолетными» приятельницами его студенческих лет.

Особую роль ФЕ играют в описании повествователем матери Татьяны; при этом масштабно используется прием несобственно-прямой речи, отражающей «портрет» изображаемого лица: «И, чтоб ее рассеять горе, / Разумный муж уехал вскоре / В свою деревню, где она / **Бог знает** кем окружена, / Рвалась и плакала сначала...» (II, 21); «Она меж делом и досугом / Открыла тайну, как супругом / Самодержавно управлять, / И все тогда **пошло на статью**. / Она езжала по работам, / Солила на зиму грибы, / Вела расходы, **брила лбы**...» (II, 32).

С помощью стилистически сниженных ФЕ Пушкин тонко характеризует речь няни главной героини:

«И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слышали про любовь;
А то бы **согнала со света**
Меня покойница свекровь» (III, 18).

«Дитя мое, **господь с тобою!**» (III, 19).

В.Г. Белинский с восхищением заметил по этому поводу: «Разговор Татьяны с нянею – чудо художественного совершенства! <...> В словах няни... без тривиальности и пошлости заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа... И это сделано великим поэтом одною чертою, вскользь, мимоходом брошенной!»¹.

В письме Татьяны к Онегину ФЕ используются для описания ее непосредственности, отсутствия в ней светского жеманства: «...Всё думать, думать об одном / И **день и ночь** до новой встречи»; «Души неопытной волненья / Смирив со временем (**как знать?**), / **По сердцу** я нашла бы друга...» (III, «Письмо Татьяны к Онегину»). Они помогают Пушкину передать смятенное состояние любимой героини через косвенное отображение ее внутренней речи: «И между тем душа в ней ныла, / И слез был полон томный взор. / Вдруг топот!.. **кровь** ее **застыла**...» (III, 38); «И облегченья не находит / Она подавленным слезам, / И **сердце рвется пополам**» (VII, 8).

При характеристике Татьяны после ее замужества автор привлекает фразеологизм, возникший в европеизированной аристократической среде (фр. калька) – с целью показать превращение провинциальной барышни в светскую женщину: «Как изменилася Татьяна! / Как твердо **в роль** свою **вошла!**» (VIII, 28).

Сопереживая своим героям, Пушкин часто как бы невольно переходит с позиции «объективного» повествователя на сочувственный тон, разделяет с ними все перипетии описываемых событий. Немалую роль в этом играют эмоционально окрашенные ФЕ: «Она его не замечает, / **Как он ни бейся**, хоть умри» (VIII, 31); «...он заране / Писать ко прадедам готов / О скорой встрече; а Татьяне / И **дела нет** (их пол таков)...» (VIII, 32).

Порой автор зло иронизирует над персонажами романа, например, над Онегиным: «Он так привык теряться в этом, / Что чуть **с ума не своротил** / Или не сделался поэтом. / Признаться: то-то б одолжил!» (VIII, 38). Но потом, будто спохватившись, меняет

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 415–416.

тональность повествования на нейтральную: «...и он не сделался поэтом, / Не умер, не **сошел с ума**» (VIII, 39).

Используются ФЕ и в письме Онегина к Татьяне – «страстном посланье», к которому вынужден был прибегнуть некогда холодный аристократ: «Я думал: вольность и покой / Замена счастью. **Боже мой!** / Как я ошибся, как наказан!» (VIII, «Письмо Онегина к Татьяне»).

Вместе с тем в речевом портрете главного героя Пушкин сохраняет черты прежней светской сдержанности, для которой не допустимы вольности в виде стилистически сниженных ФЕ:

Случайно вас когда-то встрета,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой **не дал ходу**...

Но **так и быть**: я сам себе
Противиться **не в силах** боле...

Вводит автор фразеологию и в речь Ленского, показывая его непосредственность и, возможно, намечавшееся превращение выпускника Геттингенского университета в обыкновенного провинциального помещика, влияние на него деревенского окружения:

«...Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суди ты сам:
Два раза заглянул, а там
Уж к ним и **носу не покажешь**.
Да вот... какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван» (IV, 48).

В отдельных случаях пушкинское словоупотребление воспринимается как едва ли корректное даже с точки зрения современной нормативной стилистики; тем не менее оно показательно в плане экспериментов писателя по части демократизации литературной речи, а кроме того придает повествованию полушутливый характер, как в следующем контексте, где просторечный фразеологизм комично контрастирует с романтической речевой структурой образа Ленского: «“Зачем

вечор так рано скрылись?» / Был первый Оленькин вопрос. / Все чувства в Ленском помутились, / И молча он **повесил нос**» (VI, 14).

Встречаются ФЕ и в речи второстепенных персонажей – матери Татьяны Лариной, ее московской тетки:

«Уж как он Танею прельщался,
Как **мелким бесом рассыпался!**» (VII, 26)

«Жаль, разъезжать **нет мочи** мне;
Едва, едва таскаю ноги» (VII, 42)

Особую эстетическую нагрузку несет фразеологизм в заключительной строфе седьмой главы романа, где автор пародирует возвышенную манеру и жанровые условности классицизма, привлекая с этой целью библейское выражение: «*Благослови мой долгий труд, / О ты, эпическая муза! / И, верный посох мне вручив, / Не дай блуждать мне **вкось и вкрив***» (VII, 55).

В ряде контекстов поэт использует образную основу ФЕ, например: «А милый пол, как пух, легок. / <...> / Так ваша верная подруга / Бывает вмиг увлечена: / **Любовью шутит сатана**» (IV, 21); «...Великолепные альбомы, / Мученье модных рифмачей, / Вы, украшенные проворно / Толстого кистью чудотворной / Иль Баратынского пером, / **Пускай сожжет вас божий гром!**» (IV, 30). Ср.: *Чем черт не шутит!; Разрази вас гром!* Подобное «обыгрывание» ФЕ встречается у Пушкина достаточно редко, обычно в лирических отступлениях.

Присутствуют в романе поговорки, пословицы, рассматриваемые некоторыми исследователями как особый разряд ФЕ: «Мой идеал теперь – хозяйка, / Мои желания – покой, / *Да щей горшок, да сам большой*» («Отрывки из путешествия Онегина»); «Чем дальше в лес, тем больше дров» (43 строфа V главы, не вошедшая в окончательный текст произведения).

Говоря о пушкинской фразеологии, необходимо отметить, что под пером писателя возникли устойчивые обороты, ставшие «крылатыми» и частично отразившиеся в специальных словарях¹:

¹ См., например: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 4-е. М., 1987. Здесь фигурируют, в

Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь (I, 5); Латынь из моды вышла ныне (I, 6); Всегда довольный сам собой, Своим обедом и женой (I, 12); Обычай деспот меж людей (I, 25); Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей... (I, 46); Мы все глядим в Наполеоны... (II, 14); «Не спится, няня...» (II, 17); Привычка свыше нам дана... (II, 31); Чем меньше женщину мы любим, Тем легче нравимся мы ей... (IV, 1–7); Лета к суровой прозе клонят... (VI, 43); Ужели слово найдено? (VII, 25); Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось! (VII, 36); Старик Державин нас заметил... (VIII, 2); С печальной думою в очах, С французской книжкою в руках (VIII, 5); Охота к перемене мест; Как Чацкий, с корабля на бал (VIII, 13); Ужель та самая Татьяна... (VIII, 20); Любви все возрасты покорны (VIII, 29); А счастье было так возможно... (VIII, 47); Иных уж нет, а те далече... (VIII, 51) и др.

По мнению Г.О. Винокура, это явление объясняется не только афористичностью стиля Пушкина, но и своеобразной ритмикой произведения – «множественностью метрически осязаемых границ», сообщающей тексту «потенциальную фразеологичность»¹.

Таким образом, представленная в «Евгении Онегине» фразеология весьма репрезентативна по своим типологическим характеристикам (узуальная и «окказиональная», исконная и заимствованная, активная и устаревшая и т. д.), функциям и приемам использования. Она служит ярким средством создания непринужденной, эмоционально насыщенной авторской речи. Ее

частности, выражения: *А счастье было так возможно, Так близко!*; *Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел; Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей; Всевышней волею Зевеса Наследник всех своих родных* и др. (всего – 36 вместе с «Добавлениями»). Однако среди них нет некоторых отмеченных нами; и наоборот – отдельные «крылатые слова», зафиксированные в указанном словаре, на наш взгляд, таковыми не являются. Ср. также: *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1998; *Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина / Сост. И. Шкляревский.* М., 1999.

¹ См.: *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 186.

анализ помогает лучше понять творческий замысел поэта в раскрытии персонажей и самого «образа автора».

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

В языковой палитре «Евгения Онегина» привлекают внимание новаторские приемы соединения поэтом генетически и стилистически разнородных средств – славянизмов, просторечия, западноевропейских заимствований, научной терминологии, разговорной фразеологии и др.¹

Заметное место в произведении занимают иностранные слова, выражения, имена собственные, цитаты, реплики, употребляющиеся без перевода. Одни из них впоследствии обрусели, другие до сих пор воспринимаются как иноязычные вкрапления в романе. Указанные элементы в целом пока не являлись предметом специального анализа, хотя и обращали на себя внимание исследователей². Наша задача – определить их количественный

---

¹ См., в частности: *Скокова Л.И.* О месте иноязычной и простонародной лексики в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // *Русский язык в национальной школе.* 1974. № 3..

² См., например: *Макаров В.В.* Об использовании неассимилированной иноязычной лексики в произведениях Пушкина // *Уч. зап. Калинин. пед. ин-та.* 1957. Т. XIX. С. 108; *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. М., 1974. С. 81–83; *Лазня В.В.* Воспроизведение функций варваризмов в англоязычных переводах «Евгения Онегина» // *Вопросы языковой структуры: Исследования по романо-германской филологии.* Киев, 1976. С. 220–224; *Колосова Н.А.* Нетранслитерированные французские элементы в языке Пушкина; *Вишневский А.А.* Из комментария к «Евгению Онегину» // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Вып. 21. С. 125–126; *Турбин В.Н.* Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1996 С. 89; *Каишювская М.В.* Французская лексика в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и вопросы ее перевода на английский язык // *Пушкин: Сб. науч. тр.* М., 1999. С. 133–151; *Корнев В.А.* Явления языковой интерференции в произведениях А.С. Пушкина // *Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тез. докл. межд. науч. конф.*

состав, качественную специфику и художественные функции, что важно для более детального осмысления поэтики «Евгения Онегина».

Непосредственно в тексте романа используется 34 единицы такого рода: *beef-steaks, belle Nina, belle Tatiana, Benedetta, Child-Harold, dandy, du comme il faut, entrechat, E sempre bene, et cetera* (2)¹, *far niente, Idol mio, in-quarto, Madame, madame de Staël, mon ange, Monsieur* (2), *monsieur Guillot, monsieur l'Abbé*², князь N, N (буква лат. алфавита), *N.N., Pachte, Poor Yorick, Qu'écrirez-vous sur cez tablettes* («Что вы напишете на этих листках?») <...> *t. à. v. Annette* («Вся ваша Аннета»), *Réveillez vous, belle endormie* («Пробудитесь, спящая красотка»), *roast-beef, Sed alia tempora, St.-Priest, Talon, tête-à-tête, vale, vulgar, Walter Scott*. В «Отрывках из путешествия Онегина» – еще три: *Casino, do-re-mi-sol, prima donna*.

В пушкинских «Примечаниях к Евгению Онегину» имеются пояснения некоторых иностранных слов, употребленных в романе («*dandy*, франт»; «*Rout*, вечернее собрание без танцев, собственно значит толпа»³ и словосочетания «широкий боливар» («*Шляпа à la Bolivar*»⁴); кроме того – иноязычные цитаты из сочинений Руссо, Сталь, Шатобриана, Данте; указания на литературные источники (*Confessions de J.J. Rousseau*, «См. *Dix ans d'exil*», «Малек-Адель –

Н. Новгород, 1999. С. 170–172; Шанский Н.М. По следам «Евгения Онегина»: Краткий лингвистический комментарий. М., 1999.

¹ Французский вариант латинского выражения *et caetera*.

² Можно, однако, рассматривать словосочетания *madame de Staël, monsieur Guillot, monsieur l'Abbé* как двойные семиотические единицы: *madame/monsieur* + *имярек*.

³ Последняя лексема, в отличие от слова *dandy*, в романе используется в русифицированном виде: «И ныне музу я впервые / На светский раут привожу <...>» (VIII, 6 – с соответствующим примечанием писателя к данному слову); «Он оставляет раут тесный, / Домой задумчив едет он <...>» (VIII, 21). Кроме того Пушкин еще 7 раз употребляет ту же лексему (иногда в форме *rouit*) в письмах, критике, «Египетских ночах». См.: Словарь языка Пушкина. Т. 3. С. 999.

⁴ Данное словосочетание тоже формально можно разбить на две самостоятельные единицы: *à la* + *имярек*.

герой посредственного романа М-м Cottin», «Jean Sbogar – известный роман Карла (правильно Шарля. – Н. В.) Нодье»).

Можно учесть в качестве своеобразного метатекста «Евгения Онегина» и эпиграфы, предшествующие роману или его отдельным главам: отрывок «Pétri de vanité <...>» – с уведомлением *Tiré d'une lettre particulière* («Из частного письма»), не всегда точные цитаты из сочинений Горация (гл. II), Мальфилатра (гл. III), Сталь (гл. IV), Петрарки (гл. VI), Байрона (гл. VIII); имена указанных авторов (или тех, кого они свою очередь, цитируют – как в IV главе) при этом тоже приводятся в нетранслитерированном виде¹.

Таким образом, общее число иноязычных элементов в романе, даже без учета их повторяемости, составляет около 60 единиц².

Есть, кроме того, и виртуальные иноязычные фрагменты романа, которые можно было отнести к романному «гипертексту»: это, например, письмо Татьяны к Онегину, написанное, со слов повествователя, по-французски (III, 26–31); предполагаемый французский диалог матери Лариной с московской кухней, обозначенный Пушкиным лишь «пунктирно», с помощью двух реплик (VII, 41); упоминаемый повествователем круг чтения Татьяны и ее матери (II, 29–30; III, 9–12), самого Онегина (I, 7; VII, 21–24; VIII, 35), несомненно основанный на знакомстве героев с французскими подлинниками или французскими переводами с других языков³. Наконец, тон всему роману задает франкоязычный эпиграф, который нельзя воспринимать иначе, как своеобразную галльскую «грунтовку» романного полотна, изображающего

¹ В белой рукописи третьей главы романа первоначально присутствовал и эпиграф из «Божественной комедии» Данте. См. об этом: *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. М., 1999. С. 314.

² Ср.: *Корнев В.А.* Явления языковой интерференции в произведениях А.С. Пушкина. (исследователь отмечает 34 иноязычных элемента в романе).

³ См., например, комментарии к соответствующим строфам у В.В. Набокова. Можно предположить, что и «заветный вензель *O da E*» (III, 37) Татьяна рисует новолатинскими литерами...

русскую жизнь: «Pétri de vanité il avait encore plus de cette <...>» («Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того <...>»¹).

По своей типологии и общей активности употребления иноязычные элементы делятся на следующие группы:

– имена собственные, среди которых исторические лица, литературные персонажи, названия художественных и музыкальных произведений, увеселительных заведений (*Byron, Hor<acius>, M-m Cottin, Malfilatre, Necker, Petr<arca>, St.-Priest, Walter Scott; Child-Harold, Pachte; Benedetta, Confessions de J.J. Rousseau, Dix ans d'exil, Idol mio, Jean Sbogar; Casino, Talon* – всего 17);

– лексемы и словосочетания, ставшие отчасти уже при жизни писателя или позже обычными, т. е. графически адаптированными, заимствованиями (*beef-steaks, [du] comme il faut, dandy, entrechat, in-quarto, madame, monsieur, prima donna, rout, roast-beef, tête-à-tête, vulgar[ный]* – всего 12);

– литературные цитаты (из произведений Байрона, Горация, Данте, Мальфилатра, Петрарки, Руссо, Сталь, Шатобриана, из «частного письма» – всего 10);

– крылатые выражения, сохранившие до сегодняшнего времени в русском языке статус варваризмов (*E sempre bene, et cetera, far niente, Poor Yorick, Sed alia tempora, vale* – всего 6)²;

– словосочетания с клишированным варваризмом и варьирующимся компонентом-антропонимом, а также с близким к последнему нарицательным существительным (*à la Bolivar, belle Nina, belle Tatiana, madame de Staël, monsieur Guillot, monsieur l'Abbé* [Аббат]³ – всего 6);

---

¹ В этом плане необходимо отметить уникальную исследовательскую работу В.В. Набокова по выявлению французского «подтекста» пушкинского романа – лексических и фразеологических калек, литературных ассоциаций и т. д.

² См.: *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. Л., 1981–1987.

³ В.В. Набоков замечает: «Предположение, что “l’Abbé” могло означать фамилию, проверяется записью в черновике (2369, л. 5): “мосье l’abbé” (С. 44). См. также: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 75.

– иноязычные текстовые вкрапления (*mon ange; Reveillez vous, belle endormie; Qu'ecrirez-vous sur cez tablettes <...> t. u. v. Annette* – всего 3);

– иноязычные литеры, выступающие знаками определенных понятий («князь N»; «N. N. прекрасный человек»; «и русский N как N французский» – всего 3);

– ряд простейших музыкальных терминов, символизирующих музыкальное искусство (*do-re-mi-sol*).

Перечисленные словоэлементы относятся к четырем источникам: французскому (32)¹, английскому (11), итальянскому (10)² и латинскому (5). Немецкий компонент в романе имплицитно присутствует лишь в следующем контексте: «...И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз / Уж отворял свой *vasiscdas*» (I, 35) – где французское заимствование из немецкого языка *vasistas* «небольшая форточка, фрамуга»³ соотносится со

---

¹ К числу французских заимствований в известном смысле может быть отнесено и английское лексикализованное словосочетание *roast beef*, фигурировавшее в рукописях и первых изданиях романа в качестве галлицизма – *rost-beef*. См. об этом, в частности: *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 77; *Добродомов И.Г., Пильщиков И.А.* [Рец.] В. Набоков. «Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”»; В. Набоков. «Комментарии к “Евгению Онегину” Александра Пушкина» // *Philologica*. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 413. Ср., однако, отмеченную Ю.М. Лотманом переключку Пушкина с Парни («...le sanglant roast-beef <...> le jus d’Ai») (Указ. соч. С. 143). Заметим, что *Child-Harold*, по мнению В.В. Набокова, тоже офрануженная форма английского имени (С. 170, 473).

² К числу последних мы отнесли и слово *Casino* – на основании метрического ударения на втором слоге; однако в действительности в речь идет о «Casino de Commerce», размещавшемся в доме, где останавливался Пушкин в Одессе (см.: *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 847). Можно предположить, что произношение некоторых французских названий в Одессе носило «италинизированный» характер (заметно, что итальянские варваризмы концентрированно привлекаются поэтом именно при описании этого южного города с его необычной этнической субкультурой).

³ См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935, Т. 1. Стб. 227; *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 155–156.

своим германским «прототипом» (*Was ist das?*) как по линии действующего лица («хлебник, немец аккуратный»), так и рифмы (*не раз / васисдас*), поскольку соответствующее французское слово произносится с «немым» s¹.

Следовательно, можно сделать три важных вывода относительно межъязыковой полифонии «Евгения Онегина»: во-первых, в романе преобладает романская – французская, итальянская, латинская – языковая стихия, в то время как англо-германская ей заметно уступает; во-вторых, обращает на себя внимание неожиданная активность на общем фоне итальянских и отчасти английских заимствований; в-третьих, совершенно незначительным предстает пласт германизмов в произведении, хотя их использование в русской литературе XIX в. весьма распространено².

Роль французского и латинского языков в истории русской культуры, и в частности литературного языка, общеизвестна³, чем и обусловлена их эстетическая экстраполяция в художественный мир романа; в несколько меньшей степени употреблялся в России немецкий

¹ Примечательно, что в черновом автографе первой главы на месте будущей лексемы *васисдас* первоначально было «*Wass ist das*» (см.: *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 156). О нюансах пушкинского словоупотребления см.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 165; *Ерохина Л.Л., Строганов М.В.* Васисдас // *Онегинская энциклопедия*: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 160.

² См., например: *Листрова Ю.Т.* Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века. Воронеж, 1979. С. 32–142.

³ См., в частности: *Васильев Н.Л.* Методологические аспекты изучения и преподавания истории русского литературного языка // *Вестн. Мордов. ун-та*. 1995. № 3. С. 6–9; *Он же.* Латинский язык в истории русского литературного языка // *XXIV Огаревские чтения*: Тез. докл. науч. конф.: В 3 ч. Саранск, 1995. Ч. 1. С. 112; *Он же.* Французский язык в истории русского литературного языка // *Актуальные проблемы филологии в вузе и школе*: Материалы XII Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и шк. учителей. Лингвистика. 10–11 апр. 1998 г. Тверь, 1998. С. 40–41; *Он же.* Французский язык как один из литературных языков в истории России (теоретические и прагматические аспекты проблемы) // *Язык. Культура. Коммуникация*: Материалы Всерос. заочн. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2007. С. 136–141.

язык¹, – что в определенном смысле объективирует распределение ролей перечисленных языков в «Евгении Онегине». Однако больший, по сравнению с латинскими и особенно немецкими «реалиями», удельный вес в произведении английских и итальянских заимствований выглядит в свете сказанного своеобразной лингвистической аномалией. Очевидно, что языковые «коды», отразившиеся в произведении, связаны и с личностью Пушкина, в частности с его «южным» темпераментом, склонностью к галльскому острословию и, наоборот, нелюбовью к умозрительным построениям «северян»², а также с автобиографическими и собственно художественными обстоятельствами (см. ниже).

Одновременно мы должны принять во внимание и системные особенности пушкинской поэтики в указанном аспекте. По наблюдениям Е.В. Савиной, соотношение различных иноязычных элементов (варваризмов, имен собственных, цитат, текстовых вкраплений, целостных фрагментов и т. д.) в литературном наследии Пушкина выглядит явно в пользу французского языка³. Если суммировать частотность иноязычных элементов во всем пушкинском творчестве (от лирики до писем), то окажется следующее: французский язык – 952 факта, латинский – 617 (главным образом за счет крайне употребительных выражений *et caetera, nota bene, post scriptum* и замещающих их аббревиатур), итальянский – 67, английский – 61, немецкий – 15. Следовательно, поэтика «Евгения Онегина» весьма гармонично отражает общие закономерности пушкинского словоупотребления...

В тексте романа использование иноязычных элементов неравномерно: первая глава – 12, вторая – 3, третья – 3, четвертая – 5, пятая – 2, шестая – 3, седьмая – 2, восьмая – 10. Чаще всего

¹ См. также: Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые явления... С. 22–31.

² В.В. Набоков, например, отмечает: «Немецкий язык Пушкин знал еще хуже английского и имел весьма туманные представления о немецкой литературе. Он не испытал ее влияния и неприязненно относился к ее тенденциям». – Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 257.

³ Савина Е.М. Взаимодействие русской и французской речевых стихий в произведениях А.С. Пушкина. С. 8–11.

заимствования привлекаются писателем в начальной и заключительной главах произведения, где Пушкин описывает высший свет. Начиная со второй главы их употребление заметно снижается, что связано с изменением фона действия и характера персонажей – на первый план выходят личности Ленского¹, Татьяны, образы поместных дворян, крестьян, картины деревенской жизни.

Отдельные из отмеченных заимствований фигурируют в произведениях Пушкина, главным образом в прозе 1830-х гг., уже в русифицированном виде, например *бифштекс*, *мадам*, *мосье*, *мусье*². Это касается и написания некоторых собственных имен³. Так, в своем романе Пушкин, помимо первой главы (строфа 38) еще дважды упоминает героя знаменитой поэмы Байрона, но уже в русскоязычной графике: «Прямым Онегин Чильд Гарольдом / Вдался в задумчивую лень <...>» (IV, 44); «Что ж он? Ужели подражанье, / Ничтожный призрак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще <...>» (VII, 24). Фамилия знаменитого шотландского романиста также используется в одном случае в обрусевшем виде: «...Ни Скот, ни Байрон, ни Сенека <...>» (V, 22; ср. IV, 43); *monsieur Guillot* превращается, спустя

¹ Заметим, что, несмотря на годы жизни за границей и в определенной степени германофильство («...С душою прямо геттингенской, / <...> / Поклонник Канта и поэт. / Он из Германии туманной / Привез учености плоды <...>» – II, 6; «...Под небом Шиллера и Гете / Их поэтическим огнем / Душа воспламенилась в нем <...>» – II, 9), Ленский – по художественской прихоти Пушкина – ничем не выдает в романе своей пронемецкой ментальности и, скорее, предстает, по крайней мере в вербальном плане, более русифицированным типажом, чем западник Онегин. Ср., например: «“Ну, что соседки? Что Татьяна? / Что Ольга резвая твоя?” – “Налей еще мне пол-стакана... / Довольно, милый... Вся семья / Здорова; кланяться велели. / Ах, милый, как похорошели / У Ольги плечи, что за грудь! / Что за душа!.. Когда-нибудь / Заедем к ним; ты их обяжешь; / А то, мой друг, суди ты сам: / Два раза заглянул, а там / Уж к ним и носу не покажешь. / Да вот... какой же я болван! / Ты к ним на той неделе зван”» (IV, 48). Между тем, в глазах соседей Ленского по имени, он явно космополитичен: «...Все дочек прочили своих / За полурусского соседа...» (II, 12).

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 116; Т. 2. С. 530, 627, 642–643.

³ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 19. С. 101–673.

несколько строк, в *Гильо* (VI, 27; ср. VI, 29); в примечаниях писателя к роману упоминается «г-жа Сталь» (ср. VIII, 35).

Рассмотрим основные функции иноязычных средств в романе¹.

В первой и отчасти последующих главах они служат Пушкину средством реалистического отражения быта русской аристократии, моделировавшей свою жизнь по европейским образцам и, как правило, воспитывавшейся в детские годы французскими, немецкими, английскими гувернерами, учителями². Например:

Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил <...> (I, 3);

Острижен по последней моде;
Как *dandy* лондонский одет <...> (I, 4)³.

Это касается не только главного героя – Онегина. Рисуя портрет старшей Лариной, поэт отмечает такие черты ее офранцузенного воспитания, как жеманное стремление заменять отечественные имена иностранными и произносить русские слова с французским «прононсом»: «...Звала Полиною Прасковью <...> / И русский *Н* как *N* французский / Произносить умела в нос <...>» (II, 33). Автор описывает и типичный альбом «уездной барышни», прибегая к приему ввода французского текста: «На первом листике

---

¹ Об общих закономерностях употребления некоторых разрядов иноязычных элементов в творчестве Пушкина см.: *Васильев Н.Л., Савина Е.В.* Варваризмы в языке А.С. Пушкина. С. 99–105.

² См. об этом: *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. С. 177–179.

³ Примечательно, что Пушкин выделяет иноязычные лексемы курсивом (своеобразный прием остранения!) и к тому же пишет их с заглавной буквы, – не только из-за свойственной русской орфографии XIX в. традиции написания некоторых, даже графически русифицированных, заимствований, но и подчеркивая тем самым обобщенный характер соответствующих понятий, использование их в качестве символов типичного домашнего образования молодых дворян, окруженных соответствующими ролевыми «персонажами».

встречаешь: / *Qu' écrire-vous sur ces tablettes*; / И подпись *t. à. v. Annette* <...>» (IV, 28).

Наряду с французским языком в русской литературной речи, прежде всего в сфере обучения и науки, использовалась классическая латынь¹. Показывая образованность Онегина как типичного дворянина, автор замечает:

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпитафы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха (I, 6).

Вполне естественно, что и в речи самого автора-повествователя встречаются латинские слова, поговорки: «Когда блистательная дама / Мне свой *in-quarto* подает, / И дрожь и злость меня берет <...>» (IV, 30); «*Sed alia tempora!* Удалость / (Как сон любви, другая шалость) / Проходит с юностью живой» (VI, 7).

Латинский язык был обязателен для изучения в гимназиях, пансионах. Еще в пушкинское время на нем читались порой лекции в университетах, писались диссертации, учебные сочинения студентов, велись научные диспуты. Латынь традиционно использовалась и в надписях на архитектурных памятниках, надгробьях, медалях, в дипломах об окончании университетов. Гимназическое образование предполагало чтение и художественный перевод произведений античных писателей, историков, философов, риториков.

Мода на англицизмы была развита в меньшей мере, но поддерживалась в 1820-х гг. таким немаловажным фактором, как русский байронизм. Английские варваризмы появляются в романе, когда речь заходит о литературных ассоциациях (*Child-Harold*, *Poor Yorick*), названиях кушаний (*beef-steaks*, *roast-beef*), лондонском

---

¹ О роли этого языка в России см.: Воробьев Ю.К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999.

дендизме (*dandy*), британской чопорности (*vulgar*) или отечественной, но с английским «акцентом», хандре: «Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому *сплину*, / Короче: русская *хандра* / Им овладела понемногу <...>» (I, 38). Как правило, они концентрируются вокруг личности Онегина, которого вполне можно подозревать в англomanии. Ориентация на дендизм французского образца для героя, стремящегося выделиться из своей среды, была бы слишком тривиальной...¹

Одновременно в первой, восьмой главах и «Отрывках из путешествия Онегина» Пушкин прибегает к выражениям из итальянского языка, с которыми он, вероятно, столкнулся прежде всего в Одессе, где проживало немало выходцев из Средиземноморья и царил культ театрально-музыкального искусства². Например: «Досугам посвящусь невинным, / Брожу над озером пустынным, / И *far niente* мой закон» (I, 55)³; «...А где такие мадригалы / Себе встречал я иногда: / *E sempre bene*, господа» (VIII, 35). Еще одна вероятная причина внимания поэта к итальянскому языку и реалиям – творчество Данте, Петрарки, Т. Тассо, Байрона: «Лишь лодка, веслами махая, / Плыла по дремлющей реке: / И нас пленяли вдалеке / Рожок и песня удалая... / Но слаще, средь ночных забав, / Напев Торкватовых октав!» (I, 48); «Адриатические волны, / О Брента! нет, увижу вас, / И, вдохновенья снова полный, / Услышу ваш волшебный глас! / Он свят для внуков Аполлона; / По гордой лире Альбиона / Он мне знаком, он мне родной. / Ночей Италии златой / Я негой наслажусь на воле / С венецианкою младой, / То говорливой, то немой, / С ней обретут уста мои / Язык Петрарки и

¹ См. также: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»...С. 161.

² Ср.: «Я жил тогда в Одессе пыльной... / <...> / Там всё Европой дышит, веет / <...> / Язык Италии златой / Звучит по улице веселой <...>» («Отрывки из путешествия Онегина»).

³ По мнению Ю.М. Лотмана, языковое новаторство Пушкина в данном случае проявилось в перенесении встречающегося в эпистолярной прозе его современников выражения в собственно поэтическую сферу. – Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 173–174.

любви» (I, 49). По мнению некоторых исследователей, Пушкин «много читал по-итальянски и знал поэму Данте в подлиннике»¹.

Вторая системная роль иноязычных средств в романе связана с обозначением новых для русской действительности понятий, терминов, тонких смысловых оттенков и т. д. Например: «...Пред ним *roast-beef* окровавленный <...>» (I, 16); «...Почетный гражданин кулис, / Онегин полетел к театру, / Где каждый, вольностью дыша, / Готов хлопнуть *entrechat* <...>» (I, 17); «...Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется *vulgar* <...>» (VIII, 15); «Приходит муж. Он прерывает / Сей неприятный *tête-à-tête* <...>» (VIII, 23).

Еще одна функция заимствований – психологическая и речевая характеристика персонажей. Например: «Своим пенатам возвращенный, / Владимир Ленский посетил / Соседа памятник смиренный, / И вздох он пеплу посвятил; / И долго сердцу грустно было. / “*Poor Yorick!* – молвил он уныло. – / Он на руках меня держал. <...>» (II, 37). Забавно, что цитата из «Гамлета» Шекспира (с параллельной реминисценцией из «Тристрама Шенди» Стерна²) показывает начитанность Ленского в области английской литературы, но вовсе не как воспитанника германского университета, которому, скорее, подобало бы высказывание в метафизическом духе. Впрочем, этому есть рациональное объяснение: Геттингенский университет развивался под сильным влиянием английского либерализма и права³.

Французский варваризм встречается в разговоре Онегина с Ленским, иллюстрируя макароническое употребление галлицизмов в речи русского дворянства и «ментальность» главного героя романа, не склонного к лирическим излипаниям, в противовес порывистой натуре Ленского: «“Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Филлиду

¹ См. об этом: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 221.

² См. пушкинские «Примечания к Евгению Онегину» (№ 16), а также комментарий В.В. Набокова к соответствующей строфе (С. 306–307). Странно, однако, что последний не замечает собственно английской структуры комментируемой цитаты, предпочитая говорить о французских переводах Шекспира и Стерна.

³ См.: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 182.

эту, / Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм *et cetera?*.. <...>» (III, 2). Иронически тот же варваризм используется в речи самого повествователя – при описании багажа Лариных, отправившихся в Москву: «...три кибитки / Везут домашние пожитки, / Кастрюльки, стулья, сундуки, / Варенье в банках, тюфяки, / Перины, клетки с петухами, / Горшки, тазы *et cetera*, / Ну, много всякого добра» (VII, 31).

В знаковой функции употребляется французское словосочетание в сцене дуэли Онегина с Ленским, когда первый представляет своего камердинера в качестве секунданта: «“Мой секундонт? – сказал Евгений, – / Вот он: мой друг, *monsieur Guillot*. / Я не предвижу возражений / На представление мое; / Хоть человек он неизвестный, / Но уж конечно малый честный”» (VI, 27).

В некоторых контекстах выбор Пушкиным иноязычной графики оправдан еще не вполне обрусевшим характером отдельных собственных имен, орфографическими и грамматическими трудностями их адаптации, например: «...Читай: вот Прадт, вот W. Scott» (IV, 43); «Стал вновь читать он без разбора. / Прочел он Гиббона, Руссо, / Манзони, Гердера, Шамфора, / *Madame de Staël*, Биша, Тиссо, / Прочел скептического Бея, / Прочел творенья Фонтенеля <...>» (VIII, 35).

Заемствования целенаправленно используются писателем и как повод для филологической полемики с современниками¹. Например:

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.) (VIII, 14).

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar* (Не могу...

¹ О стратегии Пушкина такого рода в целом см. следующий сюжет книги.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покаместь ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...) (VIII, 15–16).

В.В. Набоков тонко подметил, что слово *vulgar*, будь оно русифицировано (например, в формах *вульгарен*, *Вульгарин*), явно рифмуется с фамилией Ф.В. Булгарина...¹ К размышлениям комментатора можно добавить и то, что поэт в период создания восьмой главы не раз экспериментировал с броскими каламбурными рифмами на фамилию своего литературного противника: *Фиглярин*, *Флюгарин* («На Булгарина», «Моя родословная»).

В другом случае Пушкин прибегает к остроумному каламбуру, основанному на переключке цитаты из сатиры Горация – «*O rus!..*» («О деревня!») и авторского эпитафа «*O Русь!*», предшествующих второй главе, где действие романа разворачивается непосредственно в условиях патриархальной сельской жизни, – имея в виду представление о России как стране с преимущественно сельской «инфраструктурой».

Наконец, нетранслитерированные элементы служат в «Евгении Онегине» средством создания яркой, неожиданной рифмы, в том числе внутренней. Например:

...Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat* <...> (I, 17).

«...Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм *et cetera?*..<...>» (III, 2).

На первом листике встречаешь
Qu' écrirez-vous sur cez tablettes;
И подпись: *t. à v. Annette* <...> (IV, 28).

¹ См.: Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 726.

В глуши что делать в эту пору? <...>
Сиди под кровлею пустынной.
Читай: вот Прадт, *vom W. Scott* (IV, 43).

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête <...>.
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет (VIII, 23).

Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: *Benedetta* <...> (VIII, 38).

Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?
(«Отрывки из путешествия Онегина»).

По поводу пушкинской рифмы *nepa/cetera* В.В. Набоков замечает, что, несмотря на внешнюю эффектность, в сознании читателя-европейца она «явно старомодна», – и приводит несколько типологически подобных примеров из французской поэзии второй пол. XVIII века¹. Можно, однако, предположить, что Пушкин сознательно перекликается с предшественниками, так как это обычно входит в его языковую и эстетическую стратегию игры с «чужим словом». Использование интернациональных варваризмов и соответствующих рифм – для поэта один из приемов диалога с мировой литературой, средство интертекстуальности.

Писатель сожалел, что «рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую» («Путешествие из Москвы в Петербург», (XI, 263)). Поэтому его эксперименты по вовлечению в круг русских рифм неадаптированных заимствований весьма показательны. Доля рифмующихся иноязычных элементов в романе составляет 37,8% от общего их числа употреблений. Как известно, конец строки является

---

¹ Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 319–320.

в версификационном отношении семиотически сильной позицией для художественного слова. Следовательно, Пушкин стремится привлечь внимание читателей к нетранслитерированным языковым средствам с помощью самых различных технических приемов – графически, интонационно, ритмически, путем рифмовки, авторским комментарием в скобках или примечанием.

Таким образом, в пушкинском романе отразилась не только богатая стилистическая палитра русской разговорно-литературной речи, но и элементы французского, английского, итальянского, латинского и отчасти немецкого языков, выполняющие в произведении ряд важных функций и существенно дополняющие своими выразительными возможностями эстетический потенциал родного писателю языка.

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТАТЕКСТ ПУШКИНА**

«Об этом есть у меня строфы три и в *Онегине*»
А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому. 13 июля 1825 г.

Пушкин нередко пользовался художественным творчеством как трибуной для выражения своих размышлений о русской литературе, языке, перспективах развития национальной письменной культуры. В этом проявлялась не только зрелость писателя-мыслителя, но и своеобразная игра с читателем, позволявшая остроумно включать в текст волновавшие общественность вопросы.

«Евгений Онегин» – проба пера поэта в сфере нового для него жанра («роман в стихах») и нового литературного мышления (развитие реализма, противоречиво уживающееся с еще не изжившими себя романтическими традициями). Одновременно это и **трактат о национальном литературном языке**, так как последний становится здесь не только средством, но и объектом изображения. По данному поводу М.М. Бахтин писал: «Роман Пушкина – это самокритика литературного языка эпохи, осуществляемая путем взаимоосвещения всех его основных направленных, жанровых и бытовых разновидностей. Но, конечно, это не отвлеченно-

лингвистическое взаимоосвещение: образы языков неотделимы от образов мировоззрений и их живых носителей – людей, мыслящих, говорящих и действующих в социальной и исторически конкретной обстановке»¹. Роман разворачивается как динамичная, во многом не зависящая от воли автора реальность; от главы к главе меняется, взрослеет и сам его творец, опробывая новые художественные приемы, присматриваясь к новым источникам речевой изобразительности. Язык произведения отражает, моделирует многослойную и многомерную стихию русской литературной речи, тенденции последней; провоцирует читателя разнообразными аллюзиями, подтекстами; становится полноправным действующим лицом произведения, что составляет, может быть, главную прелесть пушкинского детища и объясняет почти неразрешимую трудность его адекватного перевода на другие языки.

Целью для нас является выявление «литературоведческих» и «лингвистических» фрагментов романа, типологии подобных контекстов. Наблюдения такого рода, конечно же, имели место, но не носили системного характера².

Филологические заметки Пушкина присутствуют, хотя и в разной мере, почти во всех главах романа и примечаниях к нему. Они касаются поэтики художественного творчества (литературных направлений, стилей, жанров, композиции, типов героев, содержательной стороны произведений, их языка, отдельных слов, выражений, рифм и т. д), русско-французского билингвизма в России, вопросов становления отечественного литературного языка, творчества западноевропейских и русских писателей, литературной моды и др. Способы их эстетической актуализации в романе различны: характеристика героя, обрисовка той или иной

¹ *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исслед. разных лет. М., 1975. С. 416.

² См., например: *Гринкова Н.П.* Развитие взглядов А.С. Пушкина на литературный язык в процессе создания романа «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1949. № 5. С. 1–19; *Бонди С.М.* Литературные вопросы в «Евгении Онегине»; Вопросы языка в «Евгении Онегине» // Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. С. 283–303; *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий.

социальной среды, попутные замечания повествователя, авторские отступления, полемические реплики, курсивные выделения и проч. Проиллюстрируем сказанное.

Наиболее актуальными для Пушкина и его современников являлись вопросы смены литературных систем и жанров – замена уже устаревших, архаичных поэтик классицизма и сентиментализма новыми художественными приемами отражения действительности, в частности романтическими и, условно говоря, реалистическими (в чем-то иногда натуралистичными). Высказывания Пушкина такого рода не являются его самоцелью, а в той или иной степени органично и, как правило, остроумно вписываются в контекст повествования. Например: «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной, / Чтобы насмешливый читатель / Или какой-нибудь издатель / Замысловатой клеветы, / Сличая здесь мои черты, / Не повторял потом безбожно, / Что намарал я свой портрет, / Как Байрон, гордости поэт, / Как будто нам уж невозможно / Писать поэму о другом, / Как только о себе самом» (I, 56); «...Погасший пепел уж не вспыхнет, / Я все грущу; но слез уж нет, / И скоро, скоро бури след / В душе моей совсем утихнет: / Тогда-то я начну писать / Поэму песен в двадцать пять» (I, 59), «Я думал уж о форме плана, / И как героя назову; / Покамест моего романа / Я кончил первую главу...» (I, 60); «Свой слог на важный лад настроя, / Бывало, пламенный творец / Являл нам своего героя / Как совершенства образец. / <...> / И при конце последней части / Всегда наказан был порок, / Добру достойный был венок», «А нынче все умы в тумане, / Мораль на нас наводит сон, / Порок любезен, и в романе, / И там уж торжествует он. / Британской музы небылицы / Тревожат сон отроковицы / <...> / Лорд Байрон прихотью удачной / Облек в унылый романтизм / И безнадежный эгоизм» (III, 11–12); «В дуэлях классик и педант, / Любил методу он из чувства, / И человека растянуть / Он позволял не как-нибудь, / Но в строгих правилах искусства, / По всем преданьям старины <...>» (VI, 26); «<...> Критик строгий / Повелевает сбросить нам / Элегии венок убогой / <...> / “...Довольно, пойте о другом!” – Ты прав и, верно, нам укажешь / Трубу, личину и кинжал / <...> / Не так ли, друг? – Ничуть. Куда! / “Пишите оды, господа, / Как их писали в мощны

годы, / Как было встарь заведено...” – Одни торжественные оды! / <...> / “Но все в элегии ничтожно; / Пустая цель ее жалка; / Меж тем цель оды высока / И благородна...” <...>» (IV, 32–33); «Так он писал *темно* и вяло / (Что романтизмом мы зовем, / Хоть романтизма тут нимало / Не вижу я; да что нам в том?)» (VI, 23); «*Пою* *приятеля* *младого* / *И множество его причуд.* / *Благослови мой долгий труд,* / *О ты, эпическая муза!* / <...> / Довольно. С плеч долой обуза! / Я классицизму отдал честь: / Хоть поздно, а вступленье есть» (VII, 55); «Иные мне нужны картины: / Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор... / Мой идеал теперь – хозяйка, / Мои желанья – покой, / *Да щей горшок, да сам большой*», «Порой дождливою намедни / Я, завернув на скотный двор... / Тыфу! прозаические бредни, / Фламандской школы пестрый сор! / Таков ли был я, расцветая? / Скажи, фонтан Бахчисарая!» («Отрывки из путешествия Онегина»).

В романе прослеживается и игра жанрами, стилями – классицистическим, сентименталистским, романтическими, реалистическим, натуралистическим¹. Например: «...И хоть он был повеса пылкий, / Но разлюбил он наконец / И брань, и саблю, и свинец» (I, 37); «Мне нравились его черты, / Мечтам невольная преданность, / Неподражательная странность / И резкий, охлажденный ум. / Я был озлоблен, он угрюм, / Страстей игру мы знали оба...» (I, 45); «Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей; / Кто чувствовал, того тревожит / Призрак невозвратимых дней: / Тому уж нет очарований, / Того змия воспоминаний, / Того раскаянье грызет. / Все это часто придает / Большую прелесть разговору» (I, 46), «Он пел разлуку и печаль, / И

¹ См. об этом, в частности: *Хаев Е.С.* Идиллические мотивы в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 82–104; *Россина А.* Элегическая традиция в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Горький, 1986. С. 39–48; *Драгоморецкая Н.В.* О вступлении к «Евгению Онегину» (К проблеме классического стиля) // Болдинские чтения. Горький, 1990. С. 112–115; *Невский А.Я.* Жанр эпитафии в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1994. С. 87–94; *Драгоморецкая Н.В.* А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»: Манифест диалога-полемики с романтизмом. М., 2000.

нечто, и туманну даль, / И романтические розы; / Он пел те дальние страны, / Где долго в лоно тишины / Лились его живые слезы; / Он пел поблеклый жизни цвет / Без малого в восемнадцать лет» (II, 10); «И так они старели оба. / И отворились наконец / Перед супругом двери гроба, / И новый он приял венец. / <...> / Он был простой и добрый барин, / И там, где прах его лежит, / Надгробный памятник гласит: / *Смиренный грешник, Дмитрий Ларин, / Господний раб и бригадир, / Под камнем сим вкушает мир»* (II, 36); «“Я не держу тебя; но где ты / Свои проводишь вечера?” – / “У Лариных”. – “Вот это чудно. / Помилуй! и тебе не трудно / Там каждый вечер убивать?” – / “Нимало”. – “Не могу понять. / Отселе вижу, что такое: / Во-первых (слушай, прав ли я?), / Простая, русская семья, / К гостям усердие большое, / Варенье, вечный разговор / Про дождь, про лен, про скотный двор...”, / “Я тут еще беды не вижу” – / “Да скука, вот беда, мой друг”. / – “Я модный свет ваш ненавижу: / Милее мне домашний круг, / Где я могу...” – Опять эклога! / Да полно, милый, ради бога. / Ну что ж? ты едешь: очень жаль. / Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Филлиду эту, / Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм *et cetera?*...”» (III, 1–2); «Татьяна, милая Татьяна! / С тобой теперь я слезы лью; / Ты в руки модного тирана / Уж отдала судьбу свою. / Погибнешь, милая; но прежде / Ты в ослепительной надежде / Блаженство темное зовешь, / Ты негу жизни узнаешь, / Ты пьешь волшебный яд желаний, / Тебя преследуют мечты: / Везде воображаешь ты / Приюты счастливых свиданий; / Везде, везде перед тобой / Твой искуситель роковой» (III, 15); «Он мыслит: “Буду ей спаситель. / Не потерплю, чтоб развратитель / Огнем и вздохом и похвал / Младое сердце искушал; / Чтоб червь презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек; / Чтобы двухутренний цветок / Увял еще полуоткрытый”. / Все это значило, друзья / С приятелем стреляюсь я» (VI, 15); «Стихи на случай сохранились, / Я их имею; вот они: / “Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни? / Что день грядущий мне готовит? / Его мой взор напрасно ловит <...>”»; «Так он писал *темно и вяло* <...>» (VI, 21–23).

Значимы и авторские комментарии по поводу тех или иных писателей, поскольку Пушкин стремился прямо ли косвенно выразить свое отношение к литературным явлениям, воспитывать читателя в

данном плане. Например: «Она влюблялася в обманы / И Ричардсона и Руссо», «Жена ж его была сама / От Ричардсона без ума»; «Она любила Ричардсона / Не потому, чтобы прочла <...>» (II, 29–30); «...И Вертер, мученик мятежный, / И бесподобный Грандисон, / Который нам наводит сон, – / Все для мечтательницы нежной / В единый образ облеклись, / В одном Онегине слились» (III, 9); «Я знаю: нежного Парни / Перо не в моде в наши дни» (III, 29); «Он иногда читает Оле / Нравоучительный роман, / В котором автор знает боле / Природу, чем Шатобриан <...>» (IV, 26); «Меж тем как мы, враги Гимена, / В домашней жизни зрим один / Ряд утомительных картин, / Роман во вкусе Лафонтена...» (IV, 50) – с примечанием поэта: «Август Лафонтен, автор множества семейственных романов»; «Хоть не являла книга эта / Ни сладких вымыслов поэта, Ни мудрых истин, ни картин, / Но ни Вергилий, ни Расин, / Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека, / Ни даже Дамских Мод Журнал / Так никого не занимал: / То был, друзья, Мартын Задека <...>» (V, 22).

Упоминания имен, произведений, героев тех или иных писателей, как отечественных, так и зарубежных, в романе весьма многочисленны – от Апулея до Языкова. Безусловным лидером здесь является Байрон, литературно-бытовые ассоциации с которым возникают у Пушкина, по нашим наблюдениям, 11 раз. На втором месте в этом ряду, как ни странно, посредственный английский прозаик С. Ричардсон, чьи герои фигурируют в тексте «Евгения Онегина» тоже неоднократно. Но, если первый для Пушкина – «гордости поэт», то второй – символ литературной пошлости. По крайней мере дважды поэт вспоминает о таких авторах, как Баратынский, Вергилий, Вяземский, Гете, Гомер, Гораций, Грибоедов, Дмитриев, Жуковский, Озеров, Петрарка, Расин, Руссо, Скотт, Сталь, Шиллер.

Если же обратиться к глубинным, отчасти скрытым, связям пушкинского романа с предшествующей литературно-письменной культурой, используя, например, указатель имен в изданном на русском языке комментарии В.В. Набокова, то самый высокий рейтинг постраничных упоминаний будет у таких авторов, как Байрон – 97, Вяземский – 60, Жуковский – 43, Вольтер – 41, Баратынский – 36, А. Пишо – 32, Руссо – 28, Грибоедов – 25,

Карамзин – 24, Кюхельбекер – 23, Батюшков – 22, Сталь – 21, Дельвиг – 20, И. Дмитриев – 20, Гете – 19, Рылеев – 19, Шатобриан – 19, Шенье – 19, Державин – 16, Гораций – 14...

Формы диалога Пушкина с предшественниками и современниками самые разнообразные – эпиграфы, прямые указания, реминисценции, литературные ассоциации, бытовые сравнения, комментарии и т. д. Например: «Так ты, Языков вдохновенный, / В порывах сердца своего, / Поешь бог ведает кого, / И свод элегий драгоценный / Представит некогда тебе / Всю повесть о твоей судьбе» (IV, 31); «Согретый вдохновенья богом, / Другой поэт роскошным слогом / Живописал нам первый снег / И все оттенки зимних нег. / <...> / Но я бороться не намерен / Ни с ним покамест, ни с тобой [о Баратынском], / Певец финляндки молодой!» (V, 3); «Как я сказал, Зарецкий мой, / Под сень черемух и акаций / От бурь укрывшись наконец, / Живет, как истинный мудрец: / Капусту садит, как Гораций <...>» (VI, 7); «...Он возвратился и попал, / Как Чацкий, с корабля на бал» (VIII, 13); «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича: <...>» (Примечания). Закономерно, что роман начинается с юмористического перепева басни Крылова «Осел и мужик» (1819): «Мой дядя самых честных правил...»¹ – и заканчивается полумифологизированной сентенцией, приписанной знаменитому восточному поэту: «Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал»².

Одной из проблем русской литературы и литературного языка, отчетливо наметившихся в нач. XIX века, был спор «карамзинистов» и «архаистов» относительно путей совершенствования национальной речевой культуры. Несмотря на

¹ Вряд ли справедливо утверждение Ю.М. Лотмана, что поэт использует не литературный источник, а «живой фразеологизм устной речи той поры». – Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 121. Пушкин перекликается именно с Крыловым – это видно из метрико-лексической организации соотносимых строк и исторической синхронности двух произведений.

² О многослойности литературных и общественных аллюзий данного контекста, а также возможной мистификации Пушкиным читателей см.: Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 372–373.

значительные разногласия, обе стороны сходились в том, что следует развивать русский язык и литературу, препятствием чему являлось гипертрофированное распространение в России французского языка. Пушкин не раз откликается на эти и другие вопросы в своем романе: «В последнем вкусе туалетом / Заняв ваш любопытный взгляд, / Я мог бы пред ученым светом / Здесь описать его наряд; / Конечно б, это было смело, / Описывать мое же дело: / Но *панталоны, фрак, жилет*, / Всех этих *слов* на русском нет; / А вижу я, винюсь пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б меньше мог / Иноплеменными словами, / Хоть и заглядывал я встарь / В Академический словарь»¹ (I, 26); «Она казалась верный снимок / *Du comme il faut...* (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)» (VIII, 14); «...Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется *vulgar*. (Не могу... / Люблю я очень это слово, / Но не могу перевести; / Оно у нас покамест ново, / И вряд ли быть ему в чести. / Оно б годилось в эпиграмме...)» (VIII, 15–16)².

Рисую портреты своих героев, Пушкин нередко включает характеристики, свидетельствующие о свободном владении ими французским языком как своеобразным социально-корпоративным жаргоном дворянского общества. Это касается, в частности, самого Онегина, Татьяны, ее матери, московской тетки, провинциальной дворянской барышни вообще: «Он по-французски совершенно мог изъясняться / И писал <...> / Чего ж вам больше? Свет решил, / Что он умен и очень мил» (I, 4); «Бывало, писывала кровью / Она в альбомы нежных дев, / Звала Полиною Прасковью / <...> / И русский *H* как *N* французский / Произносить умела в нос» (II, 33); «Еще предвижу затрудненья: / Родной земли спасая честь, / Я должен буду, без сомненья, / Письмо Татьяны перевесть. / Она по-

¹ В библиотеке писателя, действительно, имелся «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789–1794). См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: (Библиогр. описание). М., 1988 [репр. изд.]. С. 94.

² О соотносении языковых средств с литературными жанрами, в частности «речений третьего рода» с эпиграммой – в рамках «низкого штиля», см. «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» М.В. Ломоносова. – Полн. собр. соч.: В 7 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 589.

русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалася с трудом на языке своем родном, / Итак, писала по-французски... / Что делать! повторяю вновь: / Доныне дамская любовь / Не изъяснялася по-русски, / Доныне гордый наш язык / К почтовой прозе не привык» (III, 26)¹; «...Не все ли, русским языком / Владея слабо и с трудом, / Его так мило искажали, / И в их устах язык чужой / Не обратился ли в родной?» (III, 27); «Конечно, вы не раз видали / Уездной барышни альбом, / <...> / На первом листике встречаешь: / *Qu' écrirez-vous sur ces tablettes*; / И подпись *t. à v. Annette*...» (IV, 28); «...Старушки с плачем обнялись, / И восклицанья полились. / “Княжна, *mon ange!*” – “*Pachette!*” – “Алина!” <...>» (VII, 40).

В связи с этим необходимо прокомментировать следующее высказывание Пушкина: «Не дай мне бог сойтись на бале / Иль при разъезде на крыльце / С семинаристом в желтой шали / Иль с академиком в чепце! / **Как уст румяных без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю.** / Быть может, на беду мою, / Красавиц новых поколение, / Журналов вняв молящий глас, / К грамматике приучит нас; / <...> / Но я... какое дело мне? / Я верен буду старине. / Неправильный, небрежный лепет, / Неточный выговор речей / По-прежнему сердечный трепет / Произведут в груди моей; / Раскаяться во мне нет силы, / Мне галлицизмы будут милы, / Как прошлой юности грехи, / Как Богдановича стихи» (III, 28–29). Оно иногда понимается как пропаганда писателем простонародной речевой стихии. Между тем автор, вероятно, имеет в виду совсем другое – искажение русского

¹ Ср. размышления Пушкина на ту же тему в неопубликованной заметке <«Причинами, замедлившими ход нашей словесности...»> (1824 г.): «Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват, как не они сами. <...> проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» (XI, 21).

языка в устах дворянских барышень, вследствие влияния грамматической системы французского языка. В противном случае переход к разговору о галлицизмах выглядит нелогичным. Перед нами, таким образом, иронично-лукавая критика Пушкиным «полурусского, полуфранцузского» диалекта провинциальных дворянок, о чем он, в частности, говорит в письме к Л.С. Пушкину от 24 января 1822 года. Ср. также иронию над фразеологическим галлицизмом: «(Люблю я дружеские враки / И дружеский бокал вина / Порою той, что названа / Пора меж волка и собаки, / А почему, не вижу я.)» (IV, 47). Заметим, что и сам Пушкин не избежал в своем русскоязычном творчестве, в том числе в «Евгении Онегине», воздействия французского языка – семантических, словообразовательных, фразеологических, синтаксических калек¹.

Одновременно автор показывает читателям, как должна была бы написать любовное послание на родном языке образованная российская дворянка, обладающая определенным вкусом: «Письмо Татьяны предо мною; / Его я свято берегу, / <...> / Кто ей внушал и эту **нежность**, / **И слов любезную небрежность?**» (III, 31). Ср. также: «Но полно. Мне пора заняться / Письмом красавицы моей; / <...> / Я знаю: **нежного Парни** / Перо не в моде в наши дни» (III, 29). Письмо же Онегина к замужней Татьяне (гл. VIII) лингвистически не комментируется поэтом, но можно заключить, что оно написано по-русски («Вот вам письмо его точь-в-точь»). То же, вероятно, относится и к эстетически центральным в структуре романа монологам Онегина и Татьяны, обращенным друг к другу в разные периоды их жизни, но художественно, в романном хронотопе, диалогизированным («Вы ко мне писали, / Не отпирайтесь. Я прочел <...>» – IV, 12–16; «“Довольно; встаньте. Я должна / Вам объяснить откровенно. <...>”» – VIII, 42–47). Сравним также описание поэтом в черновом варианте восьмой главы особенностей речевого поведения дружеского круга замужней Татьяны: «В гостиной истинно дворянской / Чуждались щегольства

¹ См., например: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 239–246; *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 45, 47, 52, 53, 73, 76, 118, 123, 150, 160 и др.

речей / И щекотливости мещанской / Журнальных чопорных судей. / В гостиной светской и свободной / Был принят слог простонародный / И не пугал ничьих ушей / Живою странностью своей <...>¹. Это объясняет и речевую стратегию автора «Онегина» в его первых письмах к Н.Н. Пушкиной, направленную на привитие молодой супруге навыков народно-разговорного, порой даже грубоватого языка – в противовес манерной этикетности вышколенного французского эпистолярия, например: «Здравствуй, женка, мой ангел. Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки; мочи не было, так устал» (8 дек. 1831 г.); «Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? виделась ли ты с бабкой? пустили ли тебе кровь? Всё это ужас меня беспокоит. Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал, что уехал от тебя. Без меня ты что-нибудь с собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь» (16 дек. 1831 г.)². Пушкинский роман, таким образом, можно считать своеобразным национальным **письмовником**, т. е. учебной книгой по русской словесности и эпистолярно-бытовой коммуникации, в котором отразились речевые идеалы писателя.

К филологическим фрагментам произведения относятся и многие другие ремарки Пушкина, например: «Латынь из моды вышла ныне: / Так, если правду вам сказать, / Он знал довольно полатыни, / Чтоб эпиграфы разбирать, / Потолковать об Ювенале, / В конце письма поставить *vale* <...>» (I, 6)³; «Я думал уж о форме плана, / И как героя назову; / Покаместь моего романа / Я кончил первую главу <...>» (I, 60); «Ее сестра звалась Татьяна... / Впервые именован таким / Страницы нежные романа / Мы своевольно освятим. / И что ж? оно приятно, звучно; / Но с ним, я знаю, неразлучно / Воспоминанье старины / Иль девичьей! Мы все должны / Признаться: вкусу очень мало / У нас и в наших именах / (Не

¹ (VI, 626–627).

² (XIV, 245–249).

³ О роли латинского языка в отечественной культуре допушкинского времени см.: *Воробьев Ю.К.* Латинский язык в русской культуре XVII – XVIII веков. Саранск, 1999.

говорим уж о стихах) <...>» (II, 24) – с ироничным примечанием Пушкина: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами»; «...Но скоро все перевелось: / Корсет, альбом, княжну Алину, / Стишков чувствительных тетрадь / Она забыла; стала звать / Акулькой прежнюю Селину <...>» (II, 33); «Я знаю: дам хотят заставить / Читать по-русски. Право, страх! / Могу ли их себе представить с “Благонамеренным” в руках!» (III, 27) – с примечанием писателя, отмечающим, в частности, вульгарность слога издателя: «Журнал некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял»; «И вот уже трещат морозы / И серебрятся средь полей... / Читатель ждет уж рифмы *розы*: / На, вот возьми ее скорей!» (IV, 42); «Но, может быть, такого рода / Картины вас не привлекут: / Все это низкая природа; / Изящного немного тут» (V, 3); «В начале моего романа / (Смотрите первую тетрадь) / Хотелось в роде мне Альбана / Бал петербургский описать; / Но, развлечен пустым мечтаньем, / Я занялся воспоминаньем / О ножках мне знакомых дам. / <...> / С изменой юности моей / Пора мне сделаться умней, / В делах и в слоге поправляться / И эту пятую тетрадь / От отступлений очищать» (V, 40); «Как стих без мысли в песне модной, / Дорога зимняя гладка» (VII, 35)¹.

Необычайно интересна в романе «макароническая» игра разностилевыми элементами, сопровождаемая порой совмещением авторской, прямой и несобственно-прямой речи, например: «Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому *сплину*, / Короче: русская *хандра* / Им овладела понемногу...» (I, 38); «Он слушал Ленского с улыбкой. / Поэта пылкий разговор, / <...> / Он охладительное слово / В устах старался удержать / И думал: глупо мне мешать / Его минутному блаженству; / И без меня пора придет; / Пускай покамест он живет / Да верит

¹ Ср. в заметке Пушкина «О прозе» (1822): «Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится)» (XI, 19).

мира совершенству <...>», (II, 15); «Зарецкий встал без объяснений; / Остаться доле не хотел, / Имея дома много дел <...>» (IV, 9); «По старине торжествовали / В их доме эти вечера: / Служанки со всего двора / Про барышень своих гадали / И им сулили каждый год / Мужьев военных и поход» (V, 4). Примечательно и постоянное балансирование в авторском повествовании между традиционным и новым, стилистически корректным и невозможным с точки зрения нормативной поэтики допушкинского времени: «Встает заря во мгле холодной; / На нивах шум работ умолк; / С своей волчихою голодной / Выходит на дорогу волк <...>», «В избушке распевая, дева / Прядет, и, зимний друг ночей, / Трещит лучинка перед ней» (IV, 41); «Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь <...>» (V, 2); «Еще страшней, еще чуднее: / Вот рак верхом на пауке, / Вот череп на гусиной шее / <...> / Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, / Людская молвь и конский топ!» (V, 17); «И вот из ближнего посада, / Созревших барышень кумир, / Уездных матушек отрада, / Приехал ротный командир <...>» (V, 28); «Она приветствий двух друзей / Не слышит, слезы из очей / Хотят уж капать; уж готова / Бедняжка в обморок упасть; / Но воля и рассудка власть / Превозмогли. Она два слова / Сквозь зубы молвила тишком / И усидела за столом» (V, 30); «Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. Жук жужжал» (VII, 15).

Не случайно, что Пушкину приходилось отстаивать свои художественно-изобразительные принципы – в примечаниях к роману, критических заметках: «В журналах удивлялись, как можно было назвать *девою* простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы *девчонками!*»; «Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха» («Какая радость: будет бал! / Девчонки прыгают заране <...>». – Н. В.); «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. <...> Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка»¹; «Критику 7-ой песни (седьмой главы. – Н. В.) в “Северной Пчеле” пробежал я в гостях и в такую минуту,

¹ (VI, 193).

как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку *об жуке*. <...> Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих»¹.

Очень распространен в романе прием курсивной маркировки отдельных слов и выражений с целью привлечения к ним читательского внимания – указания на их литературную нетрадиционность, условность, архаичность, стилистическую контрастность, особую смысловую актуализацию в контексте, каламбурное употребление, «чужую речь» и т. д. Например: «...И был глубокий эконо́м, / То есть умел судить о том, / Как государство богатеет, / И чем живет, и почему / Не нужно золота ему, / Когда *простой продукт* имеет» (I, 7); «Надев широкий *боливар*, / Онегин едет на бульвар <...>» (I, 15) – с прим. Пушкина: «Шляпа à la *Bolívar*»; «И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз / Уж отворял свой *васисдас*» (I, 35); «...Он дамам к ручке не подходит; / Всё *да да нет*; не скажет *да-с* / Иль *нет-с*» (II, 5); «Все дочек прочили своих / За *полурусского* соседа...» (II, 11); «Так люди (первый каюсь я) / От *делать нечего* друзья» (II, 13); «Так точно равнодушный гость / На *вист* вечерний приезжает» (IV, 10), «Он подал руку ей. Печально / (Как говорится, *машинально*) / Татьяна молча оперлась <...>» (IV, 17); «Я только в *скобках* замечаю, / Что нет презренной клеветы <...>» (IV, 19)²; «Позвольте: может быть, угодно / Теперь узнать вам от меня, / Что значит именно *родные*» (IV, 20); «Тут, верно, клятвы вы прочтете / В *любви до гробовой доски*; / Какой-нибудь *пиит* армейский / Тут подмахнул стишок злодейский» (IV, 29); «Вот бегают дворовый мальчик, / В салазки *жучку* посадив, / Себя в коня преобразив <...>» (V, 2); «То был приятный, благородный, / Короткий вызов, иль *картель*: / <...> / Онегин с первого движенья, / К послу такого порученья / Оборотась, без лишних слов / Сказал, что он *всегда готов*» (VI, 9); «На модном слове *идеал* / Тихонько Ленский задремал <...>» (VI, 23); «Ужель

¹ (XI, 150).

² Ср., однако: «...И кстати я замечу в *скобках*, / Что речь веду в моих строфах / Я столь же часто о *пирах*...» (V, 36).

загадку разрешила? / Ужели слово найдено?» (VII, 25); «Ей душно здесь... она мечтой / Стремится к жизни полевой, / <...> / Туда, где он являлся ей» (VII, 53); «Все шлют Онегина к врачам, / Те хором шлют его к водам» (VIII, 31).

Иногда, впрочем, это просто знак цитаты, прямой речи или собственного имени, как было принято в орфографической традиции пушкинского времени, например: «И, мнится, с ужасом читал / Над их бровями надпись ада: / *Оставь надежду навсегда*» (III, 22); «Но изменяет пеной шумной / Оно желудку моему, / И я Бордо благоразумный / Уж нынче предпочел ему. / К *Au* я больше не способен <...>» (IV, 46); «И голосок ее звучит / Нежней свирельного напева: / *Как ваше имя?* Смотрит он / И отвечает: Агафон» (V, 9), «Но вдруг сугроб зашевелился, / И кто ж из-под него явился? / Большой взъерошенный медведь; / Татьяна *ах!* а он реветь <...>» (V, 12); «*Мое!* – сказал Евгений грозно <...>» (V, 20); «...И для Татьяны наконец / Его с разрозненной *Мальвиной* / Он уступил за три с полтиной <...>» (V, 23). Ср., однако: «И вынулось колечко ей / Под песенку старинных дней: / “*Там мужички-то всё богаты, / Гребут лопатой серебро; / Кому поем, тому добро / И слава!*” <...>» (V, 8); «...Трике привез куплет Татьяне / На голос, знаемый детьми: / *Réveillez vous, belle endormie.* / <...> И смело вместо *belle Nina* / Поставил *belle Tatiana*» (V, 27).

Таким образом, пушкинский роман в стихах предстает в определенном ракурсе в качестве своеобразной теоретической и практической (реализованной) поэтики писателя – параллельного метатекста, отражающего взгляды Пушкина на русскую литературу и язык.

К ПОЭТИКЕ «СНА ТАТЬЯНЫ» В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

В последние годы появляются новые доказательства творческого диалога Пушкина с В.А. Жуковским, выразившегося, в частности, в скрытом (подражательном или пародийном)

параллелизме произведений «победителя-ученика» с популярными сочинениями его литературного наставника¹.

Это свидетельствует об уже не очевидном для современного читателя использовании писателями-классиками «чужого слова», т. е. в буквальном смысле *имплицитном* реминисцентном подтексте². Последнее касается и такой, казалось бы, всесторонне изученной темы, как «Сон Татьяны»³.

Наша цель – обратить внимание на некоторые лексико-фразеологические параллели между описаниями сновидений героинь Жуковского и Пушкина, не отмечавшиеся ранее.

Как известно, пятой главе «Евгения Онегина» предшествует эпиграф из баллады Жуковского «Светлана»: «О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана!». Это не раз давало исследователям повод говорить о типологической связи указанных произведений, прежде всего по линии использования в них фольклорных образов и их фабульной преемственности.

Так, автор последнего по времени системного комментария к пушкинскому роману пишет: «Соответственно и заданное эпиграфом “двойничество” Светланы Жуковского и Татьяны Лариной раскрывало не только параллелизм их народности, но и

---

¹ См., например: *Шапир М.И.* Из истории «пародического балладного стиха» // Анти-мир русской культуры: Язык, фольклор, литература. М., 1996. С. 232.

² Нашему современнику, в отличие от читателя нач. XIX в., для полноценного, а порой и адекватного понимания всего написанного авторами Нового времени, нужно обладать поистине безмерным потенциалом памяти, сопоставимым разве что с возможностями «продвинутых» компьютерных процессоров, – поскольку он должен знать и помнить (!) не только, например, крыловскую басню «Осел и мужик» (1819), положившую начало первой главе «Евгения Онегина» («Осел был самых честных правил...»), но и произведения Достоевского, Ленина, Булгакова, Пелевина...

³ См., например: *Маркович В.М.* Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 25–47; *Он же.* О мифологическом подтексте сна Татьяны // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 69–81; *Тамарченко Н.Д.* Сюжет сна Татьяны и его источники // Болдинские чтения. Горький, 1987. С. 107–126.

глубокое отличие в трактовке образов: одного, ориентированного на романтическую фантастику, другого – на бытовую и психологическую реальность»; «Сон Татьяны имеет в тексте пушкинского романа двойной смысл. Являясь центральным для психологической характеристики “русской душой” героини романа, он также выполняет композиционную роль, связывая содержание предшествующих глав с драматическими событиями шестой главы. Сон прежде всего мотивируется психологически: он объяснен напряженными переживаниями Татьяны <...>»; «...сон характеризует и другую сторону сознания Татьяны – ее связь с народной жизнью, фольклором»¹.

Другой авторитетный интерпретатор романа, отмечая намек Пушкина устами Ленского на балладу Жуковского уже в третьей главе произведения («Да та, которая грустна / И молчалива, как Светлана, / Вошла и села у окна»), сообщает читателю: «В “ЕО” есть и другие отзвуки “Светланы”. Так, заключительные шесть строк баллады Жуковского и, в частности, слова “как приятный ручейка / Блеск на лоне луга”, предсказывают описание пейзажа в духе Ленского (в особенности глава Седьмая, VI), в то время как отдельные детали занятым образом отзываются в сне Татьяны (глава Пятая)»². И при этом остроумно замечает, что «Строфа V “Светланы” не без причины присутствует в призматическом мышлении Пушкина», поскольку именно в ней «строка 13 легла в основу прозвища, под которым Пушкин в 1817–1818 гг. был известен в клубе “Арзамас” <...>»³. Одновременно исследователь находит немало образно-лексических параллелей анализируемого контекста (сна Татьяны) с произведениями тех или иных писателей,

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 258, 265–266.

² Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 327–328.

³ Там же. С. 499–500. Ср. у Жуковского: «Вот красавица одна; / К зеркалу садится. / <...> / С треском пыхнул огонек, / **Крикнул жалобно сверчок**, / Вестник полуночи». Следовательно, можно думать, что едва ли не каждое поэтическое слово Жуковского было «разобрано» Пушкиным и вошло в его художественный арсенал.

устным народным творчеством (И.М. Снегирев, «Мартын Задека», Дж. Томсон, П.А. Вяземский, И.А. Крылов, А.-Л.-Ж. де Сталь, И.И. Хемницер, Г.П. Каменев, А.С. Грибоедов, песня о Стеньке Разине, Прэд (Д. де Прадт?), Ш. Нодье, И.И. Дмитриев; указывает и на связь поэтики сна Татьяны с предшествующим творчеством самого Пушкина (баллада «Жених. Простонародная сказка», 1825)¹. Но почему-то не видит подобных же параллелей с первостепенным, прямо-таки напрашивающимся для текстологического сравнения источником – указанной балладой Жуковского, о чем сам Пушкин ясно просигналил читателю.

Нет прямых указаний на реминисцентную связь «Светланы» с «Онегиным» и у иных комментаторов пушкинского романа².

Приведем, в свою очередь, несколько ярких примеров подобных стыковок между данными произведениями, отражающих как смысловую, так и конкретно-языковую их соотнесенность в условиях своеобразного «хронотопа» сна обеих героинь:

Жуковский

Пушкин

Раз в крещенский **вечерок**

Девушки гадали <...>

Ярый **воск** топили;

В **чашу** с чистою **водой**

Клали **перстень** золотой,

Серьги изумрудны;

Расстилали белый плат

И над чашей пели в лад

Песенки подблюдны.

.....

«Что подруженька, с тобой?»

Вымолви словечко;

Слушай песни круговой;

По старине торжествовали

В их доме эти **вечера**:

Служанки со всего двора

Про барышень своих **гадали**... (V, 4)

Татьяна любопытным взором

На **воск** потопленный глядит:

.....

Из **блюда**, полного **водою**,

Выходят **кольца** чередою;

И **вынулось колечко** ей

Под **песенку** старинных дней:

«Там мужички-то все богаты,

..... (V, 8)

¹ Там же. С. 498–514.

² См., например: *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин: Роман А.С. Пушкина. 5-е изд. М., 1964. С. 232–235; *Тархов А.* Комментарий // Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1978. С. 233–238; *Михайлова Н.И.* «Собрание пестрых глав»: О романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1994. С. 66–67.

Вынь себе колечко.

Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;

.....
Вот в светлице **стол накрыт**

Белой пеленою;

И на том столе стоит

Зеркало с свечою;

Два прибора на столе.

«Загадай, **Светлана**;

.....
Вот красавица одна;

К **зеркалу** садится;

С тайной робостью она

В зеркало глядится;

.....
Страшно ей назад взглянуть,

Страх туманит очи...

.....
Вдруг метелица кругом;

Снег валит клоками;

.....
Виден мирный уголок,

Хижинка под снегом.

.....
Глядь, Светлана... о творец!

Милый друг ее – мертвец!

.....
...Светланин дух

Смутен сновиденьем.

Татьяна, по совету няни

Сбираясь ночью ворожить,

На два **прибора стол накрыть**

Но стало страшно вдруг Татьяне...

И я – при мысли о **Светлане** (V, 8)

.....А под подушкою пуховой

Девичье **зеркало** лежит.

Утихло всё. Татьяна спит. (V, 10)

.....Она, **взглянуть назад не смея,**

Поспешный ускоряет шаг; (V, 13)

.....Дороги нет; кусты, стремнины

Мятелю все занесены,

Глубоко в **снег** погружены. (V, 13)

.....**Вдруг** меж дерев **шалаш убогой;**

Кругом всё глушь; отсюда он

Пустынным снегом занесен... (V, 15)

.....Но что подумала Татьяна,

Когда узнала меж гостей

Того, кто мил и страшен ей... (V, 17)

.....Ее тревожит **сновиденье.** (V, 24)

Заметим, что указанные параллели не содержат иронических аллюзий и, следовательно, не несут пародийной функции, – что свидетельствует в пользу ориентации Пушкина на романтическую палитру предшественника. Учитывал он, вероятно, и внутренний монолог Светланы: «‘Ах! ужасный, грозный сон! / Не добро

вещает он – / Горькую судьбину; / Тайный мрак грядущих дней, /
Что **сулишь** душе моей, / Радость иль кручину?»» – отозвавшийся в
мыслях Татьяны: «Ее тревожит сновиденье. / Не зная, как его
понять, / Мечтанья страшного значенье / Татьяна хочет отыскать. /
<...> / Но **сон зловещий** ей **сулит** / Печальных много приключений.
/ Дней несколько она потом / Всё беспокоилась о том» (V, 24).

Сделаем выводы. Помимо эксплицитно заявленных самим Пушкиным «изоглосс» сознательной и подсознательной жизни его женского романного образа с популярной героиней Жуковского (начиная с силлабического созвучия самих имен *Све-тла-на – Та-тья-на*), в тексте романа есть и внутренние, собственно языковые, переключки с балладой предшественника, которые тоже нужно учитывать при анализе и комментировании произведения.

**ИНЕРЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
(К ТИПОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО РОМАНТИЗМА)**

Долгое время в отечественном литературоведении господствовало убеждение, что «Евгений Онегин» является первым опытом русского реалистического романа¹. В последние годы наметилась иная трактовка произведения – как отражения романтической рефлексии писателя². Задачи этого сюжета – развить некоторые положения, касающиеся противоречивой поэтики романа.

Несомненно, что в «Евгении Онегине» Пушкин отошел от характерной для его предшествующего творчества романтической

---

¹ См., например: *Поспелов Г.Н.* «Евгений Онегин» как реалистический роман // Пушкин. Сб. ст. М., 1941. С. 75–154; Программа дисциплины «История русской литературы»: По тип. учеб. плану: Для гос. ун-тов / Сост.: В.В. Кусков и др.; под ред. В.И. Кулешова. М., 1995. С. 33.

² См., например: *Васильев Н.Л.* Романтические традиции в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 19–20; *Драгомирецкая Н.В.* А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»: манифест диалога-полемики с романтизмом. М., 2000; *Смирнов А.А.* Романтические тенденции в «Романе в стихах» А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Мир романтизма. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 62–67.

палитры, во многом реалистически отразил различные стороны современной ему действительности. Однако неисторично и недиалектично было бы полагать, что романтическое начало, свойственное поэту до середины 1820-х гг., а русской литературе и позже, было сразу же подменено реалистической эстетикой, которая только формировалась, нередко принимая форму пародийно-натуралистического отражения действительности, как в «Графе Нулине». Во второй половине 1820-х гг. романтизм набирает силу, получая зрелое воплощение в творчестве Полежаева, Лермонтова, А. Бестужева и других писателей; становясь знаковой формой не только литературного самовыражения, но и бытового поведения¹.

По-прежнему актуальна следующая мысль: «Пушкин начал писать... роман... в период, когда он еще находился в полосе романтических увлечений. Ведь в 1823 году закончена самая его романтическая поэма “Бахчисарайский фонтан”! Уже одно это сопоставление дает право говорить о сложности эволюции художественного метода Пушкина, раскрыть которую во всей полноте – важнейшая задача пушкиноведения»². Роман «не является ни сентиментальным, ни реалистическим, хотя и содержит элементы того и другого; он пародирует классическое и склоняется к романтическому»³. О непрямолинейной трансформации пушкинской романтической поэтики в реалистическую говорят и другие исследователи: «...в создании “свободного романа” Пушкин использовал опыт романтической поэмы с ее непринужденным лирическим движением»⁴; «...художественный метод “Евгения Онегина” не может быть определен как безусловно реалистический. <...> роль романтического начала в этом сложном синтезе весьма существенна и еще в полной мере не оценена»⁵.

¹ Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. С. 141, 143.

² Мейлах Б.С., Горницкая Н.С. Пушкин: Семинарий. Л., 1959. С. 46–47.

³ Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» С. 593.

⁴ Карташова И.В. Романтизм в творчестве А.С. Пушкина // Русский романтизм: Учеб. пособ. М., 1974. С. 111.

⁵ Гуревич А.М. Романтизм Пушкина. М., 1993. С. 123.

Пушкин начал работать над «Онегиным» в процессе создания наиболее ярких своих романтических поэм. В этом плане показательна эволюция жанровых характеристик его замысла: «...я теперь пишу <...> роман в стихах <...>. Вроде Дон Жуана <...>» – П.А. Вяземскому, 4 нояб. 1823 г.; «...а я на досуге пишу новую поэму, *Евгений Онегин* <...>» – А.И. Тургеневу, 1 дек. 1823 г.; «...пишу пестрые строфы романтической поэмы» – П.А. Вяземскому, апр. – первая пол. мая (?) 1824 года¹. О том, что последняя реплика относилась, скорее, к I гл. «Онегина», чем к «Цыганам», свидетельствуют, пушкинские автореминисценции: «Но так и быть – рукой пристрастной / Прими собранье **пестрых глав** <...>» (Посвящение); «Порой дождливою намедни / Я, завернув на скотный двор... / Тыфу! прозаические бредни, / Фламандской школы **пестрый сор**» («Отрывки из путешествия Онегина»). Ср. также следующие ремарки: «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной, / Чтобы насмешливый читатель / <...> / Сличая здесь мои черты, / Не повторял потом безбожно, / Что намарал я свой портрет, / Как Байрон, гордости поэт <...>» (I, 56); «...Тогда-то я начну писать / **Поэму песен в двадцать пять**» (I, 59). Изначально Пушкин ориентировался на романтическую поэму нового образца, приближающуюся по своему строению к «роману в стихах» («Дон Жуан»), – стремясь расширить диапазон собственного творчества, идти в ногу со временем, творить в духе только что появившихся отрывков нового сочинения Байрона².

Так восприняли его замысел и современники, в частности А. Бестужев, посоветовавший усилить романтический конфликт «поэмы»: «Нет, Пушкин, нет, никогда не соглашусь, что поэма заключается в предмете, а не в исполнении! <...> дал ли ты “Онегину” поэтические формы, кроме стихов? Поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? Я вижу франта, который душой и телом предан моде; я вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность, и

¹ (XIII, 73, 80, 92); см. также: *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 170.

² См. также: *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 31, 180–181.

мизантропия, и странность теперь в числе туалетных приборов. <...> ты схватил петербургский свет, но не проник в него. Прочти Байрона <...>» (7 марта 1825 г.)¹. Похоже, что Пушкин прислушался к этому мнению...

Обращение к новой художественной реальности потребовало от писателя иной эстетической ориентации: если экзотические хронотопы (Кавказ, Крым, Бессарабия) и «персоналии» (горцы, разбойники, крымские татары, цыгане) изображались традиционно в романтическом ключе, то петербургские, московские, сельские реалии центральной России не могли быть раскрыты прежними красками. Однако было бы наивно думать, что Пушкин сразу отбросил романтическую палитру или что ему был присущ эстетический «билингвизм» – способность к творческому процессу одновременно в двух художественно антагонистичных плоскостях. Вероятней всего, доминанция реалистических красок в задуманном произведении диктовалась его особой проблемностью и содержанием. Картины жизни Петербурга, русского села требовали, в отличие от крымско-кавказских фантазий, более реалистичных деталей, – потенциального читателя поэмы-романа не могли бы увлечь романтические условности городского и деревенского пейзажей, быта, необычные взаимоотношения героев и т. д.

Говорить о механической смене романтического метода реалистическим в данном случае, на наш взгляд, неправомерно. Скорее, Пушкин предпочел изменить характер своей прежней творческой системы – придать ей более реалистическую фактуру и адаптировать прежнюю художественную методологию к изображению страстей в светском обществе.

Литературная позиция Пушкина соответствовала эстетической программе Байрона, заявившего в «Дон Жуане», что он в некотором смысле отрекается от прежних творческих принципов: «...И превращает правды хладный блеск / Минувших дней романтику в бурлеск»².

---

¹ Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 482.

² См.: Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. М., 1975. С. 223.

Элементы любой художественной системы не исчезают внезапно и тем более бесследно в процессе литературной эволюции. Новое эстетическое направление некоторое время «сожигает» с предшествующим. Мы знаем примеры того, что классицистические и романтические компоненты, казалось бы, вытесненные реализмом, реанимировались в новые исторические эпохи, привлекались в качестве элементов оригинального творческого синтеза. По справедливому замечанию Б.И. Ярхо, «смежные художественные комплексы (авторы, жанры, школы, эпохи) отличаются друг от друга не столько по наличию, сколько по пропорции тех или иных признаков», исследователю приходится сталкиваться с «законом непрерывности естественных рядов, действующим в литературе так же, как и на всяком другом участке природы»¹.

Посмотрим под данным углом зрения на пушкинский роман.

В его основе лежит типичный романтический **конфликт героя и среды**. С одной стороны, это скучающая, разочарованная, скептическая личность, совершающая, подобно лермонтовскому Печорину как выразителю крайних форм романтизма в русской литературе, спонтанные поступки, приводящие к трагическим последствиям (холодный эгоизм Онегина, его поведение на именинах Татьяны, дуэль с Ленским и т. д.); с другой – пустой в представлении героя, успевший надоеть ему высший свет. Следствие конфликта главного героя и общества, к которому он принадлежит, – добровольное самоизгнание, поселение в деревенской глуши, формальным поводом для которой является смерть дяди. Но и здесь Онегин ведет себя фрондерски, вызывая недоброжелательные отклики соседей-помещиков, т. е. его разлад с обществом продолжается и в условиях сельского быта. Фактически Онегин вырывается из любой среды. Уединение героя тоже является признаком романтической поэтики².

---

¹ Ярхо Б.И. Распределение речи в пятиактной трагедии: (К вопросу о классицизме и романтизме) / Публ. М.В. Акимовой // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10. С. 203.

² См.: *Смирнов А.А.* Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 18.

Пушкинский персонаж скалькирован по образцу героев Байрона, что не раз отмечали исследователи¹ и что неоднократно подчеркивается в самом романе, например: «Как Child-Harold, угрюмый, томный / В гостиных появлялся он...» (I, 38); «Прямым Онегин Чильд Гарольдом / Вдался в задумчивую лень...» (IV, 44); «И лорда Байрона портрет...» (VII, 19); «Однако ж несколько творений / Он из опалы исключил: / Певца Гяюра и Жуана...» (VII, 21); «Москвич в Гарольдовом плаще...» (VII, 24); «Гарольдом, квакером, ханжой...» (VIII, 8); «Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд-Гарольда» (прим. 5). Заметим, однако, что эти характеристики содержат элементы некоторой авторской иронии. Одновременно при обрисовке Онегина используется фабульный материал французского романтизма, в частности роман Б. Констана «Адольф» (1816)². Так, наставляя Адольфа, барон Т. пророчит: «...вам теперь **двадцать шесть**.<...> Вы дойдете до середины жизненного пути, не начав и не завершив ничего, что могло бы удовлетворить вас. Вами завладеет скука...»³. Ср.: «Дожив без цели, без трудов / До **двадцати шести** годов, / Томясь в бездействии досуга...» (VIII, 10). И сама фамилия Онегина фонетически коррелирует с французскими словами *s'ennuyer* «скучать», *ennuiement* «скучно», на что уже обращалось внимание. В условиях русско-французского билингвизма такая ассоциация выглядит не случайной. Особенно много параллелей с «Адольфом» в VIII главе: «Совпадают многие детали первого свидания Адольфа с Эллеонорой и встречи Онегина с Татьяной на вечере в доме ее мужа <...> К “Адольфу” восходят и некоторые онегинские формулы из письма к Татьяне <...>»⁴. Можно отметить и фразеологическую переключку в самооценке героев: «...я для **всех** был **чужой**»⁵; «**Чужой для всех**, ничем не связан, / Я думал: вольность и покой / Замена счастью»

¹ См., например: *Баевский В.С.* Байрон // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 75–80.

² См.: *Ахматова А.* «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // Она же. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 61.

³ См.: *Гуревич А.М.* Сюжет «Евгения Онегина». М., 2001. С. 91.

⁴ Там же. С. 91–92.

⁵ См.: Французская романтическая повесть. Л., 1982. С. 148.

(«Письмо Онегина к Татьяне»). Концепт «отчужденности» тоже характерная черта романтизма.

А.М. Гуревич заключает: «...очевидная соотнесенность Онегина с Чайльд-Гарольдом и Адольфом проясняет <...> некоторые существенные особенности характера и судьбы пушкинского героя»; «...изображение Онегина ориентировано как будто на определенную разновидность романтического героя – героя пассивного, бездеятельного, созерцательного и самоуглубленного <...>»; вместе с тем исследователь находит в генеалогии Онегина и проявления «активной» разновидности героя-индивидуалиста – ожесточившегося мстителя и демонического протестанта, отвергающего все сущее <...>. И эти подспудные черты Онегина связывают его с другим рядом литературных персонажей – таким, например, как байроновский Манфред <...>»¹.

Особенно отчетливо образ Онегина соотносится с героем романа Ч.-Р. Метьюрина «Мельмот-скиталец» (1820), – произведением, которое сам Пушкин назвал в примечаниях к собственному роману «гениальным». Прямых (III, 12; VIII, 8) и косвенных переключек с английским автором в пушкинском повествовании предостаточно². Ср. у самого Пушкина: «Британской музы небылицы / Тревожат сон отроковицы, / И стал теперь ее кумир / Или задумчивый Вампир, / Или Мельмот, бродяга мрачный, / Иль вечный жид, или Корсар, / Или таинственный Сбогар» (III, 12). Подобно Мельмоту, Онегин отправляется в имение больного дяди, чтобы впоследствии вступить в права наследства; Пушкин напоминает читателю об этой преемственности с помощью иронической уловки: «“Когда же черт возьмет тебя!”»³. А.Е. Тархов обратил внимание на параллелизм разговора Онегина с Татьяной (гл. IV) с указанным французским источником («...в ответ на

¹ Гуревич А.М. Сюжет «Евгения Онегина». С. 92–93.

² См.: Тархов А.Е. Комментарий // Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1978. С. 207–208, 225, 231, 235, 240; Гуревич А.М. Сюжет «Евгения Онегина». С. 93–94.

³ См.: Тархов А.Е. Комментарий. С. 207–208; Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 120.

любовное признание Исидоры демонический Мельмот отвечает ей, что <...> Не брачные узы написаны ему на роду – и пусть наивная девочка поймет, какой недостойный, неподходящий объект она избрала для своих чувств») и демонические ассоциации «вещего сна» Татьяны с творчеством не только Метьюрина, но и Ш. Нодье («Жан Сбогар», 1818), Байрона (приписываемый ему «Вампир»)¹.

По мнению А.М. Гуревича, параллели с «Мельмотом-скитальцем» позволяют «полнее раскрыть внутренний мир Онегина, отчетливее выявить демонический пласт его сознания», «его принципиальное одиночество, его равнодушие и презрение к людям, его отказ от личного счастья, его безверие, скептическое, а то и циничное отношение к духовно-нравственным ценностям и общепринятым нормам, его способность причинять несчастье окружающим, совершать жестокие поступки, его холодность и эгоизм, от которого страдает более всего он сам, – все это родовые свойства <...> романтического героя-индивидуалиста»².

Онегин не столько типичен, сколько **индивидуален** как **романтический герой-одиночка**. Не случайно, по-девичьи непосредственная Т. Ларина воспринимает его как русского Чайльд-Гарольда, едва ли не мизантропа. Собственно байроническими ассоциациями, впрочем, можно пренебречь, поскольку они носят формально-иронический характер: писатель показывает, как его героиня сквозь призму сентиментально-романтической литературы «сканирует» личность Онегина... Между тем последний не просто отечественный Чайльд-Гарольд, а фигура, в генеалогии и мифологии которой соединились, например, черты пушкинского «Демона» (1823), интеллигента декабристского толка и отчасти будущего Печорина.

В не меньшей степени **романтизирована и Татьяна**. Как идеал повествователя, она противопоставлена обычным женщинам. Ее отличает комплекс романтических черт, едва ли не гиперболизированных: непохожесть на других барышень, восприимчивость к народным обычаям, искренность побуждений и естественность в выражении чувств.

¹ *Тархов А.Е.* Комментарий. С. 232, 235.

² *Гуревич А.М.* Сюжет «Евгения Онегина». С. 94.

Как личность Татьяна сначала уступает зрелому Онегину, но как романтический персонаж она эквивалентна ему с завязки действия... На этом, собственно, и основана художественная интрига. Романтические гены Татьяны подчеркиваются выявленными параллелями с тем же «Мельмотом-скитальцем»: «...в загородной усадьбе живет молчаливая, задумчивая, робкая и пугливая, как лань, Исидора; ее родные чужды ей, никто не понимает ее души, она не занимается ни вышиванием, ни рукоделием, не участвует в беседах, вечера она проводит, сидя в одиночестве у окна; ее любимое светило – луна, и, созерцая лунный свет, она ждет того, кому она предназначена судьбой, – и вот он является»¹. В.В. Набоков отмечает, что «тема необщительных детей, мальчиков и девочек, часто встречается в романтизме <...>»².

Однако западный романтизм не единственный источник образа Татьяны и не единственный код к его пониманию. Так, пятой главе романа предшествует эпитафия из баллады Жуковского «Светлана»: «О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана!», позволяющий с помощью своеобразного ключа-подсказки вскрыть многочисленные параллели между героиней Жуковского и Татьяной, о чем уже сказано нами в предыдущей главке. Приведем ряд примеров: «...**Страшно ей назад взглянуть**, / Страх туманит очи...», «**Вдруг метелица** кругом; / **Снег валит клоками...**», «...Виден мирный уголок, / **Хижинка под снегом**», «...Светланин дух / **Смутен сновиденьем**» (Жуковский); «Она, **взглянуть назад не смея**, / Поспешный ускоряет шаг...», «...Дороги нет; кусты, стремнины / **Метелью все занесены**, / Глубоко в **снег** погружены», «...**Вдруг** меж дерев **шалаш** убогий; / Кругом все глушь; отсюда он / Пустынным **снегом занесен...**», «Ее **тревожит сновиденье**» (Пушкин. V, 13, 15, 24). Ср. также: «“...Скажи: которая Татьяна?” / – Да та, которая, грустна / И молчалива **как Светлана**, / Вошла и села у окна» (III, 5), т. е. автором «программируется» будущее развертывание действия.

¹ См.: *Тархов А.Е.* Комментарий. С. 231–232; *Гуревич А.М.* Сюжет «Евгения Онегина». С. 93–94.

² *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 287.

Указанные параллели не содержат характерных для Пушкина иронических переключек с предшественниками и, следовательно, не несут пародийной функции, – что свидетельствует в пользу ориентации поэта именно на романтическую фабулу.

Татьяна предстает перед читателем романтической героиней и в финале романа, поскольку отдает предпочтение **идеалу простой жизни**: «“А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура, / Мои успехи в вихре света, / Мой модный дом и вечера, / Что в них? Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище <...>”» (VIII, 46).

В романе отчетливо прослеживаются и **романтические оппозиции персонажей**: Онегин – Ленский, Татьяна – Ольга, Онегин – Татьяна. Причем Онегин и Татьяна становятся центральными фигурами повествования не столько вследствие сюжетной интриги, сколько из-за их общей непохожести на других героев. Если в романтической поэме центральное место принадлежит обычно одному персонажу – репрезентанту романтического поведения или идеала автора, то в пушкинском романе два фигуранта такого рода!

Кроме собственно сюжетно-ролевой оппозиции, в романе есть и эстетическое противопоставление романтических фигур, в частности Онегина и Ленского. Ленский олицетворяет раннюю фазу русского романтизма; Онегин – новую, еще не «демонизированную», но и уже не наивно-сентиментальную. Сам Пушкин ко времени работы над «Онегиным» перерос прежний романтизм, питавший его героя. Поэтому он полемизирует этим образом с поэтами-современниками: «Так он писал *темно* и *вяло* / (Что романтизмом мы зовем, / Хоть романтизма тут ни мало / Не вижу я; да что нам в том?)» (VI, 23). Автор не пародирует поэтику Ленского¹, а лишь намечает романтизм нового образца... Татьяна же

¹ «В образе элегического поэта Ленского много личных черт молодого Пушкина. Юношеские элегии Пушкина явственно проступают в темах и образах Ленского»; «В лицейских и позднейших стихотворениях Пушкина также встречаются элементы стиля элегии Ленского» (*Бродский Н.Л. Евгений Онегин: Роман А.С. Пушкина. С. 137, 251*).

как романтическая фигура противопоставлена Ольге – выразительнице романтических идеалов допушкинского времени: «Всегда скромна, всегда послушна, / Всегда как утро весела, / Как жизнь поэта простодушна, / Как поцелуй любви мила <...>» (II, 23).

Заметим, что Онегин выступает в роли невольного злодея, вторгшегося в идиллически-пасторальную жизнь сельских помещиков, подобно лермонтовскому Печорину (в генеалогии которого Онегин ощутимо присутствует!), встревожившему «мирный круг» обывателей... Обращает на себя внимание заимствованная Лермонтовым у Пушкина архитектоника выстраивания оппозиций героев: Грушницкий олицетворяет прежние романтические представления о личной исключительности и ведет себя, в том числе вербально, соответствующим образом, – что пародируется поведением Печорина; Бэла, несмотря на всю прелесть ее экзотического флера, не выдерживает сердечной конкуренции в глазах Печорина с более утонченной и отчасти таинственной для читателя Верой... Немало типологически общего в исповеди Онегина перед Татьяной и Печорина перед Мери. Подобно Онегину, застрелившему из пресловутой «чести» на дуэли Ленского, приревновавшего его к невесте, Печорин убивает Грушницкого, возмнившего, что тот перешел ему дорогу на пути к счастью с княжной. Посредниками между дуэлянтами в обоих произведениях оказываются типологически близкие персонажи – отставной офицер Зарецкий, и «драгунский капитан». Ср. также: «...Зарецкий, некогда буйан, / Картежной **шайки** атаман, / Глава повес, трибун **трактирный** <...>» (VI, 4); «Многие с прошедшего бала на меня дуются, особенно драгунский капитан, а теперь, кажется решительно составляется против меня враждебная **шайка** под командой Грушницкого»; «Грушницкий с своей **шайкой** бушует каждый день в **трактире** <...>»¹.

Романтизму Ленского автор сочувствует, в то же время противопоставляет ему онегинскую «странность», сталкивает героев с помощью приема пародирования «чужой речи»: «“Куда? Уж эти мне

¹ Лермонтов М.Ю. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 548, 552.

поэты!»), «“Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Филлиду эту, / Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм et cetera?..”» (III, 1–2). Печорин тоже посмеивается над фразерством Грушницкого, преодолевая его псевдоромантизм в более изощренной и последовательной форме.

Полна недомолвок, недоговоренностей, характерных романтических примет личность **автора-повествователя**; в первых главах это объясняется двусмысленным положением Пушкина как ссыльного, осужденного – популярными у романтиков «приводными ремнями» раскрытия необычной биографии персонажа; в последующем – намеренными фигурами умолчания, намеками на жизненные перипетии. См. лирические отступления такого рода, например: «Мои богини! что вы, где вы? / Внемлите мой **печальный** глас / <...> / И, устремив на **чуждый** свет / **Разочарованный** лорнет, / Веселья зритель **равнодушный**, / Безмолвно буду я **зевать** / И о былом вспоминать?» (I, 19); «Ее **ничтожность** разумею / И мало к ней **привязан я**; / <...> / Но я бы, кажется, желал / **Печальный жребий свой** прославить...» (II, 50); «...О много, много **рок отъял!**» (VIII, 51). Успех «Евгения Онегина» у читателей был основан и на преемственности «романа в стихах» с предшествующими романтическими произведениями поэта.

Образ автора раздвоен: с одной стороны, он независим и стремится к объективности в описании действия; с другой, сочувственно относится к Онегину, находится отчасти под его влиянием: «**Условий света свергнув бремя**, / Как он, отстав от суеты, / С ним подружился я в то время. / <...> / **Я был озлоблен, он угрюм**: / Страстей игру мы знали оба; / **Томила жизнь обоих нас**; / <...> / **Обоих ожидала злоба / Слепой Фортуны и людей** <...>» (I, 45); «**Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей**; / <...> / Сперва Онегина язык / Меня смущал; но я привык <...>» (I, 46).

Повествователь не дистанцирует свой голос от Онегина. В основе романтического флера последнего лежит, в частности, впечатление Пушкина от личности А.Н. Раевского: «...Несносно (согласитесь в том) / Между людей **благоразумных** / Прослыть

притворным чудачком, / Или печальным сумасбродом, / Иль сатаническим уродом, / Иль даже Демоном моим» (VIII, 12).

В «Евгении Онегине» есть и такая примета отечественного романтизма, как **народность**: «Песня девушек», описание обрядов, образ няни... Особую роль в этом ряду играет фантазмагорический сон Татьяны с его последующей «дешифровкой» с помощью гадательной книги.

Романтизм чувствуется и на уровне **образно-речевой структуры** произведения, например в гиперболизации расхождения характеров Онегина и Ленского: «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой» (II, 13). Склонность к бескомпромиссным антитезам позже намечается у Лермонтова. Комментируя пушкинскую строку «Сгорая негой и тоской» (III, 7), В.В. Набоков пишет: «Оба существительных несут на себе точно не определимый отпечаток романтической стилистики, столь часто встречающейся в “ЕО” <...>»¹. Это качество романа выражается, например, в образцово романтическом монологе Татьяны: «“Простите, мирные долины, / И вы, знакомых гор вершины <...>”» (VII, 28), и в форме несобственно-прямой авторской речи, имитирующей типичные романтические формулы описания персонажа: «Но это кто в толпе избранной / Стоит безмолвный и туманный? <...>» (VIII, 7).

Обращают на себя внимание автореминисценции Пушкина из арсенала его предшествующего романтического творчества, например: «**Бледна, как тень**, она дрожала: / В руках любовника лежала / Ее холодная рука <...>» («Кавказский пленник»); «**Бледна, как тень**, с утра одета, / Татьяна ждет, когда ж ответ?» (III, 36). Обе героини первыми признаются в любви заглавным персонажам произведений. Причем Онегин отвечает на откровенность Татьяны... почти рассуждениями Пленника: «“...Недолго женскую любовь / Печалит хладная разлука; / Пройдет любовь, настанет скука, / **Красавица полюбит вновь**”» («Кавказский пленник»); «“Послушайте ж меня без гнева: / Сменит не раз молодая дева /

¹ Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 331.

Мечтами легкие мечты; / <...> / **Полюбите вы снова...**» (IV, 16). Характерно, что и свойственные романтической поэтике фольклорные вставки («Черкесская песня», «Песня девушек») находятся в близком соседстве с указанными контекстами¹. Пушкин кроит «Онегина» по привычному ему романтическому лекалу. Концовка седьмой главы («Я классицизму отдал честь: / Хоть поздно, а вступленье есть»), показывает, что для поэта по-прежнему актуальна полемика не с романтизмом...

Таким образом, «Евгений Онегин» не столько преодолевает, сколько развивает пушкинскую концепцию романтического героя в условиях нового хронотопа и новой жанровой формы². Типологически «Онегин» ведет в русской литературе к «Герою нашего времени» Лермонтова, что свидетельствует о преемственности между указанными произведениями не только по линии реализма, но и романтизма³. Повествовательная структура романа-поэмы эволюционирует. Начинается она с несущественных, скорее внешних, романтических черт, касающихся преимущественно образа автора; со второй главы романтическая конфликтность действия усиливается; достигая апогея в пятой и шестой главах; потом уступает место спокойной реалистической фазе; в восьмой главе автор – вероятно, вследствие ощущения эклектичности целого – вновь склоняется к романтической трактовке художественных событий (с легким налетом иронии). Объясняется это противоречие, на наш взгляд, не собственно эстетическими основаниями, а протяженным периодом написания романа. Пушкин начинал его как поэт-романтик, а заканчивал – как почти прозаик-реалист...

¹ См. также: *Альми И.Л.* О приеме песенной вставки в романтических поэмах Пушкина и в романе «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1993. С. 86–97.

² См. также: *Гуревич А.М.* «Евгений Онегин»: авторская позиция и художественный метод // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. № 1. С. 7–19.

³ Ср., однако: *Благой Д.Д.* От «Евгения Онегина» к «Герою нашего времени»: (К вопросу о художественном методе Лермонтова) // Проблемы романтизма. М., 1967. С. 293–319.

**(НЕ)ПРЕДНАМЕРЕННЫЕ КАЛАМБУРЫ ПУШКИНА:
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЭТИКОЙ «ЕВГЕНИЯ
ОНЕГИНА»**

Данная глава посвящена анализу отдельных контекстов пушкинского романа, допускающих, по мнению читателя или по воле самого поэта, двоякое истолкование их смысла, параллелизм коммуникативно-эстетической стратегии повествователя.

Культура остроловия, выражавшаяся, в частности, в каламбурной технике, подтекстах, умолчаниях, считалась в пушкинское время эталоном светской речи, а вместе с ней проникала и в художественный дискурс. Писатель неоднократно упоминает об этом речевом приеме, например: «Твои калембуры очень милы – здешние девицы находят их весьма забавными <...>» (Пушкин – П.А. Вяземскому, май–июнь 1825 г.); «Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой аневризм: *друзья хлопочут о моей жиле, а я об жилье*. Каково?» (Пушкин – П.А. Вяземскому, 13 сент. 1825 г.)¹. Активно проявляется игра слов и творческой практике поэта, в частности в том же «Евгении Онегине», например: «...Защитник вольности и прав / В сем случае совсем не прав» (I, 24); «Бренчат кавалергарда шпоры; / Летают ножки милых дам; / По их пленительным следам / Летают пламенные взоры...» (I, 28); «И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз / Уж отворял свой *vasisdas*» (I, 35); «O Rus [O деревня]! *Nor*. O Русь!» (эпиграф к гл. II). Впоследствии общественная установка на бытовое и литературное остроловие перестала быть первостепенной, уступив место более зрелым стадиям мысли и творчества, не столько форме, сколько содержанию. Легко допустить, что читатели нашего времени уже не чувствуют нюансы словоупотребления и мысли писателя; и наоборот: нам, быть может, дано увидеть в классике нечто такое, что не предусматривал сам автор...

Обратимся к двум фрагментам романа, наталкивающим на подобные размышления.

---

¹ (XIII, 184, 227).

1.

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас не мудрено блеснуть.
Онегин был по мненью многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре,
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм (I, 5).

Что подразумевает автор, представляя своего героя читателю? То, что Онегин являлся образованным человеком или что, наоборот, он был не слишком обременен знаниями?.. Иначе говоря, с какими частями речи соотносится словосочетание *ученый малый*: прилагательное¹ + существительное² или существительное³ + прилагательное⁴? На чем делается смысловой акцент писателем⁵; и, следовательно, с каким логическим и эмфатическим ударением, мы должны читать эти хрестоматийные строки?

Обратимся к вспомогательной литературе, призванной прояснить пушкинское словоупотребление.

---

¹ «1. Разг. Получивший какие-л. специальные или разносторонние знания; грамотный, образованный» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2002. С. 1411). Здесь же приводится указанная цитата из «Евгения Онегина».

² «2. (с *опр.*) Разг. О мужчине как носителе каких-л. качеств» (Там же. С. 517).

³ «Высококвалифицированный специалист в области какой-л. науки» (Там же. С. 1411).

⁴ «2. Незначительный по силе, степени проявления» (Там же. С. 517).

⁵ Заметим, что дореволюционная орфография текста романа также не проясняет этого, оставляя возможность альтернативного прочтения.

В «Словаре языка Пушкина» (далее СП) лексема *ученый* имеет 5 значений: 1. «Выученный, наученный чему-л.»; 2. «Образованный, обладающий большими познаниями, искушенный в науках» (здесь в качестве первой же иллюстрации и приводится указанный контекст – в ряду таких примеров, как «Сумароков очень уважал Баркова как ученого [?!] и острого критика <...>»; «Г. Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа <...>»); 3. «Специалист в какой-н. области знаний [в знач. сущ.]»; 4. «Относящийся к науке; отличающийся ученостью, научный»; 5. «Принадлежащий, свойственный ученому – специалисту в какой-н. области знаний» (Т. 4, с. 771). Слово *малый* представлено в СП омонимами – прилагательным и существительным. Интересующее нас словоупотребление приводится в качестве иллюстрации при существительном со значением «2. Мужчина, человек [только с определением, содержащим ту или иную оценку]» (Т. 2, с. 537), причем опять-таки открывает ряд подобных примеров, т. е. подается как наиболее показательное... Слово *педант* имеет в СП три значения: 1. «Уничижительно об учителе, наставнике»; 2. «Человек, выставляющий напоказ свои знания, свою ученость, с апломбом судящий обо всем» (здесь фиксируется интересующее нас словоупотребление); 3. «Человек, отличающийся мелочной точностью в соблюдении каких-н. правил, норм и требующий того же от других; сухой формалист, буквоед» (Т. 3, с. 289)¹. Итак, согласно взглядам составителей СП, указанный контекст надо понимать так: Онегин был человеком, «обладавшим большими познаниями, искушенным в науке», но [?] кичившимся своими знаниями...

Посмотрим, что думают по этому поводу литературоведы.

Н.Л. Бродский очень подробно останавливается на смысле и подтекстах слова *педант*, вскрывая его идеологический и ассоциативный потенциал в русской литературе, предшествующей

¹ Ср. также мнение Г.О. Винокура, изложенное в «Проекте Словаря языка Пушкина» (М.; Л., 1949): «...слово педант в применении к Онегину... означает не то, что мы привыкли вкладывать в это слово, а человека, щеголяющего своей ученостью (ср. Н.Л. Бродский. «Комментарий к “Евгению Онегину”»)...» (С. 18).

появлению пушкинского романа (Д.И. Фонвизин, А.А. Шаховской, В.Ф. Одоевский и др.): «Слово педант имело в 20-х годах признаки, впоследствии выветрившиеся в обиходном языке, и применялось в дворянском кругу к людям, которые отличались своим взглядом на жизнь, своими привычками <...>»; «‘Горе тому молодому человеку, – восклицает Одоевский [В.Ф. Одоевский], – которого взрослые негодяи не называли педантом; лишь тот, кто юношею был педантом, будет честным человеком <...>’»; «...прозвище педанта в 20-х годах несло с собой не только этическую, но и политическую примесь чего-то непокорного, враждебного господствовавшему кругу в дворянском обществе»¹.

В.В. Набоков, комментируя указанную строку, тоже выявляет литературную генеалогию пушкинского словоупотребления, приходя к выводу, что его источники прослеживаются в сочинениях таких авторов, как Н. де Мальбранш (1674–1675 гг.), Дж. Аддисон (1711 г.), У. Шенстон (1763 г.), Хэзлитт (1817 г.). Ср., например: «Внешность и видимость светского человека поддерживаются... двумя стихами из Горация²... сказочками... Педанты те, кто кичится своею мнимою ученостью и кстати и некстати цитирует всевозможных писателей; кто говорит только для того, чтобы говорить и заставить глупцов восхищаться собою...» (Мальбранш. «Разыскания истины»); «Кто более Педант, чем любой столичный шеголь. Отними у него Игрные дома, Список модных красавиц и Отчет о новейших недугах, им перенесенных – и он нем» (Хэзлитт, «О педантизме»)³. Ср. также у Пушкина: «Второй Чадаев, мой Евгений, / Боясь ревнивых осуждений, / В своей одежде был **педант** / И то, что мы назвали франт» (I, 25). Попутно комментатор критикует предшественника: «Стараясь, как всегда, превратить Онегина в образец возрастающей добродетели, Н. Бродский («Евгений Онегин», 1950, с. 42–44) пытается доказать <...> что во времена Пушкина <...> педант означал честного человека и

¹ Бродский Н.Л. Евгений Онегин: Роман А.С. Пушкина. С. 44–46.

² Ср. у Пушкина: «... Да помнил, хоть не без греха, / Из Энеиды два стиха» (I, 6).

³ См.: Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. С. 50–51.

политического мятежника» (С. 52). Итак, наблюдение В.В. Набокова также свидетельствует, что Онегин вовсе не был педантом в том смысле, как это толкуется в СП! Следовательно, пушкинская характеристика главного героя («ученый малый, но [?] педант») не противоречит формальной логике, даже если следовать традиционному пониманию семантики словосочетания *ученый малый*: Онегин был образован, но при всем том мелочно зависим от великосветской моды, дендизма; этот подтекст подтверждается всем ходом рассуждений об Онегине в начальных строфах первой главы.

Ю.М. Лотман, ссылаясь на СП, но игнорируя мнение В.В. Набокова, труд которого он, однако, знал, в свою очередь заключает: «...толкование Бродского (с. 44–46) представляется надуманным. Ироническое звучание в комментируемом тексте возникает за счет противоречия между реальным уровнем знаний Онегина и представлением о нем “общества”, в свете которого умственный кругозор людей светского круга является в еще более жалком виде»¹.

Авторы «Онегинской энциклопедии» в комментарии к словам *педант*, *педантство*² рассматривают предшествующие трактовки указанного понятия, но в итоге все же не делают решительного вывода относительно общего смысла пушкинского контекста, вероятно соглашаясь с традиционным его прочтением.

Таким образом, никто из комментаторов «Евгения Онегина» (лингвистов и литературоведов) не обращает внимания на вторую возможную смысловую перспективу указанного контекста. Попытаемся доказать, что она не только потенциально присутствует в подтексте, но и является, как нам кажется, наиболее адекватной замыслу поэта.

Исходя из макроконтраста первой главы романа, предполагается, что Онегин, с одной стороны, похож на своих современников, с другой, отличается от них в том или ином отношении. Автор говорит о поверхностном образовании светской

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 129–130.

² Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Педант. Педантство // Онегинская энциклопедия. Т. 2. С. 256–258.

молодежи; на этом фоне его герой иронически характеризуется как человек, стремившийся произвести впечатление на окружающих своей объективно сомнительной ученостью, «с... видом знатока» демонстрируя ее избирательно и более уповая на собственное остроумие, чем глубину и основательность знаний о философии, истории и т. д. Отметим, например, описание в весьма саркастических тонах кабинета Онегина («...Всё украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет»), его времяпрепровождения («Он три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил...»); познавательных предпочтений («Он рыться не имел охоты / В хронологической пыли / Бытописания земли: / Но дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей»; «...Но в чем он истинный был гений, / Что знал он тверже **всех наук**, / <...> / Что занимало целый день / Его тоскующую лень, – / Была **наука** страсти нежной...»), ироническую ремарку относительно его политэкономической эрудиции: «И был **глубокий** эконо...»¹.

С учетом вышесказанного устоявшаяся трактовка пушкинского словоупотребления нелогична: если герой образованный человек, то почему тогда «...но педант», ведь педантизм часто и есть следствие образованности. При этом разговорно-просторечная лексема *малый* оказывается уж слишком вольной по отношению к Онегину, по крайней мере в первой главе, где описываются его аристократические замашки; более уместно она в отношении иных персонажей романа, ср.: «Отец ее [Татьяны] был добрый малый...» (II, 29); «...Хоть человек он неизвестный, / Но уж конечно малый честный», «...Зарецкий наш и *честный малый*...» (VI, 27).

Нашей интерпретации семантики контекста не противоречит и пушкинская письменная речь вообще. Слово *ученый* в иных фрагментах романа встречается лишь в значении прилагательного: «С ученым видом знатока» (I, 5); «Я мог бы пред ученым светом»

¹ Ср., однако: *Аникин А.В.* Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М., 1989. С. 13–27.

(I, 26)¹; но как существительное оно неоднократно используется писателем в прозе, лирике². Лексема *малый* употребляется Пушкиным в «Евгении Онегине» и как прилагательное: «Хоть малый труд / Я с вами знал» (VIII, 1). Концепт *педант* на протяжении всего романа фигурирует во вполне определенном, хотя и диффузном смысле, соответствующем его семантике в первой главе, ср.: «В дуэлях классик и педант, / Любил методу он из чувства...» (VI, 26); «...Без вечных истин, без педантства...» (VIII, 23). Т. е. нет никаких оснований утверждать, что альтернативное осмысление словосочетания *ученый малый* не соответствует пушкинскому лексикону и его речевой практике.

2.

Если в предшествующем случае мы видим, вероятно, непреднамеренный «каламбур» поэта, основанный на синтагматическом (синтаксическом) и морфологическом (разные части речи!) параллелизме возможного прочтения текста, то в следующем контексте, как нам кажется, Пушкина вполне можно подозревать в намеренном замысле такого рода:

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал,
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч (II, 6).

¹ См.: Опыт конкорданса к роману в стихах «Евгений Онегин» с приложением текста романа / Сост. Д.А. Гайдуков. М., 2003. С. 278–279.

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 3. С. 770–772.

Напрашиваются две трактовки смысла: а) *туманная Германия*, б) *туманная ученость*. И в том, и в другом случае перед нами прилагательное; в первом прочтении эпитет инверсирован, во втором занимает более естественное положение, хотя данное условие не решающее. В пользу первой версии говорит структурное деление стиха: в пушкинское время привычней выглядел буквальный порядок слов, чем прием синтаксического переноса (enjambement), столь популярного, например, в современной поэзии под влиянием И. Бродского. Однако это явление Пушкину также не было чуждо; встречается оно и в «Евгении Онегине»¹.

Что же имеет в виду Пушкин: туманную загадочность, отдаленность Германии, ее таинственную привлекательность, романтический флер, дымку – или малопонятную обычному уму туманную философию немецких идеалистов, в частности Канта (и то и другое не противоречит представлению о Ленском – «поклоннике Канта и поэте»)? Если первое, то почему *туманной* оказывается вдруг именно Германия, а не Англия, *туманный Альбион*; не отдаленное островное государство в дождевых и морских туманах, а граничащая с Россией сухопутная страна, тесно связанная с ней историко-культурными факторами?

Обратимся к СП. Слово *туманный* имеет в письменной речи писателя четыре значения: 1. «Образованный туманом, состоящий из тумана»; 2. «Тусклый, мутный (о свете, источнике света)»; 3. «Такой, в котором много неясного, нечеткого, запутанного, смутного»; 4. «Безрадостный, печальный». Интересующее нас словоупотребление приводится при 3-ем значении лексемы, но в виде специального комментария к словосочетанию *туманная Германия*: «(о Германии как центре идеалистических философских течений и романтических направлений в литературе)» (Т. 4, с. 599). Указанный эпитет встречается и в других контекстах романа, например: «Он пел разлуку и печаль, / И нечто, и *туманну даль*...» (II, 10); «Но это кто в толпе

---

¹ См., например: *Квятковский А.П. Поэтический словарь*. М., 1966. С. 206–208; *Словарь литературоведческих терминов* / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974. С. 81–82.

избранной / Стоит безмолвный и туманный?» (VIII, 7); «...На толки про роман туманный...» (VIII, 25)¹.

Ю.М. Лотман, комментируя указанный контекст, делает следующий вывод, основанный, и на черновом варианте строфы²: «Он из Германии туманной... – В такой редакции стих связывает образ Германии с романтизмом. Эта связь установилась со времени выхода книги де Сталь “О Германии” (1810). Первоначальная формула “из Германии свободной”... выделяла другие ассоциации: брошюру А.С. Стурдзы... о Германии для членов Аахенского конгресса, в которой автор обвинил германские (в частности Геттингенский) университеты в распространении в Европе революционного духа <...>»³.

В.В. Набоков, вероятно, первым обратил внимание на связь пушкинского образа с книгой де Сталь, процитировав в собственном переводе строки из нее, где говорится о туманах: «...<Немцам... нравится тьма>... <склад их чувств, как и мыслей, пробивается сквозь туман>...»; но далее этого в своих рассуждениях не пошел⁴. Забавно, что его комментарий («Кроме переводов и переделок из немецких писателей Жуковским и другими, знакомство Пушкина с немецкой литературой было почти всецело основано на книге мадам де Сталь <...>»), кажется, спровоцировал авторов соответствующей статьи в «Онегинской энциклопедии» на многостраничный анализ всех аллюзий между указанным словосочетанием и туманным мистицизмом произведений В.А. Жуковского, навеянных

¹ См.: Опыт конкорданса к роману... С. 268–269.

² «...Красавец в полном цвете лет / Крикун, мятежник и поэт / Он из Германии **свободной** / [Привез] учености плоды...». Заметим, что здесь эпитет более определенно соотносится с Германией; но почему не предположить, что позже Пушкина привлекла возможность расширить семантическую валентность прилагательного, доведя ее логично до изящной смысловой «дуали».

³ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 182–183.

⁴ Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 253.

германским колоритом¹. Последние не видят в пушкинской строке ничего, кроме этого. И в качестве доказательства привлекают даже примеры из лирики Пушкина, якобы подтверждающие исходные представления о смысловой интенции слова *туманный*, в частности: «...Как привидение, за рощею сосновой / Луна туманная взошла...» («Ненастный день потух...», 1824) – где указанный эпитет денотативен, т. е. лишен образности. Заканчивают свой анализ исследователи пафосным выводом: «...пушкинская “Г<ермания> т<уманная>” прочно вошла в русское культурное сознание»².

Мы, однако, полагаем, что Пушкин, скорее, намекал на туманную идеалистическую *ученость*³, плоды которой наблюдал у некоторых своих современников. Неожиданное свидетельство в пользу этого обнаруживается в творчестве Н.М. Языкова, который, несомненно, учитывал «онегинский текст», хотя бы на подсознательном уровне: «Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова / Оставил тишину родительского крова, / И снова на чужих, далеких берегах / Один, у **мыслящей Германии** в гостях, / Сидишь, препогружен своей послушной думой / Во глубь **премудрости туманной** и угрюмой?» («П.В. Киреевскому», 1835).

Подведем итоги. В проанализированных нами контекстах романа, весьма значимых для понимания образов Онегина и Ленского, ни составители «Словаря языка Пушкина» (лингвисты), ни комментаторы произведения (литературоведы), ни авторы «Онегинской энциклопедии» (филологи) не усматривают второго подтекста пушкинского повествования, дополнительной смысловой перспективы, а следовательно и потенциальной глубины художественного замысла писателя, отчасти реализованного путем каламбурной игры на основе бинарной актуализации синтагматического членения фраз. Между тем это вполне соответствует сложившимся представлениям о личностном и стилистическом *протеизме* Пушкина.

¹ См.: *Лебедева О.Б., Янушкевич А.С.* Германия туманная // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 231–234.

² Там же. С. 234.

³ См. также: *Шанир М.И.* О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 101–112.

**ФУНКЦИИ КУРСИВНЫХ ВЫДЕЛЕНИЙ
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Лингвопоэтика пушкинского романа не раз была предметом внимания литературоведов и лингвистов. В данном случае мы ставим цель системно рассмотреть использование писателем текстовых выделений в указанном произведении: выявить их количественную характеристику, типологию, распределение по главам, художественные функции, приемы включения в текст и т. д. Эти задачи актуальны, так как в указанном аспекте роман Пушкина ранее не анализировался; между тем изучение его под таким углом зрения дает филологам возможность лучше понять творческий замысел поэта, а читателям – смысловые нюансы произведения.

Графические выделения в «Евгении Онегине», узаконенные в издательской практике еще при жизни Пушкина¹, сразу же бросаются в глаза опытному филологу², но, как правило, проходят мимо восприятия рядового читателя, а нередко и учителя, студента, школьника. В таком случае пушкинский текст воспринимается, по меньшей мере, не в полном информационном объеме, одномерно. Между тем умение *читать* произведение предполагает видение и осмысление как формального, так и неформального подтекста, – в данном случае курсивного метатекста, выполняющего разнообразные знаковые и эстетические функции в пушкинском романе.

Графически акцентированные элементы встречаются в романе, включая «Примечания» и «Отрывки из путешествия Онегина», 97 раз. Типологически они делятся на обычные слова, иноязычные (как правило, нетранслитерированные) лексемы, словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки, цитаты и

¹ См., например: *Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах*. 3-е изд. СПб., 1837.

² См., например: *Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»...* С. 10, 125, 140, 191, 239, 244, 258, 292, 300, 302, 321 и др.; *Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина*. С. 590–591 и др.; *Шанский Н.М. По следам «Евгения Онегина»: Краткий лингвистический комментарий*. С. 22 и др.

собственные имена. По главам и разделам выделенные Пушкиным текстовые фрагменты распределяются следующим образом: эпитафия к роману и Посвящение – 1, гл. I – 21, гл. II – 14, гл. III – 3, гл. IV – 17, гл. V – 7, гл. VI – 8, гл. VII – 5, гл. VIII – 8, Примечания – 14, «Отрывки из путешествия Онегина» – 1.

В художественном плане курсивные выделения выполняют в романе ряд функций, которые иногда наслаиваются друг на друга:

1) Указывают на авторство эпитафий (*Tiré d'une lettre particulière*; К<нязь> *Вяземский*; *Gor<atius>*, *Malfiâtre*; *Necker*; *Жуковский*; *Petr<arca>*; *Дмитриев*; *Баратынский*; *Грибоедов*; *Byron*).

2) Служат, хотя и непоследовательно, для обозначения собственных имен вообще, в частности прямых или условных названий произведений, вин, заведений и т. д. (*Ленаж*; *Benedetta*; *Idol mio*; *Confessions de J.J.Rousseau*; *Муравьев. Богине Невы*; *Послание к Л. П.*; *Сказка о Бове Королевиче*; *Древние русские стихотворения*; *Опасный сосед*; «*Станция*». Князь *Вяземский* и др.). Например:

К *Talon* помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин (I, 16).
Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я *Bordo* благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К *Au* я больше не способен;
Au любовнице подобен <...> (IV, 46).

3) Обозначают границы цитат, в том числе скрытых, связанных с категорией «чужой речи», реже прямую речь (*полурусский сосед*; *Приди в чертог ко мне золотой!..*; *Смиранный грешник Дмитрий Ларин*, / *Господний раб и бригадир*, / *Под камнем сим вкушает мир*; *Poor Yorick*; «*Там мужички-то всё богаты, / Гребут лопатой серебро; / Кому поем, тому добро / И слава!*»; *Как ваше имя?*; *ах!* и др.). Например:

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;

Дивился я их спеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал,
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
*Оставь надежду навсегда*¹ (III, 22).

... Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски <...> (IV, 29).

Мое! сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг <...> (V, 20).

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
*Да щей горшок, да сам большой*².

4) Подчеркивают иноязычный, неологический или великосветский жаргонный колорит отдельных слов, терминов, понятий, словосочетаний (*monsieur l'Abbé; dandy; простой продукт; vale; боливар; roast-beef; entrecat; vasucdas; beef-steaks; сплин; Child-Harold; far niente; вист; машинально; в скобках; картель; du comme il faut; vulgar; E sempre bene* и др.). Например:

Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил <...> (I, 3).

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy* лондонский одет <...> (I, 4).

¹ «Отрывки из путешествия Онегина» с прим. (№ 15) А.С. Пушкина: «Lasciate ogni speranza voi chentrate. Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха».

² Цитата из пятой сатиры А.Д. Кантемира «На человеческое злонаравие вообще. Сатир и Периерг»: «Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома...» (см.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 388).

...Надев широкий *боливар*,
Онегин едет на бульвар <...> (I, 15).

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами <...> (I, 26).

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу <...> (I, 38).

...Она казалась верный снимок
Di come il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.) (VIII, 14).

...Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar* <...> (VIII, 15).

5) Показывают особый стилистический статус некоторых слов и выражений, обусловленный, в частности, их специфической сферой употребления, литературностью или, наоборот, разговорностью, иной экспрессивно-стилевой аурой, в том числе этнолингвистической (*в любви до гробовой доски; кошурка* и др.).
Например:

...Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч; сумасбродит;

Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да *нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас (II, 5).

Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья (II, 13).

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно *родные* (IV, 20).

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив <...> (V, 2).

...Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотась без лишней слов
Сказал, что он *всегда готов* (VI, 9).

б) Акцентируют внимание читателя на важных для автора эстетических категориях, нередко выражаемых с помощью имплицитной цитатности (*о прежнем, о былом* и др.). Например:

Он пел разлуку и печаль,
И *ничто*, и туманну даль,
И романтические розы <...> (II, 10)¹.

Так он писал *темно и вяло*
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?) (VI, 23)¹.

¹ См., например: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 190.

7) Сигнализируют об авторской иронии, особом подтексте (*слово, пиит; идеал; честный мальй; к водам*). Например:

...Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих *слов* [!] на русском нет <...> (I, 26).

Какой-нибудь *пиит* армейский
Тут подмахнул стишок злодейский (IV, 29).

На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал <...> (VI, 23)².

«Мой секундант? – сказал Евгений, –
Вот он: мой друг, *monsieur Guillot*.
Я не предвижу возражений
На представление мое;
Хоть человек он неизвестный,
Но уж конечно малый *честный*».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж начинать?» – «Начнем пожалуй, –
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный мальй*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор (VI, 27).

8) Являются знаком литературно-пародийной игры. Например:
Но здесь с победою поздравим

¹ См., например: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 323–324; *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 590–591.

² Интересно, что сам поэт явно не избегает модного слова в своем повествовании; употребляя его 8 раз (см.: Опыт конкорданса к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Сост. Д.А. Гайдуков. М., 2003. С. 103). Более того, фактически заканчивает им свой роман: «Но те, которым в дружной встрече / Я строфы первые читал... / Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал. / Без них Онегин дорисован. / А та, с которой образован / Татьяна милый идеал... / О много, много рок отъял!» (VIII, 51).

Татьяну милую мою,
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою...
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть (VII, 55).

9) Выделяют слова и буквы как объект авторского эстетического внимания, комментария, выполняя метаязыковую роль (*розы; хлоп; хлопанье; шип; шипение* и др.). Например:

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский *Н* как *N* французский
Произносить умела в нос;
Но скоро все перевелось <...> (II, 23).

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма *младость*? (VI, 44)

10) Ориентируют семантику обычных слов в плоскость интимности, внутренних переживаний (*она* и др.). Например:

...Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О* да *Е* (III, 37).

И начинает понемногу

Моя Татьяна понимать
Теперь яснее – слава богу –
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной <...>
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено? (VII, 24–25)

Наиболее интересны собственно художественные функции курсивных выделений, когда они служат не просто средством формализации описания (например, заменяют привычные нам кавычки), а являются проводниками авторской идеологии, эстетической методологии, сигнальными флажками актуализации, кодовыми переключателями смысла. Особенно много таких выделений встречается при характеристике среды, в которой воспитывался Онегин как светский молодой человек, а также в авторских лирических отступлениях. При этом заметна корреляция графических акцентов с другими приемами авторской акцентуации содержательных моментов произведения, в частности с использованием скобок как знака романного «гипертекста»¹. Ср. также: «...Я только *в скобках* замечаю, / Что нет презренной клеветы...» (IV, 19); «...И кстати я замечу *в скобках*, / Что речь веду в моих строфах / Я столь же часто о пирах, / О разных кушаньях и пробках, / Как ты, божественный Омир, / Ты, тридцати веков кумир!» (V, 36).

В ряде случаев встречаются противоречия в системе графических выделений Пушкина. Так, курсив не всегда привлекается поэтом в типологически сходных ситуациях (а),

¹ Ср.: Меднис Н.Е. Слово в скобках в романе «Евгений Онегин». С. 82–94.

заменяется кавычками (б), избыточно используется одновременно с ними (в) или, наоборот, игнорируется наряду с кавычками (г). Например:

а) Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она¹. (II, 31)

(Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.) (IV, 47).

...Всё указывает на нее,
И все кричат: мое! мое! (V, 19)

Татьяна в оглавленьи кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. <...> (V, 24).

б) Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик... (I, 16).

в) Конечно вы не раз видали
Уездной барышни альбом <...>
На первом листике встречаешь
Qu' écrirez-vous sur ces tablettes
И подпись; *t. à v. Annette*;
А на последнем прочитаешь:
*«Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня»* (IV, 28).

г) Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне

---

¹ С прим. (№ 15) Пушкина: «Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude (Шатобриан)». См. также: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 202.

На голос, знаемый детьми:
Réveillez vous, belle endormie. <...>
И смело вместо belle Nina
Поставил belle Tatiana (V, 27).

Анализ функций курсивных выделений в пушкинском романе позволяет сделать кроме частных (см. выше) также выводы методологического и методического характера.

Важнейшая эстетическая роль курсива в произведении – средство максимальной аккумуляции содержания путем минимизации его формы. Отсюда закономерное ощущение, что графически выделенные поэтом контексты, как правило, принадлежат к числу наиболее афористичных, ярких, запоминающихся пушкинских строк.

Желательно исследовать роль курсивных выделений в других произведениях писателя, в масштабе его творчества в целом, – что, исходя из эффекта обратной связи, несомненно, уточнило бы описанную картину функций графики в «Евгении Онегине».

Перспективны сопоставительные наблюдения такого рода, охватывающие творчество русских и зарубежных авторов XVIII–XIX вв., что позволит уловить традиции, на которые опирался сам Пушкин, оценить новаторские черты его поэтики, осмыслить его влияние на отечественную литературу в данном отношении и т. д.

При переиздании и цитировании русской классики необходимо учитывать подобные графические акценты; в связи с чем недопустима распространившаяся в последние годы практика воспроизведения поэтических текстов курсивным шрифтом – в качестве средства печатного дизайна или аналога кавычек. Последствия этого легко предсказуемы – обесмысливание художественного слова...

**ПЕРЕВОДИМОЕ И НЕПЕРЕВОДИМОЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)**

Восприятие творчества Пушкина за рубежом, в отличие, например, от произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, не соответствует его оценке в России как центральной фигуры в отечественной культурологической и филологической ментальности¹.

Причина этого не только в специфике поэзии и общепризнанных трудностях ее адекватного перевода, но и в особенностях пушкинских произведений, отразивших становление современного русского литературного языка в наиболее активной фазе его формирования. Последнее прежде всего касается романа «Евгений Онегин», наиболее значимого и цитируемого произведения классика, ставшего поистине национальным «брендом» в год 200-летия со дня рождения Пушкина, когда в новостных передачах телевидения ежедневно звучала очередная строфа романа.

Парадокс неравноценности восприятия писателя в России и на Западе осмыслялся, в частности, акад. Е.П. Чельшевым²: Исследователь цитирует по этому поводу американских переводчиков: «...на Западе он (Пушкин. – *Н.В.*) ценится менее других потому, что он наименее знаком читателям по сравнению с другими русскими авторами. Причину его невысокой известности далеко искать не надо. Главной средой его обитания является

---

¹ Вместе с тем по количеству переводов Пушкин, может быть, превосходит других русских классиков. Западные читатели начали знакомиться с его творчеством еще в нач. 1820-х гг. Спустя столетие насчитывалось около 1750 переводов пушкинских сочинений на 93 языках (см.: *Нейштадт В.И.* Пушкин в мировой литературе // Сто лет со дня смерти А.С. Пушкина. М.; Л., 1938). В настоящее время роман переведен на такие языки, как английский, немецкий, французский, не менее 10 раз.

² *Чельшев Е.* Постижение русского национального таланта: Можно ли относить А.С. Пушкина к классикам мировой литературы? // Кн. обзор. 1999. № 22 (1 июня). С. 6–7.

поэзия, но такая поэзия, которая в наименьшей мере поддается переводу потому, что ей недостает выражения и она наивна по мышлению, а ее магическая сила зиждется на точности, ясности и вербальном красноречии, которое настолько ощутимо, насколько и недоступно для передачи на другой язык. В поэзии А.С. Пушкина есть нечто независимое от содержания, которое, как заметил Чайковский, позволяет ей проникать до глубины души; это нечто заключено в ее музыкальности¹. Однако эти рассуждения небесспорны и в большей степени касаются лирики поэта.

Вопросами переводов пушкинского романа занимались многие филологи. Так, акад. М.П. Алексеев указывал на необходимость не только библиографической регистрации, но и сравнительного анализа переводческих версий произведения; отмечал, что роман уже переведен на 33 языка, причем на многие неоднократно². Трудности перевода «Евгения Онегина» ученый видит в следующем: «Речь идет не только о смысловой сложности его словесной партитуры, требующей и утонченного понимания ее стилистических ходов, и высокого искусства их полноценного воспроизведения. <...>. Он (переводчик. – *Н.В.*) должен считаться со всеми специфическими качествами “онегинской строфы” во всем неповторимом своеобразии ее структуры – метрической и стилистической, с бесконечными вариациями строфических окончаний, то отточенных метких афоризмов, то эффектных иронических арабесок, с системой рифмовки, с мелодикой стиха, лирическими партиями, сознательно и искусно переплетенными с

¹ См.: The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin. N. Y., 1936. (цит. по: *Чельшев Е.* Постижение русского национального таланта... С. 6).

² См.: *Алексеев М.П.* Разноязычный «Евгений Онегин» [1964] // *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 351–361. См. также, например: *Тудоровски Г.* Пушкин на македонском языке // Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 447–449; *Ласоэрса К.* Заметки о переводе «Евгения Онегина» на итальянский язык Этторе Ло Гатто // Рус. литература. 1964. № 4. С. 170–174; *Чуковский К.И.* Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 246; *Теплова Н.* Новый французский перевод «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2007. С. 270–278.

естественным звучанием разговорных интонаций во всех регистрах человеческих голосов... Речь идет даже об особых трудностях понимания лексики романа Пушкина <...>, о его скрытых цитатах, “пастишах” и переосмыслениях и обо многом другом, что только в наши дни постепенно открывается читателю “Евгения Онегина”, спустя столетие после начала его вдумчивого истолкования»¹. Ю.Д. Левин, в свою очередь прослеживая историю переводов «Евгения Онегина», высказал следующие соображения: «Смысловая многозначность лексического содержания романа, требующая расширенного комментария даже для русских читателей <...>, сложная структура, стилистическая многоплановость всевозможных словесных ходов, неповторимое своеобразие метрической формы – “онегинской строфы” <...> все это воздвигает перед переводчиками трудно преодолимые препятствия. Но именно эта трудность, грандиозность, величие предприятия зачастую и привлекает переводчиков – мастеров своего дела. Давно было понято, что вне стиховой формы “Евгений Онегин” существовать не может»². А.А. Липгарт пишет: «Переводчики, берущиеся за воссоздание “Евгения Онегина” на английском (или любом другом языке), сталкиваются с целым рядом трудностей, среди которых чисто технические, версификационные проблемы (воспроизведение общей структуры онегинской строфы, сохранение рифмы и др.) для настоящего профессионала будут не самыми существенными. Может показаться, что сложность здесь заключается в другом: переводчики “Евгения Онегина”, будучи иностранцами, не могут почувствовать национальный колорит этого произведения и передать на английском языке все особенности русского быта той эпохи, как, впрочем, и суть происходивших в то время дискуссий о путях развития русского языка и литературы – дискуссий, нашедших свое отражение в романе»; «Действительная сложность при переводе “Евгения Онегина”, на наш взгляд, состоит в том, чтобы передать неподражаемую легкость и изменчивость

¹ Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. С. 354–355.

² Левин Ю.Д. Новый английский перевод «Евгения Онегина» // Русская литература. 1981. № 1. С. 219.

пушкинской речи, чтобы эмоциональные лирические отступления по стилю не слились с относительно нейтральными описаниями природы, чтобы в тексте сохранилась авторская ирония, которой буквально пронизано все повествование, и чтобы части романа, особенно памятные русскому читателю – такие, как письмо Татьяны к Онегину или сцена их последнего объяснения, – в переводе не утратили своей простоты и проникновенности»¹. По словам Е.П. Чельшева, «Под каждой строкой “Евгения Онегина” лежат мощные культурно-исторические смысловые пласты. Думается, что в переводе на иностранные языки обнаружить эти пласты может далеко не каждый, и поэтому они, как правило, не раскрываются, остаются как бы за пределами поэтического текста»².

Тем не менее в наиболее удачных переложениях, например в переводе У. Арндта, успешное решение хотя бы некоторых из этих задач приводит к тому, что американские читатели воспринимают роман Пушкина как «произведение искусства, написанное на их языке» (К. Браун)³; однако это еще не свидетельство адекватного перевоплощения пушкинского замысла.

Кроме перечисленных трудностей перевода романа мы видим и иные, связанные с обстоятельствами истории формирования русской литературы и ее языка. «Евгений Онегин» одновременно и роман о русском языке, причем в его живом становлении. В нем на глазах у читателя по воле автора-алхимика, как в «плавильном тигле», смешиваются разнообразные языковые ресурсы – старые и новые, исконные и заимствованные, «высокие» и «низкие»... Именно подобную игру слов, понятную во всех нюансах лишь человеку, хорошо владеющему русским языком (или чувствующему интуитивно некий подтекст), невозможно передать на другой язык. В этом, на наш взгляд, заключается особое очарование пушкинского

---

¹ *Лингарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина // Пушкин А.С. Избранная поэзия в переводах на английский язык. М., 1999. С. 16.

² *Чельшев Е.* Постигание русского национального таланта... С. 7.

³ См.: Актуальные проблемы теории художественного перевода: В 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 159; *Левин Ю.Д.* Новый английский перевод «Евгения Онегина». С. 221.

слова, колорит, теряющийся при переводе. Творчество писателя не просто художественный мир, а и лингвистическая «лаборатория», нередко форма выражения его филологических взглядов на историю русской литературы и языка, о чем мы уже подробно говорили. Вероятно, именно поэтому произведение продолжает очаровывать своей гармонией и современного русского читателя; обрастает «годовыми кольцами» все новых и новых цитат, крылатых слов, возникших на основе романа; объединяет вокруг себя массу подражаний, пародий, перепевов, включается в обширное интертекстуальное поле, придающее хрестоматийному тексту новую эстетическую и общественную актуальность¹. Данного подтекста в восприятии «Евгения Онегина» лишены зарубежные читатели.

Попытки переводов романа, например на английский или французский языки, неизбежно сталкиваются с проблемой технически сложного решения дополнительных задач, в частности художественной передачи лексических, семантических, фразеологических и синтаксических варваризмов, тонких – на грани пародии – экспериментов поэта с синтезом просторечия и славянизмов, русизмов и галлицизмов, с привлечением элементов классицистской, сентименталистской, раннеромантической поэтики, с «прозаизацией» повествования и т. д.

Нельзя сказать, что переводчики не учитывали указанные обстоятельства, – но прибегали при этом к разным приемам. В.В. Набоков, например, использовал не вполне естественный для американского читателя эклектичный синтез новых и архаичных элементов английского языка. В результате, по мнению Ю.Д. Левина, получилась «причудливая смесь современного английского, галлицизмов, архаизмов, почерпнутых из английской литературы от Шекспира до Байрона, и всевозможных новообразований»². Данное наблюдение опирается, в частности, на мнение известного американского филолога Дж.-Т. Шоу, полагавшего, что В.В. Набоков вовсе не случайно назвал язык

---

¹ См., например: Судьба Онегина / Сост., вступ. ст., коммент. В. и А. Невских. М., 2001.

² Левин Ю.Д. Новый английский перевод «Евгения Онегина». С. 220.

своего перевода «my English», подчеркнув тем самым расхождение между литературным английским и своим переводческим экспериментом¹.

Проблемно отражение в переводах варваризмов, используемых Пушкиным. Для читателя XIX века они были, безусловно, знаковы, особенно в стихотворном тексте, поскольку не вписывались в представления о «поэтическом языке» (как известно, писателю приходилось преодолевать косность эстетического мышления своих современников). Для сегодняшнего читателя иноязычные вкрапления представляются, скорее всего, элементом пушкинского идиостиля и проявлением «языковой игры», что не слишком далеко от истины. Как поступить в таком случае переводчику? Автор одного из наиболее удачных переложений «Евгения Онегина» на английский язык Ч. Джонстон, например, «не только исправно сохранял галлицизмы, употребленные Пушкиным, но и систематически вводил их в текст там, где оригинал не давал основания для этого, считая, очевидно, что тем самым он передает характерную особенность светского языка пушкинского времени»². Полагаем, что это художественно обоснованно, поскольку роман и во внешних деталях, и на более тонком уровне своей энергетике пронизан многочисленными лексическими, семантическими, фразеологическими и синтаксическими галлицизмами, масштабно выявленными в известном комментарии В.В. Набокова.

Указанный вопрос специально рассматривался М.В. Кашковской³. Обращаясь к переводу Ч. Джонстона, который расширил сферу функционирования галлицизмов в пушкинском романе, исследователь пишет: «Русский лексический материал, представленный в переводах заимствованной из французского лексики, более рельефно обозначил проблему “непереводимого в переводе”. Русские исторические реалии, как оказалось, могут быть

---

¹ См.: *Shaw Thomas J. Translations of «Onegin» // The Russian review. 1965. Vol. 24. № 2. P. 119.*

² *Левин Ю.Д. Новый английский перевод «Евгения Онегина». С. 225.*

³ *Кашковская М.В. Французская лексика в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и вопросы ее перевода на английский язык // Пушкин: Сб. ст. М., 1999. С. 134.*

переведены с помощью французских лексических единиц, так как последние выражают понятия, близкие понятиям русской жизни. Не выделить отличное в языке и культуре (и соответственно транслитерировать слово), а найти сходное, общее для обеих культур – вот к чему приходит переводчик. Посредником при этом выступает третий, французский язык, к глубокому освоению которого шли разными путями и английский, и русский языки»¹. В отдельных случаях переводчики даже усиливают галльское начало в романе, чтобы помочь англоязычному читателю понять суть иронии Пушкина. Это касается, например, пушкинской кальки французского фразеологизма *пора меж волка и собаки*, которую иноязычный читатель легче воспримет во французской оболочке: *entre chien et loup* (см. пер. Б. Дойч)².

Заметим, что шкала точности перевода находится в зависимости и от уровня понимания переводчиками содержательных и формальных нюансов произведения. Для одних важна сюжетная точность, для других версификационная, для третьих стилистическая, для четвертых – более тонкая «партитура» текста. Идеальным переводчиком «Онегина», в частности на французский язык, мог быть, пожалуй, только сам Пушкин...

Существует по меньшей мере три измерения поэтического дискурса, которые учитываются и с разной степенью адекватности транслируются в процессе перевода: содержание (сюжетная канва, лирические отступления и т. д.), стиховая форма (метрика, рифмовка, строфика) и речевая структура. Легче всего воспроизводится содержательная сторона произведения, которую в принципе можно передать и путем прозаического перевода, хотя это и не имело эстетического успеха в истории переложений «Евгения Онегина» (перевод И.С. Тургенева и Л. Виардо, компромисс между поэзией и прозой, предпринятый В.В. Набоковым и др.). Версификационные трудности со временем преодолеваются переводчиками, которые учитывают труды своих предшественников и стремятся их творчески превзойти. Более сложной задачей

¹ *Каишкова М.В.* Французская лексика в романе А.С. Пушкина... С. 146.

² Там же. С. 150.

является передача стилистики текста средствами другого языка. Помимо этого есть и иные переводческие препятствия, в частности необходимость учета имплицитных пушкинских каламбуров, синтаксических дуалей, скрытых подтекстов, которые, как мы выше уже указывали, не всегда принимаются во внимание даже в специальных трудах, комментирующих пушкинское произведение.

**ЛИНГВОПОЭТИКА РОМАНА А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И АДЕКВАТНОСТЬ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

В наши задачи входит рассмотрение некоторых сторон лингвопоэтики романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в плане их отражения в современной переводческой практике.

Мера точности перевода определяется не только возможностями другого языка в передаче смысла и эстетических коннотаций произведения, учетом многочисленных исторических и этнокультурных деталей, творческим потенциалом конкретного переводчика, но и уровнем филологической интерпретации замысла писателя, основывающегося порой на «протеизме» авторского мышления и художественного слова. Отдельные эстетические нюансы хрестоматийного текста остаются за пределами внимания даже русскоязычного читателя-филолога, что видно из сравнительного анализа некоторых лингвистических, литературоведческих и культурологических комментариев к роману¹.

---

¹ См., например: Словарь языка Пушкина; *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин: Роман А.С. Пушкина; *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий; *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. под ред. В.П. Старка. СПб., 1998; *Он же.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. под ред. А.Н. Николюкина. М., 1999; *Шанский Н.М.* По следам

Посмотрим под таким углом зрения на частные элементы пушкинского словоупотребления с целью сравнения их с переводческими интерпретациями.

Одним из ярких средств образной системы Пушкина является курсивное выделение лексем, собственных имен, словосочетаний, цитат, выполняющее в романе ряд важных функций. Основная роль курсива – обратить внимание читателя на те или иные слова, аллюзии; подчеркнуть, что за ними стоит какой-то подтекст, требующий домысливания. (Заметим, что при цитировании романа нередко допускается необоснованное отступление от пушкинской графики и, следовательно, потеря художественной информации.) В какой степени учитывается этот «буквализм» поэта в новейших переводах?

В немецком переводе романа, выполненном Р.-Д. Кайлем¹, графические выделения писателя воспроизводятся с германской педантичностью. Автор одного из лучших англоязычных переводов романа – Дж.-Э. Фэлен² избирательно подходит к решению этого вопроса. В одних случаях он точно отражает пушкинскую поэтику (*Madame, Monsieur, Monsieur l'Abbé, dandy, vale, простой продукт/basic products, боливар/Bolivar, far niente*), в других игнорирует пушкинский курсив (например, *Talon, roast-beef, beef-steaks, Child-Harold, сплин*), передавая эти слова и имена собственные, соответственно, как *Talon's, roastbeef's, beefsteaks, Byron's Harold, spleen* – хотя для Пушкина было важно подчеркнуть этим в первой главе прозападный колорит, окружавший и формировавший Онегина в петербургской среде. Зато переводчик вводит свои (!) курсивные выделения, смысл которых не всегда понятен (см., с. 333, 337 и др.). В одном случае это, возможно, вызвано желанием передать как русизм лексему *мостовая* (на наш взгляд, данное понятие вовсе не национально специфическое);

«Евгения Онегина»: Краткий лингвистический комментарий; Онегинская энциклопедия: В 2 т.

¹ См.: *Пушкин А.С. Избранная поэзия в переводах на немецкий язык*. М., 1999. С. 148–411.

² См.: *Пушкин А.С. Избранная поэзия в переводах на английский язык*. М., 1999. С. 320–489.

однако слово *дрожки*, являющееся безусловным этнизмом¹, сходным образом почему-то не выделяется, ср.: «...Уносят дрожки удалые / По петербургской мостовой...»; «...In racing droshkies bound for pleasure / Along the Petersburg *chaussée*...» (с. 346–347). Л. Арагон во французском переводе романа², в целом следуя Пушкину, не обозначает курсивом слово *dandy* и вообще элиминирует английский подтекст в воспитании героя, не употребляя и лексему *лондонский*, ср.: «...Как *dandy* лондонский одет...»; «...Et comme un *dandy* s'habiller...» (с. 471). То же касается графически акцентированного Пушкиным слова *жучка*, переведенного французским поэтом без важных семантических и стилистических коннотаций, – что лишает текст милой сердцу русского читателя «простонародной» окраски, ср.: «Вот бегаёт дворовый мальчик, / В салазки *жучку* посадив...»; «Un *gamin* que court dans la cour, / Son chien dans sa luge installé...» (с. 481). Ср. также в пер. Р.-Д. Кайля: «Ein Bauernbub läuft durchs Gelände, / Der seinen *Waldi* rodeln lehrt...» (с. 279).

В романе есть интригующий контекст («...Он Ленский из Германии туманной / Привез учености плоды...»), толкуемый большинством комментаторов однозначно: *туманная Германия*. Между тем не меньше оснований видеть и здесь *in potentia* синтаксический перенос (анжамбеман): *туманная ученость*, – поскольку именно в этом состояла специфика философского образования в Германии, где учился «поклонник Канта [!] и поэт» Ленский. Посмотрим, как интерпретируется данная амбивалентность пушкинского слова в английском и немецком переводах: «...Vladimir Lénsky, just returning / From Göttingen with Kantian truth. / From misty Germany our squire / Had carried back the fruits of art...» (с. 365); «An Seele wahrhaft göttingensch, / Bracht's er aus Deutschlands Nebeln mit sich / Die Früchte der Gelehrsamkeit...» (с. 191). Оба переводчика следуют традиционной версии истолкования текста, но при этом исчезает «гипертекст» произведения...

¹ См.: Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 372–374.

² См.: Пушкин А.С. Избранная поэзия в переводах на французский язык. М., 1999. С. 468–485 (фрагменты произведения).

Иногда переводы романа, наоборот, страдают буквализмом, – не учитывают тонкий подтекст в употреблении того или иного слова. Так, строки «Там некогда гулял и я: / Но вреден север для меня» Дж.-Э. Фэлен переводит следующим образом: «I too there used to saunter forth, / But found it noxious in the north» (с. 319), – что вряд ли соответствует пушкинскому замыслу, поскольку слова *гулять* (в данном случае «беспечно проводить время») и *вредный* («...с намеком на высылку из Петербурга на юг») используются им в переносно-ироническом смысле¹. Ср., однако, в переводе Л. Арагона: «J’y fus parfois pour me distraire: / Mais le nord est pour moi contraire» (с. 469) и Р.-Д. Кайля: «Dort hab auch ich geliebt, gezecht: / Nur, mir bekommt der Norden schlecht» (с. 149).

В заключительных двустушиях «онегинских строф» Пушкин порой использует эффектный прием ступенчатого интонационного размежевания подаваемой информации, которая может в результате этого иронически переосмысливаться, например: «...Всё украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет» (после предсказуемого словосочетания *кабинет философа* следует убийственная характеристика *в осьмнадцать лет*). Сравним, как отражается это в переводах: «...All this adorned his dressing [?] room, / Our sage [!] of eighteen summers’ bloom» (с. 337); «...All das hatt’ hier im Boudoir [?] / Der Philosoph von achtzehn Jahr’» (с. 163). Как видим, переводчики сохранили пушкинский порядок слов и в разной степени его сарказм, но при этом «потеряли» важнейший компонент семантики слова *кабинет*, каламбурно соотносящегося с представлением о «комнате для занятий умственным трудом»² образованного русского дворянина и с трудовыми буднями истинного философа...

Разумеется, мы далеки от намерения отмечать недостатки переводов «Евгения Онегина»; речь идет лишь о том, что пушкинский текст требует к себе не просто бережного, а чрезвычайно ответственного филологического подхода. Практический вывод отсюда таков: любому переводчику необходим полноценный сопроводительный справочный аппарат, помогающий

¹ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 383, 566.

² Там же. Т. 2. С. 266–267.

прочтению романа. В отношении «Евгения Онегина» такого рода комментирующих трудов уже немало; и, хотя каждый из них сам по себе не лишен отдельных изъянов, лакун, в целом они создают хорошую базу для адекватного понимания и перевода данного произведения.

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
(ТРИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТКЛИКА НА РОМАН ПУШКИНА)**

*Быть может, в Пензе городишка
Несноснее Саранска нет...*

А.И.Полежаев. «Сашка»

Роман Пушкина «Евгений Онегин» со времени выхода в свет его первой главы и по сегодняшний день продолжает приковывать к себе внимание читателей, в особенности поэтов. Феномен «Онегина» удивителен и пока в полной мере не разгадан! Пушкинское творение не просто центральное поэтическое произведение русской словесности, – оно обладает какими-то тайными генетическими кодами, пружинами, заставляющими вновь и вновь возвращаться к его строкам... Переводческий и комментаторский подвиг В.В. Набокова – отчасти и проявление ностальгии изголодавшегося по русской речи изгнанника. Звучавшие каждодневно на родине поэта по центральному каналу ТВ в юбилейном 1999 году строфы романа тоже не просто дань памяти классику, а нечто сродни магическому священнодействию, тайный смысл которого и механизм действия не столько рационализированы, сколько интуитивированы коллективным подсознанием «русскости», обретением благодаря Пушкину свободного и мощного литературно-поэтического языка.

Исследователи русской литературы уже касались вопроса о непосредственных подражаниях «Онегину» современников и потомков Пушкина¹. Относительно недавно вышла своеобразная

---

¹ См., например: *Розанов И.Н.* Две повести в стихах о московском студенте: Отголоски «Сашки» Полежаева и «Евгения Онегина» // Сборник статей

хрестоматия подобных текстов (перепевов, пародий, продолжений, реконструкций и т. д.), хотя и далеко не полная, ограниченная с точки зрения принципов отбора материала и их комментирования¹. В указанное издание не вошли, в частности, произведения, которые мыслились их авторами не как формальный, а как собственно художественный, т. е. более тонкий, диалог с Пушкиным. Это прежде всего касается двух поэм современников классика и в какой-то мере его поэтических преемников – А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова.

I

Исследователи творчества Полежаева единодушны в том, что своей трагической судьбой и одновременно широчайшей известностью в России и отчасти за рубежом поэт был обязан... «Евгению Онегину». Полежаевская поэма «Сашка» (1825), написанная через несколько месяцев после выхода в свет первой главы пушкинского произведения, явилась, вероятно, первым литературным откликом на «Онегина»², стала визитной карточкой буйной музыки и бурной биографии поэта-солдата. Напомним, что в июле 1826 года во время коронационных торжеств в Москве, почти сразу же после расправы с декабристами, Николай I, познакомившись с текстом рукописной поэмы «Сашка», личным указом отправил Полежаева на военную службу после продолжительной аудиенции в Кремле... Эпизод с высочайшим вниманием, оказанным царствующей особой молодому автору,

---

сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. М.; Л., 1934. С. 391–400; *Он же*. Ранние подражания «Евгению Онегину» // Розанов И.Н. Литературные репутации. М., 1990. С. 336–367.

¹ См.: Судьба Онегина. М., 2001.

² Интересно, что указанная хрестоматия перепевов «Онегина» открывается – как самым ранним проявлением внимания к нему – комедией-водевилем «Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание» (1830) двоюродного брата Полежаева – Д.Ю. Струйского (Трилуного), тоже выпускника Московского университета. О личности и творчестве последнего см., в частности: *Васильев Н.Л.* Струйский Дмитрий Юрьевич // Русские писатели. XIX век: Библиограф. слов. В 2 ч. М., 1996. Ч. 2. С. 276–278.

только что окончившему Московский университет, получил большую огласку в обществе и был наречен «полежаевской историей», на долгие годы занесенной в анналы извечного противостояния Поэтов и Власти.

О сходстве «Сашки» с «Онегиным» написано за последние полтора столетия немало, начиная с эмигрантских изданий «Тюрьмы и ссылки» (1854), «Былого и дум» (1861) А.И. Герцена и кончая новейшими исследованиями этого вопроса¹. Литературоведы по-разному определяют форму диалога Полежаева с Пушкиным, то именуя ее, вслед за Герценом, «пародией», то говоря о «подражании»... Несомненно одно: полежаевская поэма в художественном отношении адекватно может быть интерпретирована только в контексте пушкинского «Онегина».

Полежаев ни словом не обмолвился в поэме о Пушкине, но его диалог с литературным кумиром своего поколения очевиден. Поэту было важно противопоставить столичному щеголю-дворянину Онегину своего автобиографического героя, выходца из демократической, притом провинциальной, среды. Уже само название поэмы «Сашка» контрастирует со звучным именем «Евгений Онегин», в котором каждое из слов отдает *благородством* этимологии и светскости. В такой же степени автор снижает и стилистику повествования, прибегая к просторечию, нарочитой вульгарности и даже к более резким языковым элементам². Ср.:

Студенты всех земель и краёв!
Он ваш товарищ и мой друг;
Его фамилья Полежаев,
А дальше... эх, друзья, не вдруг!
Я парень и без вас болтливый,
И только б вас не усыпить,
А то внимайте терпеливо:
Я рад весь век мой говорить!

¹ См., например: *Васильев Н.Л.* Пушкин и Полежаев: «заговор молчания» или...? (К истории взаимоотношений) // *Поэзия А.И. Полежаева*. С. 47–51; *Он же*. А.И. Полежаев и русская литература. С. 76–79.

² Без издательских купюр текст поэмы опубликован в сб.: «Летите грусти и печали...»: Неподцензурная рус. поэзия XVIII–XIX вв. М., 1992. С. 80–109.

Быть может, в Пензе городишка
Несноснее Саранска нет, –
Под ним есть малое селишко,
И там мой друг увидел свет...¹

По такому же принципу выстраиваются и иные детали поэмы, созвучные сюжетным ходам «Онегина»: внутренний монолог главного героя о дяде, лицемерие героя-племянника по отношению к родственнику, авторское повествование о самом герое – месте его рождения, отце, воспитании, юношеских годах, интересах, отношениях с женщинами, ночных размышлениях на берегу Невы и т. д. Ср., например:

Пушкин

Полежаев

«**Мой дядя** самых честных правил,
.....
Но, боже мой, **какая скука**
С больным сидеть **и день и ночь**,

.....
Вздыхать и думать про себя:
Когда же **черт возьмет тебя!**»
Служив отлично-благородно,
Долгами **жил его отец**,
Давал три бала ежегодно
И **промотался наконец**.

Вот мой Онегин на свободе...

Он **по-французски** совершенно
Мог изъясняться и писал...

Бывало, он еще в постеле...

Онегин **полетел к театру**...
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые...

«**Мой дядя** – человек сердитый,
.....
Зато **какая** же мне **скука**
Весь день при нем в гостиной быть

Бормоча: “**Черт вас побери!**”»

Нельзя сказать, чтобы богато
Иль бедно **жил его отец**,
Но все довольно торовато,
Чтоб **промотаться наконец**.

Вот Саше десять лет пробило...

Мог изъясняться по-французски
И по-немецки лепетать...

Бывало, только он с Мильонной...

В театр, разлегшись, **полетел**.
Все было тихо; не спокойно
В душе лишь Саши моего...

¹ Цит. по: Полежаев А.И. Сочинения. М., 1988.

Фабульный фон «Сашки» (во второй главе) основан не на фантазии автора, а реальном, хотя и кратковременном, пребывании его в Петербурге в 1824 году в гостях у своего дяди А.Н. Струйского и сходстве многих деталей жизни поэта в столице с «петербургским текстом» юного Онегина¹. В то же время полежаевский Сашка подчеркнуто противопоставляется Онегину:

Пушкин

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли **на почтовых**...

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа...
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель...
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель...

Блистательна, **полувоздушна**,
Смычку волшебному **послушна**,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; **она**,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит...

Полежаев

Так, растянувшись **на телеге**,
Студент московский **размышлял**...

Студенты всех земель и краёв!
Он ваш товарищ и **мой друг**;
Его фамилья Полежаев...

Быть может, в Пензе городишка
Несноснее Саранска нет...

Растянута, **полувоздушна**,
Калипса юная лежит,
<Студенту грозному **послушна**,
Она и млеет и дрожит,
Одна нога коснулась полу,
Другая – нежно, на отлет...>

Ориентация Полежаева на пушкинский роман в стихах проявилась и в типологическом сходстве авторских лирических отступлений, относительной изоструктурности строфики (используется «строфа», состоящая из трех четверостиший, построенных с помощью перекрестной рифмовки).

¹ Об А.Н. Струйском и его взаимоотношениях с Полежаевым см.: Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003. С. 19–29.

II

Хорошо известно о многообразном воздействии личности и поэзии Полежаева на творчество Лермонтова¹. Оба родились в Пензенской губернии, уже в раннем детстве остались без материнской и отчасти отцовской опеки, позже учились в Московском университете – Полежаев с 1820 по 1826 год, Лермонтов – с 1828 по 1832 год Лермонтов вступил в студенческое братство в ту пору, когда оно еще бредило идеями декабризма, вольнолюбия, во многом подогреваемыми и трагической судьбой Полежаева. В памяти многих поколений московского студенчества была жива история знакомства Николая I с поэмой «Сашка», последовавшая за этим рекрутчина Полежаева, обернувшаяся долгими годами принудительной армейской службы. Об этом вспоминали в своих мемуарах Н.И. Пирогов, Н.Н. Мурзакевич, Н.И. Сазонов, А.И. Герцен, Я.П. Полонский, А.А. Григорьев, М.А. Стахович и др.² В 1863 г. были опубликованы записки Г.Ф. Головачева, поведавшего о времени, проведенном с Лермонтовым в университете, и процитировавшего ранее не известные стихи последнего: «Хвала тебе, приют лентяев – / Хвала, ученья дивный храм, / Где цвел наш бурный Полежаев, / На зло завистливым властям!»³. Знакомы Лермонтов и Полежаев не были. Однако их связывали не только пензенские корни, а и общие друзья, наставники. Более того, можно утверждать, что Лермонтов во многом обязан своим гражданским и литературным становлением людям, окружавшим Полежаева, общавшимся с ним. Так,

¹ См., например: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. С. 121–134; *Он же.* Лермонтов и Полежаев: биографические и творческие параллели // *Тарханский вестник*: Вып. 14. [Пенза], 2001. С. 36–48.

² См.: Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 83, 94, 115, 135, 246, 308; *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. С. 18–21, 143–144.

³ *Г<оловачев>. Г.* Университетские воспоминания // *День*. 1863. № 42. С. 7. И.Л. Андроников обосновывает принадлежность указанных строк Лермонтову их аллюзивной близостью к тексту его поэмы «Сашка» (строфы 33, 118, 119) – см.: *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1953. Т. 1. С. 408–409 (прим.).

ближайший друг Лермонтова С.А. Раевский (1808–1876) являлся товарищем Полежаева по Московскому университету и даже проживал с ним вместе в «пансионе для недостаточных» в 1823–1824 годах¹. Первым учителем Лермонтова и его литературным куратором был А.З. Зиновьев (1801–1884), хорошо знавший Полежаева по Обществу любителей российской словесности при Московском университете, сотрудниками которого оба стали почти одновременно².

Самое яркое свидетельство внимания Лермонтова к Полежаеву – его собственная поэма «Сашка», замысел которой относится, по-видимому, к 1835–1836 гг. Об ориентации на одноименное произведение говорит прежде всего упоминание поэта о своем современнике и подчеркивание преемственности героев:

...«Сашка» – старое название!

Но «Сашка» тот печати не видал,

И, нездоровый, он угас в изгнание.

Мой Сашка меж средь друзей своих не знал

Другого имя, – дурно ль, хорошо ли,

Разуверять друзей не в нашей воле³.

Кроме того есть много иных сюжетных и фразеологических переключек, касающихся обстоятельств взросления героев обеих поэм, их московской жизни и т. д. Например: «Нельзя сказать, чтобы **богато** / Иль бедно жил **его отец**... / И первый Сашеньки **учитель** / **Лакей** из дворни **его был**» (Полежаев), «Хочу я рассказать, кто он, откуда... / Кто **был его лакей и кто учитель**. / <...> / **Его отец** – симбирский дворянин... / **Богатого отца** любимый сын...» (Лермонтов); «...И у француза в пансионе / **Шалун** за книгою сидит. / Я думаю, что всем известно, что значит **модный пансион**» (Полежаев), «**Шалун** был отдан в **модный пансион**...» (Лермонтов); «“Мне Танька, а тебе Анята”, – / **Скосившись, Саша**

¹ См.: *Безъязычный В.И.* Основные даты жизни Полежаева // Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 457.

² См.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911. С. 114, 228.

³ Цит. по: *Лермонтов М.Ю.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1.

говорит. / **Неоценимая минута**, / Тебя никто не изъяснит! / Приап, Приап!» (Полежаев), «У столика, в одном углу светлицы / Сидели две... девицы – не девицы... / <...> / **Блаженная минута!**.. Закипел / Мой Александр, склонившись к деве спящей» (Лермонтов).

Лермонтовская «муза», следуя за героем поэмы, тайно посещает полубордель и, подобно полежаевским сотоварищам-студентам, бесцеремонно врывается туда: «...и вот / К знакомым девкам прискакали, / Запор сломали у ворот. / <...> / И, боязливо извиняясь нам светит бандерша в сенях» (Полежаев); «Взошли. Толкнули дверь – и свет огарка / Ударил в очи. Толстая кухарка, / Прищурясь, заграждает путь гостям...» (Лермонтов).

В описании жизни своего героя Лермонтов использует тот же прием маркировки связи с «первоисточником», что и Полежаев по отношению к «Евгению Онегину». Его герой отчасти тоже провинциал, хотя и не выходец из сельской усадьбы, как сам автор... Однако по сравнению с полежаевским персонажем лермонтовский Сашка облагорожен, ближе к Онегину – и в какой-то мере синтез обоих. Сашка Полежаева навещает вместе с приятелем знакомых девок из публичного дома (по имени Танька и Анюта). Лермонтовские Тирза и Параша из того же «цеха», хотя внешне более благопристойны: «И с этих пор, чтоб избежать ошибки, / Она [Тирза] дарила всем свои улыбки...», «Она [Параша] на жертву прихоти несла / Свои красы». Лермонтов, в отличие от Полежаева, щадит своего героя в глазах читателя. Ср., например: «Врастяжку банты на штанах» (Полежаев) – «Он галстук снял...» (Лермонтов), «Домой в пуху и пятнах шли» (Полежаев) – «Пора привести в порядок их одежды» (Лермонтов).

Оба героя почти земляки: один родился под Саранском, другой – в Симбирске. (Если обратиться к истории и автобиографическому компоненту указанных образов, то в XVIII в. и Рузаевка, и Тарханы, где родились поэты, входили некоторое время в Саранский уезд.) Оба противопоставляют себя как жители Москвы Петербургу; но у Лермонтова этот эстетический концепт более отчетлив: «Герой наш был москвич, и потому / Я враг Неве и невскому туману» (Лермонтов). Оба поэта воспевают картины Москвы: «Различноцветными огнями / Горит в Москве

Кремлевский сад, / И пышно-пестрыми роями / В нем дамы с франтами кипят. / Музыка шумная играет / На флейтах, бубнах и трубах, / И гул шумящий зазывает / Кремля высокого в стенах. / Какие радостные лица, / Какой веселый, милый мир! / Все обитатели столицы / Сошлись на общий будто пир» (Полежаев); «Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын, / Как русский, – сильно, пламенно и нежно! / Люблю священный блеск твоих седин / И этот Кремль, зубчатый, безмятежный» (Лермонтов). В обеих поэмах рассказ о главном герое ведется от лица его друга, замещаемого иногда автором-повествователем (подобная организация субъектного начала произведения восходит к «Евгению Онегину»).

В «Сашке» Лермонтова, как и в «Онегине», поэме Полежаева, присутствует мотив лицемерия героя с дядей (только здесь его роль выполняет тетка). Типологически и сюжетно Лермонтов ближе к Полежаеву: его Сашка обманывает московскую тетку так же непринужденно, как полежаевский петербургского дядю, маскируя свои похождения невинной беседой. Ср.:

Полежаев

Лермонтов

Бывало, только он с Мильонной,
А дядя: «Где, дружок, был?»
А он (куда проворный!):
«Я-с по бульвару все ходил,
Потом спуск видел парохода,
Да Зимний осмотрел дворец.

Уж Саша дома. К тетке входит он,
Небрежно у нее целует руку.
«Чем кончился вчерашний ваш бостон?
Я б не решился на такую скуку...
Как ваши зубы?.. А фиделька где же?
Она являться стала что-то реже»

Между поэмами немало и собственно фразеологических переключек, свидетельствующих об ориентации – запрограммированной или бессознательной – Лермонтова на Полежаева. Ср., например: «**Бич хлопнул!** <...>» (Полежаев), «...**Бич** лихой / **Взвился.** <...>» (Лермонтов); «...или **природный** / **Умишка** маленький в нем был...» (Полежаев), «...имел он (отец героя. – *Н. В.*) **ум природный**...» (Лермонтов); «**Пропустим**, что сей ментор славный...» (Полежаев), «**Пропустим** года два...» (Лермонтов).

Концовка «Сашки» Лермонтова коррелирует с обращением Полежаева «К читателям» и отчасти с эпилогом его поэмы. Ср.: «**Кто** ж иное / Здесь за злое / Хочет принимать, / **Кто** разносит / И

доносит, – / **Тот...**» (Полежаев); «**Кто** недоволен выходкой моей, / **Тот** пусть...» (Лермонтов).

П.А. Висковатов полагал, что в «Сашке» Лермонтова есть обращение к Полежаеву: «И ты, чья жизнь как беглая звезда / Промчалася неслышно между нами...»¹. Однако в дальнейшем исследователи относили указанные строки к тезке Полежаева – А.И. Одоевскому². Основанием для этого является прежде всего соотнесенность характеристики лица, о котором говорит Лермонтов, более с портретом Одоевского, чем Полежаева. Судьба последнего была долгое время в центре внимания, про его жизнь нельзя было сказать, что она «промчалася неслышно», как и то, что поэт «мук своих не выразил словами». Кроме того, обращение Лермонтова к неизвестному адресату перекликается с его стихотворением «Памяти А.И. Одоевского» (1839)³. Тем не менее можно думать, что в герое лермонтовской поэмы сконцентрировалось представление автора об облике того и другого поэта, в равной мере духовно близких ему. Интересно и следующее обстоятельство: Лермонтов начинает свою поэму, как бы отстраняясь от «тюремных» мотивов лирики своих предшественников, в частности того же Полежаева: «Наш век смешон и жалок, – все пиши / Ему про казни, цепи да изгнания... / <...> / Впадал я прежде в эту слабость сам...».

В отдельных случаях Лермонтов указывает с помощью реминисценций непосредственно на «Евгения Онегина» как ранний «прототип» его поэмы: «“Мой дядя **самых честных правил...**”» (Пушкин), «И там проказник был препоручен / Старухе-тетке **самых честных правил**»; «Отец ее [Татьяны] был **добрый малый...**» (Пушкин); «Герой мой **добрый малый**» (Лермонтов); «...Все украшало кабинет / Философа **в осьмнадцать лет**» (Пушкин), «Не правда ль, кто не стар **в осьмнадцать лет**, / Тот, верно, не видал

¹ См.: Висковатов П.А. М.Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1987. С. 132.

² См., например: Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 504 (прим. Б.М. Эйхенбаума).

³ Высказывалось, впрочем, и мнение, что в анализируемых строках речь идет о самом герое поэмы (Найдич Э.Э. «Сашка» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 499).

людей и свет...» (Лермонтов); «Все предрассудки истребя, / **Мы почитаем** всех нулями, / А единицами – себя. / Мы все глядим в Наполеоны; / **Двуногих** тварей миллионы / Для нас орудие одно...» (Пушкин), «...Но все-таки себя в числе **двуногих** / **Он почитал** умнее очень многих» (Лермонтов); «– Я тут еще беды не вижу. / “Да скука, вот беда, мой друг”. / – Я **модный свет** ваш ненавижу; / Милее мне домашний круг...» (Пушкин), «Заметно было в нем, что с ранних дней / В кругу хорошем, то есть в **модном свете**, / Он [Саша] обжился...» (Лермонтов); «Вперед, **вперед, моя история!** / Лицо нас новое зовет» (Пушкин), «Итак, герой наш спит, приятный сон, / <...> / **Роман, вперед!**...» (Лермонтов); «...И вот она [муза] в саду моем / Явилась барышней уездной, / С печальной думою в очах, / **С французской книжкой** в руках» (Пушкин), «И Марья Николавна... / **С французской книжкой**, часто, сев к окну, / Следила взором сизую волну...» (Лермонтов).

Реже его текст соотносится одновременно и с пушкинским, и с полежаевским, например: «**Все было тихо**; лишь ночные / Перекликались часовые...» (Пушкин), «**Все было тихо**; беспокойно / В душе лишь Саши моего...» (Полежаев), «**Все было тихо** в доме. Облака / Нескромный месяц дымкою одели...» (Лермонтов); «Любви безумную тревогу / Я безотрадно испытал. / **Блажен, кто** с нею сочетал / Горячку рифм» (Пушкин), «**Блажен, кто** слез ручей горячий / Рукой Анюты утирал; / **Блажен, кто** жизни путь колючий / Вином отрадным поливал» (Полежаев), «**Блажен, кто** верит счастьем и любви, – / **Блажен, кто** верит небу и пророкам...» и т. д. (Лермонтов).

Лермонтовская поэма не структурирована по главам, как у Пушкина и Полежаева; но имеет сходное деление на строфы, с указанием их цифрового порядка. Строфика Лермонтова принципиально иная, чем у предшественников. Онегинская строфа состоит из 14 строк, полежаевская из 10, лермонтовская из 11 – и отличается своей дисгармоничной «нечетностью», обусловленной своеобразным построением строф с «тройной рифмой». «Онегин» Пушкина и «Сашка» Полежаева написаны 4-ст. ямбом, «Сашка» Лермонтова – 5-ст. ямбом. Таким образом, даже в собственно формальном (квантитативном) плане Лермонтов стремится позиционировать себя и свою поэму в пространстве между Пушкиным

и Полежаевым и одновременно проявить творческую индивидуальность. Его «Сашка» жанрово обозначен автором как «нравственная поэма», что можно каламбурно соотнести с некоторыми эпитетами по адресу полежаевской поэмы, одной из наиболее частых характеристик которой было слово *безнравственная*... В стилистическом отношении Лермонтов избегает порой романтически возвышенного слога Пушкина и одновременно не опускается до уровня просторечной фривольности Полежаева, предпочитая среднюю норму стиля, в которой и возвышенные, и разговорные элементы в одинаковой степени вовлечены в общий круговорот непринужденного повествования. Но лермонтовские описания походов Сашки, пожалуй, более смелы, чем несколько абстрактные и сумбурные излияния его полежаевского тезки. И уж во всяком случае те и другие гораздо эротичнее пушкинских женских ножек под столом... В создателе «Сашки»-2 чувствуется недавний автор или соавтор эротических «юнкерских поэм», напичканных барковскими элементами. Полежаев, несмотря на нелестную славу наследника Баркова, на самом деле достаточно целомудрен в этом плане на фоне его предшественников, в частности Пушкина как автора «Тени Баркова».

Таким образом, полежаевская и лермонтовская поэмы коррелируют не только между собой, но и с «Онегиным». Однако связь лермонтовской поэмы с пушкинским романом не прямолинейна, более отдаленна и реализуется частично через своего сводного брата – «Сашку» Полежаева.

III

Относительно недавно в Саранске, когда-то принадлежавшем к Пензенской губернии, был опубликован роман «Онегин» (с подзаголовком «Попытка ревизии “Энциклопедии” и прощания с постмодерном») С.Ю. Сеничева¹, – молодого автора, уже успевшего громко заявить о себе в столице Мордовии и всероссийской прессе².

¹ Вечерний Саранск. 2003. № 2–19 (15 янв.–14 мая).

² См., например: *Сеничев С.* День Казановы: Экзерсисы. Саранск, 1998; *Он же.* Изобретатель велосипеда // Литературная Россия. 2003. № 29 (18 июля). С. 6–7.

По своей внешней структуре «Онегин»-2 почти полностью повторяет пушкинский оригинал: здесь 8 глав с прологом и развернутым эпилогом; произведение написано «онегинской строфой» с безукоризненным соблюдением ее внутренней архитектоники¹. Однако эпитафии к главам и примечания в «Онегине»-2 отсутствуют². Сеничев использует многие формальные приемы предшественника, в частности многочисленные авторские отступления, франкоязычные вкрапления, но пишет современно – отказываясь от традиционных прописных букв в начале строк, активно прибегая к технике строчного, строфического и слогового анжанбемана (переноса), вводя новую поэтическую лексику, в том числе жаргонизмы последних лет, авторские неологизмы.

В основе сюжета нового «Онегина» – несомненно, автобиографичная история жизни молодого человека-провинциала, во многом позиционирующаяся (фабульно и текстологически) на пушкинский первоисточник... Главного героя тоже зовут Евгений, его приятеля – Владимир Ленский, сестер Лариных – Татьяна и Ольга, слугу – Гильо... Но место и время действия совершенно иные. Сеничев не опускается до пародии и не впадает в подражание Пушкину, искусно и остроумно балансируя между этими крайностями, ради главного – собственного повествования о своем времени. В «Онегине»-2 многое перевернуто: Онегин первый пишет Татьяне, которая – не в пример пушкинской героине – холодна по

---

¹ Общее количество строф романа – 387 (вместе с неполными и спаренными, как у Пушкина, а также гомогенными вставками: «Записка Татьяны», «Последние стихи Ленского», «Последние стансы Онегина»), не включая гетерогенных строф – «Хор девушек», «Картель Онегина»). Соответственно у Пушкина 390 строф (вместе с опущенными), не считая астрофического «Письма Татьяны к Онегину», «Песни девушек» и полустрофического «Письма Онегина к Татьяне», а также «Отрывков из путешествия Онегина».

² Имеется, впрочем, общий эпитафия к «Онегину»: «“...с подружками по ягоды ходить, / над вымыслом слезами обливаться...” (почти Пушкин)», а также виртуальные примечания автора, которые войдут в новую редакцию романа. По словам автора, он работает и над «Десятой (зашифрованной) главой» своего романа («Вечерний Саранск». 2003. 14 мая. С. 24).

отношению к нему, инициатором дуэли двух друзей является сам Онегин, потому что Ленский волочится за Татьяной, месье Гильо оказывается секундантом Ленского, преддуэльное письмо к Татьяне сочиняет именно Онегин, замужняя Татьяна предстает весьма циничной особой и т. д. Заметим, однако, что все это мотивируется не столько ироническим диалогом поэта с Пушкиным и остроумной литературной игрой вообще, сколько, надо думать, реальными обстоятельствами, на которых «замешано» повествование автора и которые парадоксально проецируются на канву пушкинского романа.

Новый Онегин – выходец из бывшей пензенской провинции; как и поляеавский персонаж, он подчеркнуто демократичен и противопоставлен не только пушкинскому Онегину, но и «новым русским»:

Онегин, коего не ждали
ни вышний суд, ни я, ни вы,
родился в осязательной дали
и от Невы, и от Москвы –
в глуши лесов (читай: сосновых).
Он был из русских – не из новых, –
из тех обласканных персон,
которым на грядущий сон
читали бабушки-старушки
кто – о Салтане о царе,
кто – об Илье-богатыре,
кто – о Лягушке о квакушке...
Наверное, с их легких рук
мы сами сочиняли вдруг.

...весьма неплохо образован,
читал клавиры, рисовал...
вот разве только образов он
свечью в церквях не баловал.
Ища основ в искусстве чистом,
он был, пожалуй, гедонистом.
А обитал эпикурей
меж пашен, хрюшек и курей

в пенатах пращуровых, кротко
рождения дням ведя учет
и ждя, покуда истечет
их вдоволь... Тяжкая работка –
держат такого молодца
на скучных пажитях отца!

...Стремясь к роскошному постою,
наш денди так-таки не смог
купить приличный уголок.
Он жил – увы – не в бельэтаже,
как всем известный персонаж
(хоть тоже врал про бельэтаж
в посланьях матушке), и даже
не в мезонине (потому
что мне-то вам болтать к чему?).

Провинциал и Уленшпигель,
не удостоившись дворца,
снял бывалый ветхий флигель
у третьегильдного купца <...>

В романе немало забавных спонтанных пушкинских реминисценций, прежде всего, конечно же, из «Евгения Онегина». Как правило, это не просто лексические, фразеологические и иные переключки, а творческие «диалоги» с предшественником. Например: «...легко товарищей плодил / да на Арбат гулять ходил...»; «МОЕ! – он молвил то и дело, / и тотчас делалось ЕГО»; «Друзья женились понемногу – / на ком-нибудь и как-нибудь»; «Когда бы жизнь семейным кругом / он соизволил исчерпать...»; «Не пить же с нянею одно / и то же красное вино?»; «Короче, русская хандра – / весь день и с ночи до утра»; «Порой мы все глядим в Дантесы, / охочась до чужой жены»; «Моя царевна Несмеяна / совсем другому будет век / верна в малиновом берете»; «Голодный, злой, но без волчицы, / выходит волк. Он молодой»; «его влекло не в те края, / где некогда бывал и я...»; «“...она любила на балконе”. – / нет, это вновь про естество»; «сошлись они – вино и водка, / килька в томате и шашлык <...> / они сошлись!».

Изячно эксплуатируется и тема лондонского дендизма пушкинского Онегина: «А славно было б исцелиться / душой от тягот и хвороб / не средь березового ситца, / а меж блистательных Европ! / Ну каково б, судите сами, / своими увидеть глазами / известный всем водопровод / на холмах Рима... Или вот, / (допустим!) выгулять питбуля / или бобтейла – или так, / без них, пройтись, чеканя шаг, / по мглистым стритам Ливерпуля, / Бристоля, Глазго, Лидса... Где б / из паба выйдя, встретить кэб... // Там пешеходные дорожки / на Эбби-Роуд... там музей / Тьюссо, танцовщиц русских ножки / (ходи, пожалуйста, глазей!) / на ковент-гарденских подмостках... / там килты в клетку на подростках / (и не на вырост, как у нас!)... / и только ты, как папуас, / как денди нашего разлива, / пустыми думами согбен / взираешь – тупо на Биг-Бен / и откровенно боязливо / на бобби в каске (или он / у них зовется “фараон”?)...».

Одновременно мы находим в «Онегине»-2 и примеры некоторого параллелизма с «Сашкой» Полежаева» (гл. 1, строфы 5, 7–24)¹: «**Пропустим** (– не одну страницу / займет), как он пятнадцать лет / вживался в древнюю столицу, / где безнадежно тешил свет / своих чудачеств чередою... // Гордец – он не желал подачек / из ручек камергерских жен, / но не стеснялся швей и прачек. / Он был по-своему пижон / и жил противу общих правил. / С подобострашьем не буравил / очами дочерей персон, / способных жизнь его на сон / похожей сделать в два присеста; / **не шаркал ножкой при князьях**, / чурался состоять в друзьях / столоначальников, и вместо – / **легко товарищей плодил...**».

В одном случае есть предсказуемая перекличка с Пушкиным и «непредсказуемая» – с Лермонтовым: «У нас встречают по одежде, – / веками так заведено. / Порой служилому невежде / перед тобой и дверь грешно / открыть, – за цвет твоей манишки, / за неутюжены штанишки, / за даже галстуха фасон... / Какой-то в этом есть резон, / да не всегда: иной наглажен, / напудрен и благоухан, / **а видно:**

¹ По словам С. Сеничева, он не был знаком ни с текстом полежаевской поэмы, ни с лермонтовским «Сашкой».

родом из Тархан!.. / Но наш Онегин, прямо скажем, / **как денди лондонский почти** / умел свой облик соблюсти».

Сеничев воспевает Москву, подобно Пушкину, Полежаеву и Лермонтову, но для него она чужая: «Москва... Коленопреклоненно / он рвался к ней, и вот – она: / пестра, быстра, многоплеменна / и... бесконечно холодна / к неисчислимым маргиналам. – / Танцуйте по полночным балам, / вступите в этот клуб иль тот, / но вас никто не ждал, не ждет / и ждать не думает на ужин, / за стол, в друзья или в родню: / вы здесь чужие на корню! / Ваш ум здесь никому не нужен. / Коль по умам встречать чужих, / Москвы не хватит на своих!».

Есть общие с предшественниками параллели, включенные в макроконтекст «Пушкин – Полежаев – Лермонтов»: **«Блажен, кто** смолоду был грешен, / кто шел стезею плутовской / и всякий раз бывал утешен / прелестной маленькой рукой... // **Блажен, кто** знает игры эти, / кто этим играм отдал дань / с чредою лен, алин и тань!.. // **Блажен, кто** смолоду был пылок / и куролесил день за днем».

Оригинально используется Сеничевым и «технология» пушкинских авторских отступлений. Например: «На счет же пальцев... Авантюра – / торчать с длины ногтей своих! / Я не сторонник маникюра. / Но уважаю, холю их. / Короткий ноготь – знак педанта / и неприсутствия таланта / к чему угодно, – верный знак / упертых клерков и служак. / Совсем не то рука эстета – / улика бешеных страстей! / Недаром же “с молодых ногтей” / звучит как “с университета”, / “с лица” – но не “с ЦПШ”. / Лежит к ногтям моя душа... // ...Я видел шестерых царей. / Один был долог и тщеславен... / Другой – неистово державен, / но краткосрочен для царя. / Хотя, ему благодаря, / страна очнулась и устало / зашевелилась, удивясь, / что с жизнью связь не прервалась, / и из хрустальна гроба встала – / бледна, но боле не мертва. / А самодержец номер два // уж сам дышал на ладан. В сказке / смерть тоже водится... Точь-в-точь / опричник по своей закваске, / он не успел, а мог бы смочь / войти в историю как Юрий / Сверхдолгорукий... Но за бурей / несостоявшейся всегда / приходит штиль. И вот вода / ровнее зеркала. И бриза / ветрило понапрасну ждет, – / кораблик по волнам нейдет. – / Опять в истории реприза: / теперь старейший аксакал / власть над страную приискал. //

...Четвертый царь был царь-герой <...> // он все хотел, он все старался... / Но – тороплив, речист и яр, / наш переделочник нарвался / на противление бояр. – / Семибоярщина боялась, / каб от державы не осталось / одно-то царское Село / (да, в общем, все к тому и шло!) / Они царя, жену и дочку, / и деток дочкиных – тайком / упаковали плотняком / в позолоченую царь-бочку / и огласили на весь мир, / что станут сами править пир. / И, сам себя благодаря, / назвал нам нового царя... // Мол, сын не сын, а плоть от плоти / прошу любить не за глаза; / кто против? – Да никто не против! / Наоборот – все только за. / Нам вот такого и хотелось. / Ну, все ж при нем – и ум, и смелость. / И в меру молод, и пригож. / Пусть из жандармских, – ну и что ж? / Зато как прежний не кемарит. / Пусть – щеголь, но не враг труда! / ...Да все куда-то не туда. / Порой заявит – как ошпарит / по пречувствительным местам. / Года ж идет, а воз? – воз там...».

Встречается у Сеничева и прием филологических «примечаний», свойственных пушкинскому роману: «Любовный четырехугольник / был прихотливо вписан мной / не в возглашенный веком дольник, / не в амфибрахий заводной, / но в старый добрый ямб, – он сладок».

Пушкинское начало в романе Сеничева, безусловно, ведущее, но оно далеко не единственное. Многое в «Онегине»-2 синтезировано по принципу центонности, разработанной новейшей школой русского концептуализма (А. Еременко, Т. Кибилов и др.). Например: «Когда весна придет, не знают / ни бог, ни царь и ни герой. / Кого угодно доканают / промозглый кут и дух сырой, / и клен в окне заледенелый...».

Вместе с тем «Онегин» Сеничева – это самостоятельный и самобытный «роман с кокаином» современности. Ср., например, следующие фрагменты: «...и ночь тиха, и звезды блещут, / и нравственный закон внутри. / ...Кант обожал две эти вещи / (Закон и Звезды, с Ночью – три). / Но нам-то с вами, дуракам-то, / которые трудягу Канта / не открывали испокон, – / чего нам нравственный закон? / Теперь мы сплошь – рационалы / и культивируем плоды / трансцендентальной лабуды, / и даже наши мадригалы / заумной лексикой полны, / что пифагоровы штаны...»; «Богат и славен

Березовский – / наш новый Курбский брест-литовский...»; «...В NN – губернском городке, / что на NNке на реке, / я посетил одну пирушку... / Как мир история стара: / NN – типичная дыра, // отшиб – периферия, что ли, – / живет столицам не в ущерб. / По божьей и царевой воле / в NN свой флаг и свой же герб. / Свои (для «самости») законы, / названья улиц и иконы, / а в остальном и вообще – / все как в ПП, ЧЧ, ЩЩ... / Там свой кашей, там золото – к злату, / там лупят женщину кнутом, / и называют “Белый дом” / имперской важности палату»; «Тут все: лукавый губернатор – / носитель славных орденов, / и откормившийся сенатор, / и стародавний острослов / и панибрат, и обещальник / благ неземных – градоначальник, / и предводитель всех дворян, / и усмиритель всех мирян, / и полицейский, и судейский, / (тот – с замком, этот – ясно, без!), / и даже прокурор-балбес, / и весь ранжир их фарисейский, / кто умно сел и рыбку съел, / и в протокол попасть сумел».

Таким образом, пушкинский «Евгений Онегин» будоражит сознание просвещенных читателей до сих пор, формы внимания к нему различны. Отклики «провинциальных» авторов на «Онегина», в частности биографически связанных с пензенским регионом, имеют уже 180-летнюю историю и образуют интересную историко-литературную циклизацию: Пушкин – Полежаев – Трилунный – Лермонтов – Сеничев...

***РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В АСПЕКТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ, ЛИТЕРАТУРНОЙ,
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ***

Роман «Евгений Онегин», вероятно, центральный текст в пушкинской «мифологии» и отечественной литературе в целом. По словам В.Г. Белинского, «Оценить такое произведение – значит оценить самого поэта в полном объеме его творческой деятельности. Не говоря уже об эстетическом достоинстве “Онегина”, – эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение»¹. Об истории создания произведения, его поэтике,

---

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 362.

влиянии на русскую словесность, переводах на иностранные языки написано огромное количество работ, давно нуждающихся хотя бы в библиографическом обобщении. Роман стал классической «лабораторией» для разнообразных литературоведческих и лингвистических интерпретаций художественного текста, его герменевтики. Это и самое цитируемое сочинение поэта, разошедшееся на афоризмы, во многом и благодаря оперной версии «Евгения Онегина». Это и своеобразный «бренд» русской культуры. Не случайно, в год 200-летия со дня рождения классика в новостных передачах центрального телевидения ежедневно в исполнении кого-то из известных в России людей звучала очередная строфа пушкинского шедевра...

Магия пушкинского произведения, отдаленного от нас не просто десятилетиями, а почти двумя столетиями, его тайнопись, едва ли не на генетическом уровне воздействующая на наше национальное сознание, продолжает волновать какими-то эстетическими сторонами и современных читателей¹; интриговать загадками своей поэтики филологов, вновь и вновь возвращающихся к комментированию того или иного контекста, слова, образа; инициировать различного рода литературные перепевы и мистификации²; побуждать зарубежных переводчиков создавать новые версии переложения «Онегина» на иностранные языки. Попытаемся хотя эскизно обобщить то, что касается актуальности и рецепции пушкинского текста в наши дни.

¹ В том числе юных, например: «Мне мама Пушкина читала, / А я сидела и скучала... / Опять старуха, невод с рыбой, / Балда с лукавою улыбкой, / Царевна-лебедь, Петушок... / Я знаю все их назубок. / Они забавны и мудры, / Мы все в них в детстве влюблены. / Но выросла уже я мама. / Я много раз твержу упрямо, / Мне интересен мир другой, / Не детских сказок, а большой. / Мир взрослых чувств, переживаний, / Ну, как у Лариной, у Тани. // Ты помнишь? Прошлою зимою / Ходили мы в театр с тобою. / На сцене музыка звучала, / А я ждала, а я мечтала... / Сидела тихо у окна Татьяна Ларина – / Ждала, когда придет Евгений. / Письмо писала. Пушкин – гений. / <...>» (*Васильева Саша*. Евгений Онегин // Странник. [Саранск]. 1999. № 2. С. 170).

² См. об этом, например: *Лотман Ю.М., Лотман М.Ю.* Вокруг десятой главы «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 124–151.

На рубеже последних двух столетий, отчасти в связи с юбилейной датой, появилось немало монографических исследований о романе, среди которых можно выделить как традиционные, так и новые жанровые подходы в его изучении.

К первым мы бы отнесли переиздание на русском языке знаменитого комментария В.В. Набокова, напечатанного еще в 1964 году¹, но заметно стимулировавшего отечественное пушкиноведение ценными идеями именно сейчас, после появления сразу двух русскоязычных версий этого фундаментального труда². Достоинства набоковского комментария прежде всего в учете многообразных подтекстов пушкинского романа, связанных с плотным реминисцентным фоном из западноевропейской литературы, в осмыслении многочисленных семантических, фразеологических, синтаксических галлицизмов в романе, в расшифровке некоторых психологически знаковых форм поведения человека в условиях светского этикета, – что по разным причинам не в полной мере эксплицировалось в других комментариях при всех их несомненных достоинствах³. Набоковский перевод «Онегина» на английский язык, сопровождавшийся анализом русского оригинала и возможностей английского языка в русле контрастивной лингвистики, стимулировал внимание к переводческой теории и практике переложения романа на иностранные языки, отчасти к «философии перевода».

Совершенно новым по филологической методологии проектом в плане изучения романа стала монументальная, прекрасно иллюстрированная «Онегинская энциклопедия», отразившая в микромонографической форме словарь «имен собственных», «реалий»

---

¹ *Pushkin A. Eugene Onegin: A novel in verse. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov.* N. Y.: Pantheon books, 1964. Vol. 1–4.

² *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» СПб., 1998; *Он же.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999.

³ См., например: *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина; *Тархов А.Е.* Судьба Евгения Онегина: Комментарий // Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1978. С. 5–28, 201–301; *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий.

и «мотивов», встречающихся в произведении¹. Во-первых, создание такого рода информативной базы о конкретном произведении само по себе признание не только классичности, но и уникальности того или иного литературного памятника²; во-вторых, данное издание существенно отличается от указанного аналога по своим научным принципам – репрезентации важнейших концептов пушкинского романа, без фиксации, например, имен известных ученых, обращавшихся к изучению произведения, его переводчиков и т. д. В качестве примера абсолютной удачи авторов энциклопедии, преодолевших в отдельных случаях предначертанные границы ее замысла, можно привести статью о Байроне³, где систематизируются многочисленные смысловые и фразеологические параллели между пушкинским текстом и произведениями английского автора, в результате чего делается следующий вывод: «В каком-то смысле весь “Евгений Онегин” стоит под знаком Байрона»⁴. Данное наблюдение, впрочем, несколько не противоречит высказыванию В.Г. Белинского относительно самобытности нашего классика: «Форма романов вроде “Онегина” создана Байроном <...>. Конечно, усвоить чужую новую форму для собственного содержания совсем не то, что самому изобрести ее, – тем не менее, при сравнении “Онегина” Пушкина с “Дон Хуаном”, “Чайльд Гарольдом” и “Беппо” Байрона, нельзя найти ничего общего, кроме формы и манеры. <...> Байрон писал о Европе для Европы <...>. Пушкин писал о России для России <...>»⁵. Заметим, что с каждым годом удается выявить и все больше новых фактов творческого заимствования разного рода Пушкиным у его отечественных предшественников, в частности из русской романтической поэзии, которая, как наследие В.А. Жуковского, казалось бы, исчерпывающе изучена в плане интертекстуальных связей романа.

¹ См.: Михайлова Н.И. К читателю // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 5.

² Ср., например: Энциклопедия «Слово о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995.

³ Баевский В.С. Байрон Джордж Гордон Ноэл // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 75–80.

⁴ Баевский В.С. Байрон Джордж Гордон Ноэл. С. 77.

⁵ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 6. С. 370–371.

«Онегинской энциклопедии» предшествовали разноаспектные монографические труды о романе, дополняющие представление о его содержании и художественной форме¹. Назовем, в частности, книгу Н.И. Михайловой («Собрание пестрых глав...»), где был помещен указатель «личных и мифологических имен» в романе, позже ставших объектом специального анализа².

Существенную помощь филологам окажет и выпущенный конкорданс к роману³, содержащий кроме обычной информации (строк-цитат с теми или иными словоформами) другие интересные сведения о лингвопоэтике произведения, в частности «пунктуационный конкорданс» (строки, содержащие восклицательный, вопросительный знаки и многоточие), «обратный список словоформ»⁴, «поглавную карту романа», «алфавитный указатель строф». Этот инструментарий в изучении романа преимущественно связан с появившимся ранее за рубежом тождественным пособием по изучению пушкинской поэтики⁵, – но отличается от него направленностью на изучение именно «онегинского текста» русской литературы.

Среди лингвистических исследований о романе необходимо выделить и научно-популярный комментарий Н.М. Шанского, первоначально публиковавшийся на страницах журнала «Русский

¹ См., например: *Соловей Н.Я.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1981; *Чумаков Ю.Н.* «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск, 1983; *Баевский В.С.* Сквозь магический кристалл (поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина). М., 1990; *Турбин В.Н.* Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1996; *Кошелев В.А.* ««Онегина» воздушная громада...». СПб., 1999; *Гуревич А.М.* Сюжет «Евгения Онегина». М., 2001.

² См. также: *Крюкова О.С.* Ономастикон романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1999.

³ Опыт конкорданса к роману в стихах «Евгений Онегин» с приложением текста романа / Сост. Д.А. Гайдуков. М., 2003.

⁴ См. также: Обратный конкорданс к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Сост. М.Лазик. Дебрецен, 1980.

⁵ См.: *Shaw J.-Th.* Pushkin: A Concordance to the Poetry, v. 1–2. Columbus (Ohio): Slavica publ., 1985 (рус. пер: *Шоу Д.-Т.* Конкорданс к стихам А.С. Пушкина: В 2 т. М., 2000).

язык в школе»¹. Адресованный широкой аудитории, он тем не менее может быть полезен и специалистам, хотя не со всеми выводами известного языковеда, на наш взгляд, можно согласиться. Так, автор комментария системно интерпретирует употребление Пушкиным неполногласных стилистических славянизмов (*младой, глас, златой* и т. п.) как «поэтическую вольность»²; между тем в филологической традиции давно сложилось убеждение, что это закономерное проявление пушкинского синтеза разнородных языковых средств, к тому же весьма традиционное³. Следует упомянуть и о недавнем переиздании «Словаря языка Пушкина»⁴, который до сих пор, несмотря на некоторые упущения в плане адекватности отражения лексикона и словоупотребления писателя⁵, является настольной книгой исследователей, обращающихся к тексту произведения. Наметилась целая «пушкинская линия» в писательской лексикографии, включающая в настоящий момент не менее 15 разнотипных изданий⁶, в том числе и такие маргинальные проявления в отечественной филологии, как «Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина»⁷.

Пушкинский роман, впитавший и отразивший не только лексическое многообразие и фразеологию русского языка, но и

¹ См.: *Шанский Н.М.* По следам «Евгения Онегина»: Краткий лингвистический комментарий; *Он же.* По страницам «Евгения Онегина»: Комментарий. Факультатив. Олимпиада.

² См., например: *Шанский Н.М.* По страницам «Евгения Онегина»... С. 26, 27, 48, 61 и др.

³ См., например: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 232–239.

⁴ См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд. М., 2000.

⁵ См. об этом, например: *Васильев Н.Л.* Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3. С. 48–51.

⁶ См.: *Шестакова Л.Л.* Из истории авторской лексикографии: словари языка Пушкина // Вестн. международного славянского ун-та. Сер. «Филология». 1999. Т. 2. № 4. Харьков, 1999. С. 20–22; *Она же.* Русская писательская лексикография / Учеб. пособ. М., 2007. С. 37–39, 68–73.

⁷ *Кретов А.А., Матыцина Л.Н.* Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина. Воронеж, 1999.

иноязычные нетранслитерированные элементы, сам стал источником новой, литературной по происхождению, фразеологии – крылатых слов, афоризмов, цитат, что также стало предметом монографического внимания¹. Когда-то сам Пушкин пророчески писал о комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «О стихах я не говорю: половина – должны войти в поговорку» (Пушкин – А.А. Бестужеву, конец января 1825 г.). Теперь можно констатировать, что и его «самое задушевное произведение» (В.Г. Белинский) явилось матрицей цитатного материала, получившего почти народно-фразеологическую прописку.

В связи с этим актуально изучение не только пушкинского языка, но и лексической палитры его современников-поэтов, словников других классических произведений², которые в той или иной мере подготавливали соответствующий реминисцентный фон «Онегина» – как, например, басня И.А. Крылова «Осел и мужик» («...Осел был самых честных правил...», 1819 г.) или сюжет «Горя от ума» А.С. Грибоедова, отразившийся в «Онегине» в виде крылатой фразы «Как Чацкий с корабля на бал»³. Отсюда – актуальность создания словарей языка писателей пушкинского времени⁴, особенно входивших в его ближайшее дружеское и литературное окружение, формировавшее языковые и эстетические вкусы поэта, служившее ему диалогической базой для выработки новых принципов литературно-художественной речи⁵.

---

¹ См.: Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина / Сост. И. Шкляревский. М., 1999; Мокшенин В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений А.С. Пушкина. СПб, 1999.

² См., в частности: Кимягарова Р.С. Словарь языка басен Крылова. М., 2006; Словарь языка комедии «Горе от ума» / Сост. Л.М. Баш, Н.С. Зацепина, Л.А. Илюшина, Р.С. Кимягарова. М., 2007.

³ См.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: 4-е изд. М., 1987. С.307.

⁴ См., например: Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева; Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск, 2009.

⁵ См., например: Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига; Они же. О проекте «Словаря поэтического языка

В последние годы происходит и переосмысление поэтики «Евгения Онегина», дополнение уже имеющихся в филологическом арсенале наблюдений новыми, иногда пересматриваемыми предшествующие достижения в этом плане. Прежде всего это касается такого принципиального вопроса, как художественный метод писателя. Ранее «Онегин» почти безоговорочно рассматривался в качестве «первого русского реалистического романа». В конце минувшего столетия наметилась тенденция видеть в нем сильные аккорды романтической поэтики¹. Заметно активизировалась и лингвистическая составляющая в изучении текста произведения².

Появилось систематизирующее исследование такой формы многочисленных перепевов пушкинского романа в истории русской литературы, как его «продолжения» («Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание» Трилунного, «Евгений Онегин нашего времени» Д.Д. Минаева, «Нынешний Евгений Онегин» К.И. Чуковского и др.)³, хотя этот интересный материал в перспективе нуждается в дополнении текстами, которые не прямо, а косвенно продолжают «онегинскую» традицию («Сашка» А.И. Полежаева, «Сашка» М.Ю. Лермонтова и др.). Таким образом, пушкинский «роман в стихах», несмотря на исключительность в

П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845.

¹ См., в частности: *Васильев Н.Л.* Романтические традиции в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 19–20; *Смирнов А.А.* Романтические тенденции в «Романе в стихах» А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 62–67.

² См., например: *Шатир М.И.* О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 101–112; *Викторович В.А.* «Ужели слово найдено?»: Лексикография Онегина // Болдинские чтения. Саранск, 2002. С. 76–85; *Воронина Е.Б.* Семантические и структурные особенности пушкинской метафоры (на материале романа «Евгений Онегин») // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 6. Арзамас, 2004. С. 127–142; *Добродомов И.Г.* Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина» («Корсар в отставке, Морали») // *Philologica*. 2003/2005. Т. 8. № 19/20. С. 187–198.

³ См.: Судьба Онегина М., 2001.

жанровом отношении, стал одним из наиболее продуктивных геномов в последующем развитии русской литературы, включая и XXI век.

Подтверждением сказанного является, например, почти изоструктурный в композиционном и версификационном отношении пушкинскому произведению, перекликающийся с ним разнообразными реминисценциями, сюжетными и иными параллелями – и одновременно оригинальный, социально злободневный роман в стихах «Онегин» саранского автора С.Ю. Сеничева¹.

Отметим попытку осмысления пушкинского текста в качестве формы сублимации филологических взглядов писателя на актуальные в его время вопросы литературного творчества, языковой политики и т. д.

По-прежнему актуален вопрос о восприятии «Евгения Онегина» – как произведения, имманентно отражающего русскую национальную ментальность, и как любимого детища писателя – за рубежом. Роман стал доступен иноязычному читателю в многочисленных прозаических и поэтических переводах еще в XIX в. К настоящему времени он издан не менее чем на 33 языках, включая не только индоевропейские, но и финский, китайский, японский и др.; причем на некоторые из них, как французский, немецкий, английский, более 10 раз, что свидетельствует об уникальной интеркультурной значимости пушкинского текста². О повышенном внимании к этой теме сигнализируют и регулярные публикации, касающиеся принципов и художественного качества переводов «Евгения Онегина» на тот или иной язык тем или иным

---

¹ См.: *Сеничев С.* Онегин: Попытка ревизии Энциклопедии и прощания с постмодернизмом // Заповедник имени меня: Почти избранное. Саранск, 2005. С. 132–339. В последней печатной редакции роман дополнен новыми строфами, включает девятую главу, посвящение, эпиграфы и прозаические примечания.

² См.: *Алексеев М.П.* Разноязычный «Евгений Онегин» // Он же. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 351–361; *Чельшев Е.П.* Постижение русского национального таланта... С. 6–7.

переводчиком¹. Появляются все новые версии переводов, стремящиеся к идеальной художественной адекватности в передаче пушкинского произведения².

Настало время и для обсуждения того, что переводимо, а что, может быть, не вполне переводимо в этом литературном памятнике на чужой язык, – в силу каких-либо объективных обстоятельств (лингвистических, исторических, культурологических и др.)³. Так, на наш взгляд, одной из причин последнего является то, что «Евгений Онегин» – это и роман о новом русском литературном языке, причем в его живом становлении. В этом заключается особое очарование пушкинского слова, колорит, теряющийся при переводе. Попытки переводов романа, например, на английский или французский языки,

¹ См., например: *Измайлов Н.В.* И.С. Тургенев – переводчик Пушкина на французский язык // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VII: Пушкин и мировая литература. Л., 1974. С. 185–203; *Левин Ю.Д.* Новый английский перевод «Евгения Онегина» // Русская литература. 1981. № 1. С. 219–228; *Виттакер Р.* Из истории «Евгения Онегина» на английском: переводчик Владимир Набоков и его рецензент Эдмунд Уилсон // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995. С. 401–408; *Кашиковская М.В.* Французская лексика в романе А.С. Пушкин «Евгений Онегин» и вопросы ее перевода на английский язык // Пушкин: Сб. ст. М., 1999. С. 122–132; *Фанк С.В.* Набоков. Перевод «Евгения Онегина» // А.С. Пушкин и В.В. Набоков: Сб. докл. междунар. конф. 15–18 апр. 1999. С. 314–320; *Теплова Н.* Владимир Набоков о переводе «Евгения Онегина» в письмах к Edmund Wilson // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 144–152.

² См. об этом, например: *Лунгарм А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина // Пушкин А.С. Избранная поэзия в переводах на английский язык. М., 1999. С. 16; *Теплова Н.* Новый французский перевод «Евгения Онегина». С. 270–278.

³ См.: *Васильев Н.Л.* Переводимое и неперебиваемое (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы междунар. науч.-практ. конф. [Салоники; Ситония Порто Карас, 14–18 мая 2008]. М., 2008. С. 90–97; *Он же.* Лингвопоэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и адекватность ее передачи в современной переводческой практике (на материале английского, французского и немецкого языков) // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ульяновск, март 2009 г.). Ульяновск, 2009. С. 318–321.

неизбежно сталкиваются с проблемой технически сложного решения дополнительных задач, в частности художественной передачи лексических и фразеологических варваризмов, тонких – на грани пародии – экспериментов поэта с синтезом просторечия и славянизмов, русизмов и галлицизмов, с привлечением элементов классицистской, сентименталистской, раннеромантической поэтики, с «прозаизацией» повествования и т. д. В отдельных случаях возникает и такая переводческая трудность, как учет пушкинского стилистического протезизма – каламбурных синтаксических дуалей, возникающих под его пером на основе потенциальной инверсии или анжамбеманов, – не всегда отмечаемых даже комментаторами произведения: *ученый малый* (прилаг. + суц.) / *ученый малый* (суц. + прилаг.) (I, 5); *сатиры смелой властелин* / *сатиры смелый властелин* (I, 18); *туманная Германия* / *туманная ученость* (II, 6) и др.¹

Завершить этот небольшой обзор активной и разноплановой рецепции «онегинского текста» в условиях современности нам хотелось бы полемикой с М.М. Бахтиным, в свое время утверждавшим следующее: «Жизнь великих произведений в будущих, далеких от них эпохах <...> кажется парадоксом. В процессе своей посмертной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху создания. Мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того “великого Шекспира”, какого мы теперь знаем. Втиснуть в елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя»². В отношении «Евгения Онегина» (с его отчетливой этнокультурной спецификой³) это вряд

¹ См.: *Сергеева Н.М.* В век жестокий или жестокой // Пушкин: Проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калинин, 1989. С. 85; *Шанир М.И.* О текстологии «Евгения Онегина»... С. 101–106.

² *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 454.

³ О диалектике национального и интернационального применительно к художественной литературе см.: *Васильев Н.Л.* Историзм и относительность концепта «национальная литература» // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты: Материалы Междунар. науч. конф. «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М., 2003. С. 53–58.

ли справедливо: с годами мы безвозвратно теряем тот историко-культурный, бытовой, реминисцентный, читательский, психологический, языковой фон, на котором возрастало это произведение, – а значит, неизбежно что-то в осмыслении произведения. Но вместе с тем и приобретаем, – по крайней мере, чувство сопричастности к явлению нового русского литературного языка, сплетаемого поэтом на наших глазах из разных генетических источников, и чувство ностальгии по ушедшему времени, архаике прошлого, русской культуре конца XVIII – нач. XIX века, канувшей в Лету, но бессмертно отраженной в нашей классике.

Поэтому так актуально звучит и в XXI веке мысль В.Г. Белинского: «Пусть идет время и приводит с собою новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет “Онегина”: как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор...»¹.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РИФМАМИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

«Онегинская» стиховая структура не раз была в поле зрения исследователей, что касается и пушкинских рифм².

В наши задачи входит обратить внимание на некоторые новые аспекты указанного вопроса, в первую очередь имеющие практический характер, связанные с чтением произведения «про себя» и вслух. Это объясняется тем, что современные нормы графики, орфографии, орфоэпии отличаются от соответствующих «директив» пушкинской эпохи³. Учитывать данное обстоятельство необходимо как в школьной, вузовской практике преподавания русской литературы, так и в сценическом, радиоэфирном, экранном озвучивании классики. В противном случае мы рискуем снизить эффект эстетического

¹ Белинский В.Г. Собр. соч. Т.6. С. 426.

² См., например: Шапир М.И. Рифма // Онегинская энциклопедия. Т. 2. С. 418–424.

³ См., в частности: Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990. С. 203–206, 251–253, 266–278 и др.

воздействия романа на читателя, слушателя, неоправданно модернизировать его фонетическую структуру, лишиться блеска точной рифмы. Заметим, что даже опытный филолог порой не улавливает отдельных версификационных нюансов произведения.

Во-первых, сказанное касается многочисленных случаев обновления аутентичной орфографии произведения¹ в современных научно-популярных² и нередко «академических» изданиях, что приводит к графической и звуковой асимметрии рифмующихся звуковых комплексов. Немало таких «разночтений» связано с изменением в 1918 году правил написания и, вследствие этого, произношения прилагательных. Ср., например:

Изд. 1837 г.

Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему, шутя,
Не докучалъ моралью строгой;

...Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣл Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной

Одинъ, какой-то шутъ печальной
Ее находить идеальной,

Но это кто въ толпѣ избранной
Стоить безмолвный и туманной?

Изд. 1973 г.

Monsieur l'Abbé, француз убогий,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой, (I, 3)

...Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
(I, 8)

Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной (VII, 49)

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
(VIII, 7)³

¹ См., например: *Пушкин А.* Евгений Онегин, роман в стихах. 3-е изд. СПб., 1837.

² См., например: *Пушкин А.С.* Евгений Онегин: Роман в стихах / Предисл., прим. и поясн. ст. С. Бонди. М., 1973.

³ «Академические» издания следуют пушкинской орфографии (1837 г.) противоречиво. Так, в «большом» собрании сочинений писателя указанные рифмы отражены следующим образом: *убогой/строгой, нежной/мятежный, туманной/странный, печальный/идеальной, избранной/туманный*; в «малом» – *убогий/строгой, нежной/мятежный,*

Всего таких рифм в романе, по нашим наблюдениям, 70. Ср. также: *величавый/славой, скучной/равнодушный, верной/примерный, обильной/щепетильный, голодный/модной, целой/охладель, утомленный/блаженной, бутылкой/пылкий, мирной/лирный, благосклонной/сонный* (гл. I), *пустынный/старинной, Ленский/Геттингенской, туманной/странный, послушный/простодушной, шумной/благоразумный, улыбкой/зыбки, печальной/патриархальный* (гл. II), *мятежный/нежной, мрачный/удачной* (гл. III), *хладнокровный/любовной, милой/унылый, старинный/невинной, картиной/единый, благородный/угодно, скромный/томной, глубокий/черноокой, пустынный/длинный, шумной/благоразумный* (гл. IV), *морозный/поздней, дорогой/убогий, мордой/гордый, дородной/превосходный, огромный/томной, пересоленный/засмоленной* (гл. V), *здоровый/в столовой, благородный/холодной, нетерпеливой/велеречивый, сероватой/зубчатый, смущенный/отменной, оледель/белой* (гл. VI), *своенравной/дубравный, унылый/милой, могилой/унылый, модной/холодный, властный/опасный, косматой/бородатый, холодной/голодный, упоенный/коленопреклоненной, печальный/идеальной, небесной/чудесный* (гл. VII), *стройный/спокойной, избранной/туманный, малый/обветшалой, тесный/прелестной, учтивый/ленивой, угрюмый/думой, бальный/журнальной, залётный/заботной, целый/несмелой, бесплодный/холодной, холодный/благородно* (гл. VIII); *пыльной/обильный, веселой/тяжелый, несвязный/грязной, влажной/важный, раскаленной/оживленный/полусонный, суровой/новый, счастливой/игривый* («Отрывки из путешествия Онегина»).

Заметим, что произносить указанные выше рифмующиеся опорные гласные звуки, независимо от вариаций собственно пушкинской орфографии, нужно не как [Ь] или [О], а как редуцированный [Ъ], т. е. звук, по своей артикуляции близкий

туманной/странный, печальный/идеальной, избранной/туманный.
 О текстологических казусах подобного рода см., в частности: Шапир М.И. Статьи о Пушкине. М., 2009. С. 249–319.

одновременно к [О], [А] и [Ы]¹. Причем это соответствует не просто «старомосковской норме произношения», а общерусской литературной орфоэпии XIX века.

См. также более сложный случай формального расхождения орфографии и орфоэпии еще в пушкинское время:

Изд. 1837 г.

Изд. 1973 г.

...По имени Владимиръ Ленскій,
Съ душою прямо Геттингенской,

...По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,

(II, 6)

Фамилию Ленского здесь следует озвучивать как *Ленск[ъ]й*, что и подчеркнуто соответствующим написанием этого онима (*Ленской*) в «академических» изданиях, основывающихся, в частности, на черновиках Пушкина (см.: VI, 267, 272, 274).

То же касается и «йотированных» рифм, когда структурная неполноценность созвучий осложняется разницей между орфографическими, произносительными нормами первой трети XIX в. и современными, например:

Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре <...> (VI, 31).

...Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню; в тот страшный час
Вы поступили благородно <...> (VIII, 43).

¹ Ср.: *Бернштейн С.И.* О методологическом значении фонетического изучения рифм: К вопросу о пушкинской орфоэпии // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. М.; Пг., 1922. С. 335–338; *Тимофеева О.В.* Рифма А.С. Пушкина в фонетическом и орфоэпическом аспекте // Русский язык в школе. 1987. № 6. С. 64–65.

Во-вторых, современному читателю романа необходимо учитывать орфоэпические нормы пушкинского времени, основанные на стилистических рекомендациях М.В. Ломоносова в «Российской грамматике»: «Буква *e* выговаривается пятью разными образами: 1) обыкновенным полным, чистым и отверстым звоном <...> 4) <...> как тонкое *o*. <...> Например: *три, трехъ; везу, везешь; огонь, огнемъ* выговаривают **в просторечии** *тріохъ, везіошь, огніомъ*¹. Приведем ряд соответствующих контекстов пушкинского произведения, при чтении которых необходимо помнить, что поэтические жанры относились преимущественно к высокому и «посредственному» (среднему) стилям:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно <...> (I, 4).

Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный <...> (I, 16).

Но шумом бала утомленный
И утро в полдень обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя. (I, 36)

Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем,
Приходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить <...> (II, 34).

Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 425.

Свои творенья? <...> (IV, 34).

<...> За ближний пень
Становится Гильо смущенный,
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной <...> (VI, 29).

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье <...> (VII, 24).

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд.
(«Отрывки из путешествия Онегина»).

Ср. также: «В глуши, под сению смиренной, / Невинной прелести полна, / В глазах родителей, она / Цвела как ландыш потаенный <...>» (II, 21); «Своим пенатам возвращенный, / Владимир Ленский посетил / Соседа памятник смиренный, / И вздох он пеплу посвятил <...>» (II, 37); «На ветви сосны преклоненной, / Бывало, ранний ветерок / Над этой урною смиренной / Качал таинственный венок» (VII, 7); «...Или над Летою усыпленный / Поэт, бесчувствием блаженный, / Уж не смущается ничем, / И мир ему закрыт и нем?...» (VII, 11); «<...> И вот / Уселись, и возок почтенный, / Скользя, ползет за ворота. / “Простите, мирные места! / Прости, приют уединенный! / <...>”» (VII, 32); «И ты, глубоко вдохновенный, / Всего прекрасного певец, / Ты идол девственных сердец, / Не ты ль пристрастьем увлеченный <...>» (VIII, 2 – в черновом варианте); «...Верблюд лежит в тени утеса, / В лугах несется конь черкеса <...>» («Отрывки из путешествия Онегина»)¹.

---

¹ М.И. Шапир, комментируя подобные созвучия, считает, что «...“церковно-славянскую” огласовку несомненно имели только две рифмы» (*чем/тем, еще/плаще*), в остальных же случаях это проявление

Иногда, впрочем, затруднительно сказать, как правильное читать пушкинский текст с точки зрения исторической орфоэпии, поскольку идеальная рифма сохраняется в любом варианте, например: «Господский дом уединенный, / Горой от ветров огражденный, / Стоял над речкою. Вдали / Пред ним пестрели и цвели / Луга и нивы золотые <...>» (II, 1), – хотя мы бы рекомендовали озвучивать этот контекст в высоком ключе, исходя из общей стилистики строфы (славянизмы, поэтизмы, инверсии) и рифмы *почтенный/уединенный*, встречающей в гл. VII. Попутно отметим, что в некоторых современных изданиях романа текстологи и редакторы, вряд ли оправданно, акцентируют верное ударение с помощью буквы Ё, а не обычного надстрочного знака, например: «...И сени расширял густые / Огромный, **запущённый** сад, / Прият задумчивых дриад» (II, 1) – тем самым произвольно поддерживая сниженную норму произношения соответствующей лексемы в пушкинское время¹.

В-третьих, требует внимательности и прочтение лексем с буквенным сочетанием ЧН², допускающим двоякое произношение, например:

Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать? (I, 19)

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свесть. <...>

«книжной» и даже «разговорной фонетики». – Рифма // Онегинская энциклопедия. Т. 2. С. 423.

¹ Ср., однако, у С.А. Есенина: «Был я весь – как запущенный сад <...>» («Заметался пожар голубой...», 1923).

² См., в частности: *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954. С. 21.

Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны (II, 13).

«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне». –
«Что, Таня, что с тобой?» – «Мне скучно,
Поговорим о старине» (III, 17).

<...> Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него (VI, 42–43)¹.

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветуют даже скучно <...> (VII, 48).

Не менее важно учитывать и архаичное произношение имен собственных, как в следующем случае, – иначе вместо оригинальной и полноценной рифмы останется лишь ее графическая тень:

Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете

Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем <...> (II, 9).

Сказываются, хотя и незначительно, изменения в орфографии отдельных слов, например:

---

¹ О.В. Тимофеева, впрочем, полагает, что Пушкин мог ориентироваться здесь и на «неточную ассонантную рифму», ссылаясь на сценическое чтение романа актером И.М. Смоктуновским, но такой аргумент вряд ли убедителен. – Рифма А.С. Пушкина в фонетическом и орфоэпическом аспекте. С.65-66.

Изд. 1837 г.

Изд. 1973 г.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпитафы разбирать,

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни¹,
Чтоб эпитафы разбирать (I, 6).

Напомним, что буква *ятъ* (ѣ) обозначала в XIX веке тот же звук, что и буква Е, и в 1918 году была упразднена. Хотя еще М.В. Ломоносов констатировал стирающееся различие между звуками [ѣ] и [Е]: «...примечать должно, что буквы *e* и *ѣ* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует, по §20, в *e* дебелисти, в *ѣ* тонкости»².

Интересно, что ради соблюдения точной рифмовки специалисты-текстологи (в данном случае пушкинисты) нередко идут на компромиссы с принципами современной стилистики, грамматики и орфографии, например:

Бывало, он еще в **постеле**;
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут <...> (I, 15).

Воображаясь **героиней**
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов <...> (III, 10).

Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обнявшись, плакали **оне** (VII, 7).

К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный **ея**

¹ Так же и в изд. 1949 г.

² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 427.

Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. <...> (VII, 16).

Тут был однако цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые **лицы**,
Необходимые глупцы <...> (VIII, 24)¹.

Особенно интересна в этом плане заключительная строфа предпоследней главы романа, где Пушкин пародирует литературную традицию XVIII века, *курсивно* вырисовывая при этом и архаически точное следование «буквальной» графической рифме:

Изд. 1837 г.

Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
*Пою пріятеля **младова**...*
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая Муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
*Не дай блуждать мнѣ вкось и в **кривь**²* (VII, 55)

В «академических» изданиях романа его текстологический редактор – Б.В. Томашевский в первом случае пошел по пути исправления графической (зрительной) рифмы на фонетическую (орфоэпическую), т. е. *младого*; во втором частично оставил авторскую орфографию (*вкрив*). Между тем, учитывая, что данный фрагмент произведения нарочито стилизован, вряд ли стоит модернизировать пушкинские рифмы. Ср., также, у Д. Давыдова: «Говорят умней они... / Но что слышим от любовова? / “Жомини да

¹ В отдельных случаях, впрочем, сохранение архаичности объясняется метрическими причинами, например: «Он весел был. Через две недели / Назначен был счастливый срок. / И тайна **брачныя** постели / И сладостный любви венки / Его восторгов ожидали» (IV, 50).

² В пушкинском автографе – *въ кривь* (*Шатир М.И.* Рифма. С. 422, ср.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 6. С. 463 – черновые рукописи); в изд. 1973 г. – *вкривь*.

Жодини!” / А об водке – ни полслова» («Песня старого гусара», 1817)¹.

Подчеркивая стремление Пушкина в «Евгении Онегине» к безукоризненным – в графическом и фонетическом отношениях – рифмам, необходимо заметить, что помимо уже упоминавшихся «йотированных» (*волны/полный, Евгений/тени* и т. п.) ему присущи в некоторой степени «неточные» и «приблизительные» концевые созвучия, например: *друзья/меня, может/тревожит, поля/ручья* (гл. I), *плоды/мечты* (гл. II), *любви/дни, пишет/дышит, люблю/мою* (гл. III), *любви/мои, люблю/мою, тебя/меня, мечтаний/няне* (гл. IV), *рано/Татьяна, необозрима/невозвратно, няни/бане, проворно/покорна* (гл. V), *ужин/нужен* (гл. VI), *пожалуй/малый, могилы/унылой, волнение/позволения, кремля/моя* (гл. VII), *долинах/лебединых, приносят/просит, похожий/прихожей* (гл. VIII).

К неточным, однако, нельзя причислить следующую рифму: «...Там, там под сению кулис / Младые дни мои неслись» (I, 18) – поскольку твердое произношение возвратной частицы *-сь* в прошлом считалось литературной нормой². Особенно интересна поэтическая «вольность» Пушкина («Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ / Иль при разѣздѣ на крыльцѣ / Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ / Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!»). – Изд. 1831 г., III, 28), названная П.И. Шаликовым в рецензии на третью главу романа «гениальной небрежностью»³. В современных переизданиях романа (после 1937 г.) пушкинский текст «отредактирован»: *в желтой шали*. Н.М. Шанский не исключает, что это вовсе не грамматическая ошибка, а «описка» Пушкина» (ср. *в желтом шале*), поскольку существительное *шалѣ* «в

¹ Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1984. С. 86.

² См.: Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972. С. 162; Шанский Н.М. По страницам «Евгения Онегина»: Комментарий. Факультатив. Олимпиада. С. 27; ср.: Тимофеева О.В. Рифма А.С. Пушкина в фонетическом и орфоэпическом аспекте. С. 65. См. также у В. Высоцкого: «Парус! Порвали парус» / Каюсь! Каюсь! Каюсь!» («Парус: Песня беспокойства», 1967 – Высоцкий В.С. Соч.: В 2 т. Екатеринбург, 1997. Т. 1. С. 125).

³ См.: Бродский Н.Л. «Евгений Онегин»: Роман А.С. Пушкина. С. 195.

первой трети XIX в. могло выступать и как слово мужского рода»¹; во всяком случае, как французское заимствование оно в языке-источнике ассоциировалось именно с данным грамматическим родом. Но «Словарь языка Пушкина» не дает оснований для подобного предположения в отношении пушкинского билингвизма²; ср., например: «Гляжу, как безумный, на черную шаль, / И хладную душу терзает печаль» («Черная шаль», 1820). См. также в черновых вариантах романа: «На косу / Я шаль пунцовую накинул», «На кудри милой головы / Я шаль зеленую накинул» (гл. VII)³.

По поводу рифм *дам/эпиграмм* (I, 5), *пополам/эпиграмм* (I, 46), *Мадонне/небосклоне* (III, 5), *дама/эпиграмма* (IV, 3), *эпиграммой/упрямо* (VI, 33), *поклоны/колонны* (VII, 53), *эпиграмме/даме* (VIII, 16), *кристалл/различал* (VIII, 50), *Одесса/завеса* («Отрывки из путешествия Онегина») заметим, что их тоже можно отнести к неидеальным, учитывая возможную долготу одного из рифмующихся опорных согласных звуков, ощутимую в большей или меньшей степени⁴. Независимо от вариативного написания в XVIII – нач. XIX в. заимствованных слов, особенностей орфографии писателя (*колонна/колона*, *кристалл/кристал*, *эпиграмма/эпиграма*), что отражено, хотя и непоследовательно, в «Словаре языка Пушкина»⁵, указанные лексемы в разных изданиях романа печатаются, как правило, с удвоенными согласными буквами; лишь в «академическом» собрании сочинений классика 1937 года зафиксированы рифмы *пополам/эпиграм*, *Мадоне/небосклоне*, *поклоны/колонны*; рифма *кристалл/различал*, впрочем, отражена в обоих «академических» изданиях. В черновых и беловых рукописях романа поэт рифмовал также *дам/эпиграм*, но

¹ Шанский Н.М. По страницам «Евгения Онегина»... С. 67–68. Это подтверждается и данными «Общего церковнославяно-русского словаря» П. Соколова. (1834 г.).

² Словарь языка Пушкина. Т. 4. С. 963.

³ (VI, 436, 616).

⁴ О произношении «двойных согласных» см.: Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. С. 128–134.

⁵ Вопреки тексту «большого академического» издания, в словаре не дается указание на словоформу *эпиграм* (I, 46).

*эпиграмме/даме*¹. Примечательно, что, по крайней мере, в одном из советских переизданий романа, предшествующих «академическому», дается адекватная рифма: *дам/эпиграм*².

Фонетически небезупречны – при внешней графической корректности – пушкинские рифмы со словом *бог*, вследствие уникальной особенности произношения этой лексемы [бох]: *залог/бог* (VI, 5), *помог/бог* (X, 3). Механическое чтение соответствующих строк произведения приведет к комической трансформации сакрального концепта (*Бог*) в бытовое понятие *бок*, фигурально выражаясь *выйдет боком* для читателя и слушателя...

Кроме того в романе встречаются и неудачные рифмы: *ненавидя/видя* (I, 51), *верить/мерит* [!] (IV, 22), *взору/суровой* (IV, 43), *видеть/ненавидеть* (VII, 14) и др.

Иногда рифмующиеся слова повторяются в одной и той же строфе, например:

Не мадригалы Ленский **пишет**
В альбомы Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и **пишет** <...> (IV, 31).

В глуши что делать в эту **пору?**
Гулять? Деревня той **порой**
Невольно докучает взору
Однообразной наготой (IV, 18).

Сбежалась челядь у **ворот**
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за **ворота** (VII, 32).

¹ См.: (VI, 218, 624).

² *Пушкин А.* Сочинения / Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. 5-е изд. М.; Л., 1929. С. 113. Текстологическая программа этого собрания сочинений писателя обозначена: «Печатается по изданиям, вышедшим при жизни Пушкина, и по автографам».

...Везде встречаемые **лицы**,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые
В чепцах и в розах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся **лиц** <...> (VIII, 24).

В следующем контексте такое «столпотворение» однообразных рифм, впрочем, вполне оправданно прерывистой разговорной интонацией: «Ах, Таня! подойди ко мне – / Как будто брежу я во сне... / Кузина, помнишь **Грандисона**?» / Как, Грандисон?.. а, **Грандисон!** / Да, помню, помню. Где же он? – <...>» (VII, 41).

Забавно, что, рассуждая о банальности рифм в отечественной поэзии, Пушкин сам же допускает небрежность в выборе рифмующихся слов:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)

Опрятней модного паркета
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет **лед**;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на **лед** <...> (IV, 42).

См. также далее: «...Скакать верхом в степи суровой? / Но конь, притупленный подковой / Неверный зацепляя **лед**, / Того и жди, что упадет» (IV, 43).

Обратим внимание и на двойную парную рифму, основанную на одинаковом созвучии, что тоже не вполне эстетично:

...Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для **гостей**,
И молодежь минувших **дней**
За нею буйно волочилась,

А я гордился меж **друзей**
Подругой ветреной **моей** (VIII, 2).

Наконец, Пушкин не указывал прямо имена некоторых своих современников, оставляя за собой право на литературную интригу, предлагая читателю редкую возможность стать его «соавтором», подобрав, например, подходящую рифму:

Изд. 1837 г.

Къ *Talon* помчался: онъ увѣрнѣнъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его *** (I, 16).

Потенциальные читатели романа могли помнить строки опубликованного в 1828 году пушкинского послания «Забудь, любезный мой **Каверин**, / Минутной резвости нескромные стихи. / Люблю я первый, будь **уверен**, / Твои счастливые грехи. <...>» (1817) – с изящной рифмой¹. Тем не менее, в современных изданиях романа пушкинский текст воспроизводится без эстетически значимых пропусков (***) или хотя бы конъектур (К<аверин>).

Сделаем выводы. Многие нюансы произношения рифмующихся слов, к сожалению, не учитываются в многочисленных комментариях к роману или интерпретируются как поэтическая «вольность» автора² – там, где он, наоборот, выступает педантичным «архаистом». Мы надеемся, что представленные в данной статье наблюдения будут полезны и рядовым читателям пушкинского произведения, и специалистам-филологам. Тем более что они косвенно распространяются и на иные поэтические тексты XVIII–XIX вв.

¹ См. об этом: *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. С. 74–75.

² См., например: *Шанский Н.М.* По страницам «Евгения Онегина». С. 25, 33, 110.

**РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
ГЛАЗАМИ ЧИТАТЕЛЯ, ФИЛОЛОГА И РЕДАКТОРА**

«Если бог пошлет мне читателей...»

«История села Горюхина», 1830

«Евгений Онегин» – один из центральных текстов русской литературы, вокруг которого вращается наша филологическая «вселенная». Произведению посвящено огромное количество исследований: монографические комментарии, двухтомная энциклопедия, книги, диссертации, словари, учебные пособия, статьи и т. д. Существуют многочисленные литературные вариации романа, прослеживаемые с момента выхода в свет его первой главы и по сегодняшний день¹. В год 200-летия со дня рождения Пушкина зрители центрального телевидения получали ежедневную порцию – очередную строфу – прелестного «онегинского» текста в исполнении известных в стране людей, что беспрецедентно в культурологическом плане и сопоставимо разве что с масштабным проникновением в нашу жизнь канонических христианских книг... В чем загадка притягательности этого литературного сочинения, его волшебной магии для человека с чувством Слова, тем более с филологическим сознанием? Один из возможных ответов на этот непростой вопрос таков: в изяществе игры старого и нового в романном языке, в создании гармонии, музыкальных регистров русского художественного языка в его поэтической форме (по своей энергетике поэзия – высшее проявление словесного искусства, и в чем-то приближается к религиозной медитации, конечно, не конкурируя с последней в сакральном аспекте).

Для Пушкина «Евгений Онегин» не только роман, но и филологическая рефлексия. Произведение пронизано интенциями «чужого слова», о чем писал еще М.М. Бахтин², в известном смысле

---

¹ См., например: *Розанов И.Н.* Две повести в стихах о московском студенте: Отголоски «Сашки» Полежаева и «Евгения Онегина». С. 391–400; *Он же.* Ранние подражания «Евгению Онегину» // *Временник пушкинской комиссии.* Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 219–221; *Судьба Онегина.* М., 2001.

² См.: *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 136, 142.

это один из первых романов нового образца, построенный по принципу центонности, с многочисленными сюжетными, образными, фразеологическими параллелями, перекличками, реминисценциями, которые нескончаемым потоком обнаруживаются исследователями¹. В последнее время становится все более очевидным, что перед нами вовсе не «первый русский *реалистический* роман», а скорее романтическое полотно по своей идеологии и литературным архетипам, о чем мы уже говорили в этой книге.

Это и роман-пророчество, как и навеянный им «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Оба автора предсказывают свою гибель на дуэлях, причем в поразительно точном «хронотопе».

Онегин стреляется с Ленским в окрестностях основного места действия, у мельницы; дуэль происходит 14 января (после Татьянинного дня); оба действующих лица почти свойственники, помолвленные «общественным мнением» с сестрами Лариными («...Иные даже утверждали, / Что свадьба слажена совсем, / Но модных колец не достали. / О свадьбе Ленского давно / У них уж было решено». – III, 6). Позже Онегин жадно домогается взаимности со стороны замужней Татьяны, жены своего светского приятеля и дальнего родственника, – подобно тому, как Ж. Дантес пристаёт к Н.Н. Пушкиной, уже будучи связан с ней непрямыми родственными узами, являясь женихом (мужем) ее старшей сестры. Дуэль Пушкина и младшего Геккерна происходит тоже в январе, секундант со стороны поэта, К.К. Данзас, почти случайная фигура, как и *monsieur Guillot* у Онегина; вызов на дуэль оформляется через доверенное лицо младшего из противников. Могилы Ленского и самого Пушкина, нарушивших участием в поединке христианский запрет на самовольное лишение себя жизни², находятся в мирном природном ландшафте: «Есть место: влево от селенья, / Где жил питомец вдохновенья, / Две сосны корнями срослись; / <...> / Там у ручья в тени густой / Поставлен памятник простой» (VI, 40), «Меж гор, лежащих полукругом, / Пойдем туда, где ручеек / Виясь бежит

¹ См., например: *Баевский В.С.* Байрон // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 75–80.

² См.: *Наумов А.В.* Дуэль // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 383–384.

зеленым лугом / К реке сквозь липовый лесок. / <...> / Там виден камень гробовой / В тени двух сосен устарелых» (VII, 6). В лирических отступлениях Пушкина в «Евгении Онегине» не раз прослеживается связь между обстоятельствами жизни поэта в Михайловском и событиями, описываемыми в романе...

Лермонтов погибает от руки Н.С. Мартынова – соседа-помещика по Пензенской губернии, однокашника по юнкерскому училищу, служившего некоторое время в Кавалергардском полку вместе с Ж. Дантесом (!)¹, – почти в тех же географических, ландшафтных и сезонных координатах, что и его персонаж Грушницкий от пули Печорина.

Литературные сценарии выступают программами Провидения. Или наоборот: предопределенное Судьбой становится доступным на уровне божественной художнической интуиции... Что это – мистика, предначертание, *фатализм*? Два едва ли не самых значительных (поэтический и прозаический) текста русской литературы в ее собственно *словесном, стилистическом* выражении, две самых интригующих дуэли двух ярчайших писателей-современников, классиков из классиков.

Причем Лермонтов видел первую аналогию: «И он убит – и взят могилой, / Как тот певец, неведомый, но милый, / Добыча ревности глухой, / Воспетый им с такою чудной силой, / Сраженный, как и он, безжалостной рукой» («Смерть поэта»).

Идеален ли роман в плане содержания и формы? Попробуем взглянуть на него хладнокровно, сквозь «редакторские очки», памятуя о том, что «педантизм имеет свою хорошую сторону», как выразился однажды сам Пушкин. Он же и побуждал читателей с первых страниц произведения к критическому диалогу с автором: «...Противоречий очень много, / Но их исправить не хочу; / Цензуре долг свой заплачу, / И журналистам на съеденье / Плоды трудов моих отдам...» (I, 60).

Что известно о родителях главного героя? «Отец его тогда скончался. / Перед Онегиным собрался / Заимодавцев жадный полк»

---

¹ См.: Кравченко С.К. Мартынов Николай Соломонович // Лермонтовская энциклопедия. С. 271–272.

(I, 51). А мать, что мы знаем о ней?.. Нет у Онегина, кажется, и братьев, сестер, хотя дворянские семьи были, как правило, многодетными. Вместо этого автор описывает менее существенные детали жизни героя, его окружения (*Madame, Monsieur...*), хотя, конечно, они информативны в плане его воспитания и социальной среды. Убедительно ли раскрыта писателем причина, по которой Онегин надолго уехал из Петербурга в деревню, не ограничившись формальным вступлением в наследственные дела и помощью «управителя» покойного дяди? Была ли в этом исключительно экономическая или прежде всего духовная целесообразность для него? Автор пишет, что Онегин продолжал и там нести бремя скуки, хандры («Деревня, где скучал Евгений, / Была прелестный уголок <...>» – II, 1), что «жил анахоретом» (IV, 36–37); но потом утверждает обратное: «Прогулки, чтение, сон глубокий, / Лесная тень журчанье струй, / Порой белянки черноокой / Младой и свежий поцелуй, / Узде послушный конь ретивый, / Обед довольно прихотливый, / Бутылка светлого вина, / Уединенье, тишина: / Вот жизнь Онегина святая; / И нечувствительно он ей / Предался красных летних дней / В беспечной неге не считая, / Забыв и город, и друзей, / И скуку праздничных затей» (IV, 38–39)¹.

Ленский! Кто таков (*Обо-ленский, Смо-ленский*), кто его родители? Мы узнаем, что последние жили по соседству с Лариными и рано умерли, оставив, кажется, единственного наследника, так и не дождавшись его возвращения из чужбины: «Своим пенатам возвращенный, / Владимир Ленский посетил / Соседа памятник смиренный <...>» (II, 37), «И там же надписью печальной / Отца и матери в слезах, / Почтил он прах патриархальный...» (II, 38). Причем автор сообщает: «В свою деревню в ту же пору / Помещик новый прискакал» (II, 6). Но ведь Ленский еще не совершеннолетний («Без малого в осьмнадцать лет» – II, 10; «...пускай поэт / Дурачится; в осьмнадцать лет / Оно простительно» – VI, 10), т. е. не достиг 21 года, и, следовательно, не может формально владеть имением, находится на попечении

¹ См. также: *Никишов Ю.М.* Путешествие в мир «Евгения Онегина» / Учеб. пособ. М., 2005. С. 146–147.

опекунов... Повествователь же обрисовывает быт героя не как юноши-сироты, а почти типичного сельского помещика, предрекая и такую перспективу: «А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел. / <...> / Расстался б с музами, женился, / В деревне, счастлив и рогат, / Носил бы стеганый халат <...>» (VI, 38–39).

Автор сначала пишет, что его персонаж вовсе не собирался обременять себя семейными заботами: «Но Ленский, не имев, конечно, / Охоты узы брака несть, / С Онегиным желал сердечно <...>» (II, 13), «В любви считаясь инвалидом, / Онегин слушал с важным видом <...>» (II, 19); однако затем описывает его давние чувства к Ольге и соответствующие намерения: «Евгений без труда узнал / Его любви младую повесть <...>» (II, 19), «Чуть отрок, Ольгою плененный <...>», «...И детям прочили венцы / Дружья-соседы, их отцы» (II, 21), «Он весел был. Чрез две недели / Назначен был счастливый срок. / И тайна брачныя постели / И сладостный любви венок / Его восторгов ожидали» (IV, 50), «“Сердечный друг, желанный друг, / Приди, приди: я твой супруг!”» (VI, 22).

Родители, родственники главных действующих лиц, будто сговорившись, уходят из жизни в возрасте еще весьма не старом, что подталкивает поэта к элегическим заключениям: «Увы! на жизненных браздах / Мгновенной жатвой поколенья, / По тайной воле провиденья, / Восходят, зреют и падут; / Другие им вослед идут...» (II, 38).

Из старшего поколения жива одна Ларина, почтенный возраст которой не раз подчеркивается в романе: «И так они старели оба» (II, 36); «“А, кстати: Ларина проста, / Но очень милая старушка <...>”» (III, 4); «Слезами горько обливаясь, / Старушка, с дочерью [Ольгой] прощаясь, / Казалось, чуть жива была <...>» (VII, 12); «“Как быть? Татьяна не дитя, – / Старушка молвила кряхтя. – / Ведь Оленька ее моложе <...>”» (VII, 25); «Старушка очень полюбила / Совет разумный и благой; / Сочлась – и тут же положила / В Москву отправиться зимой» (VII, 27); «Старушки с плачем обнялись <...>» (VII, 39–40). Сколько ей, однако, лет? Вероятно, около 35, поскольку она вышла замуж в возрасте, соотносительном с «летами» Татьяны,

а может быть и ее младшей сестры Ольги¹. Это обычная матримониальная практика прошлого: «...Но не спросясь ее совета, / Девицу повезли к венцу» (II, 31). Возраст самой Татьяны прямо не оговаривается, но предположительно он не слишком далек от размышлений Онегина после получения любовного письма от героини: «Кому не скучно лицемерить, / <...> / Уничтожить предрассужденья, / Которых не было и нет / У девочки в тринадцать лет!» (IV, 8–9)².

Странно, что Онегин, побывав в гостях у Лариных, чтобы «увидеть <...> Филлиду эту», т. е. Ольгу, спрашивает у приятеля: «Скажи: которая Татьяна?» <...>» (III, 5). Впрочем, при его праздной рассеянности оно и понятно: «Тупым кием вооруженный, / Он на бильярде в два шара / Играет с самого утра» (IV, 44).

Двусмысленность, «опасную для сердца дев», можно усмотреть в следующем контексте: «Поедет ли домой, и дома / Он занят Ольгою своей. / Летучие листки альбома / Прилежно украшает ей: / То в них рисует сельски виды, / Надгробный камень, **храм Киприды**, / <...> / Безмолвный памятник мечтанья, / Мгновенной думы долгий след, / Все тот же после многих лет» (IV, 27). В эпоху увлечения перифразами указанное витиеватое выражение можно было бы истолковать в духе барковщины³.

Удивляет, что крестьянки Лариных собирают ягоды в барском саду чуть ли не в темноте: «**Смеркалось**; на столе, блистая, / Шипел **вечерний** самовар <...>» (IV, 37). Далее описывается, что Татьяна

¹ См. также: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 57.

² Мы, конечно, понимаем, что числительные *тринадцать*, *осьмнадцать* художественно условны, поскольку гораздо легче укладываются в метрическую структуру 4-ст. ямба, нежели, например, *четырнацать*, *девятнадцать* и т. д. Именно поэтому и Онегин при первом знакомстве с ним читателя предстает «философом в осьмнадцать лет» (I, 23). И.А. Бродский, или «другой поэт» с «роскошным слогом», несомненно, предпочел бы здесь нечто вроде *мартобря*, т. е. *надцать*...

³ Ср., например, в оде «Приапу»: «Меж белых зыблующихся гор, / В лощине меж кустов прелестных / Имеешь ты **свой храм** и двор <...>» (Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подгот.: А. Зорин, Н. Сапов. М., 1992. С. 53).

проводит некоторое время в ожидании приезда Онегина, после чего бежит в сад, где «...служанки, на грядах, / Сбирали ягоды в кустах / И хором по наказу пели <...>» (IV, 39–40). Напрашивается и вопрос, где именно собирали ягоды девушки – на грядах (клубника)¹, на кустах (малина, смородина, крыжовник) или же на грядах в окружении кустарника? Эта «редакторская» придирка может показаться излишней, но она вполне обоснована желанием обратить внимание поэта на некоторую неточность описания действия в глазах благодарного читателя.

Более странным, забегая вперед, выглядит посещение Татьяной усадьбы Онегина в... ночное время: «Был **вечер**. Небо **меркло** <...> / <...> / Уж за рекой, дымясь, пылал / **Огонь рыбачий**. В поле чистом, / **Луны при свете серебристом**, / В свои мечты погружена, / Татьяна **долго** шла одна. / **Шла, шла**. И вдруг перед собою / С холма господский видит дом <...> (VII, 15); «ее сомнения смущают: / “Пойду ль вперед, пойду ль назад?.. / Его здесь нет. Меня не знают... / Взгляну на дом, на этот сад”» (VII, 16); «Татьяна взором умиленным / Вокруг себя на все глядит, / И все ей кажется бесценным, <...> / И вид в окно **сквозь сумрак лунный**, / И этот **бледный полусвет**, / И лорда Байрона портрет <...>» (VII, 19); «Татьяна долго в келье модной / Как очарована стоит. / Но поздно. Ветер встал холодный. / **Темно в долине. Роща спит / Над отуманенной рекою; / Луна сокрылась** за горою, / И пилигримке молодой / Пора, давно пора домой» (VII, 20).

Получается, что героиня, во-первых, не знала, где находится усадьба человека, о котором она грезила; во-вторых, почему-то решила, что ее там не узнают; в-третьих, проводят барышню, да еще в потемках, прямо в господский дом, где она, тем не менее, сможет разглядеть «И стол с померкшею лампадой, / И груды книг, и под окном / Кровать, покрытую ковром <...>». Странно и что впоследствии героиню пускают на долгие часы в кабинет Онегина: это в общем-то неприлично для девушки и непрактично для

¹ Согласно «Словарю языка Пушкина», в указанном контексте слово *гряды* имеет значение «вскопанная узкая полоска земли для цветов, ягод, овощей» (Т. 1, с. 560).

ключницы Анисьи, а тем более «управителя» именем, поскольку в барском доме сосредоточены какие-то бумаги, ценности, интимные вещи. «...И никто / Не вздумал им пенять на то: / Имеет сельская свобода / Свои счастливые права <...>» (IV, 17).

Нелогично обоснование нарастающего раздражения Онегина на именинах Татьяны: «Траги-нервических явлений, / Девичьих обмороков, слез / Давно терпеть не мог Евгений: / Довольно их он перенес. / Чудак, попав на пир огромный, / Уж был сердит. **Но, девы томной** / Замея трепетный порыв, / С досады взоры опустив, / Надулся он и, негодуя, / Поклялся Ленского взбесить <...>» (V, 31). Напрашивается поправка: «...**К тому же** девы томной, / Замея трепетный порыв...» и т. д. Далее автор описывает чувства Онегина к Татьяне более естественно, без экстраполяции недовольства на Ленского: «Когда же дело до Евгенья / Дошло, то **девы томный** вид, / Ее смущение, усталость / В его душе родили жалость: / Он молча поклонился ей; / Но как-то взор его очей / Был чудно нежен» (V, 34); тем не менее это не останавливает героя в отношении «мести» Ленскому за данный инцидент.

Неоправданно много места – на фоне, например, скупости деталей относительно родных Онегина, Ленского – уделено в романе описанию второстепенного персонажа – Зарецкого (VI, 4–9, 11, 12, 26, 27, 29, 35), хотя, безусловно, эти строфы одни из лучших.

Есть противоречие в романе между толками соседей Лариных о женитьбе Онегина на Татьяне, описанием реакции последней на появление Евгения на именинах, когда присутствующие, не сговариваясь, уступают место запоздавшим, по праву завсегдатаев, гостям-женихам, – и последующим авторским высказыванием относительно внешних проявлений чувств Татьяны к Онегину, ср.: «Вдруг двери настезь. Ленский входит / И с ним Онегин. “Ах, творец! – / Кричит хозяйка: – наконец!” / Теснятся гости, всяк отводит / Приборы, стулья поскорей; / Зовут, сажают двух друзей. // Сажает прямо против Тани <...>» (V, 29–30); «...Ах, может быть, ее любовь / Друзей соединила б вновь! / **Но этой страсти и случайно / Еще никто не открывал.** / Онегин обо всем молчал; / Татьяна изнывала тайно <...>» (VI, 18).

Не вполне убедительно раскрыта линия жизни Ольги после замужества: «И скоро звонкий голос Оли / В семействе Лариных умолк. / Улан, своей невольник доли, / Был должен ехать **с нею в полк**» (VII, 12) – поскольку героиня вовсе не кавалерист-девица Дурова... И уж совсем трагично описывается расставание сестер: «И вот одна, одна Татьяна! / Увы! подруга стольких лет, / Ее голубка молодая, / Ее наперсница родная, / Судьбою вдаль занесена, / **С ней навсегда разлучена**» (VII, 13). Словно автор замышлял, что в дальнейшей – замужней – жизни его героиням уже не встретиться; ведь не случайно же Онегин, увидев Татьяну в Петербурге, вовсе не интересуется ее сестрой, прелестная Ольга, выполнив свою романтическую миссию, испаряется из романного времени.

Неясно, от чего больше страдает московская тетка Татьяны – от «чахотки» или «старости»: «К старой тетке, / Четвертый год больной в чахотке, / Они приехали теперь» (VII, 39–40), «...Уж никуда не годна я... / Под старость жизнь такая гадость...» (VII, 42).

Рассмотрим дуэль Онегина с Ленским и ее последствия. Это серьезное преступление, за которое участникам поединка, включая секундантов, полагалось наказание вплоть до казни через повешение¹. Россия, не в пример нынешней истории, была правовым государством. Можно указать хотя бы на биографию Пушкина *sub specie* различных документов, дотошно фиксирующих жизненный путь писателя, мельчайшие детали его «внешней» жизни²; или на уголовное дело, заведенное на отца А.И. Полежаева – Л.Н. Струйского, избившего в пьяном угаре до смерти своего крепостного, что повлекло ссылку барина на поселение в Сибирь³. В боевых или кавказских условиях дуэльные истории со смертельным исходом порой удавалось скрыть, приписать трагической

¹ См., например: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 104–105.

² См., например: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии: 1830–1837 / Сост.: С.В. Березкина, В.П. Старк. СПб., 2010.

³ См.: *Васильев Н.Л.* Летопись жизни и творчества А.И. Полежаева // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева (22–24 сент. 2004 г., г. Саранск). Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 183–200 и др.

случайности в горах и т. д. В художественной ситуации, описываемой в романе Пушкина, погибает молодой дворянин, что неизбежно должно было повлечь расследование этого дела, – и при этом никто не доносит, не сообщает властям о причинах его неожиданной смерти, не заведено уголовного дела, никто не наказан, опекуны, исправник, уездный предводитель дворянства бездействуют?.. С позиции реалистической логики поверить в это трудно. Автор статьи о дуэли в «Онегинской энциклопедии» справедливо полагает, что обстоятельства смерти Ленского не были секретом в деревне, например для сельского священника, поскольку юный помещик похоронен не на погосте (и тем более не при церкви, где покоился прах его родителей), а «в чистом поле» (VI, 42). Заметим, что странствования Онегина после дуэли – косвенное свидетельство какого-то юридического разбирательства, общественной огласки дуэли; и уж во всяком случае если не церковного (такая мера наказания предусматривалась), то нравственного покаяния... Ср.: «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест). / Оставил он свое селенье, / Лесов и нив уединенье, / Где окровавленная тень / Ему являлась каждый день <...>» (VIII, 13). Тем не менее на могиле Ленского начертана странная в контексте сказанного надпись: «“Владимир Ленский здесь лежит, / Погибший рано смертью смелых <...>”» (VII, 6).

Но как же ведет себя преобразившийся внутренне Онегин, увидев «прежнюю Татьяну», обосновано или нет жизненными, психологическими обстоятельствами его скоропалительное чувство к замужней женщине? Не похоже... Более того, поведение героя выглядит вызывающим, исходя из всех норм: «...К ее крыльцу, стеклянным сеням / Он подъезжает каждый день; / За ней он гонится как тень; / Он счастлив, если ей накинет / Боа пушистый на плечо, / Или коснется горячо / Ее руки, или раздвинет <...>» (VIII, 30). Тут недалеко до новой дуэли. Онегин не просто преследует Татьяну на глазах у всех, – он волочится за ней вульгарно, как Грушницкий за княжной Мери (но та, по крайней мере, не замужем). Убив Ленского, разрушив тем самым одну потенциальную семью, он без раскаяния, тени сомнения, покушается и на семейный очаг своего

приятеля-родственника, «родню и друга своего» (VIII, 18). К тому же Татьяна, должно быть, уже имеет ребенка, поскольку замужем «около двух лет», о чем князь сообщает объявившемуся Онегину. Демонизм Печорина художественно обоснован, Онегина – ничуть, как художественный образ он по сути, если не учитывать некоторые лирические отступления автора, вне этого посыла. И, кстати, осуждает ли поведение своего героя сам автор?..

Есть и замечания относительно формы произведения. Она почти безукоризненна! Но... снова обратимся к некоторым «редакторским» пометам.

В первой главе читаем: «Онегин был по мнению многих / (Судей решительных и строгих) / **Ученый** малый, но педант, / Имел он счастливый талант / <...> / С **ученым** видом знатока / Хранить молчанье в важном споре <...>» (I, 5). Помимо повторения слова *ученый* в близком контексте, не ясно, что имеет в виду автор, рассуждая о герое: был ли он невеликим ученым (существительное) или же просто образованным человеком (прилагательное); если последнее, то почему далее следует «**но** педант», ведь педантизм – свойство как раз *ученых* мужей. Поэт вообще злоупотребляет союзом *но*, например: «У ночи много звезд прелестных, / Красавиц много на Москве. / **Но** ярче всех подруг небесных / Луна в воздушной синеве. / **Но** та, которую не смею / Тревожить лирою моею, / <...> / **Но** полно, полно, перестань. / Ты заплатил безумству дань» (VII, 52). Строк с начальным *но* в романе насчитывается 165, в целом же союз используется здесь более 200 раз¹.

Кстати или некстати, грамматическая двусмысленность наблюдается и во II главе: «Он из Германии **туманной** / Привез учености плоды <...>» (II, 6). Полагать, что Пушкин мог намекать на природные особенности Германии, подобные «туманной Англии»², наивно; предположить, что указанный эпитет мог обозначать духовную атмосферу этой страны или даже относиться к слову

¹ См.: Опыт конкорданса к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с приложением текста романа / Сост. Д.А. Гайдуков. М., 2003. С. 163–165.

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 4. С. 598–599. В черновом варианте строфы первоначально фигурировало иное определение «Он из Германии свободной / [Привез] учености плоды» (VI, 267).

ученость, более естественно¹, учитывая нередкое использование поэтом приема синтаксического переноса.

Говоря о случайных каламбурах у Пушкина², можно упрекнуть автора и в невольном представлении Онегина как злодея, замышлявшего в будущем смерть Ленского: «Он слушал Ленского с улыбкой. / <...> / И думал: глупо мне мешать / Его минутному блаженству; / И без меня пора придет; / **Пускай покамест он живет** <...>» (II, 15), а Татьяны, при определенной фантазии, как любвеобильной барышни: «...Ей душно здесь... она мечтой / Стремится к жизни **полевой**, / <...> / К своим цветам, к своим романам <...>» (VII, 53).

В первой же главе встречается одинаковая рифма с идентичными синтагматическими связями: «Бывало, он еще **в постеле**: / К нему записочки несут. / Что? Приглашенья? **В самом деле** <...>» (I, 15), «Вдруг получил он **в самом деле** / От управителя доклад, / Что дядя при смерти **в постеле**» (I, 52). Ср. также далее: «...Узнал бы жизнь **на самом деле**, / <...> / И наконец **в своей постеле** / Скончался б посреди детей, / Плаксивых баб и врачей» (VI, 38–39).

Однообразии в рифмовке, в частности тяжеловесность глагольных рифм, повторы одних и тех слов, наблюдаются у поэта и в дальнейшем, доходя иногда до комизма: «Не мадригалы Ленский **пишет** / В альбомы Ольги молодой; / Его перо любовью дышит, / Не хладно блещет остротой; / Что ни заметит, ни услышит / Об Ольге, он про то и **пишет** <...>» (IV, 31); «В глуши что делать в эту **пору?** / Гулять? Деревня той **порой** / Невольно докучает взору / Однообразной наготой» (IV, 18); «В тот год осенняя погода / Стояла долго **на дворе**, / Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе. / На третье в ночь. Проснувшись рано, / В окно увидела Татьяна / Поутру побелевший **двор**, / Куртины, кровли и забор, / На

¹ Ср. также: «А нынче все умы **в тумане**, / Мораль на нас наводит сон, / Порок любезен, и в романе, / И там уж торжествует он» (III, 12).

² Яркий пример – строка «Души прекрасные порывы!» («К Чаадаеву», 1818), что не удивительно, так как поэт призывал именно *глаголом жечь сердца людей* («Пророк», 1826). На эту часть речи стоит обратить особое внимание в романе...

стеклах легкие узоры, / Деревья в зимнем серебре, / Сорок веселых **на дворе** <...>» (V, 1); «...Поэта, / Быть может, на **ступенях** света / Ждала высокая **ступень**» (VI, 37), «Сбежалась челядь у **ворот** / Прощаться с барами. И вот / Уселись, и возок почтенный, / Скользя, ползет за **ворота**» (VII, 32); «...Везде встречаемые **лицы**, / Необходимые глупцы; / Тут были дамы пожилые / В чепцах и в розах, с виду злые; / Тут было несколько девиц, / Не улыбающихся **лиц** <...>» (VIII, 24).

Забавно, что, рассуждая о банальности рифм в отечественной поэзии, Пушкин сам же допускает небрежность в выборе рифмующихся слов: «И вот уже трещат морозы / И серебрятся средь полей... / (Читатель ждет уж рифмы *розы*; / На, вот возьми ее скорей!) / Опрятней модного паркета / Блистает речка, **льдом** одета. / Мальчишек радостный народ / Коньками звучно режет **лед**; / На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на **лед** <...>» (IV, 42). См. также далее: «...Скакать верхом в степи суровой? / Но конь, притупленной подковой / Неверный зацепляя **лед**, / Того и жди, что упадет» (IV, 43).

Отметим и двойную парную рифму, основанную на одинаковом созвучии, что тоже не вполне эстетично: «...Она несла свои дары / И как вакханочка резвилась, / За чашей пела для **гостей**, / И молодежь минувших **дней** / За нею буйно волочилась, / А я гордился меж **друзей** / Подругой ветреной **моей**» (VIII, 2). Не говорим о тавтологичных и вообще неудачных рифмах *ненавидя/видя* (I, 51), *верить/мерит* [!] (IV, 22), *взору/суровой* (IV, 43), *видеть/ненавидеть* (VII, 14) и др.¹, хотя их компенсирует, например, блестящая рифма *дева/хлева* (IV, 41). Однако за ней следует стилистическая неточность: «...**Трещит** лучинка перед ней. // И вот уже **трещат** морозы <...>» (IV, 41–42); впрочем не единственная, ср.: «...Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar. (**Не могу**... // Люблю я очень это слово, / Но **не могу** перевести <...>)» (VIII, 15–16).

В следующем контексте присутствует алогизм и синтаксическая двусмысленность, вызванная обратной инверсией

¹ См. также: *Шапир М.И.* Рифма // Онегинская энциклопедия. Т. 2. С. 421.

третьей строки: «Татьяна (русская душою, / Сама не зная почему [?]) / С ее [?] холодною красою / Любила русскую зиму <...>» (V, 3). Предположительно автор хотел сказать, что его героиня, несмотря на офранцуженное воспитание, оставалась в душе истинно русской и ценила красоту зимних пейзажей родной страны. Вероятна и иная трактовка: Татьяна, будучи настоящей русской барышней, безотчетно любила картины русской природы, не похожие на «южные зимы» и тем более летние итальянские пейзажи («Но наше северное лето, / Карикатура южных зим, / Мелькнет и нет: известно это. / Хоть мы признаться не хотим» – IV, 40).

Встречается автореминисценция в описании сна Татьяны, в результате чего возникает нежелательный эффект однообразия эстетических приемов, ср.: «...Вот ближе! скажут... и на двор / Евгений! “Ах!” – и легче тени / **Татьяна** прыг в другие сени, / С крыльца на двор, и прямо в сад, / Летит, летит; **взглянуть назад / Не смеет** <...>» (III, 38); «...**Татьяна ах!** а он [медведь] реветь <...>», «Она, **взглянуть назад не смея**, / Поспешный ускоряет шаг <...>» (V, 12–13).

Есть и другие стилистические недочеты, например: «...**Меж** тем / **Между** двух теток, у колонны <...>» (VII, 53); «**И позабыв** столицы дальней / И блеск и шумные пиры, / В глуши Молдавии печальной / Она смиренные шатры / Племен бродящих посещала, / И между ими одичала, / **И позабыла** речь богов <...>» (VIII, 5); «...На **ложь журналов**, на войну <...>» (VIII, 25); «...И молча **обмененный** взор / Ему был общий приговор» (VIII, 26); «Любви все возрасты покорны; / **Но** [?] юным, девственным сердцам / Ее порывы благотворны, / **Как бури** вешние полям: / <...> / Печален страсти мертвый след: / **Так бури** осени холодной / В болото обращают луг / И обнажают лес вокруг» (VIII, 29); «“...Нет, поминутно видеть вас, / Повсюду следовать за вами, / Улыбку уст, движенье **глаз** / Ловить влюбленными **глазами** <...>”» (VIII, Письмо Онегина к Татьяне).

Можно отметить злоупотребление разговорно-просторечными и ироническими красками при характеристике Онегина в заключительной главе (с ее в общем-то трагическими коллизиями), ср.: «Все тот же ль он иль усмирился? / Иль **корчит** так же чудака?»,

«Довольно он **морочил** свет...» (VIII, 8); «...князь N покорно просит / Его на вечер. “Боже! к ней!.. / О буду, буду!” и скорей / **Марают** он ответ учтивый» (VIII, 21); «“...Пред вами в муках замирать, / Бледнеть и гаснуть... вот блаженство! / И я лишен того: для вас / **Тащусь** повсюду наудачу <...>”» (гл. VIII); «Он так привык теряться в этом, / Что чуть **с ума не своротил** <...>», «...И перед ним пылал камин, / И он **мурлыкал**: *Benedetta* <...>» (VIII, 38).

Обращаться к даме письменно в пушкинское время полагалось по-французски¹; однако послание Онегина к Татьяне – в отличие от ее письма к нему – передано автором буквально, т. е. по-русски («Вот вам письмо его точь-в-точь» – VIII, 32); при этом герой отчасти позаимствовал у героини апелляцию в концовке письма к воле адресата, ср.: «Кончаю! Страшно перечесть... / Стыдом и страхом замираю... / Но мне порукой ваша честь, / И смело **ей себя вверяю**...» (Татьяна); «Но так и быть: я сам себе / Противиться не в силах боле; / Все решено: **я в вашей воле** / И предаюсь моей судьбе» (Онегин).

В романе встречаются противоречия в системе выделения цитат, прямой речи, знаковых слов и т. д. В одних контекстах используется курсив (а), в других – кавычки (б); иногда то и другое одновременно (в) или, наоборот, ни то, ни другое (г). Например: а) «*Мое!* сказал Евгений грозно, / И шайка вся сокрылась вдруг <...>» (V, 20); б) «Уж тёмно: в санки он садится. / “Пади, пади!” – раздался крик <...>» (I, 16); в) «Конечно вы не раз видали / Уездной барышни альбом <...> / На первом листике встречаешь / *Qu’écoutez-vous sur ces tablettes* / И подпись; *t. à. v. Annette*; / А на последнем прочитаешь: / “*Кто любит более тебя, / Пусть пишет далее меня*”» (IV, 28); г) «...Всё указывает на нее, / И все кричат: мое! мое!» (V, 19); «Татьяна в оглавленьи кратком / Находит азбучным порядком / Слова: бор, буря, ведьма, ель, / Еж, мрак, мосток, медведь, метель / И прочая. <...>» (V, 24); «Как истинный француз, в кармане / Трике привез куплет Татьяне / На голос, знаемый детьми: / *Réveillez vous, belle endormie.* / <...> / И смело вместо *belle Nina* / Поставил *belle Tatiana*» (V, 27).

¹ См., например: *Савина Е.В.* Взаимодействие русской и французской речевых стихий в произведениях А.С. Пушкина. Саранск, 2003. С. 76–77.

Завершая разговор о «Евгении Онегине», напомним, что нашей целью было не позлословить, а еще раз перечитать любимые страницы волшебного пушкинского романа, пронизанного подтекстами и смеховыми интенциями, – вступая в диалог с поэтом, в чем всегда заинтересован любой автор, рассчитывающий на благодарного читателя среди современников и потомков. Dixi!

А.С. ПУШКИН И ПОЭТЫ ЕГО ВРЕМЕНИ

ПУШКИН И ПОЛЕЖАЕВ: «ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ» ИЛИ...? (К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

История взаимоотношений Пушкина с литераторами его времени, прежде всего поэтами, – тема занимательная, имеющая уже определенную традицию обращения к ней исследователей¹. Небезынтересна и по-своему загадочна в этой истории глава под названием «Пушкин и Полежаев», до сих пор еще мало проясненная.

Пушкин (1799–1837) и Полежаев (1804–1838) – современники. Оба «А. П.» (так порой и подписывались). Поэты с пересекающимся кругом тем: вольнолюбие, антиклерикализм, Кавказ, социальные зарисовки и др. У них во многом схожа жизненная и творческая судьба: яркий дебют, ореол вольнолюбцев, царская немилость, плавный, хотя и непрямолинейный, противоречивый переход от романтической поэтики к реалистическому видению. Вместе тем во многом Пушкин и Полежаев едва ли не антагонисты с разными социальными приоритетами и углами зрения. У первого – склонность к дворянской революционности умеренного склада, известная тяга к политическому и литературному «аристократизму». У второго – скорее антидворянская установка, демократические классовые симпатии. Такое расхождение можно наблюдать и в эстетике писателей. Полежаев порой выступает как литературный нигилист, оппозиционер по отношению к пушкинской художественной системе.

---

¹ См., например: *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и Тютчев // Ю.Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 166–191; Ю.Н. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер // Пушкин и его современники. С. 233–294; *Гинзбург Л.Я.* Пушкин и Бенедиктов // Л.Я. Гинзбург. О старом и новом: Ст. и очерки. Л., 1982. С. 109–152; *Кошелев В.А.* Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 24–40.

Казалось бы, достаточно оснований для *взаимных* – личных, творческих, идеологических – отношений, в принципе не важно, каких: дружелюбных или антагонистических. Однако подлинного диалога нет. Остается предположить, что со стороны Пушкина он мог быть в скрытом, замаскированном виде или же в форме своеобразной, весьма красноречивой «фигуры умолчания».

Крупнейший русский критик В.Г. Белинский, современник Пушкина и Полежаева, посвятил последнему две специальные статьи, писал о нем во многих других, в том числе в своей дебютной статье «Литературные мечтания» (1834 г.) и цикле статей о пушкинском творчестве (1843 г.)¹, причем упоминал Полежаева в одном ряду с именами Ломоносова, Жуковского, Фонвизина, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, Баратынского, Веневитинова, Языкова, Дельвига...

Не прошли мимо феномена полежаевской поэзии Лермонтов, Герцен, Огарев, Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Ап. Григорьев, Полонский, Фет, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Горький, Брюсов, Блок², издатели модных журналов и альманахов 1820–1830-х гг. и последующего времени, наконец сам Николай I.

Однако почему ни слова о нем мы не находим у Пушкина? Да и почти все его окружение молчит о поэте: Вяземский, Баратынский, Жуковский, Языков, Дельвиг, Гнедич и др.

Что это? Обида Пушкина на автора нашумевшей поэмы «Сашка», в какой-то степени пародирующей его любимое детище – «Евгения Онегина»? Пренебрежение к литераторам демократического круга? Нежелание входить в исторические (для потомков) сношения с поэтом, «нескромные» произведения которого не раз приписывались самому Пушкину (из-за близости стиля, мастерства, наконец, инициалов, которыми порой

---

¹ См.: А.И. Полежаев: Библиогр. указ. / Сост. Н.Л. Васильев, Н.Д. Николаева. Саранск, 1988. С. 34–35. См. также: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. С. 11–18.

² См., в частности: *Васильев Н.Л.* Александр Полежаев в творческом сознании Александра Блока и его современников // Блок и русская литература. Харьков, 2010. С. 80–89.

подписывались)? Стремление отгородиться от поэта, скомпрометировавшего себя в глазах благородного общества? Эстетический антагонизм? Своеобразный «заговор молчания» Пушкина и его круга? Творческая ревность? Или же просто незнание поэзии Полежаева? Однако хорошо известно о популярности имени последнего в 1820–1830-х гг., писательской эрудиции Пушкина, его внимании подчас к второстепенным фактам литературной жизни своего времени; наконец, и о том, что в пушкинской библиотеке были произведения Полежаева, стихи поэтов порой печатались в одних журналах и альманахах. Известно также, что Полежаев с большим уважением относился к Пушкину, чтил его как учителя, отзывался о нем, начиная с «Сашки» и кончая «Венком на гроб Пушкина», своеобразно отразив творческий рост писателя, вступая с ним в эстетический диалог.

Молчат о Полежаеве не только литературные «аристократы», но и «архивны юноши» – любомудры, славянофилы, в большинстве своем выпускники Московского университета и Благородного пансиона при нем, едва ли не свидетели и «соучастники» полежаевского взросления, уличного бесславия и поэтической славы: В.Ф. Одоевский, Ф.И. Тютчев, Д.В. Веневитинов, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Д.П. Ознобишин, В.П. Титов, Н.Ф. Павлов и др.

Невольно приходит мысль: а не существует ли Полежаев анонимно в сознании многих его современников-литераторов. Как иначе объяснить, что, откликаясь на мельчайшие подробности литературной жизни, они проходят мимо четырех прижизненных сборников произведений Полежаева, многочисленных публикации его стихотворений и переводов в «Вестнике Европы» (1825–1826 гг.), «Галатее» (1829–1830 гг.), «Телескопе» (1831–1832, 1836 гг.), «Московском телеграфе» (1829 г.), «Сыне отечества и Северном архиве» (1832 г.), альманахах¹. Причем часто помещенных рядом с их же произведениями, статьями Пушкина, Вяземского, Жуковского, Баратынского... Проходят мимо осмысления полежаевского творчества в журнальной критике – «Московском

---

¹ См.: А.И. Полежаев: Библиогр. указ. С. 5–11.

телеграфе» (1832–1833 гг.), «Молве» (1832–1834, 1836 гг.), «Северной пчеле» (1832–1833 гг.). «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1832–1833 гг.), «Библиотеке для чтения» (1834, 1836 гг.). Не замечают популярных произведений поэта, распространявшихся в рукописях («Сашка», «<Арестант>», «Четыре нации» и др.).

Объяснять это одиозностью, в частности для Пушкина, имен издателей некоторых московских и петербургских журналов, где печатался Полежаев и публиковались рецензии на его произведения, или же невниманием к демократической критике (Н. Полевой, В. Белинский) неосновательно. Скорее, наоборот: оппозиционность предполагает пристальный интерес к литературным соперникам. Может быть, отсутствие реакции Пушкина и его круга на Полежаева вызвано тем, что последний не был связан с литературными группировками, был сам по себе? И это в то время, когда значение литературных «партий» стало как никогда существенно: русскую литературу буквально раздирала вражда между западниками и архаистами, классиками и романтиками, «аристократами» и «демократами».

Полежаев оказывается даже не на периферии литературного внимания определенной части писателей, а вообще вне поля их зрения! Несмотря на «тесноту» поэтического ряда, встречаемость в публикациях, жизненных обстоятельствах, «голод» на новые имена в поэзии, «разреженность» индивидуализированной поэтической атмосферы (вспомним, как принимали в 1830-х гг. поэзию В. Бенедиктова). Парадокс. А может быть, Полежаева не видят потому, что он слишком близко?.. Что его хорошо знают? Как не говорят о том, что разумеется само собой?¹

¹ В этом плане не менее загадочен и феномен умолчания о поэте со стороны, казалось бы, преемственно связанного с ним в общественном и литературном сознании *демократа* Н.А. Некрасова, хотя последний неоднократно упоминает о двоюродном брате Полежаева – Д.Ю. Струйском (Трилуном). См.: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. С. 35, 44, 99, 114, 122, 146–148, 150, 151; *Он же.* Некрасов и Полежаев (об одной литературной загадке) // Материалы Международной

Проявления литературной реакции на Полежаева при его жизни скупы. К отзывам о нем В. Белинского, Н. Полевого, Л. Якубовича можно добавить лишь несколько. Однако и они, скорее, подтвердят мысль о странности литературной судьбы поэта, парадоксах представления современников о его творчестве.

В. Кюхельбекер, знакомясь в 1833 году в Свеаборгской тюрьме с подборками «Вестника Европы» за 1826 год, обращает внимание на стихотворение «Восторг – дух Божий», опубликованное в № 2 журнала за подписью «А. П.»: «Основная мысль стихотворения... так смела, что даже у меня, охотника до всего смелого, от того голова кружится. Прочту эти стихи несколько раз, а уж потом скажу о них свое мнение». И несколько не сомневается в том, что оно принадлежит Писареву (А.И. или А.А.? – Н. В.): «От Писарева я никогда не мог ожидать ничего подобного. Не перевод ли?»¹. Между тем указанное стихотворение (перевод из Ламартина) написано Полежаевым и является одним из первых свидетельств его литературного дарования², хотя не всегда включается в издания полежаевских произведений, даже большой серии «Библиотеки поэта».

А. Бестужев, принимавший участие в кавказских военных операциях в одни годы с Полежаевым, по-видимому откликаясь на присылку ему Полевыми номеров «Московского телеграфа» (в одном из которых была благоприятная рецензия на кавказские поэмы Полежаева), в письме К. Полевому от 25 января 1834 года передает свое впечатление о поэме «Эрпели» и ее авторе³.

научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева (22–24 сент. 2004 г., г. Саранск). Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 422–429; *Он же*. Д.Ю. Струйский (Трилуный): биография, творчество, библиография. Саранск, 2010. С. 4–6.

¹ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 232.

² См.: Баранов В.В. Судьба литературного наследства А.И. Полежаева: Обзор // Литературное наследство. М., 1934. Т. 15. С. 221.

³ См.: Письма к братьям Полевым А.А. Бестужева (Марлинского) // Рус. обозр. 1894. № 10. С. 833. Подробнее см.: Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. С. 115–117.

Однако его отзыв – факт скорее бытового, чем литературного внимания к современнику.

Не удивительно ли и то, что эти отклики принадлежат литераторам-изгнанникам, испытавшим судьбу Полежаева – гонения царизма?

Такое же, как у Кюхельбекера, но иронии судьбы случайное попадание в Полежаева, – у Гоголя, но уже после смерти поэта. Обдумывая свой ответ на знаменитое письмо к нему Белинского по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями», писатель процитировал строки из стихотворения Полежаева «Четыре нации», приписав их, однако, Пушкину: «Вол<ь>тер, несмотря на все блестящие замашки, остался тот же француз. О нем можно сказать то, что Пушкин говорит вообще о французе:

Француз – дитя:

Он так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон;

И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит»¹.

Факт очень показательный для осмысления воздействия произведений Полежаева на его современников, своеобразного отрыва его творчества от самого автора, – если даже близко знавший Пушкина Гоголь, в некотором смысле его литературный адвокат, импресарио в деликатных делах литературного авторства (см. об этом далее), без задней мысли отнес вышеупомянутые строки к пушкинскому творчеству.

Есть о Полежаеве (в ряду анонимных) отклик на его сб. «Кальян» (1833), судя по всему, человека не полежаевского круга и не связанного с Московским университетом, – отзыв почти эпиграмматический по форме, резко выделяющийся на фоне

---

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 323.

благожелательных реакций на произведения поэта, тем не менее не без добрых слов... Он был опубликован в журнале «Библиотека для чтения» (1834. Т. 1. С. 46–47). Учтите, что издание редактировал О.И. Сенковский, надо полагать, он имел отношение к оценке поэта, тем более что характеристика стиля Сенковского, данная Гоголем¹, как нельзя более подходит к манере статьи, о которой идет речь².

Уже после смерти Полежаева о нем вспоминал П.А. Плетнев, и его отклик в какой-то степени раскрывает отношение к Полежаеву пушкинского круга: «О Лермонтове я не могу говорить потому, что и без меня говорят о нем гораздо более, нежели он того стоит. Это был после Байрона и Пушкина фокусник, который гримасами своими умел толпе напомнить своих предшественников³. <...> Пройдет время, и о Лермонтове, забудут, как забыли о Полежаеве»; «Он (Полежаев. – Н.В.) мог бы сделаться поэтом... но для такого художнического успеха необходим и художнический труд, о котором автор и не помышлял, привыкнув смотреть на поэзию как на забаву или даже разгулье»⁴.

Таким образом, высказывания о поэзии Полежаева со стороны писателей пушкинского круга минимальны.

Еще один примечательный факт также случайного попадания Полежаева в поле зрения периферийного пушкинского окружения – свидетельство А.Я. Булгакова (близкого знакомого В.Л. Пушкина и П.А. Вяземского) о случайной встрече в Москве со студентом университета, назвавшимся автором поэмы

¹ См.: Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Н.В. Гоголь. Собр. соч. Т. 7. С. 150–152.

² См.: Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. С. 8–9.

³ Письма П.А. Плетнева к Д.И. Коптеву: 1844–1846 // Рус. архив. 1877. Кн. 3. № 12. С. 365.

⁴ Часы выздоровления: Стихотворения Александра Полежаева // Современник. 1842. Т. 27. С. 101. Более благожелательно критик писал о поэте в рецензии на его сборник «Арфа» (Современник. 1838. Т. 10. С. 62). Авторство П.А. Плетнева (обе рецензии были опубликованы анонимно) удостоверяется изданием его произведений: Плетнев П.А. Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885. Т. 2. С. 244, 352–353.

«Сашенька» и переводчиком вольтеровской «Генриады»¹. Косвенные данные (время действия, место, участники события) заставляют предположить, что это был именно Полежаев.

Тема «Пушкин и Полежаев» многоаспектна. Исследователи уже обращались к таким ее сторонам, как отношение Полежаева к поэзии Пушкина, влияние последнего на полежаевское творчество, взаимоотношение «Сашки» и «Евгения Онегина» и др.² «Обратная связь» – отношение Пушкина к Полежаеву (ведь должно же было быть у Пушкина какое-то отношение к Полежаеву!) – до сих пор по внимание не принималась. По-видимому, только из-за внешнего препятствия: Пушкин не оставил отзывов об авторе «Сашки». Не запечатали его отношения к Полежаеву и современники. Между тем следы знакомства Пушкина с полежаевским творчеством имеются. И мы обязаны попытаться расшифровать пушкинское отношение к Полежаеву или хотя бы приблизиться к его пониманию.

Современники поэтов не часто соединяли имена Пушкина и Полежаева, хотя порой они звучат в одном контексте – как правило, политическом. Более того, наметилась тенденция представлять их антиподами (по разным основаниям).

Ап. Григорьев связывал творчество Полежаева с крайним выражением романтизма, с лермонтовской, даже огаревской поэзией, минуя пушкинскую линию³. Н.П. Огарев, объединив имена Пушкина и Полежаева как певцов борьбы против самодержавия и представителей «подпольной» русской литературы, тем не менее противопоставил их эстетически (правда, на узком фронте эротической лирики): «Какое необъятное расстояние от эротических стихотворений

¹ См.: Рус. архив. 1901. Т. 2. С. 195.

² См., например: *Бобров Е.А.* Полежаев об А.С. Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1907. Вып. 5. С. 82–109; *Николаева Е.Г.* Пушкин и Полежаев (к проблеме литературного влияния) // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 152–164; *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев: Проблемы мировоззрения, эстетики, стиля и языка. Саранск, 1987. С. 102–107; *Шанский Н.М.* Стихотворение «К своему портрету» А.И. Полежаева // Русский язык в школе. 1988. № 1. С. 56–61.

³ См.: *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность. М., 1986. С. 133–138.

Пушкина!»¹. Д.И. Писарев, хотя и свел их в одном контексте, но по разные стороны своего общественно-эстетического водораздела: «У нас были или зародыши поэтов, или пародии на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоедова; а к числу пародий я отношу Пушкина и Жуковского»². Наконец, в 1888 году профессор Казанского университета В.В. Качановский восклицает: «Полежаев принадлежал к той роли русского писателя начала XIX столетия, какую всецело выразил в своей личности А.С. Пушкин»³. «Ужели слово найдено?»... Правда, в те же годы акад. А.Н. Пыпин пишет, что «Полежаев был, конечно, великим поклонником Пушкина, но он не был его учеником; его стих не пушкинский» и развивался он «независимо от влияния великого поэта»⁴. Важно, что уже в XIX веке вопрос о соотношении творчества поэтов, несмотря на разные его решения, был поставлен в безусловно положительном плане.

В начале XX века крупнейший дореволюционный исследователь полежаевской темы Е.А. Бобров стремился обосновать пушкинский склад характера и творчества Полежаева, считая его «самым верным учеником и последователем Пушкина»: «...быть может, мы среди русских поэтов не найдем никого, кто бы по свойствам своей натуры подходил к Пушкину так близко, как именно Полежаев»⁵.

В советское время (1920–1930-е гг.) под влиянием вульгарно-социологического и отчасти формалистического подходов творчество писателей подчеркнуто противопоставлялось. Так, например, Н. Коварский исходил из мысли, что поиски Полежаевым оригинального пути в поэзии

---

¹ *Огарев Н.П.* Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» // Н.П. Огарев. Избр. произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 483.

² *Писарев Д.И.* Реалисты // Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 108.

³ *Качановский В.В.* Несколько слов о литературной деятельности современника Пушкина А.И. Полежаева // Вестн. славянства. 1888. № 2. С. 2.

⁴ *Пыпин А.Н.* Забытый поэт // Вестн. Европы. 1889. № 3. С. 196.

⁵ *Бобров Е.А.* Полежаев об А.С. Пушкине. С. 87, 107–108.

были в своей основе программно антипушкинскими: «Свой литературный путь Полежаев начинает с открытой и явной борьбы с Пушкиным», «в процессе обхода пушкинской системы Полежаев прибегает к самым различным возможностям», «Борьба с Пушкиным... была борьбой двух принципов отношения к слову...»¹. Л.Б. Каменев заявлял, что «“Сашка” откровенная пародия и даже прямой вызов – Пушкину в поэзии, его герою – в жизни»². В те же годы эту точку зрения разделял и Н.Ф. Бельчиков³.

В последующие десятилетия развивается более гармоничный, сбалансированный взгляд на взаимоотношение творчества поэтов. Исследователи русской литературы, отмечая самобытность полежаевской поэзии, в то же время находят в ней много общего с пушкинской, следы влияния Пушкина на Полежаева, сказавшегося и в поэме «Сашка». Наконец, появилось и такое оригинальное мнение: «Те или иные нотки Полежаева слышны... на всем пространстве русской литературы прошлого века – от “Медного всадника” до кавказской прозы Толстого»⁴.

Итак, вопрос о соотносительности поэзии Пушкина и Полежаева затрагивает литературные, общественные, личностные и даже языковые «масштабы» творчества писателей.

Отношение Полежаева к Пушкину изучено достаточно хорошо. В общих чертах оно представляется как смесь подражания, восторга, ученичества – и известной доли творческой оппозиционности, самобытности, отчасти полемической антипушкинской направленности. Следов внимания Полежаева к творчеству Пушкина в поэзии первого, действительно, много: эпиграфы из пушкинских произведений, цитаты, восторженные

---

¹ Коварский Н. Полежаев и французская поэзия // Русская поэзия 19 века: Сб. ст. Л., 1929. С. 145, 149.

² Каменев Л.Б. О Полежаеве // Полежаев А.И. Стихотворения. М.; Л., 1933. С. 18–19.

³ См.: Бельчиков Н.Ф. Запрещенные цензурой стихотворения Полежаева // Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 61.

⁴ Скуратовский В.Л. Судьба Александра Полежаева // Полежаев А.И. Стихотворения. М., 1981. С. 13.

оценки, реминисценции, лексические отголоски, наконец «Венок на гроб Пушкина» – один из достойнейших в русской лирике. Однако необходимо внимательнее всмотреться в узловые моменты восприятия Пушкина Полежаевым и особенно в то, что идейно и творчески разделяло их.

Если пренебречь некоторой подражательностью Полежаева Пушкину в приписываемом первому стихотворении «Небесное ликованье» (1824), созданном, как полагает И.Д. Воронин¹, под влиянием «Гавриилиады», и общими, не подтвержденными фактами рассуждениями об увлечении юного Полежаева вольнолюбивыми стихами молодого Пушкина (между тем как есть свидетельства его симпатии к поэзии декабристов²), то первым бесспорным откликом Полежаева на творчество Пушкина будет поэма «Сашка», написанная вскоре после выхода в свет первой главы «Евгения Онегина». «Сашка» – одно из самых скандальных произведений в русской литературе и первое в творческой судьбе Полежаева, принесшее ему известность. Таким образом, литературный дебют Полежаева – как объявленная премьера, заявка на свое «я» в поэзии – был во многом спровоцирован Пушкиным, вызван реакцией на «Евгения Онегина».

Был ли «Сашка» пародией на «Евгения Онегина» – вопрос давний. Для читателей XIX в. это бесспорный факт. Об этом пишут едва ли не все комментаторы полежаевской поэзии, его биографы. Даже Е.А. Бобров, защищавший «пушкинские» начала у Полежаева, вынужден был высказаться о «Сашке» не только как о подражании, но и как «пародии, порой даже карикатуре» на «Евгения Онегина», подчеркнул «двойственный характер» поэмы, привел убедительные примеры механизма такого пародирования³. Вместе с тем критики и читатели видели в «Сашке» не только

¹ См.: *Воронин И.Д.* А.И. Полежаев: Жизнь и творчество. 3-е изд. Саранск, 1979. С. 107–108.

² См., например: *Мандрыкина Л.А.* Агитационная песня «Вдоль Фонтанки-реки» и участие А.И. Полежаева в ее распространении // Лит. наследство. 1954. Т. 59. С. 101, 105; *Малафеев А.* Дарственная надпись // Неделя. 1969. № 34. С. 20.

³ См.: *Бобров Е.А.* Полежаев об А.С. Пушкине. С. 87–89.

пародию, но и оригинальное, позитивное идейно-художественное начало. Так, Герцен отозвался о ней следующим образом: «Между прочим, написал он юмористическую поэму “Сашка”, пародируя “Онегина”. В ней, не стесняя себя приличиями, шутливым тоном и очень милыми стихами, задел он многое»¹.

В советское время оценка «Сашки» как пародии на «Евгения Онегина» (безусловная для 1920–1930-х гг.) начала постепенно переосмысляться: «полемический пересказ первой главы романа... Пушкина», «параллелизм между “Сашкой” и первыми двумя главами “Евгения Онегина”», «стилизованна в духе... первой главы “Евгения Онегина”»². Стали говорить даже о влиянии Пушкина на Полежаева, выразившемся в «Сашке»³.

Оставим в стороне споры о двойственной природе и цели поэмы (пародия или подражание) и обратимся к самому произведению, к тому, какие выводы мог сделать для себя читатель пушкинского времени об отношении «Сашки» и его автора к «Евгению Онегину» и Пушкину.

Итак, в феврале 1825 года появляется первая глава «Евгения Онегина», произведения, неожиданного для поклонников творчества Пушкина и даже его близких друзей-литераторов. Ведь Пушкина знали и любили прежде всего как автора восторженно принимаемых романтических поэм – «певца Людмилы и Руслана... Волшебного фонтана, Земфиры...» (Полежаев. «Венок на гроб Пушкина»), ждали от него своеобразного продолжения романтического священнодействия.

Через несколько месяцев в Москве начинает распространяться поэма под вызывающим, непривычно демократическим названием «Сашка» (впрочем, иногда «Саша» и даже «Сашенька»). Герой ее не похож на аристократа Евгения,

¹ Герцен А.И. Былое и думы // А.И. Герцен. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 165.

² Безъязычный В.И. А.И. Полежаев // Полежаев А.И. Сочинения. М., 1955. С. 28; Бельчиков Н.Ф. А.И. Полежаев // Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 12; Баранов В.В. А.И. Полежаев // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1968. Т. 5. Стб. 839.

³ См.: Воронин И.Д. А.И. Полежаев: Жизнь и творчество. С. 111–112.

имя которого в переводе с греческого означает «благородный». Он скорее антипод Онегина (это Полежаев не раз подчеркивает), в социальном плане отчетливо не выраженный, но тяготеющий к демократии. Место действия не державный Петербург и его салоны, а «Москва кабацкая», а если и «Питер», то в травестийной, перевернутой плоскости. Действующие лица – «улица», люмпен-герои. Идейные послышки – угроза властям, бунт, выражение протеста, издевка над дворянским достоинством и литературой дворян, пропаганда демократического героя, демократических взглядов, демократической эстетики. «Внутренняя форма» произведения – обыгрывание «Евгения Онегина» (в первую очередь), а также ироикомическая традиция. Два основных результата, два главных вывода о содержательной ценности поэмы отложились в общественном сознании на долгие годы: 1) политическая злободневность, которую порой стремились «списать» за счет фривольности поэмы; 2) пародия на «Евгения Онегина». И то и другое приносит Полежаеву известность.

На что еще – кроме внешних деталей – обратил бы внимание читатель пушкинского времени, знакомый с «Евгением Онегиным» и «Сашкой»?

Во-первых, внешнюю фабульную и стилевую близость произведений можно принять и как литературную шутку, и как злое намерение. Ведь композиция, стиль, герои «Евгения Онегина» низвергнуты в ад сниженного социально-этического и эстетического мира и тем самым опорочены: «Мой дядя – человек сердитый... / Зато какая же мне скука / Весь день при нем в гостинной быть... / Бормоча: “Черт Вас побери!” – / Так, растянувшись на телеге / Студент московский размышлял...» (ср.: «Так думал молодой повеса, / Летя в пыли на почтовых...»); «Быть может, в Пензе / Городишка несноснее Саранска нет – / Под ним есть малое селишко, / И там мой друг увидел свет...» (ср.: «Родился на берегах Невы, / Где, может быть, родились вы / Или блистали, мой читатель...»)¹.

¹ Цит. по: Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 190.

Во-вторых, упоминание о пушкинском стихотворении-романсе «Черная шаль» встречается не в лучшем контексте:

И крик цыганской «Черной шали»
Трактира своды огласил;
И дикий вопль и восклицанья...

В третьих, пародируются характерные особенности стиля и словоупотребления пушкинской лирики вообще:

Ах, миг счастливый, быстротечный
Волшебных юношества лет!
Блажен, кто и радости сердечной
Тебя сорвал, как вешний цвет.

Казалось бы, по-пушкински. Ср.: «Блажен, кто в низкий свой шалаш / В мольбах не просит счастья!» («Мечтатель», 1815); «Блажен, кого под вечерок... / Моя Людмила поджидает» («Руслан и Людмила»); «Блажен, кто славный брег Дуная / Своєю смертью освятит» («Бахчисарайский фонтан»); «Любви безумную тревогу / Я безотрадно испытал. / Блажен, кто с нею сочетал / Горячку рифм <...>» («Евгений Онегин»).

Однако дальше у Полежаева следует:
Блажен, кто слез ручей горячий
Рукой Анюты утирал;
Блажен, кто жизни путь колючий
Вином отрадным поливал.
Пусть смотрит Гераклит унылый
С улыбкой жалкой на тебя,
Но ты блажен, о друг мой милый,
Забыв в веселье сам себя.

Пародирование становится явным. Причем с этой целью Полежаев использует пушкинский же прием – градацию, постепенное усиление черт пародируемого объекта (в данном случае стиля) с доведением их до абсурда. Блаженность¹ превращается в блажь, пьяный идиотизм (у того же Пушкина слово

¹ *Блаженный* – «о невозмутимо счастливом, исполненном блаженства» (Словарь языка Пушкина. Т. I. С. 132).

блаженный употребляется в значении «глупый, придурковатый», а слово *блажной* как «взбалмошный, своевольный»¹).

В-четвертых, неясно, как следует понимать параллелизм в изображении Онегина и Сашки: как подражание, шутку или как злую пародию, а то и социальное противопоставление:

Мог изъясняться по-французски
И по-немецки лепетать,
А что касается по-русски,
То даже рифмы стал кропать.
Хоть математике учиться
Охоты вовсе не имел,
Но поколоться, порубиться
С лихим гусаром не робел.
Он знал науки и другие,
Но это более любил...
Ну, ведь нельзя ж, друзья дорогие,
Сказать, чтоб он невежда был!

Или другие небезобидные параллели:

Не вы – театры, маскарады
Не дам московских лучший цвет,
Не петиметры, не наряды –
Кипящих дум его предмет.
Нет, не таких мой Саша правил:
Он не был отроду бонтон... <...>
В его пирах не проливались
Ни Дон, ни Рейн и не Ямай!
Но сильно, сильно разливались
Иль пунш, иль грозный сиволдай. <...>
Растянута, полувоздушна
Калипсо юная лежит,
...грозному послушна,
Она и млеет и дрожит.
Одна нога коснулась полу,

¹ Словарь языка Пушкина. Т. I. С. 132.

Другая нежно на отлет...¹

Ср. у Пушкина: «Блистательна, полувоздушна, / Смычку волшебному послушна, / Толпою нимф окружена, / Стоит Истомина; она, / Одной ногой касаясь пола, / Другою медленно кружит...».

Вряд ли у Полежаева была цель буквально пародировать «Евгения Онегина». Внешнее сходство, параллелизм с ним должны были стать скорее дополнительным средством привлечения внимания к поэме «Сашка», более яркого (в оппозиции) выражения «мира» Полежаева – социального, этического, художественного, тем более что в повествовании об Онегине много общего или, наоборот, полярно не соотносимого с жизнью Полежаева (Сашки): поездка к дяде в «Питер», то же лицемерие (но с демократической, мужицкой хитрецей), естественные для морали того времени мысли о возможном наследстве, черты сходства и различия в воспитании главных героев, их социальном статусе, окружении, условиях жизни.

«Сашка» получил известность. В 1826 году он уже вышел из круга разночинской среды московского студенчества и даже оказался в поле зрения Николая I. История, как говорится, получила огласку, а поэма редкую по эффекту рекламу.

Лермонтов засвидетельствовал популярность и нелегальный литературный авторитет полежаевского «Сашки» в своей одноименной поэме (вторая пол. 1830-х гг.):

...«Сашка» – старое названье!
Но «Сашка» тот печати не видал
И нездоровый он угас в изгнанье.

Читал ли Пушкин «Сашку»? Не известно. Знал ли о «Сашке»? По-видимому, да; причем, наверное, уже в 1826 году – через московских знакомых, литературную среду, порой пересекавшуюся с окружением Полежаева. То обстоятельство, что Пушкин мог и не читать поэмы, не имеет решающего

---

¹ Цит. по: Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. I. Стихотворения. Ч. 1. Лондон, 1861. С. 146.

значения. Скорее, наоборот: пересказы, слухи о пародийном отклике на «Онегина» масштабом, эффектом могли превзойти истинную меру пародийности и художественной ценности «Сашки», задеть Пушкина сильнее, чем прочтение им поэмы.

Еще одно обстоятельство отнюдь не ученического отношения Полежаева к пушкинскому творчеству связано с кавказским периодом его жизни. В поэме «Эрпели» (1830), своеобразном манифесте реализма в изображении Кавказа и войны, поэт не без иронии писал:

Не восхищался ли, как прежде,
Одним названием Кавказ?
Не дал ли крылышек надежде
За чертовщиною лететь,
Как то: черкешенок смотреть,
Пленяться день и ночь горами,
О коих с многими глупцами
По географии я знал,
Эльбрусом, борзыми конями,
Которых Пушкин описал,
И прочая...

Данные строки вполне можно понимать как насмешку над пушкинским романтизмом начала 1820-х гг., художественной наивностью писателя. Это Пушкин, наверное, тоже не оставил без внимания: в его библиотеке были кавказские поэмы Полежаева, изданные в 1832 году в Москве отдельной книгой (см. об этом далее).

Наконец, у Полежаева есть эпиграмма под названием «Ответ на вопрос Пушкина» (1833)¹:

Прошли все юности затеи,
И либеральные идеи
Под верноподанным кнутом.

Долгое время она толковалась именно как эпиграмма на Пушкина. Так, В.В. Баранов пишет: «Стихи отражают толки о

---

¹ В автографе слово *вопрос* подчеркнуто.

Пушкине и его камер-юнкерстве в общественных кругах Москвы, близких к Полежаеву, – разночинства, среднего офицерства, журналистов. Ответ следует понимать не как ответ Полежаева Пушкину, а как высказывание поэта на один из вопросов, поставленных в стихах Пушкина, вроде «Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный?»¹. По мнению же С.В. Обручева, эпиграмма Полежаева обращена к самому себе. Основания для этого у него были, поскольку в кавказских поэмах он, как считает исследователь, изменил прежним идеалам: в какой-то степени разделял официальную позицию царизма по отношению к войне с горцами, их предводителю Кази-Мулле, воспевал русских военачальников, выражая верноподданнические чувства. С.В. Обручев делает вывод, что кто-то в 1832–1833 гг. мог передать Полежаеву мнение Пушкина о его поэмах и удивление по поводу измены юношеским идеалам. И «Ответ на вопрос Пушкина» является, таким образом, буквальным откликом на услышанное им мнение Пушкина².

Однако гораздо больше оснований говорить о политическом «отступничестве» в те годы Пушкина. История отношения к Полежаеву – устная и литературная – не зафиксировала перемены политического кредо поэта, тогда как эволюция Пушкина была очевидна для всех. Она горячо обсуждалась и оставила след в автобиографических заметках, письмах классика, в документах его современников. Так, по свидетельству К.А. Полевого, сразу же после встречи с Николаем I писатель изменился, начал подчеркивать свое дворянское происхождение: «...нельзя было оскорбить Пушкина более, как рекомендуя его **знаменитым поэтом** (выделено К.А. Полевым)»³. В кружке братьев Критских, к которому был близок Полежаев, в 1827 г. полагали что Пушкин «ныне предался большому свету и думает более

¹ Баранов В.В. Примечания // Полежаев А.И. Стихотворения. М.; Л., 1933. С. 624.

² См.: Обручев С.В. Над тетрадьми Лермонтова. М., 1965. С. 57. Подтекст версии С.В. Обручева связан с доказательством отнесения стихотворения Лермонтова «К ***» («О, полно извинять разврат!») к Полежаеву.

³ Записки К.А. Полевого // Ист. вестн. 1887. Т. 28. С. 294; Т. 29. С. 569.

о модах и остреньких стихах, нежели о благе отечества»¹. Н.П. Огарев, хорошо знавший настроения студенчества 1820–1830-х гг., позже писал: «Неужто Пушкин увлекся Николаем Павловичем? странно сказать, – а это правда. <...> В 31 году он дошел до оды – “Клеветникам России”. <...> Польская революция иначе откликнулась в Сибири, сохранившей благородную традицию в лице мучеников 14 декабря»².

Важнее, однако, то, что эпиграмма как-то связывала двух поэтов. Полежаев ли думал о Пушкине, Пушкин ли о Полежаеве?.. Не исключено, что эпиграмму могли передать Пушкину.

Таким образом, мы располагаем многими фактами, говорящими об отношении Полежаева к Пушкину, отношении сложном, но в целом объективном. «Странная любовь» Полежаева к Пушкину была обратной стороной зрелого, осознанного почитания, выраженного отчетливо, полно, поэтически сильно в «Венке на гроб Пушкина»:

Он понял тайну вдохновений,
Глагол всевышнего постиг;
Восстал, как новая стихия,
Могуч, и славен, и велик –
И изумленная Россия
Узнала гордый свой язык! <...>
Где же ты, поэт народный,
Величавый, благородный,
Как широкий океан;
И могучий и свободный,
Как суровый ураган?

Теперь закономерно обратиться к другой стороне вопроса: Полежаев в восприятии Пушкина. Хотя, повторяем, прямых свидетельств отклика Пушкина на поэзию своего младшего современника пока не обнаружено.

---

¹ См.: *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 181.

² *Огарев Н.П.* Предисловие // Русская потаенная литература XIX столетия. С. 16–17.

Знал ли Пушкин о Полежаеве? Трудно отрицать, что да, знал... Имя и произведения последнего были популярны в пушкинское время, трагическая судьба поэта волновала многие поколения читателей, она ассоциировалась с декабристской волной освободительного движения, последствиями николаевской реакции.

Как уже говорилось, в библиотеке Пушкина были кавказские поэмы Полежаева, а также альманахи и журналы со стихами опального поэта. К сожалению, издание полежаевских поэм, принадлежавшее классику, не сохранилось. О нем известно лишь из первой описи книг Пушкина, сделанной наспех, без какой-либо системы¹. Поэтому мы не знаем, была ли книга подарена Пушкину кем-то, содержала ли она пометы или не была даже разрезана. Кавказская война являлась одним из главных событий рубежа 1820–1830-х гг., волновавших русскую общественность. Поэтому вряд ли Пушкин мог оставить без внимания сам факт появления книги поэм, живо, со слов очевидца, описывающих военные действия на Кавказе, тем более что они в какой-то степени продолжали традицию его «Кавказского пленника». Поэмы и предшествующий им сборник полежаевских стихотворений, среди которых было много с кавказским колоритом, анонсировались в 1832 году в «Московском телеграфе», «Сыне отечества и Северном архиве», получили хорошие отклики и рецензии. Пушкина могло привлечь и то обстоятельство, что Полежаев упомянул о нем в «Эрпели» и «Чир-Юрте», назвав «любимым нашим поэтом» и процитировав строки из IV гл. «Евгения Онегина». Пушкин и сам, как известно, продолжал интересоваться кавказской тематикой: «Путешествие в Арзрум», работа над поэмой «Тазит». Свидетельства же очевидца, участника кавказских событий, причем поэта, должны были представлять для него особый интерес. К тому же источников для подобных сведений было не так уж много: официальные сообщения о ходе боевых действий, например в «Северной пчеле», печатавшиеся там же романтически беллетризованные, ура-патриотические репортажи А. Бестужева

---

¹ См.: Модзалевский Л.Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 986, 987, 1005.

(«Письма из Дагестана») и его повесть «Аммалат-Бек», опубликованная в «Московском телеграфе», частная переписка, некоторые очерковые зарисовки. Полежаевские поэмы существенно дополняли картину кавказской войны, причем они заметно отличались от привычного представления о романтических произведениях своим документализмом, реалистическими деталями, показом войны «изнутри», глазами рядового солдата.

О знакомстве Пушкина с «Эрпели» косвенно может говорить появление в его произведениях фразеологических параллелей с полежаевским творчеством (в сходных художественно-смысловых ситуациях), почти реминисценций, ср.:

Пришед сюда, я **взором диким**
Окинул все, что прежде мне
Казалось чудным и великим...¹
(«Эрпели»)

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И **взоры дикие** навел
На лик державца полумира.
(«Медный всадник», 1833)

...Вещал [Кази-Мулла] в пророчестве безумном:
«Откройте сонные глаза,
Развесьте уши все народы!
Грядут со мною чудеса
И воскресение свободы!
(«Эрпели»)

«Однажды Кирджали сказал им: “Братья! час мой близок. <...> Скоро я с вами расстанусь. Мне хотелось бы вам оставить что-нибудь на память”. Турки **развесили уши**» («Кирджали», 1834).

И то, и другое словоупотребление ранее не было свойственно Пушкину².

¹ Примечательно, что процитированные строки соседствуют с упоминанием поэта о Пушкине (см. ранее).

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 643–645; Т. 3. С. 924.

Можно предположить, что книга Полежаева была у Пушкина не на последнем месте: в описи его библиотеки она имела № 228, то время как под № 235 значился роман Б. Константа «Адольф», переведенный в 1831 г. П.А. Вяземским, с посвящением Пушкину, – произведение, обсуждавшееся между писателями (Пушкин написал и заметку о переводе Вяземского). И хотя близкое соседство этих книг могло оказаться случайным, благодаря вторичной, белой описи (сведению разрозненных листов в единое целое)¹, все же очень вероятно, что в предварительной, черновой описи они упоминались на одном листе. Рядом с поэмами Полежаева находились, в частности, и такие книги, как «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве» (М., 1809) – № 205; «Басни Ивана Крылова» (СПб., 1835) – № 220; «Знакомые незнакомцы. Комедия-водевиль в одном действии П. Каратыгина» (СПб., 1830), подаренная Пушкину автором, – № 218.

С полежаевским творчеством Пушкин должен был соприкоснуться еще в январе 1826 году, познакомившись с присланным ему Е.А. Баратынским альманахом «Урания»², для которого Пушкин, по просьбе М.П. Погодина, переданной через П.А. Вяземского, отдал несколько своих стихотворений. В этом альманахе, заметном событии литературной жизни сер. 1820-х гг., о чем, в частности отозвался и А.А. Дельвиг («Урания» меня обрадовала одна в этом году»³), было помещено большое стихотворение Полежаева – перевод из Ламартина «Человек. Послание к Байрону», причем сразу же за пушкинской миниатюрой «Соловей и Кукушка». Вряд ли Пушкин мог пройти мимо имен Байрона и Ламартина. Они волновали его в той или иной степени на протяжении всей жизни.

Наконец, в библиотеке писателя были подборки журналов, в которых печатались стихи Полежаева: «Телескоп», «Вестник

¹ См.: *Модзалевский Л.Б.* Библиотека Пушкина... С. 987, 1000.

² «Посылаю тебе Уранию, милый Пушкин: не велико сокровище; но блажен, кто и малым доволен» (Баратынский – Пушкину, 5–20 янв. 1826 г. – XIII, 254).

³ Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: Кн. 1. СПб., 1888. С. 319.

Европы», «Московский телеграф». Так, сохранился № 4 «Телескопа» за 1832 год, разрезанный на страницах 469–486, 508–518, 589–604 (пагинация начиналась с № 1, а тот, о котором идет речь, – со стр. 469)¹. В этом номере на стр. 480–482 было помещено стихотворение Полежаева «Море», подписанное инициалами «А. П.». Следовательно, можно полагать, что Пушкин не только просматривал страницы с полежаевским стихотворением, но и обратил на них внимание, поскольку разрезал журнал выборочно. Отдельные номера «Телескопа» не разрезаны им вовсе, например № 12 за 1836 год, в котором опубликовано полежаевское стихотворение «Отчаяние». Либо Пушкин не успел прочесть журнал, либо был уже знаком с ним. Среди книг писателя находился и I том «Библиотеки для чтения» за 1834 год, в котором была помещена рецензия на сборник Полежаева «Кальян».

Есть свидетельства знакомства Пушкина и с иными периодическими изданиями («Молва», «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», «Галатей», «Сын отечества...» и др.), в которых печатались или рецензировались полежаевские стихи.

При жизни поэтов их произведения не единожды сталкивались, нередко следуя друг за другом, в альманахах «Эвтерпа» (1828, 1831, 1836), «Эрато» (1829), «Жасмин и роза» (1830), «Венера» (1831), «Лири граций» (1832)²; одновременно анонсировались в печати. Например, в № 3 «Московских ведомостей» за 1826 год (с. 74) объявлялось о содержании альманаха М.П. Погодина «Урания» (эта информация позже повторялась). В том же номере (с. 76) говорилось об издании «Стихотворений Александра Пушкина» в Петербурге. В № 56 «Московских ведомостей» за тот же год (с. 2239) было представлено содержание «Вестника Европы» с указанием стихотворения Полежаева «Иманкозел» (единственного в разделе «Стихотворения»), в № 60 (с. 2410)

---

¹ См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина (Библиогр. описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исслед. СПб., 1910. Вып. 9–10. С. 134–135.

² См.: *Смирнов-Сокольский Н.П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. № 280, 301, 324, 329, 347, 372, 377, 449.

– информация о стихотворении Полежаева «Гений», помещенном в очередном номере «Вестника Европы», в № 63 (с. 2519) – сообщение о торжественном заседании в Московском университете по случаю дня его основания, на котором «читаны стихи... слушателем Полежаевым». Интересно, что эти сведения печатались параллельно с официальными откликами на «происшествие, случившееся в Санктпетербурге 14 декабря 1825 года», подробностями о «зачинщиках», текстом обвинительного приговора декабристам, информацией о приезде царя в Москву и коронационных торжествах. Можно полагать, что уже в 1826 году имя Полежаева было у Пушкина «на слуху», хотя бы потому, что оно часто фигурировало в «Вестнике Европы» (с конца 1825 г.), изданиях Общества любителей российской словесности, «Московских ведомостях», документах Московского университета.

Это одна группа фактов, по которым можно судить о знакомстве Пушкина с поэзией Полежаева. Есть и другие доводы в пользу этого.

В пушкинское окружение входили и те, кто хорошо знал Полежаева и его творчество, а то и был с ним в дружбе. Кто же эти своеобразные посредники между писателями?

Во-первых, родственники и знакомые Пушкина, имевшие отношение к Обществу любителей российской словесности при Московском университете, сотрудником которого был Полежаев, в частности В.Л. Пушкин, И.И. Дмитриев, М.Н. Загоскин, П.И. Шаликов, З.А. Волконская, А.А. Писарев, Ф.Ф. Кокошкин, Н.А. Полевой, предположительно и П.А. Вяземский, который мог посещать заседания общества¹. Они проходили в зале Благородного пансиона, имели торжественный характер и привлекали внимание московской публики. Постоянным посетителем и одним из инициаторов общества был В.Л. Пушкин, который «под конец заседания всегда угощал слушателей чтением какой-нибудь басни»².

¹ См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988; *Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете: 1811–1911.* М., 1911.

² См.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета: В 2 ч. М., 1855.* Ч. 1. С. 26.

Княгиня З.А. Волконская была принята в почетные члены общества вместе с Д.И. Языковым, А.А. Шаховским на 77 заседании общества (19 февр. 1826 г.). На нем же был принят в сотрудники общества Полежаев и зачитан его перевод «Оскара Альвского» из Байрона. Как видно из протокола, Волконская присутствовала и на 78 заседании (27 февр.), где Кокошкиным были прочитаны стихотворения Полежаева «К бессмертию (Смерть Сократа)» из Ламартина и Волконской «Александрю I»¹. В первой половине 1826 года общество собиралось еще дважды: 3 апреля и 7 мая. В трудах общества печатались Тютчев, Шаликов, Капнист, В. Пушкин, А. Шаховской, Мерзляков, Раич, Ознобишин, М. Дмитриев, А. Родзянко, Шевырев, А.И. Писарев.

Во-вторых, университетские преподаватели и товарищи Полежаева, оказавшие влияние на его литературное формирование. Среди них – А.Ф. Мерзляков, М.П. Погодин, А.Г. Ротчев, Л.А. Якубович, Д.Ю. Струйский. А.Ф. Мерзляков – университетский учитель Полежаева, декан словесного отделения и организатор Общества любителей российской словесности. Известна, в частности, о правке им полежаевского стихотворения «Гений», написанного по заказу ректора². М.П. Погодин – старший товарищ Полежаева по университету. Из его дневников явствует о знакомстве с последним, о том, что он интересовался творчеством начинающего поэта и даже давал ему литературные задания³. Об их связи говорит и участие Полежаева в альманахе «Урания». А.Г. Ротчев – друг Полежаева, поэт с интересной судьбой, пересекавшейся с биографией Пушкина. Л.А. Якубович – близкий друг Полежаева, популяризатор его творчества, племянник М.Л. Яковлева, лицейского товарища Пушкина, сотрудник пушкинского «Современника». Д.Ю. Струйский

¹ См.: Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. М., 1826. Ч. 6. С. 288–292.

² См.: Лотман Ю.М. Неизвестный текст стихотворения А.И. Полежаева «Гений» // Вопросы литературы. 1957. № 2. С. 165–172.

³ См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. С. 318; Безъязычный В. Неизменный друг свободы // Огонек. 1979. № 37. С. 26.

(Трнлунный) – двоюродный брат Полежаева, поэт, музыкант, сотрудник «Литературной газеты».

В-третьих, московская литературная молодежь, знавшая Полежаева по университету, в котором он учился с 1820 по 1826 г. В эти же годы окончили Московский университет или Благородный пансион при нем С.Е. Раич, издатель «Галатеи», где нередко печатались стихи Полежаева, В.П. Андросов, издатель «Московского наблюдателя», Н.И. Надеждин, издатель «Телескопа» и «Молвы», пропагандировавших творчество Полежаева, а также Н.М. Рожалин, Д.В. Веневитинов, А.И. Кошелев, В.Ф. Одоевский. А.С. Хомяков. Д.П. Ознобишин, М.П. Розберг, С.П. Шевырев, Н.Ф. Павлов, К.И. Савостьянов, А.А. Краевский и др.

Пушкина и Полежаева парадоксально связывает и такая фигура, как Николай I, давший в 1826 году, сразу же после казни декабристов, одну за другой, две знаменитые «аудиенции»: Полежаеву – 28 июля и Пушкину – 8 сентября. Можно предположить, что разговор Николая I с Пушкиным велся и о *развращающем* влиянии поэтов-декабристов и раннего творчества Пушкина на студенческую молодежь, в частности на автора нашумевшей поэмы «Сашка».

Основные литературные связи Полежаева сформировались в московский период жизни – с 1816 по 1828 год, эпизодически – в 1833–1837 гг. В эти же годы не раз бывал в Москве и Пушкин, причем одновременно с Полежаевым в 1826–1827 и в 1833–1834 гг. Если жизненные обстоятельства и сталкивали их, то, скорее, именно в Москве.

Есть еще одно обстоятельство, подводящее к мысли о возможной одиозности имени Полежаева для Пушкина. Это приписывание последнему некоторых фривольных и политических произведений Полежаева, в частности «Небесное ликованье» (1824)¹, «Новодевичий монастырь» (1825), «Четыре нации» (1827). Сам по себе этот факт незначителен, ведь Пушкин

---

¹ См.: Вольная русская поэзия второй пол. XVIII – первой пол. XIX века. Л., 1970. С. 835; *Полежаев А.И.* Стихотворения. М.; Л., 1933. С. 684.

жаловался: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова» (Пушкин – Вяземскому, 10 июля 1826 г.); «Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне» (Дневники, 10 мая 1834 г.). Однако дело было еще и в том, что эти произведения приписывались Пушкину людьми, близко знавшими его, в частности Н.В. Гоголем. К тому же Пушкин и Полежаев часто подписывали свои произведения одинаково – «А. П.», о чем второй с иронией говорит в «Эрпели»:

Увидит чтец иной под пальцем
 В моих тетрадках *А* и *П*,
 Попросит ласковых хозяев
 Значенье литер пояснить –
 И мне ль бессмертному не быть? –
 Ему ответят: «*Полежаев...*»

Пушкин по крайней мере в 24 изданиях помечал свои произведения этими инициалами¹. Было от чего разозлиться на неизвестного (до поры) автора, имитирующего его стиль и использующего его имя в качестве своеобразного бренда.

Еще одно важное обстоятельство, проливающее свет на гипотетическое отношение Пушкина к Полежаеву, было раскрыто исследователем творчества обоих поэтов Н.О. Лернером (позже оно почему-то осталось в тени)².

Пушкину приписывалось нескромное, но по-своему изящное стихотворение «Первая ночь брака», распространившееся в нач. 1830-х гг. Слухи об этом доходили до него. В статье «Несколько слов о Пушкине» (1832 г.), опубликованной в 1835 году в сб. «Арабески», Н.В. Гоголь утверждал, что это сочинение не принадлежит поэту. По мнению Н.О. Лернера, данная ремарка была санкционирована самим Пушкиным. В 1836 году он говорил

¹ См.: Пушкин в печати: 1814–1837 / Сост.: Н. Синявский, М. Цявловский. М., 1938. С. 162.

² См.: Лернер Н.О. Пушкинологические этюды // Звенья. М.; Л., 1935. С. 180–182.

о том же своему шуруину Н.И. Павлицеву, просил «оповестить всех и каждого», что автор не он. Об этом сообщал А.Х. Бенкендорфу после смерти писателя и В.А. Жуковский.

Но была – параллельно! – и другая версия насчет авторства произведения. Так, Н.П. Огарев, предваряя, а затем комментируя данное стихотворение в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», рассуждал: «...иные приписывают ее тоже Полежаеву, но – к сожалению – мы слышали от знакомых с Пушкиным, что эта пьеса действительно его»; «Едва ли это стихотворение Полежаева, стих не его, да и сюжет ему, никогда не женатому, едва ли бы пришел о голову, – как вовсе не взятый из его личной жизни»¹. Н.В. Гербель, составитель подобного же берлинского сборника 1861 года, указанное стихотворение не поместил, отметив, что пьеса «написана покойным Полежаевым, что известно всем знавшим несчастного поэта»². Отверг версию о пушкинском авторстве, указав на Полежаева, и П.П. Каратыгин, автор воспоминаний о Н.Н. Пушкиной, опубликованных в 1883 году.

Теперь самое интересное. У Пушкина есть высказывание об *авторе* этого стихотворения – в составе черновой вставки в эскиз под названием «Отрывок»: «Но главную неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то: Эпитафия попу покойного Курганова, четв.<еростишие> о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен, учись, а коль хочешь быть в аду, женись, стихи на брак достойные пера Ив.<ана> Сем.<еновича> Баркова, начитавшегося Ламартина. Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличить стихов Нахимова от стихов Б<аркова> укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэт<ическому> досто<инству> и остроте» (VIII, 961)³. Под текстом «Отрывка» стоит дата – 26 окт. 1830 г. Черновая вставка сделана два года спустя, предположительно в

¹ Русская потаенная литература XIX столетия. С. 50, 72.

² См.: *Лернер Н.О.* Пушкинологовические этюды. С. 181.

³ Н.О. Лернер почему-то отнес эту вставку к другому пушкинскому эскизу – «Участь моя решена. Я женюсь».

сентябре 1832 году. Какое это может иметь отношение к Полежаеву? Известно, что он увлекался Ламартином (в 1820–1830-е гг. имя последнего было у всех на устах). Только в 1826 году он перевел 7 больших стихотворений французского поэта. Переводы были опубликованы в «Вестнике Европы», трудах Общества любителей российского словесности и альманахе «Уrania». Другой стороной оценки Пушкиным автора «Первой ночи брака» было подмеченное им «барковское» начало. Перу Полежаева, действительно, принадлежат строки и отдельные стихотворения эротического характера, в частности не публиковавшиеся «Дженни», «Калипса», написанные не позже 1826 г. Н.И. Пирогов, учившийся в Московском университете в одно время с Полежаевым, вспоминал: «Читалась и барковщина, но весьма редко, а заменяла в то время более современная поэзия, подобного же рода, студента Полежаева»¹. Таким образом, вокруг имени Полежаева к 1826 году сложился ореол и ламартианца, и последователя И.С. Баркова.

Н.О. Лернер сначала делает вывод, что Пушкин догадывался, кто автор стихотворения, и его меткая характеристика последнего основывается на эстетическом впечатлении от полежаевской поэзии. Но заканчивает свое рассуждение противоречиво: «Если же Пушкин не знал, что... “Первая ночь” написана Полежаевым, то это обстоятельство особенно заостряет его злой, но убийственно верный отзыв об авторе данной пьесы, в котором он со своей обычной зоркостью узнал и отметил отечественного “ламартианца”, испеченного на барковском сале»².

Самое время обратиться к анализу этого важного стихотворения. Ведь вероятность его принадлежности Полежаеву доказала бы убийственную точность пушкинской оценки произведения и его автора.

Во-первых, от Ламартина в этом сочинении ничего нет. Поэтому закономерно встает вопрос: был ли вообще знаком

---

¹ См.: Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 22.

² Лернер Н.О. Пушкинологовические этюды. С. 182.

Пушкин с текстом произведения? Если да, судя по его уверенному определению стилистики стихотворения и последующему замечанию в дневнике о «скверных стихах, исполненных отвратительного похабства», то почему так определенно направил свое раздражение на автора, «начитавшегося Ламартина»? Откуда такая уверенность? Или это тот же случай, что и приписывание им «Гавриилиады» другому: «Мне навязалась [новая<?> п<...><?>] на шею преглупая шутка. До прав.<ительства> дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм.<итрий> Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами. Всё это не весело<...>» (Пушкин – П.А. Вяземскому, 1 сент. 1828 г. – XIV, 26–27). Но ведь Полежаев был жив. Правда, к тому времени он «без смерти умер в белом свете», стал «живым мертвецом»... Не отсюда ли вытекает то, что Пушкин так и не обнаружил своей «догадки»? (Откуда в таком случае пошла версия о принадлежности стихотворения Полежаеву?) Можно вспомнить также историю с элегией на смерть Анны Львовны: «Ради бога докажи Вас.<илию> Льв.<овичу>, что Элегия на смерть Ан.<ны> Льв.<овны> не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. <...> Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате» (Пушкин – П.А. Вяземскому, между 15 и 25 сент. 1825 г. – XIII, 231).

Во-вторых, характерных стилевых или версификационных примет, по которым Пушкин мог угадать Полежаева, по крайней мере проявлений того Полежаева, которого мы хорошо знаем и которого мог знать Пушкин: порывистого, часто дисгармоничного, рефлектирующего, трагически-грустного или, наоборот, иронического – в стихотворении тоже нет. Перед нами иной тип лирического героя – рационалистический, чуждый темпераменту полежаевской любовной лирики. Узнать в этом стихотворении автора «Сашки», «Эрпели», «Вечерней зари», «Песни пленного ирокезца», других известных произведений и даже эротических пассажей (например, в «Новодевичьем монастыре») нельзя.

Стихотворение (109 строк) написано 4-ст. ямбом, без внешне выраженной строфики, с использованием четверостиший

впережку с шестистишиями. Три строфы «дефектны»: в одной – 5, в двух – 7 строк. При этом одинаково активно используются как перекрестные, так и опоясывающие рифмы (по 11 раз), в двух случаях – парная, не считая двустий, формирующих шестистишия. И, хотя у Полежаева в исключительных случаях встречается похожий строфический почерк («Новодевичий монастырь» – 1825 г., «Гальванизм, или Послание к Зевесу», «Грешница» – сер. 1830-х гг.), утверждать, что это характерная черта его поэтики, оснований нет. К моменту появления пушкинского замечания о «Первой ночи брака» Полежаев служил на Кавказе и вряд ли принимал близко к сердцу перемены в личной жизни Пушкина.

Как видим, эстетических оснований приписывать Полежаеву авторство стихотворения у Пушкина не было. Легко отпадает и обвинение анонимного автора в увлечении барковщиной. Баркова читали и почитали все. Многие, в том числе сам Пушкин («Тень Баркова», «Царь Никита и сорок его дочерей»), испытывали свое перо в этом роде. А вот столь редкое соединение двух противоположных начал – высокого религиозного романтизма Ламартина и низменной, греховной страсти – было едва ли не у одного Полежаева. Если Пушкин не собирался нацелить общественное мнение на последнего как создателя стихотворения, то не было ли его замечание об авторе «Первой ночи брака» *косвенной* характеристикой поэзии Полежаева, подобной отзыву о творчестве Бенедиктова, стихи которого (изд. 1835 и 1836 гг.) без каких-либо помет, надписей – также находились и библиотеке классика. *Слово было найдено...* И хотя до поры оно лежало мертвым грузом в неопубликованных записях, как «чеховское ружье», будучи письменно обронено, сохранилось для потомства.

Возможна и иная трактовка пушкинского отзыва об авторе «Первой ночи брака» – как Баркове в *романтической* редакции. Ср.: «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина» (Пушкин – А.А. Бестужеву, 30 нояб. 1825 г. – XIII, 245).

Многое в реконструируемом, загадочном восприятии Пушкиным Полежаева может прояснить отношение писателя к

другим поэтам не его круга – В.Г. Бенедиктову, Н.В. Кукольникову, А.В. Кольцову.

Как известно, Пушкин оставил крайне скупые, сдержанные отзывы об их поэзии: либо не предназначенные для печати (в письмах и дневниковых записях), либо устные, по существу эпиграмматические. Лишь однажды, под «чужим» именем («Письмо к издателю» в № 3 «Современника»), он упомянул о них, иронически сведя всех троих в одном контексте. Это было замечено современниками: «Пушкин, который молчит при посторонних, нападает на него (Бенедиктова. – Н.В.) в маленьком кружке с ожесточением и несправедливостью, которые служат пробным камнем действительной ценности Бенедиктова» (И. Гагарин – Ф. Тютчеву, март 1836 г.); «Надобно заметить, что Пушкин никогда ни слова не говорил о сочинениях Кукольника, хотя он, как известно, радовался появлению всякого таланта» (И.И. Панаев); «Интересно, как Пушкин судит о Кукольнике. Однажды у Плетнева зашла речь о последнем... Пушкин... сказал: “А что ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли”. Это было сказано тоном двойного аристократа: аристократа природы и положения в свете» (А.В. Никитенко).

Основываясь на подобных фактах, Л.Я. Гинзбург делает вывод: «Пушкин относился к Бенедиктову (как к Кукольнику) отрицательно... перед публикой он считал нужным скрывать свое отношение, частью молчанием, частью холодным доброжелательством. Это значит, что Пушкин заметил в Бенедиктове не одно только сравнение неба с опрокинутой чашей, но вещи, имевшие к нему гораздо более близкое отношение. Каков исторический смысл пушкинской враждебности и что вынудило Пушкина свою враждебность зашифровать – этот вопрос может быть поставлен только на фоне основных явлений литературной борьбы 30-х годов»¹.

1830-е гг. – время переосмысления пушкинской поэтики, путей развития поэзии вообще. Подводя итоги этому периоду, Н.А. Полевой писал: «Но та самая услуга, которую оказал Пушкин нашей поэзии,

¹ Гинзбург Л.Я. Пушкин и Бенедиктов. С. 116.

причинила ей и большой вред... Мы окружены “гладкими” поэтами... Пушкин открыл им тайну известной расстановки слов, известных созвучий...»¹. В данном контексте надо воспринимать и реакцию литературной общественности на появление стихов Бенедиктова: «...это живой и освежительный источник, пробившийся в пустыне нашей словесности в такое время, когда можно было наименее ожидать того» (П.А. Вяземский); «Появление стихотворений г-на Бенедиктова... поразило нас самым приятным изумлением... Здесь – настоящее... в каждой пьеске свежая мысль... Это уж не вялый плач, не смешные слезы, которыми подчивают нас элегические поэты» («Северная пчела». 1835. № 240)².

Творчество Полежаева с его «могучей энергией выражения» и «диссонансами» (В.Г. Белинский) в какой-то мере тоже наносило удар по школе «гармонической точности», воспринималось в контексте борьбы с эпигонством. Характерны отклики на первую книгу поэта, соотносящиеся в плане их источника, оценок и даже терминов с теми, которые появились три года спустя на стихотворения Бенедиктова: «Среди пустых, бездушных произведений современного стихотворства отраднo встретить целый том стихотворений, внушенных чувством истинным, неподдельным, незаимствованным» («Моск. телеграф». 1832. № 11. С. 355); «Звучность, плавность и гибкость стиха не суть главные достоинства стихотворений А. Полежаева, хотя составляют неотъемлемую их собственность, но поэтический взгляд, сильные чувства, энергия, а посему и оригинальность, вот что ставит большую часть его небольших пьес выше многих новых поэм и стихотворных повестей, в которых всегда сыщете звучные рифмы: “гений”, “вдохновений” – хотя ни того, ни другого в них не бывало» («Сев. пчела». 1832. № 222. С. 1).

Ревность Пушкина к поэтической славе, лидерству в литературном процессе могла сказаться и в отношении растущей популярности творчества Полежаева. Проигнорировать Бенедиктова, Кукольника он не мог: о них говорили всюду, они

¹ См.: Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. С. 94.

² Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. С. 119, 120, 140, 150, 152.

были вхожи в те же петербургские дома, были знакомы с ним. Полежаева можно было не заметить...

Еще на одну возможную причину невнимания к Полежаеву поэтов пушкинской плеяды и косвенно на причину особого резонанса стихотворений Бенедиктова указал Белинский в 1842 году: «Теперь много имен в нашей литературе, пользующихся только прошедшею своею известностию и на этом зыбком основании тщетно требующих себе внимания равнодушной к ним современности; и однако ж все они некогда заслоняли собою Полежаева, которого и теперь не видно из-за их поблекшей известности. И как им было не заслонить его? Их стихотворения печатались в Петербурге, издавались так красиво, сами они писали друг к другу послания, участвовали в приятельских журналах, и некоторых из них сам Пушкин печатно величал своими сподвижниками <...> В Москве Полежаев пользовался громкою известностию; там и доселе не забыт он; но Петербург вскользь слышит о существовании его как поэта: теперь же, когда Петербург давно уже центр администрации, день ото дня более и более делается центром умственной и всякой другой деятельности России, – теперь и литературная известность в России, даже в самой Москве, возможна только через Петербург»¹.

Так неужели Пушкин нигде даже намеком не говорит о знакомстве с произведениями Полежаева, столь увлеченного его творчеством юноши-студента, затем солдата, стилистически близкого к нему поэта (ведь приписывание «Первой ночи брака» обоим и полежаевских произведений Пушкину объективирует их литературную связь в сознании читателей XIX в.)? Ср.: «Он замечательно владел стихом, который своей свободой и могучеством часто возвышается до красоты пушкинского стиха»².

В «Капитанской дочке» (1833–1836) встречается забавное использование фамилии *Полежаев*: «– Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву? – Врешь, Максимыч, – сказала капитанша; – у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что

¹ Белинский В.Г. <Стихотворения Полежаева> // Собр. соч. Т. 5. С. 9.

² Быков П. А.И. Полежаев // Всемирная иллюстрация. 1888. № 3. С. 53.

мы его начальники». Здесь есть над чем задуматься, особенно если принять во внимание, что среди знакомых Пушкина были двое Ленских и Ларин. Случайно или нет выбор писателя пал на фамилию *Полежаев*? Случайно ли к ней присоединилось имя *Иван*, от которого образовано отчество А.И. Полежаева? Пушкин, конечно, осознавал социальную символику имени и фамилии *Иван Полежаев* – их не дворянский, не благородный характер. В этом плане особо воспринимается расстановка слов: «его **благородие** к Ивану Полежаеву», их понятийная и звуко-символическая противопоставленность. Была ли у писателя художественная необходимость в подчеркивании «кумовских» отношении между героями книги? Судя по содержанию, нет. А вот Александра Полежаева и Александра Пушкина в определенном смысле (в глазах общества) связывали «родственные» («А и П») и «кумовские» отношения: они были «крестными отцами» такого детища, как «Первая ночь брака», к тому же Пушкину приписывались полежаевские произведения¹. Конечно, подобное толкование пушкинского текста не более чем предположение². Но сколько раз исследователи творчества классика убеждались, что в его произведениях почти нет ничего случайного!

Молчание Пушкина в отношении Полежаева тоже вряд ли случайно. Так или иначе, оно содержательно, красноречиво. Это позиция: литературно-эстетическая, социальная, этическая.

Заканчивая статью о поэзии Полежаева (1842 г.), Белинский пишет: «Мы не обинуясь скажем, что из всех поэтов, явившихся в первое время Пушкина, исключая гениального Грибоедова, который один образует в нашей литературе особую школу, – несравненно выше всех других и достойнее внимания и памяти –

¹ Согласно «Словарю языка Пушкина», *кум* – «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери или отец крестника по отношению к его крестному отцу и крестной матери».

² Пушкин мог ориентироваться и на реальное лицо – казака Нижнеозерской крепости Полежаева, в доме которого останавливался Пугачев, о чем писателю поведала во время его путешествия по Оренбуржью очевидица тех событий И.А. Бунтова. См.: *Славянский Ю.Л.* Поездка А.С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 56–57.

Полежаев и Веневитинов... К буйной и страдающей музе Полежаева можно применить эти стихи Пушкина:

И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил...

Комета – явление безобразное, если хотите, но ее страшная красота для каждого интереснее мгновенного блеска падающей звезды, случайно возникающей и без следа исчезающей на горизонте ночного неба...»¹.

Была ли *комета* Полежаева беззаконной и безобразной для Пушкина?

***ПОЛЕЖАЕВСКАЯ РЕМИНИСЦЕНЦИЯ
В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА
«БЕЗУМНЫХ ЛЕТ УГАСШЕЕ ВЕСЕЛЬЕ...»***

Хорошо известно о влиянии творчества Пушкина на поэзию Полежаева, выразившемся в масштабном усвоении последним поэтики своего старшего современника². Указанное обстоятельство дало повод некоторым литературоведам XIX в. причислять Полежаева к «последователям Пушкина» и даже ставить его в этом ряду на первое место³. (Заметим, что совершенно иначе – на основе в первую очередь биографических, дружеских контактов – выявляется круг писателей пушкинской ориентации в работах современных исследователей.)

¹ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 5. С. 42.

² См.: Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. С. 76–91.

³ См., например: Петров К. Курс истории русской литературы. СПб., 1863. С. 161; Шелгунов Н.В. Соч.: В 3 т. 3-е изд. СПб., б.г. Т. 1. С. 370; Качановский В.В. Несколько слов о литературной деятельности современника А.С. Пушкина Александра Ивановича Полежаева // Вестн. славянства. 1888. Кн. 2. С. 2; Веселовский А.<лексей>. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1910. С. 187; Бобров Е. А.И. Полежаев о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1907. Вып. 5. С. 82–83.

Пушкин, как ни странно, проигнорировал Полежаева, не оставив даже упоминания о его творчестве. Однако за внешним невниманием – случайным или значимым – к яркой судьбе и дарованию популярного лирика 1820–1830-х гг. мог скрываться естественный, а то и ревнивый интерес к эстетическим новациям поэта, имевшим успех у читателей.

Следы знакомства Пушкина с поэзией Полежаева ощутимы, в частности, в его элегии «Безумных лет угасшее веселье...». В черновом варианте стихотворения, датированном 8 сентября 1830 года, есть такие финальные строки:

И может быть и мой закат печальный
Озолотит прощальной (Ш, 838).

Они явно перекликаются с заключительными аккордами стихотворения Полежаева «Провидение» (1828 г.), навеянными размышлениями поэта о вмешательстве Творца в его судьбу:

Он снова дни
Тоски печальной
Озолотил
И озарил
Зарей прощальной!

Оба контекста близки мотивом предчувствия смерти, одинаковой рифмой, ключевыми словами (*печальный, озолотить, прощальный, закат, заря*), изоструктурностью фраз: «Озолотит... прощальной», «Озолотил... прощальной». Лирический герой Пушкина соотносит свою жизнь с судьбой какого-то человека: «И может быть и мой закат...» – что, возможно, также инспирировано впечатлением от автобиографической рефлексии Полежаева.

Стихотворение Полежаева появилось в печати в 1831 году – в московском журнале «Телескоп», но распространялось в списках еще до первой публикации¹. Знакомство Пушкина с ним тем более вероятно, что в период, предшествующий написанию «Элегии», он

---

¹ См.: *Киселев-Сергенин В.С.* Примечания // Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1987. С. 514.

не раз бывал в Москве, где имя и творчество Полежаева пользовались особой популярностью.

В окончательной редакции «Элегии» Пушкин изменил строки, навеянные полежаевским «Провидением», вероятно, почувствовав их искусственность, чужеродность его поэтике, и закончил стихотворение следующим образом:

И может быть на мой закат печальный

Блеснет любовь улыбкою прощальной, –

придав тексту общеромантическую элегичность и лишив его скрытого указания на судьбу другого поэта.

А.С. ПУШКИН И А.И. ПОЛЕЖАЕВ: ДИАЛОГ СУДЕБ И ТВОРЧЕСТВА

Увидит чтец иной под пальцем

В моих тетрадках *А* и *П*.

Попросит ласковых хозяев

Значенье литер пояснить –

И мне ль забвенным, мне ли быть?

Ему ответят: «Полежаев...»

А.И. Полежаев. Эртели

Биографические *параллели* и творческие *пересечения* Пушкина и Полежаева уже были предметом специального исследовательского внимания¹.

Установлено, в частности, что Пушкин, несмотря на разнообразные стимулирующие обстоятельства (популярность полежаевского творчества у его современников, явное – от подражания до едва ли не пародирования – тяготение молодого автора к пушкинской поэзии, наличие полежаевских произведений в библиотеке писателя, следы знакомства с ними в творчестве классика, курьезное отнесение отдельных полежаевских сочинений

¹ См., например: *Николаева Е.Г.* Пушкин и Полежаев: (К проблеме литературного влияния). С. 152–163; *Васильев Н.Л.* А.С. Пушкин и Струйские: *три луны* русской поэзии в творческом сознании классика. С. 127–135.

к пушкинским и наоборот, участие порой в одних и тех же литературных изданиях, общий круг знакомых, известное сходство судеб, даже инициалов и др.) ни разу не упомянул о Полежаеве ни в художественном творчестве, ни в критике, ни в письмах, ни в дневниках, – продемонстрировав поразительную для его литературного кругозора слепоту или же намеренное невнимание к несчастному собрату по перу... Впрочем Н.О. Лернер полагал, что писатель косвенно намекал на Полежаева, защищаясь от приписывания ему после женитьбы нескромного стихотворения «Первая ночь (брака)»: «...стихи на брак, достойные пера Ивана Семеновича Баркова, начитавшегося Ламартина»¹.

Задача данной статьи – расширить представление о стыковках имен, творческих ипостасей и судеб обоих поэтов, что, надеемся, позволит хотя бы на шаг приблизиться к разгадке странного равнодушия Пушкина по отношению к Полежаеву, не выразившегося даже эпиграмматически, – если мы заподозрим автора оды «Вольность» в неприязни к поэту, пострадавшему от царизма за вольнолюбивую поэму «Сашка», вдохновленную первой главой «Онегина»...

Итак, по неизвестным причинам Пушкин умалчивает о Полежаеве. Между тем В.Г. Белинский подвел итог своего анализа полежаевской поэзии, соотнеся ее с именем Пушкина и даже буквально пушкинскими словами: «Мы не обинуясь скажем, что из

---

¹ См.: *Лернер Н.О.* Пушкинологические этюды. С. 181. Анализ версии исследователя см. в нашей статье: Пушкин и Полежаев... С. 60–63. По поводу авторства указанного анонимного стихотворения см., в частности: *Васильев Н.Л.* «Первая ночь брака»: (Опыт историко-литературного комментария) // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исслед. и материалы. Иваново, 1998. С. 221–236; *Он же.* К вопросу об авторстве стихотворения «Первая ночь брака», приписываемого А.И. Полежаеву // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева. Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 375–392; *Дубровский А.В.* «Мнимый Пушкин»: (Прижизненные списки эротических стихотворений и экспромтов, приписываемых Пушкину) // Пушкин и его современники. Вып. 3. СПб., 2005. С. 308–310.

всех поэтов, явившихся в первое время Пушкина, исключая гениального Грибоедова, который один образует в нашей литературе особую школу, – несравненно выше всех других и достойнее внимания и памяти – Полежаев и Веневитинов... К буйной и страдающей музе Полежаева можно применить эти стихи Пушкина: “И мимо всех условий света / Стремится до утраты сил, / Как беззаконная комета / В кругу расчисленном светил...”. Комета – явление безобразное, если хотите, но ее страшная красота для каждого интереснее мгновенного блеска падучей звезды, случайно возникающей и без следа исчезающей на горизонте ночного неба...» (1842 г.)¹. А.А. Григорьев, которому принадлежит знаменитая формула «...Пушкин наше все...» (1859 г.), ностальгируя по своей юности, вспоминал: «Вот она, эпоха сереньких, тоненьких книжек “Телеграфа” и “Телескопа”, с жадностью читаемых, дотла дочитываемых молодежью тридцатых годов, окружавшей мое детство, – эпоха, когда журчали еще, носясь в воздухе, стихи Пушкина и ароматом заполняли воздух повсюду, даже в густых садах диковинно-типического Замоскворечья <...>. Эпоха, над которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, в которой отзываются какими-то зловеще-мрачными веяниями тогдашнее время в трагической участи Полежаева. <...> Души настроены этим мрачным, тревожным и зловещим, и стихи Полежаева, игра Мочалова, варламовские звуки дают отзыв этому настрою...»; «Говорилось, и говорилось с азартом, о самоучке Полевом и его “Телеграфе” с романтическими стремлениями; каждая новая строка Пушкина жадно ловилась в бесчисленных альманахах той наивной эпохи; <...> из уст в уста переходили дикие и порывистые стихотворения Полежаева... Когда произносилось это имя и – очень редко, конечно – несколько других, еще более отверженных имен, какой-то ужас овладевал кругом молодых людей, и вместе с тем что-то страшно соблазняющее, неодолимо влекущее было в этом ужасе <...>» (1862 г.)². Н.П. Огарев, включив в «Историю русской потаенной литературы XIX столетия» (Лондон, 1861) произведения

¹ *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 5. С. 41–42.

² *Григорьев А.А.* Воспоминания. М., 1988, С. 5–6, 39.

Пушкина, Рылеева, Полежаева, Лермонтова и некоторых других поэтов, как наиболее ярких выразителей свободомыслия в России, противопоставил Пушкина и Полежаева в художественном отношении: «...в поэме (“Сашка”. – Н. В.) остался один цинизм, с недосугом обработать язык, лишенный изящной формы и изящных образов. Какое необъятное расстояние от эротических стихотворений Пушкина!»¹. Д.И. Писарев тоже расположил указанных поэтов по разные стороны своего эстетического водораздела («Реалисты», 1864 г.): «Если вы предложите мне вопрос: есть ли у нас в России замечательные поэты? – то я вам отвечу без всяких обиняков, что у нас их нет <...>. У нас были или зародыши поэтов, или пародии на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоедова; а к числу пародий я отношу Пушкина и Жуковского. Первые остались на всю жизнь в положении зародышей, потому что им нечем было питаться и некуда было развиваться. <...>. Но эти зародыши все-таки заслуживают нашего уважения... при благоприятных обстоятельствах из этих элементов могло выработаться что-нибудь порядочное. <...> о пародиях на поэта нам приходится высказать совершенно противоположное мнение. Эти люди... щебетали, как птицы певчие, и совершили... все, что они были способны совершить»². К.П. Петров, наоборот, поставил Полежаева в ряду «последователей Пушкина», причем впереди Дельвига, Баратынского, Языкова и др.³ Сходной позиции придерживался и Н.В. Шелгунов: «Пушкина сопровождает целая плеяда поэтов: Дельвиг, Языков, Баратынский, Полежаев»⁴. П.В. Быков писал, что Полежаев «замечательно владел стихом, который своей свободой и могучеством часто возвышается до красоты пушкинского...»⁵. По мнению В.В. Качановского, «Полежаев

¹ См.: *Огарев Н.П.* О литературе и искусстве. М., 1988. С. 105. См. также: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев в творчестве Н.П. Огарева // Н.П. Огарев: Проблемы творчества. Саранск, 1990. С. 93–109.

² *Писарев Д.И.* Литературно-критические статьи. М., 1940. С. 154–155.

³ См.: *Петров К.* Курс истории русской литературы. СПб., 1863. С. 161.

⁴ *Шелгунов Н.В.* Соч.: В 3 т. 3-е изд. СПб., б. г. Т. 1. С. 370.

⁵ См.: *Быков П.* А.И. Полежаев // Всемирная иллюстрация. 1888. 16 янв. С. 53–54; *Он же.* А.И. Полежаев // Нива. 1888. № 3. С. 82–83.

принадлежал к той роли русского писателя начала XIX столетия, какую всецело выразил в своей личности А.С. Пушкин»¹. А.Н. Пыпин подчеркивал, что «несомненное и сильное дарование» поэта «сохранило свою самобытность» даже «среди обаяния пушкинской поэзии», что он «был, конечно, великим поклонником Пушкина, но не был его учеником <...>»². А.Н. Веселовский рассматривал Полежаева в ряду наиболее талантливых последователей Пушкина, связавших «пушкинские традиции с вопросами новых поколений»³. Наконец, Е.А. Бобров считал, что Полежаев, являясь «заочным» учеником Пушкина, был художественно «конгениален» ему⁴. Следовательно, в восприятии русской критики и литературоведения имена поэтов не просто созвучны, а соотносительны то в форме бинарной оппозиции (эстетическая гармония – диссонанс, разрушение), то в парадигме «пушкинской плеяды»...⁵

Однако есть и другие примечательные подтверждения данной корреляции.

В июле 1826 года, почти сразу же после объявления и исполнения приговора по делу декабристов, Николай I прибыл в Москву для торжественной коронации. Спустя несколько дней молодой император знакомится с донесением «О Московском университете», автором которого являлся сотрудник только что сформированного III Отделения И.П. Бибииков, – после чего пишет записку министру просвещения А.С. Шишкову: «Имею необходимую надобность вас видеть равно как и ректора здешнего Университета Генерала Писарева <;> попрошу вас быть ко мне

¹ Качановский В. Несколько слов о литературной деятельности современника А.С. Пушкина Александра Ивановича Полежаева (унтер-офицера) // Вестн. славянства. 1888. Кн. 2. С. 2.

² Пыпин А.Н. Забытый поэт // Вестн. Европы. 1889. № 3. С. 153, 196.

³ Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. 4-е изд. М., 1910. С. 187–192.

⁴ См.: Бобров Е. А.И. Полежаев об А.С. Пушкине. С. 82–83, 106–107; Он же. Допотопный поэт // Сб. учено-лит. об-ва при имп. Юрьевском ун-те. Юрьев. 1908. Т. 13. С. 126–127.

⁵ См. также: Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. С. 76–91.

завтра, в 4 часов до полудни; и если есть на лицо здесь студент Александр Полежаев <> то и ему велеть быть тогда же ко мне»¹.

28 июля в Чудовом дворце Кремля происходит историческая встреча Полежаева с «пожирателем русских литераторов», последствия которой хорошо известны и составляют одну из наиболее устойчивых легенд русской литературы XIX в. Обстоятельства беседы императора с поэтом никем из присутствующих там лиц (Николай I, Полежаев, А.С. Шишков, предположительно попечитель Московского учебного округа А.А. Писарев) письменно не раскрывались. О некоторых ее подробностях можно с осторожностью, вследствие фактических неточностей, судить по рассказу А.И. Герцена, услышанному им от Полежаева в 1833–1834 гг., а позже изложенному в книгах «Тюрьма и ссылка», «Былое и думы»: «...И вот в одну ночь, часа в три, ректор будит Полежаева, велит ему одеться в мундир и сойти в правление. Там его ждет попечитель. Осмотрев, все ли пуговицы на его мундире <...> он без всякого объяснения пригласил Полежаева в свою карету и увез. Привез он его к министру народного просвещения. Министр сажает Полежаева в свою карету и тоже везет – но на этот раз уж прямо к государю. <...> Полежаева позвали в кабинет. Государь стоял, опершись на бюро, и говорил с Ливеном. Он бросил на взошедшего испытующий и злой взгляд, в руке у него была тетрадь. – Ты ли, спросил он, – сочинил эти стихи? – Я, – отвечал Полежаев. – Вот, князь, – продолжал государь, – вот я вам дам образчик университетского воспитания, я вам покажу, чему учатся там молодые люди. Читай эту тетрадь вслух, – прибавил он, обращаясь снова к Полежаеву. Волнение Полежаева было так сильно, что он не мог читать. Взгляд Николая неподвижно остановился на нем. Я знаю этот взгляд и ни одного не знаю страшнее, безнадежнее этого серо-бесцветного, холодного, оловянного взгляда. – Я не могу, – сказал Полежаев. – Читай! – закричал высочайший фельдфебель. Этот крик воротил силу Полежаеву, он развернул тетрадь. “Никогда, – говорил он, – я не видывал “Сашку” так переписанного и на такой славной

¹ Цит. по: Динесман Т.Г. Письма Полежаева к Л.А. Якубовичу // Лит. наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 611.

бумаге”. Сначала ему было трудно читать, потом, одушевляясь более и более, он громко и живо дочитал поэму до конца. В местах особенно резких государь делал знак рукой министру. Министр закрывал глаза от ужаса. – Что скажете? – спросил Николай по окончании чтения. – Я положу предел этому разврату, это все еще следы, последние остатки; я их искореню. Какого он поведения? Министр, разумеется, не знал его поведения, но в нем проснулось что-то человеческое, и он сказал: – Превосходнейшего поведения, ваше величество. – Этот отзыв тебя спас, но наказать тебя надобно, для примера другим. Хочешь в военную службу? Полежаев молчал. – Я тебе даю военной службой средство очиститься. Что же, хочешь? – Я должен повиноваться, – отвечал Полежаев. Государь подошел к нему, положил руку на плечо и, сказав: “От тебя зависит твоя судьба; если я забуду, ты можешь мне писать”, – поцеловал его в лоб. <...> Полежаев клялся, что это правда. <...> Годы шли <...> сделаться полицейским поэтом и петь доблести Николая он не мог, а это был единственный путь отделаться от ранца¹.

Есть и иные версии обстоятельств «полежаевской истории», запечатленные современниками поэта. Ср., например: «Когда государь Николай Павлович приехал в Москву на коронацию, то неизвестно кем-то рукописная поэма “Сашка” была передана ему. В другое время эта шалость и прошла бы, может быть, безнаказанно для поэта, но вскоре после движения декабристов, которое приписывалось вредному образованию юношества, трудно было рассчитывать на снисходительность. Действительно, государь взглянул на дело серьезно и потребовал к себе студента Полежаева. В биографическом очерке Полежаева <...> сказано, что ректор университета разбудил Полежаева часа в три ночи и велел сойти в правление, откуда попечитель округа повез его к министру народного просвещения и т. д. Госпожа Дроздова отрицает это (герценовскую трактовку событий. – Н. В.) и рассказывает следующее. Полежаев жил в номерах, на Тверской. Его взяли утром, в чем он был, и отвезли к государю в грязном сюртуке, с двумя пуговицами и в пуху. Когда государь, сурово взглянул на него,

¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 8. С. 165–168.

спросил: – Ты ли сочинил эти стихи? – Я, – ответил Полежаев. – Читай, – сказал ему государь, протягивая тетрадь. – Кто писал, тот читал, ваше императорское величество, – ответил поэт, опять сложив тетрадь и подав ее обратно. Бравый солдат, – произнес государь, смотря с любопытством на поэта. – Готов служить вашему императорскому величеству, – ответил, кланяясь, Полежаев. Когда поэт вышел из царского кабинета, то генералитет с участием говорил ему: – Надо было бы упасть к ногам государя и сказать: “Игра ума, ваше императорское величество”. На что поэт ответил: “Что сказано, то сказано”. Всякую другую передачу этого события в жизни поэта г-жа Дроздова положительно отрицает и называет выдумкой¹; «...в письмах своих отец сообщал нам о злополучной судьбе Полежаева: как за поэму его “Сашка” он, бывший студентом, схвачен был и приведен в кабинет государя Николая Павловича; как тот заставил его вслух читать свою поэму, а он неудобные для чтения места экспромтом заменял другими стихами; как царь, заподозрив подлог, вырвал у него из рук тетрадь и убедился в справедливости своей догадки. Николай никогда не прощал тому, кто дерзал его обманывать. Полежаев этому обстоятельству приписывал всю тщетность просьб о его помиловании»²; «Бывший в это время “попечителем университета и его учебного округа” генерал-майор А.А. Писарев стал вводить мундирную форму. До сего студенты одевались во что могли <...> Чтобы отличить казенных студентов от своекоштных, своего рода “генерал Скалозуб” придумал суконные погончики вроде почтальонских. Все это было утверждено полумертвым министром просвещения А.С. Шишковым, прибывшим в Москву к празднику коронации императора... Среди приготовлений к торжественному событию, вполслуха мы узнали, что выпущенный в сем году (1826) действительным студентом Александр Полежаев и читавший 3-го июля на университетском акте замечательное стихотворение “Гений” (известный разгулом, а еще более его цинической поэмой

¹ См.: Белозерский Е.М. К биографии поэта А.И. Полежаева // Ист. вестн. 1895. № 7/9. С. 644–647.

² *Старушка из степи* [псевдоним Е.И. Бибиковой, в замужестве Раевской]. Встреча с А.И. Полежаевым // Рус. архив. 1882. № 6. С. 235.

“Сашка”, пародией на Онегина) был потребован к императору, читал перед ним места из “Сашки”, указанные ему самим императором, в присутствии долголетнего старца Шишкова и попечителя Писарева, а затем отдан был в военную службу...»¹; «К вящему прискорбию министра и попечителя кто-то из “добрых” людей представил Государю стихи студента Полежаева под названием “Сашка”. Это стихотворение – не что иное, как подражание “Онегину” Пушкина, самое грязное и развратное, в котором помещено несколько стихов против самодержавного правления в России»².

Особенно интересна интерпретация данного события Н.И. Сазоновым, отражавшая романтические представления о личности Полежаева в среде молодых московских вольнодумцев: «...профессора отличали его как ученика выдающегося ума и дарования; товарищи обожали и видели в нем вождя студенческой молодежи: он воспевал гражданские доблести так же хорошо, как умел показывать в них пример»; «Этот юноша с пылким умом и живым воображением, воспитанный на чтении немецких и английских поэтов, проникся убеждением, будто он призван разыграть перед Николаем ту роль, которой Шиллер наделил маркиза Позу при Филиппе II; накануне аудиенции он говорил своим: “Вы будете свидетелями великих событий: молодой император призывает к себе самого молодого из русских поэтов; для нашего общества открывается новая эпоха; если я своего достигну, судьбы России совершенно изменятся; если Николай меня не поймет, мы с вами больше не увидимся!.. Но я своего достигну”»³. Далее следует рассказ публициста о беседе Николая I и Полежаева, попытках поэта повлиять на императора – что примечательно, перекликающийся с обращением Полежаева к Николаю I в послании

¹ Записки Н.Н. Мурзакевича // Рус. старина. 1887. № 2. С. 270.

² Третьяков М. Воспоминания // Рус. старина. 1892. № 9. С. 533–553.

³ [Сазонов Н. И.] La verite sur l'empereur Nicolas par un russe. P., 1854. Рус. пер.: Из литературного наследия Н.И. Сазонова / Публ. Б. Козьмина // Лит. наследство. М., 1941, Т. 41/42. С. 223–234. Писатель включил в книгу две главы о взаимоотношениях русского царя с поэтами: в одной фигурировал Пушкин («Николай и поэт», гл. 13), в другой – Полежаев («История другого поэта», гл. 14).

«Александр Петровичу Лозовскому» (1828): «Поймешь ли ты, что твой народ / Есть пышный сад, а ты – Ленотр, / Что должен ты его беречь / И ветви свежие не сечь...» – и поэтому не столь фантастичный, как может показаться на первый взгляд.

Спустя месяц после знакомства с автором «Сашки» Николай I вспоминает об авторе «Онегина». 28 августа 1826 года дежурный генерал Главного штаба А.Н. Потапов записывает резолюцию императора: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. <...> Пушкину позволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне»¹. 8 сентября 1826 года, когда военная администрация (А.Н. Потапов и др.) занималась поисками средств на экипировку унтер-офицера Полежаева², Пушкин прибывает в Москву. А.Н. Потапов сообщает об этом И.И. Дибичу, на что последний отвечает: «Высочайше повелено, чтобы вы привезли его в Чудов дворец, в мои комнаты, к 4 часам пополудни»³. В тот же день происходит встреча Николая I с Пушкиным, продолжавшаяся около часа, во время которой поэт дает обещание императору изменить прежний образ мыслей, после чего удовлетворенный монарх, провожая гостя, говорит придворным: «Теперь он мой»⁴. (Во время беседы с Пушкиным император должен был, наверное, вспомнить о предшествующей ей аудиенции, данной ему дерзкому и остроумному автору полупародийного подражания «Онегину».) Вслед за этим Пушкин снимает двухкомнатный номер гостиницы «Европа» на Тверской и проводит вечер в доме В.Л. Пушкина⁵. Как видим, совпадают многие существенные детали в жизни поэтов: «хронотоп», действующие лица и т. д. Отметим и то, что Пушкин, прибыв в Москву, отправляется к дяде, тогда как полежаевский

¹ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. / Сост.: М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М. 1999. Т. 2. С. 165.

² См.: *Васильев Н.Л.* Летопись жизни и творчества А.И. Полежаева // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева... С. 252–257.

³ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. С. 169.

⁴ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. С. 169.

⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. С. 169. С. 169.

Сашка, наоборот, уезжает из Москвы с «повинной» к идентичному петербургскому родственнику...

Литературными следствиями двух конфиденциальных встреч нового российского императора с подающими большие надежды молодыми русскими поэтами (один из которых был известен до того преимущественно в Москве, а другой уже повсеместно) были такие факты. Полежаев долгое время не мог прийти в себя от неожиданного поворота судьбы; о его отношении к событиям июля 1826 г. (казнь декабристов, коронация Николая I, не приведшая к ожидаемому политическому потеплению) можно судить по лирике первых месяцев подневольной армейской службы (1826–1828 гг.): «Навсегда решена / С самовластьем борьба / И родная страна / Палачу отдана» («Вечерняя заря»); «Царь на троне сидит; / Перед ним и за ним / С раболепством немым / Ряд сатрапов стоит. / <...>» («Валтасар»); «Стремлюсь в жару ожесточенья / Мои оковы раздробить / И жажду сладостного мщенья / Живою кровью утолить!» («Цепи»); «...И Русь как кур передушил / Ефрейтор-император! («Рок»); «Ай, ахти! ох, ура, / П<равославный> наш ц<арь>, / Н<иколай> г<осударь>, / В тебе мало добра!.. / Обманул, погубил / Ты миллионы голов – / Не сдержал, не свершил / И<мператорских> слов!.. / <...> / Так у<мней мы, чем встарь>. / П<равославный> наш <царь>, / Н<иколай> г<осударь>. / Ты бо<лван> наших <рук>: / Мы склеили тебя / И на тысячу штук / Разобьем, разлюбя!» («Ай, ахти! ох ура...»); «Я умру! На позор палачам / Беззащитное тело отдам! / <...>» («Песнь пленного ирокезца»). В это же время А.Х. Бенкендорф сообщает Николаю I: «Пушкин писатель в Москве и всюду говорит о Вашем Императорском Величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью, за ним все-таки следят внимательно»¹.

Пушкин наслаждается долгожданной свободой. Подобно автобиографическому полежаевскому тезке (с той лишь разницей, что один в Петербурге, а другой – в Москве), «Повеселиться там нисколько, / Никак не думав, не гадав, / Пирует Сашка мой и только! / Опять в кругу своих забав». Есть и такая интересная стыковка: 28 сентября 1826 года Пушкин отправился в Большой театр на оперу

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. С. 219.

Вебера «Фрейшиц»¹. Ср. похождения Сашки у Полежаева: «Взгремела “Фрейшица” музыка; / Гром плесков залу оглушил...».

Связывает Полежаева и Пушкина парадоксальным образом не только личность Николая I, обратившего в первые месяцы своего правления благосклонный взор на русскую поэзию и пожелавшего привлечь в сферу государственных интересов наиболее талантливых молодых авторов...

Небезызвестный И.П. Бибиков, проявивший себя на поприще русской словесности сначала как автор доноса на Полежаева, а позже сыгравший противоречиво-положительную роль в его судьбе (в 1834 г. он искренне подружился с поэтом и даже пригласил его погостить в кругу своей семьи в подмосковное с. Ильинское, где тот познакомился с Е.И. Бибиковой), наблюдал с помощью своей московской агентуры не только за студенчеством и профессурой, но и за возвращенным из ссылки Пушкиным. Так, предположительно 6 нояб. 1826 года И.П. Бибиков сообщал А.Х. Бенкендорфу: «Я слежу за сочинителем П. насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды В<олконской>, князя Вяземского (поэта), бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются, по большей части, на литературе. Он только что написал трагедию “Борис Годунов”, которую мне обещали прочесть и в которой, как уверяют, нет ничего либерального...» (в оригинале – на фр. яз.)². 7 декабря 1826 года он же в секретном донесении пишет управляющему канцелярией III Отделения М.Я. Фоку о литературной жизни Москвы и образованной им сети осведомителей: «Ваше превосходительство найдете при сем журнал Михаила Погодина за 1826 год («Московский вестник». – *Н. В.*), в котором нет никаких либеральных тенденций: он чисто литературный. Тем не менее я самым бдительным образом слежу за редактором и достиг того, что вызнал всех его сотрудников, за коими я также велю следить; вот они 1) Пушкин, 2) Востоков, 3) Калайдович, 4) Раич, 5) Строев, 6) Шевырев. Стихотворения

¹ Там же. С. 177, 182.

² Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. С. 199.

Пушкина, которые он ему передавал для напечатания в его журнале – это отрывки из его трагедии “Борис Годунов”, которые он не может сообщить никому другому, потому что, по условиям редакции, он не может предавать их гласности ранее напечатания. Из хорошего источника я знаю, что эта трагедия не заключает в себе ничего противоправительственного» (в оригинале – на фр. яз.)¹.

Из воспоминаний Е.И. Бибиковой (Раевской) известно, что ее отец, будучи неплохим поэтом-дилетантом, не только инициировал появление на свет стихотворения Полежаева «Тайный голос» (1834), но и вписал в него три заключительные строфы в смиренно-покаянном тоне, обращенные к Николаю I, послав контаминированную полежаевскую медитацию (конечно, помимо воли основного автора) своему дальнему родственнику и шефу А.Х. Бенкендорфу²: «Но нет! Кто снял завесу Провиденья? / Кто цель Всевышнего постиг? / Ужели Он не может для прощенья / Быть столь же благ и столь велик? // О Боже! И во мне среди страданий / Надежды пламень не погас. / Твердит душе глагол предвозвещаний: / “Твоей отрады придет час”... // Быть может, и меня, во мгле атомов, / Воспомнит Царь во дни щедрот, / И над главой моей – мечу законов: / “Пощада, милость” изречет!»³. Иного рода литературное «сотрудничество» связывало И.П. Бибикова с Пушкиным, о чем повествует та же мемуаристка: «Кроме любви к живописи, отец понимал музыку, обладал голосом и отличным слухом. Любил в досужее время писать стихи, из которых некоторые были напечатаны в периодических изданиях двадцатых годов. В “Послании” к дяде Илье Гавриловичу Бибикову, брату моей матери и лучшему другу моих родителей, исчисляя все деревенские удовольствия, он говорит:

Иль будем критики писать?
 Примером их – роман “Граф Нулин”.
 В нем про охоту говорят
 Невыгодно; и тем он дурен.

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 2. С. 210–211.

² О мотивах этого поступка и его следствиях см.: *Васильев Н.Л.* Летопись жизни и творчества А.И. Полежаева. С. 338–349.

³ См.: *Старушка из стети* [Раевская Е.И.]. Встреча с А.И. Полежаевым. С. 238–239.

Я не скажу, как тот чудак:
“Прости, жена! не жди к обеду!”
Охотник я, но не дурак:
И повторю жене: “Приеду!
Хотя и с тощим животом.
Ты ж сладким угости столом”.

По выходе в свет этого “Послания” отец сидел, по обыкновению, вечером в английском клубе в Москве, играл в вист. Подходит к нему Александр Сергеевич Пушкин.

– Иван Петрович! Неужели вам в самом деле не нравится мой “Граф Нулин?”

– Полноте, – отвечал отец. – Я пошутил: в рифму пришлось!»¹.

Примечательны и эскизные характеристики Полежаева и Пушкина, сделанные ярким бытописателем литературных жизни того времени чиновником А.Я. Булгаковым в письмах к брату К.Я. Булгакову: «Вчера много наделал беспокойства и насмешил нас, гуляющих на бульваре, мальчик лет 19 и пьяный, очень собой хороший. Пристал к даме одной, которую вел какой-то превысокий кавалер, начал учтивостями, а потом предложил ей 15 рублей; она отказалась, а он прибавил: да ведь 15 рублей бумажками, ассигнациями! Надобно думать, что она была таковская. Кавалер было вступился. – Молчи ты, немчура, тебе не дам и 15 копеек: ты даром, что высок, но и в лакеи не годишься. – Тот перепутался и ну прибавлять шагу. Мальчик сел на скамейку. Его все обступили, начали говорить, и я тут же. Подошли нищие. Шот, бывший со мною, заметил, что нищие эти всем надоедают, что должно их выгонять. – Зачем? – возразил пьянушка, – гонять бы надобно полицейских: вот эта сволочь так портит удовольствие *нашего брата*, а нищему скажешь: пошел прочь, он и отойдет. – Начал я добираться, кто он таков, будто лицо мне знакомо. – Знаете ли вы поэму “Сашеньку”? – Не знаю. – Ну, я ее сочинитель. – Знаете ли Генриаду? – Как не знать: Je chante ce héros, qui régna sur la France [Пою героя, который царствовал над Францией]. Ну, так я ее переводчик. Служите вы? – Нет, я буду служить. – Так вы еще учитесь? – Учусь. <...> Вы, верно, университетские? – Точно так! –

¹ Воспоминания Е.И. Раевской // Ист. вестн. 1898. № 11. С. 531.

Зачем же вы не носите мундир или сюртук с фуражкой форменною, как велено? – Оттого, что не хочу иметь вывески дурака, невежды, шалопая.– А разве лучше напиваться, и заводить шум на бульваре? – Признаюсь, не хорошо; как быть, заташили меня в ресторацию, впрочем я пьяный умнее князя Оболенского (куратора), когда он трезв. <...> Имени он не сказал, а мне сказал, что я – А.Я. Булгаков. Жаль молодого человека – такое счастливое лицо: видно и не глуп. Плох очень надзор в этом университете» (31 мая 1825 г.)¹; «Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая. Он читал у Вяземского свою трагедию “Борис Годунов”, которая объемяет всю его жизнь; он шагает по-шекспировски, не соблюдая никакого единства и позволяя себе все. Не думаю, чтоб напечатали эту трагедию...» (5 окт. 1826 г.)². В обоих контекстах обращает на себя внимание изоструктурность повествования – описание внешности поэтов, их основные творческие проявления в то время, произведенное ими на автора впечатление и т. д.

Весной 1829 года Пушкин в очередной раз приезжает в Москву, планируя отправиться в дальнейшее путешествие³; в это же время Полежаев готовится в г. Карачеве к походу на Кавказ, тоже в район боевых действий русской армии на Востоке⁴; первый – в качестве вольного наблюдателя, журналиста, второй – в статусе разжалованного из унтер-офицеров и лишенного личного дворянского достоинства рядового Московского пехотного полка (при этом оба поэта находились в поле зрения царя и III Отделения, в разной степени ограничивавших их свободу). В нач. мая Пушкин выезжает из Москвы, по пути останавливаясь в тех же городах, что и полк Полежаева, – Орле, Новочеркасске, Георгиевске...⁵ Возвращаясь из «путешествия в Арзрум», писатель с 15 августа по 8 сентября

¹ <Из писем А.Я. Булгакова> // Рус. архив. 1901. № 5. С. 195.

² Там же. С. 405.

³ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 26.

⁴ См.: Васильев Н.Л. Летопись жизни и творчества А.И. Полежаева. С. 290.

⁵ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 49, 66, 72; Ср.: Васильев Н.Л. Летопись жизни и творчества А.И. Полежаева. С. 291–292.

задержался в Пятигорске, Кисловодске, станице Горячеводской, в районе которых располагался в то время и Московский полк¹.

И последнее. На уровне гипотезы можно предположить, что хрестоматийные пушкинские строки «...Какой-нибудь *пиит* армейский / Тут (в “альбоме” уездной барышни. – *Н. В.*) подмахнул стишок злодейский» могли быть нацелены на Полежаева, если принять во внимание, что к моменту завершения Пушкиным работы над 4-й гл. «Онегина» и тем более времени ее публикации (31 янв. 1828 г.) автор «Сашки», по личному распоряжению Николая I, уже в течение полутора лет являлся «нижним чином» Бутырского пехотного полка. Язвительная характеристика «*пиит* армейский» в романе, где фигурировали в качестве шуточных персонажей некоторые знакомые Пушкину литераторы, вполне вероятно, замаскированная конкретная личность², и вряд ли она могла быть столь органично применима к какому-то другому поэту второй половины 1820-х гг., кроме Полежаева...

---

¹ См.: Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. Т. 3. С. 86–91; *Васильев Н.Л.* Летопись жизни и творчества А.И. Полежаева. С. 292–295.

² Ср., однако: *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. С. 435; *Илюшин А.А.* Пиит (Поэт) // Онегинская энциклопедия. Т. 2. С. 286.

**А.С. ПУШКИН И СТРУЙСКИЕ:
ТРИ ЛУНЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ КЛАССИКА...**

В истории русской литературы существует уникальная писательская династия Струйских: Н.Е. Струйский (1749–1796), его внук Д.Ю. Струйский (1806–1856), писавший под псевдонимом Трилунный, и незаконнорожденный потомок этого дворянского рода – А.И. Полежаев (1804?–1838). Каждый из указанных авторов оставил свой след в отечественной поэзии¹. Всех троих объединяет «маргинальное» положение в русской культуре, необычность жизненного пути, биографическая связь с селом Рузаевка Пензенской губернии, находившемся в относительной близости от Болдинского имения Пушкиных. В дворянском гербе Струйских фигурирует изображение трех лун (точнее полумесяцев), удивительным образом заключающее в себе символику трех поэтических светил ночного, теневого небосклона русской поэзии... Это символично на фоне таких почти прижизненных характеристик А.С. Пушкина, как «солнце русской поэзии».

Пушкин был хорошо знаком с творчеством указанных авторов, хотя, может быть, не вполне осознавал их кровное родство. Попытаемся обобщить то, что известно о внимании классика к произведениям, личностям, отчасти судьбам коллег по поэтическому цеху, двое из которых являлись его современниками.

В библиотеке писателя имелась книга «Апология к потомству от Николая Струйского, или Начертание о свойстве нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительных его поучениях» (СПб., 1788)². Это сочинение написано Н.Е. Струйским в защиту его

---

¹ См., в частности: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература; *Он же.* Струйский Д.Ю. // Русские писатели: XIX век: Биобиблиогр. слов.: В 2 ч. М., 1996. Ч. 2. С. 276–278; *Он же.* Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003; *Он же.* Д.Ю. Струйский (Трилунный): биография, творчество, библиография. Саранск, 2010 (2-е изд., испр. и доп. – Saarbrücken, 2011).

² См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. М., 1988 (репр. изд.). С.101 (№ 374).

литературного кумира, в яркой публицистической манере, причем прозой, что не характерно для наследия писателя¹. Неясно, что именно привлекло Пушкина – личность Сумарокова или интерес к литературным творениям рузаевского помещика, книги которого, изданные в Петербурге и в домашней типографии, еще при жизни их автора считались раритетными². Возможно, поводом к этому послужило и то, что о творчестве Н.Е. Струйского вспомнил в рецензии в «Московском телеграфе» на литературный дебют Д.Ю. Струйского «Аннибал на развалинах Карфагена» (СПб., 1827) П.А. Вяземский: «Имя Струйского уже известно в летописях нашего стихотворства, то есть известно малому числу литературных антиквариев наших. <...> Без сомнения, многие услышат от меня в первый раз, что есть книга “Сочинений Николая Струйского”, посвященная Екатерине Великой, напечатанная <...> по-тогдашнему, с отменной роскошью типографическою: прекрасным шрифтом, с затейливыми виньетками, медалями. В этой книге множество стихотворений *печатью мелкою убитых*: элегий, песен, подписей, посланий, эпиграмм, билетцев, од и проч.»³. Критик процитировал строки из стихотворения поэта «На смерть верного моего Зяблова...», отметив «довольно смелый, но живой и выразительный стих». Обратил внимание на сатирическую сторону поэзии Струйского: «В стихотворениях г-на Струйского много достается приказным лихоимцам: это также действие направления, данного Сумароковым, который с патриотическою смелостью напирал на пороки и злоупотребления своего времени. Сумароков имел в г-не Струйском горячего поклонника и усердного заступника. В его книге есть “Апология к потомству <...>”. Апология писана в опровержение статьи, напечатанной в “Петербургском вестнике” 1778 года <...>. При апологии находится и письмо к митрополиту Платону, которого автор сравнивает с Сократом: митрополит, благодаря его за присылку

¹ Позже книга неоднократно переиздавалась и была переведена автором на фр. язык, с приложением отзыва о данном сочинении крупного церковного деятеля той поры и литератора Платона (П.Г. Левшина).

² См., например: *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 85–87.

³ *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 85.

сочинения и за внимание, говорит ему между прочим: <...>. Все это любопытно в отношении к духу того времени; одним словом, в старых книгах наших более истории, чем в новейших <...>»¹. В той же статье П.А. Вяземский признается: «...я охотно желал бы узнать, где лежит поместье *Рузаевка*, и поклониться памяти <...> поэта и живописца (А. Зяблова. – Н. В.)». Интересно, что вскоре он частично осуществил это намерение, направляясь в имение своего тестя – с. Мещерское Пензенской губернии, о чем сообщил в письме к И.И. Дмитриеву 24 дек. 1827 г.: «Дорогою сделал я журнальное открытие, вообразите, что я был в двадцати верстах от *Рузаевки*, деревни поэта Струйского, о котором писал я в “Телеграфе”. Вдова его и два сына еще живы. Попалась ли им моя статья? Постараюсь проведать о том; жалею, что я не успел по обещанию своему <...> поклониться памяти поэта и живописца его; но летом, когда буду опять в здешней стороне, с набожной точностию исполню свой сердечный и журналистический обет»².

Не известно, знал ли Пушкин какие-то подробности из биографии старшего Струйского, зато с полной уверенностью можно утверждать, что он был хорошо информирован о младшем потомке этого старинного дворянского рода. Д.Ю. Струйский, как и его более знаменитый двоюродный брат, являлся незаконнорожденным ребенком одного из сыновей Н.Е. Струйского, но в отличие от Полежаева, со временем получил наследственную фамилию и соответствующие права.

В 1819 году Д.Ю. Струйский поступил в Московский университет, окончив его спустя три года по нравственно-политическому (юридическому) отделению с серебряной медалью за выпускное сочинение. Среди его однокурсников был, в частности, Ф.И. Тютчев. С 1822 по 1826 год Д.Ю. Струйский работал в Московском архиве Коллегии иностранных дел, вместе с другими «архивными юношами», остроумно воспетыми Пушкиным в «Евгений Онегине». Однако, по примеру многих своих сослуживцев, решил вскоре переехать в Петербург. Поступив на службу в

¹ *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. С. 87.

² Там же. С. 401.

Министерство юстиции, посвятил себя литературным и музыкальным занятиям – стал сотрудничать с периодическими изданиями, концертировать как скрипач в струнном квартете знаменитого придворного композитора, дирижера и исполнителя А.Ф. Львова. В 1830 году издал книгу «Стихотворения Трилунного», где была помещена, в частности, комедия «Онегин и Татьяна», написанная по мотивам «Евгения Онегина» и «Горя от ума». В это же время его стихи все чаще начинают появляться на страницах «Галатеи», «Московского вестника», «Телескопа», «Молвы», «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» и других изданий.

Особенно активно Д.Ю. Струйский сотрудничал с «Литературной газетой» А.А. Дельвига. Здесь печатались его стихотворения, рецензии, прозаические этюды. О близости писателя к пушкинскому кругу литераторов говорит и его участие в альманахе «Северные цветы». В последнем выпуске этого издания, подготовленного в память умершего Дельвига непосредственно Пушкиным, была помещена «Дума» Д.Ю. Струйского, посвященная личности президента Греции графа Каподистрия, имя которого ассоциировалось с идеями свободы. Пушкин, обязанный Каподистрия некоторым смягчением своей участи в период ссылки, вероятно, придавал публицистическому размышлению Д.Ю. Струйского немалое значение, поскольку включил его в альманах, когда тот был уже практически сформирован. Молодой автор заканчивает свои рассуждения так: «Мир праху твоему, доблестный муж! в холодный век эгоизма ты бескорыстно любил свое отечество. Любуясь величием твоей души, я часто думал: не обломок ли древнего мира занесла к нам благодетельная буря?

Твой гроб достоин струн и слез!
 Твое прекрасно назначенье.
 Ты скорбной Греции принес
 Привет России: возрожденье.
 Нет! Добродетель – не мечта.
 В наш век, расчетливый и злобный,
 Я укажу твой холм надгробный, –
 И онемееет клевета.

Оплачем смерть незабвенного гражданина: подобно древнему вождю израильтян, он видел обетованную родину в туманном отдалении. Но сбудутся надежды мужа советов, если Греция исполнит его завещание. В наши дни могила поглощает великого человека, и думы его переходят к преемникам, как родовое наследство»¹.

Творчество Д.Ю. Струйского инициировало появление на свет стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой...». Познакомившись с «Гробницей Кутузова» Трилунного, напечатанной в «Литературной газете» (1831, № 27. 11 мая), дочь полководца – Е.М. Хитрово писала Пушкину о желании видеть это стихотворение переведенным им на французский язык, на что последний ответил отказом, но в качестве компенсации послал ей собственное произведение на заданную тему...² По свидетельству В.Ф. Одоевского (нач. 1832 г.), Пушкин рекомендовал И.В. Киреевскому взять Д.Ю. Струйского в сотрудники журнала «Европеец»³. А.О. Смирнова (Россет) вспоминала, что в нач. 1830-х гг. Д.Ю. Струйского часто можно было видеть в филармонической зале Петербурга и что именно Пушкин указал ей на скромно внимавшего музыке поэта, раскрыв и его подлинное имя: «Тогда в “Северных цветах” часто печатали стихи Трилунного. Я говорила Пушкину: “Я уверена, что Трилунный здесь”. – “Конечно, он стоит в углу; фамилия его Струйский”»⁴.

Любопытен и такой факт. В статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (Телескоп. 1831. № 15) Пушкин использовал употребленное Н.И. Гречем, а вслед за ним и Трилунным в эпиграмме на Н.А. Полевого (Лит. газ. 1831. № 30. 26 мая) слово *верхогляд*: «Но кто же другие? Г-н *Полевой*? Но несмотря на прежние раздоры, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище *Верхогляда* и проч., *всей Европе известно*, что *Телеграф* состоит в добром согласии с “Северной Пчелой” и “Сыном отечества”»: *мизинчик* касается не его»⁵.

¹ Цит. по: Северные цветы на 1832 год. М., 1980. С. 110–111.

² См.: Пушкин А.С. Письма. Т. 3: 1831–1833. С. 26, 48–49.

³ См.: Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 108.

⁴ Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 291–292.

⁵ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 246; Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина. 1830–1831: Указ. содержания. М.,

В середине 1830-х гг. Д.Ю. Струйский, оставив службу, предпринял путешествие по Европе. О мотивах, подтолкнувших его к этому, поведал позже в своих воспоминаниях все тот же П.А. Вяземский: «В 1834 году гулял я во Флоренции по саду, который прозывается Boboli. Сад был совершенно пустынный. Вдруг в одной аллее... идет навстречу кто-то в форменном русском служебном фраке. <...> Это был молодой Трилунный, то есть Струйский. <...> Струйский был небогатый чиновник: поэтическое влечение уносило его в далекие края <...>. Он кое-как бережливостью своей сколотил из скудного своего жалованья небольшую сумму и отправился путешествовать по Европе: *путешествовать* в буквальном смысле этого глагола – и едва ли не обходил пешком всю Европу. Везде, где он ни был, осмотрел он все, что достойно внимания... В Риме, где я после опять с ним виделся, был он дружелюбно встречен русскими художниками... Около двух лет продолжалась мирная одиссея русского странника и поэта. Много потребно было силы воли и пламени в душе, чтобы совершить такой подвиг. Это не в русских нравах... <...> Прошло уже сорок лет, а я и ныне мысленно смотрю с уважением и особенным сочувствием на этот мундирный фрак, встреченный мною в саду Боболи»¹.

Во второй половине 1830-х гг. Д.Ю. Струйский продолжал печататься, сочинять музыку – выпустил, в частности, сборник романсов на стихи Пушкина, Вяземского и свои собственные («Мелодии Д. Струйского». СПб., 1837). Незаурядность его ярко проявилась и в сфере музыкальной критики. Он был одним из первых популяризаторов наследия Бетховена в России, пропагандировал сочинения Гайдна, Моцарта, Вебера, Мейербера. По мнению искусствоведов, «среди немногочисленной плеяды русских музыкантов, выдвинувшихся на поприще критики и эстетики в первой половине прошлого века, Струйскому, бесспорно, принадлежит одно из видных мест»². Однако после 1847 года следы литературно-

---

1966. С. 200. Цит. по: «Телескоп», 1831 г., № 15, с подписью: Ф. Косичкин. Ср. у Д.Ю. Струйского (Трилунного): «Наш близорукий верхогляд...».

¹ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 89–90.

² Бернандт Г. Статьи и очерки. М., 1978. С. 139–140.

музыкальной деятельности Д.Ю. Струйского теряются, причиной чего стало душевное заболевание, роковым образом преследовавшее многих представителей рода Струйских. Умер он в психиатрической клинике под Парижем, куда его отвез на лечение старший брат¹.

Хорошо известно о пиетете Полежаева по отношению к Пушкину². Однако последний парадоксальным образом умалчивает о своем современнике, – на что могли быть веские причины: появление вслед за первой главой «Евгения Онегина» эстетически дерзкой и отчасти пародирующей ее поэмы Полежаева «Сашка» (1825); язвительно-ироническое замечание поэта-воина в поэме «Эрпели» (1830) о художнической близорукости Пушкина как певца Кавказа³; не исключено, что и ревнивое отношение последнего к своей славе первого поэта в 1830-х гг., когда у русских читателей появились новые кумиры (В. Бенедиктов, Н. Кукольник и др.); приписывание Пушкину современниками некоторых идеологически и атеистически острых произведений Полежаева («Новодевичий монастырь, или Приключение на Воробьевых горах», «Четыре нации»); наконец, стихотворение «Первая ночь брака», ассоциировавшееся с именами обоих...

Тем не менее в библиотеке Пушкина были поэмы Полежаева «*Эрпели* и *Чир-Юрт*» (М., 1832), альманахи и журналы со стихами опального автора. Более того, можно предположить, что указанные поэмы находилась у него на виду: в сводной описи книг писателя полежаевская имела № 228, в то время как под № 235 значился роман Б. Констана «Адольф», в близком соседстве с ними (№ 205) находились «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве» (М., 1809), которые Пушкин изучал во время работы над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой».

¹ См., в частности: *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания... С. 292.

² См.: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. С. 76–91.

³ «Не восхищался ли, как прежде, / Одним названием “Кавказ”? / Не дал ли крылышек надежде / За чертовщиною лететь, / Как-то: черкешенок смотреть, / Пленяться день и ночь горами, / О коих с многими глупцами / По географии я знал, / Эльбрусом, борзыми конями, / Которых Пушкин описал / И прочая...» (*Полежаев А.И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1987. С. 268).

В творчестве Пушкина ощущаются следы знакомства с «беззаконной кометой» (В.Г. Белинский) поэзии Полежаева... В черновом варианте «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...», 8 сент. 1830 г.) финальные строки «И может быть и мой закат печальный / Озолотит ... прощальной» (III, 838) перекликаются с заключительными стихами необычайно популярного в те годы полежаевского «Провидения» (1828): «Он снова дни / Тоски печальной / Озолотил / И озарил / Зарей прощальной!»¹. О знакомстве Пушкина с «Эрпели» говорит появление в его произведениях («Медный всадник», «Кирджали») фразеологических параллелей с полежаевской поэмой². Не исключена ироническая рецепция им демонического образа «живого мертвеца (трупа)», характерного для романтиков второго поколения, прежде всего Полежаева (1826–1828 гг.)³, часто фигурирующего с некрологическими ассоциациями: «...Встает с одра Мазепа, сей страдалец хилый, / Сей **труп живой**, еще вчера / Стонавший слабо над могилой» («Полтава», 1828)⁴.

Н.О. Лернером в свое время было высказано достаточно уверенное предположение, что в пушкинском наброске «Участь моя решена. Я женюсь» содержится скрытый намек на Полежаева – в связи с приписыванием обоим нескромного стихотворения «Первая ночь брака», связывавшегося в общественном сознании с женьтибой Пушкина⁵: «...стихи на брак, достойные пера Ивана Семеновича Баркова, начитавшегося Ламартина» (VIII, 961). На наш взгляд, аргументы, выдвигаемые исследователем недостаточны для категоричного указания на Полежаева. Пушкин мог иметь в виду не

¹ См.: *Васильев Н.Л.* «Чужое слово» в русской поэзии (Из заметок филолога) // *Русская словесность*. 1997. № 5. С. 60.

² См.: *Васильев Н.Л.* Пушкин и Полежаев... С. 54–55.

³ См.: *Васильев Н.Л.* Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. С. 19–20.

⁴ Подробнее см.: *Васильев Н.Л.* Формы диалога с «чужим» словом в русской поэзии XVIII – нач. XX века // *Литературный текст: проблемы и методы исследования: «Свое» и «чужое» слово в худож. тексте*. Тверь, 1999. Вып. 5. С. 20.

⁵ См.: *Лернер Н.О.* Пушкинологические этюды. С. 180–182.

конкретного адресата, а современный ему тип «Баркова» вообще – так сказать, в романтической редакции¹. Кроме того, анализ поэтики «Первой ночи» и некоторых обстоятельств появления стихотворения на свет выявляют его петербургское происхождение, нет и текстологических оснований считать его пушкинским или полежаевским².

Не исключено, что в беседах Пушкина с Д.Ю. Струйским проявлялся интерес первого к личности Полежаева, ярко заявившего о себе поэмой «Сашка», перепевавшей «Онегина». Тем более, что возвращение Пушкина из михайловской ссылки произошло, по прихоти Николая I, вскоре после нашумевшей «полежаевской истории».

Таким образом, можно констатировать, что в сознании Пушкина имелись разрозненные представления о трех поэтах из рода Струйских: один был ему непосредственно знаком, а два других манифестировались их сочинениями в библиотеке писателя... Очное и заочное общение с ними оставило следы и в литературном наследии Пушкина.

---

¹ Ср.: «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина» (Пушкин – А.А. Бестужеву. 30 нояб. 1825 г.).

² См.: *Васильев Н.Л.* «Первая ночь брака» (Опыт историко-лит. комментария) // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исслед. и материалы. Иваново, 1998. С. 221–236; *Он же.* История одной мистификации // Сура. 1999. № 4. С. 142–156; *Он же.* К вопросу об авторстве стихотворения «Первая ночь брака», приписываемого А.И. Полежаеву // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева. Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 375–392. Мы склоняемся к тому, что указанное стихотворение могло быть написано, по чьему-то заказу либо наущению, А.И. Подолинским или его стилизатором (заметим, что всех троих потенциальных авторов объединяет не только simultанность лирического дискурса в русском романтизме, но и общность инициалов – *А.П.*, не фигурировавшая, впрочем, как текстологический аргумент).

**К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПЕРЕД ГРОБНИЦЕЮ СВЯТОЙ...»
(ПУШКИН И ТРИЛУННЫЙ)**

Как известно, творчество Д.Ю. Струйского (Трилунного) инициировало стихотворение Пушкина «Перед гробницею святой...». Познакомившись с «Гробницей Кутузова» Трилунного (см. Приложение), напечатанной в «Литературной газете» (1831, № 27, 11 мая), Е.М. Хитрово высказала Пушкину пожелание увидеть это стихотворение переведенным им на французский язык, – на что тот ответил дочери полковника 20 июня 1831 года: «J'ai rempli votre commission – с. à d. que je ne l'ai pas remplie – car quelle idée avez vous eue de me faire traduire des vers russes en Française, moi qui ne connoit même pas l'Orthographe? D'ailleurs les vers sont médiocres – J'en ai fait sur le même sujet d'autres qui ne valent pas mieux & que je vous enverrai des que j'en trouverai l'occasion [Я исполнил ваше поручение, – вернее, не исполнил его – ибо что за мысль явилась у вас заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, не знающего даже орфографии? Кроме того, и стихи посредственные. Я написал на ту же тему другие, не лучше этих, и перешлю их вам, как только представится случай]»¹.

Позже, в письме, датированном серединой сентября 1831 года, Пушкин посылает Е.М. Хитрово свое стихотворение со следующей припиской: «Ces vers ont été écrits dans un moment où il étoit permis d'être découragé – Grâce à Dieu, ce moment n'est plus – Nous avons repris l'attitude que nous n'aurions pas du perdre. Ce n'est plus celle que nous avez donnée le bras du Prince votre père, mais elle est encore assez belle. Nous n'avons pas de mot pour exprimer celui de *résignation*, quoique cet état d'âme, ou si vous l'aimez mieux cette vertu, soit tout à fait Russe. Le mot de *Столбнякъ* est encore ce qui le reproduit avec le plus de fidélité [Стихи эти были написаны в такую минуту, когда позволительно было пасть духом – слава богу, это время миновало. Мы опять заняли положение, которое должны были терять. Это, правда, не то

¹ См.: Пушкин. Письма. Т. 3. С. 26. Ср.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 356, 831 (в работе над данным томом участвовали Л.Б. Модзалевский, И.М. Семенко и Б.В. Томашевский).

положение, каким мы были обязаны руке князя, вашего батюшки, но все же оно достаточно хорошо. У нас нет слова для выражения понятия *безропной покорности*, хотя это душевное состояние, или, если вам больше нравится, эта добродетель чрезвычайно свойственная русским. Слово (*столбняк*), пожалуй, передает его с наибольшей точностью]» (XIV, 225; 436,437)¹. А спустя несколько дней напоминает об этом факте, беспокоясь, получила ли Е.М. Хитрово обещанное им: «Il y a pour vous une lettre à Petersbourg <...> j'y ai joint l'ode à feu le Prince votre père [В Петербурге есть для вас письмо <...> я приложил к нему оду, посвященную покойному князю, вашему батюшке]» (XIV, 230; 441)².

Исследователи пушкинского творчества, как правило, игнорируют первопричину, побудившую поэта к созданию данного произведения, или же стремятся принизить роль Д.Ю. Струйского, невольно стимулировавшего поэтическое вдохновение современника. Так, Н.В. Измайлов пишет: «Начало стихотворения Трилунного совпадает и в тематике, и в образности со стихотворением Пушкина <...>. Далее идет канонически построенная ода Кутузову. В его восхвалении нет ничего, относящегося к современности, – ни намеков, ни сопоставлений: славословие совершенно отвлеченно, отягчено многочисленными славянизмами, а в конце переходит в оправдание певца перед самим собою, в уверениях себя в искренности хвалы, в отсутствии лицемерия и лести в том, что Кутузов хвалы достоин. Это окончание звучит диссонансом, которого Пушкин не мог не почувствовать; к целому же стихотворению он должен был относиться только иронически, как к чему-то давно отжившему и забытому»³. Эту точку зрения разделял и Л.Б. Модзалевский⁴. Б.В. Томашевский вообще не обратил внимания на творчество Трилунного, посчитав, что стихотворение Пушкина возникло как результат его обостренного политического чутья: «Роман («Рославлев». – Н. В.) трактовал проблемы патриотизма и изображал критическую эпоху

¹ См.: Пушкин. Письма. Т. 3. С. 48–49.

² См.: Пушкин. Письма. Т. 3. С. 51.

³ Измайлов Н.В. Письма Пушкина к Е.М. Хитрово. Л., 1927. С. 124.

⁴ См.: Пушкин. Письма. Т. 3. С. 298.

русской истории – 1812 год. Международное и внутреннее положение 1831 года обостряло эти вопросы и делало их чрезвычайно актуальными. Достаточно вспомнить, что в июне им написано стихотворение “Перед гробницею святой...”, в августе – “Клеветникам России”, а в сентябре – “Бородинская годовщина”¹. Одновременно литературовед отмечал своеобразие пушкинской версификации в данном произведении: «Подобное сочетание рифм (ааВсВс. – Н. В.) довольно редко. Во французской классической поэзии эта строфа ведет начало от стансов Малерба <...>. Эта строфа интересна тем, что первоначально Пушкин применил ее в совершенно другом жанре – в песне председателя (“Пир во время чумы”) <...>”². Популяризатор пушкинской биографии В.В. Кунин, анализируя взаимоотношения писателя с дочерью полковника, делает вывод: «Не случайно Пушкин послал Елизавете Михайловне стихотворение “Перед гробницею святой”, прозрачно намекая на то, что в николаевской России нет человека, который мог бы, подобно Кутузову, гордо пронести славу русского оружия <...>”³. Наконец, в «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» имеются следующие справки: «**Июнь, 18–19.** Он (П.П. Новосильцов. – Н.В.) передает Пушкину “Историю французской революции” Минье, которую послала поэту Е.М. Хитрово, и письмо от нее с просьбой перевести на французский язык стихи Трилунного “Гробница Кутузова”»; «**Июнь, 19–20.** Стихотворение “Перед гробницею святой”, посвященное памяти М.И. Кутузова. Под текстом авторская помета: “1831”. Пушкин написал его, ознакомившись со стихотворением Трилунного “Гробница Кутузова”, которое по просьбе Е.М. Хитрово начал было [?] переводить на французский язык <...>»; «**Июнь, ок. (не позднее) 20.** Письмо Пушкина Е.М. Хитрово, в котором он <...>

¹ Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 114. Ср. также: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 511 (прим. Б.В. Томашевского).

² Томашевский В.В. Пушкин: Работы разных лет. С. 322–333.

³ См.: Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. / Сост., биогр. очерки и прим. В.В. Кунина. М., 1986. Т. 2. С. 415–416. Ср. также: Цявловская Т.Г. Неизвестные письма к Пушкину – от Е.М. Хитрово // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 253.

сообщает, как он поступил со стихотворением Трилунного, присланным для перевода»; «**Сентябрь, сер. (?)**. Пушкин посылает Е.М. Хитрово брошюру “На взятие Варшавы” и обещанное в июне стихотворение “Перед гробницею святой” <...>»¹. Однако в именном указателе «Летописи...» фамилия Д.Ю. Струйского фигурирует только в связи с выходом в марте 1830 г. «Стихотворений Трилунного», где была опубликована комедия-водевиль «Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание»². Это, на наш взгляд, тоже отражает тенденцию некоторых пушкиноведов не замечать Д.Ю. Струйского в числе литераторов, близких к Пушкину в начале 1830-х гг.³

В 1831 году Пушкин написал лишь несколько стихотворений, – меньше, чем в какой-либо другой период творческой деятельности, причем первым из них было «Перед гробницею святой...». Возможно, этим и объясняется то обстоятельство, что Е.М. Хитрово просила поэта дать возможность познакомиться европейскому читателю с лирическими размышлениями Д.Ю. Струйского об исторической миссии ее отца именно в прозаическом переводе на французский язык. Таким образом, поэтическое воздержание Пушкина было прервано отчасти благодаря знакомству с «одой» Трилунного, на которую он не мог не обратить внимания, поскольку имел отношение к «Литературной газете», где Д.Ю. Струйский был одним из постоянных авторов⁴. Думается, что ирония Пушкина в письме к Е.М. Хитрово вовсе не распространялась на Д.Ю. Струйского, к которому, судя по разным фактам, он относился с уважением, а скорее отражала общий тон почтительно-шутливого отношения писателя к дочери полководца.

В пушкинском стихотворении, несмотря на его несомненную оригинальность, обнаруживаются многочисленные лексические параллели с произведением современника (*гробница, святее/*

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 3. С. 348, 349, 387.

² Там же. С. 175.

³ Ср., однако: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 423.

⁴ См.: *Блинова Е.М.* «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, 1830–1831: Указ. содержания. М, 1966; *Васильев Н.Л.* Д.Ю. Струйский (Трилунный): биография, творчество, библиография. С. 81–88, 96–110.

святой, храм, столбы, седина, восторг, русский, царь, гроб, могила, орел, гранит/гранитный, слава/славный, спит и др.), объясняемые не только общностью темы, традициями поэтического языка, но и, вероятно, впечатлением писателя от публикации знакомого ему автора. Можно предположить, что и основной смысловой стержень стихотворения – обращение к М.И. Кутузову с призывом «воскреснуть» и «благословить» русское воинство на победы, указать на своего достойного преемника, – был навеян историко-литературной аналогией Д.Ю. Струйского, основанной на образах чрезвычайно популярного в те годы, вдохновляющего патриотической установкой «Слова о полку Игореве»: «Завиден вещей дар Баяна: / Когда в полночной тишине, / Великих тени из кургана / Он вызывает при луне...»¹. Ср. у Пушкина: «О, старец грозный! На мгновенье / Явись у двери гробовой, / Явись, вдохни восторг и рвенье / Полкам, оставленным тобой!». Таким образом, писатель воспользовался поэтической формулой Трилунного, возложив на себя сакральную миссию легендарного древнерусского барда...

Примечательно, что Пушкин не спешил публиковать свое стихотворение, несмотря на, казалось бы, его актуальность в контексте «польского вопроса», – то ли следуя известному завету Горация, то ли по другим соображениям, из которых решающими могли быть, во-первых, тематическое, жанровое и стилистическое следование Трилунному и, во-вторых, отношение писателя к роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Характерно, что в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» Пушкин не упоминает об этом полководце как достойном оппоненте Наполеона, зато восхваляет А.В. Суворова и И.Ф. Паскевича.

¹ Следует заметить, что Д.Ю. Струйский подготовил к тому времени поэтическое переложение «Слова...» и, следовательно, его обращение к этой теме не было случайным. См.: *Прйима Ф.Я.* «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли первой четверти XIX века // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 315–319; *Васильев Н.Л.* Д.Ю. Струйский (Трилунный)... С. 32–36.

К осмыслению роли М.И. Кутузова Пушкин возвращается – и то косвенно – в стихотворении «Полководец» (1835), посвященном М.Б. Барклаю-де-Толли:

...О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полпути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко <...>

В черновой рукописи произведения имелся такой фрагмент: «Там устарелый вождь! как ратник молодой, / Искал ты умереть средь сечи боевой. / Вотще! Приемник твой стяжал успех, сокрытый / В главе твоей. – А ты, непризнанный, забытый / Виновник торжества, почил – и в смертный час / С презрением¹, может быть, вспоминал о нас!» (Ш, 329–331, 518–519).

Та же мысль варьируется и в пушкинском стихотворении «Художнику» (Ш, 416):

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев! Вот Зевс Громовержец,
Вот из подлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.
Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов...

Стихотворение «Полководец», в отличие от «заказной оды» в честь М.И. Кутузова вскоре было опубликовано поэтом в

¹ Напрашивается с презреньем. – Н. В.

«Современнике» и вызвало большой резонанс¹. В анонсе о выходе III тома журнала в «Северной пчеле» (15 окт. 1836 г.) оно было перепечатано с восторженным замечанием, что талант Пушкина «мужается и растет», «Россия должна ждать от него много прекрасного и великого»². Спустя два дня Л.И. Голенищев-Кутузов отмечает в дневнике, что, несмотря на некоторые «прекрасные» строки, размышления поэта о его герое «противны истине»; описывает реакцию Е.М. Хитрово: «Она была очень возбуждена и крайне раздражена стихами, которые Пушкин написал к портрету Барклая... у кузины были слезы на глазах, она говорила мне о неблагодарности Пушкина, которого так хорошо приняла...»³. Вскоре Л.И. Голенищев-Кутузов пишет «Критическую заметку на стихотворение Пушкина *Полководец*», которую 3 ноября передает для ознакомления в Цензурный комитет П.И. Гаевскому, быстро одоббившему ее и передавшему на рассмотрение министру просвещения, председателю Главного управления цензуры С.С. Уварову, также удовлетворенному ее содержанием. Вечером того же дня «заметка» была направлена в типографию, – по странному совпадению, за день до того, как Пушкин получит по почте «Диплом Ордена Рогоносцев»... 4 ноября Е.М. Хитрово, пересылая ему нераспечатанный анонимный пасквиль, сообщает: «Je viens d'apprendre que la Censure a laissé passer un article de refutation sur vos vers, cher ami. La Personne qui les a écrit, *est furieuse contre moi* – n'a jamais voulu ni me les *montrer* – ni les *retirer*. – On ne cesse de me tourmenter pour votre élegie – je suis comme les martyrs, cher Poushkin, je vous en aime d'avantage et je crois à votre admiration pour notre Héros et à votre sympathie pour moi! [Я только что узнала, что цензурой пропущена статья, направленная против вашего стихотворения, дорогой друг. Особа, написавшая ее, *разъярена на меня* и ни за что не хотела *показать* ее, ни *взять ее обратно*. Меня не перестают терзать за вашу элегию – я настоящая мученица,

¹ См., в частности: Трофимов И. «Полководец» // Прометей. №. 10. М., 1974. С. 186–200; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 548, 556, 561, 570–571.

² Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 511–512.

³ Там же. С. 512–513.

дорогой Пушкин; но я вас люблю за это еще больше и верю в ваше восхищение нашим героем и в вашу симпатию ко мне!])» (XVI, 180–181, 394). 5 ноября статья Л.И. Голенищева-Кутузова была напечатана полным тиражом¹. Ее автор, в частности, отмечал: «Поэт полагает, что генерал Барклай-де-Толли уступил лавровый венок князю Голенищеву-Кутузову <...> сожаления достойно, что поэт позволил себе такой совершенно неприличный вымысел»².

Познакомившись с репликой Л.И. Голенищева-Кутузова, Пушкин пишет «Объяснение», вскоре помещенное в очередном томе «Современника»: «Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. <...>

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священо для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли после ужасной битвы, *где равен был неравный спор*, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! <...>

Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и

¹ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 525.

² См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 711 (прим. Б.В. Томашевского). Комментарий неточно указывает инициал имени Л.И. Голенищева-Кутузова и год написания стихотворения «Перед гробницею святой...».

уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унижить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру – на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом: одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:

«Иди, спасай!» Ты встал – и спас... и проч.» (XII,134).

Пушкин ограничился цитированием лишь первых трех строк своего стихотворения, – вероятно, по той причине, что две заключительные перестали быть актуальными вскоре после его создания (см. письмо к Е.М. Хитрово в сентябре 1831 г.). Это могло быть главной, но не единственной причиной того, почему поэт не опубликовал стихотворение. Откликаясь на просьбу дочери

М.И. Кутузова, он сумел преодолеть границы обычной оды, – придать произведению резкую политическую и патриотическую тональность:

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм – в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

11 января 1837 года в «Северной пчеле» (№ 7) появилась статья Ф.В. Булгарина «Правда о 1812 годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников», написанная по поводу «Полководца». Автор хвалил поэта за «дань благодарности чужеплеменному соотечественнику (а не чужеземцу), сыну России, хотя неславянской крови», отмечал, что поэту простительна «поэтическая гипербола» в отношении исторической роли Барклая-де-Толли¹. То обстоятельство, что Ф.В. Булгарин являлся поляком по происхождению, придает его рассуждениям особый смысл в контексте литературной истории пушкинского стихотворения «Перед гробницею святой...».

Сделаем выводы. Произведение Пушкина было навеяно знакомством со стихотворением Трилунного, перекликается с ним тематически, стилистически, отчасти лексически и жанрово – в одической плоскости. Поводом к его написанию послужила просьба к поэту со стороны дочери полководца. Стихотворение не было опубликовано Пушкиным по ряду обстоятельств: вторичность по отношению к искреннему лирическому излиянию Д.Ю. Струйского²; быстрая смена внешних событий, приведшая к

¹ См.: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 570.

² У Трилунного могли быть личные основания воспевать М.И. Кутузова – двое из родных братьев его отца являлись участниками Бородинского сражения и западных походов русской армии. См.: *Васильев Н.Л.* Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и

потери злободневности написанного; особая позиция поэта в осмыслении роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года; очевидные симпатии к более «романтической» фигуре Барклай-де-Толли; возможно, и неоднозначное отношение к дочери полководца, иногда вызывавшей у него раздражение. В последующем Пушкин воспользовался данным произведением в качестве своеобразной «акции прикрытия» своих подлинных творческих побуждений, не без лукавства процитировав поэтические строки из письма к Е.М. Хитрово, написанного за несколько лет до этого...

*Трилуный
ГРОБНИЦА КУТУЗОВА¹*

Великолепен Русский храм,
Где по сияющим столбам
Висят отбитые знамена
И на орлах Наполеона
Видна заржавленная кровь...
(Сильна к отечеству любовь!)

Я подхожу к ограде мирной,
Где спит великий человек:
Как солнце в пустыни эфирной
Он путь торжественно протек,
И на закате дивной жизни
Был избран Богом и Царем
Служить признательной отчизне:
Он был ей славой и щитом.

Я испытал восторгов пламень,
Молчаньем гроба поражен,
Едва взглянул на грустный камень
И был святыней утрашен.
Гранит холодный и угрюмый

верноподданного. С. 20–21, 29; *Он же*. Струйские: Из истории дворянских родов России // Центр и периферия: Науч.-публиц. альманах. Саранск, 2003. С. 96–97.

¹ Полководец похоронен в Казанском соборе г. Санкт-Петербурга. – *Н. В.*

Лежал в бездушной тишине:
В моем челе роились думы,
И здесь предстала Вечность мне.
Как животворный огонь, сияли
Ее истленные скрижали;
Все что прошло, что далеко
В них кто-то врезал глубоко.

Герой, любимый небесами,
О, если б я достоин был –
Какими б жаркими слезами
Твой хладный пепел оросил!
Какой неведомою силой
Над сей безмолвною могилой
Моя бы тень передала
Твои прекрасные дела!

Завиден вещий дар Баяна:
Когда в полночной тишине,
Великих тени из кургана
Он вызывает при луне;
Могила древности седая,
Могильным песням уступая,
Добычу тленья выдает;
Ему внимая, воин юный
Бессмертьем дышащие струны
Благословляя, слезы льет!

А я, святыней очарован,
В священном ужасе стою;
Но мой язык как смертью скован,
И буря душит грудь мою!
Гляжу на грозные трофеи,
На блеск металлов и огней,
И сам не знаю, что святее:
Сей храм иль тесный мавзолей?
Я сильно чувствовать умею,
Но вижу ряд великих дел –
И петь великого не смею...

Но вот вдали парит орел
На Бородинские долины:
Он трижды царственно обвел
Вождя священные седины,
И крик воинственной дружины
Того орла благословил.
Вон там багровой полосой
Зарделось небо под Москвою.
И вздрогнул Русский, за пожар
Готовя мстительный удар.
Вон там, – под синим океаном
Скала пустынная стоит,
И дремлет старый инвалид
Над неоплаканным курганом...^{*}
Он не забвен надгробной тризной,
И храм святой вождя покрыл
Благословенного отчизной.

Не лицемерно я кадил
И не склонял для злата выю:
В лице Героя я почтил
Благословенный плод России;
Я лобызал его гранит,
Души исполнил долг священный,
И пусть слеза моя блестит
Над сей гробницею нетленной.
Я в прах пред ней повержен был
Неодолимым умиленьем,
Но я души не посрамил
Сим благородным униженьем.

---

^{*} Могилу Наполеона и теперь еще сторожит гарнизон, составленный из старых солдат (прим. Д.Ю. Струйского).

**А.С. ПУШКИН И Л.А. ЯКУБОВИЧ:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ**

Л.А. Якубович (1808–1839), может быть, не слишком заметная фигура в окружении Пушкина¹, однако она заслуживает специального внимания.

Поэт был сыном А.Ф. Якубовича, издателя знаменитого сборника «Древние русские стихотворения», в 1800-х гг. служащего Московского почтамта². По материнской линии являлся племянником лицейского товарища Пушкина писателя М.Л. Яковлева и его брата, тоже литератора, П.Л. Яковлева, в свою очередь племянников А.Е. Измайлова. Таким образом, он был не только щедро одарен литературными генами, но и от рождения «виртуально» вхож в окружение и творческую планиду своего современника.

С 1821 по 1826 годы Л. Якубович учился в Благородном пансионе при Московском университете, где сблизился, в частности, с будущим карикатуристом, сотрудником журнала «Искра» Н.А. Степановым³. Входил в кружок С.Е. Раича, вспоминая в 1854 году: «...под моим руководством вступили на литературное поприще некоторые из юношей, как то: г. Лермонтов, Стромиллов, Колачевский, Якубович, В.М. Строев. <...> по субботам, собирались они в одном из куполов, служивших моею комнатою и пансионскою библиотекою»⁴. Л. Якубович мог повлиять и на творческое

¹ См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 524–525.

² См.: *Безъязычный В.И.* А.Ф. Якубович – редактор и первый исследователь сборника Кириши Данилова // Книга. Сб. XXV. М., 1972. С. 152–165; *Костин А.А.* Якубович Андрей Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 461–463.

³ См.: *Сахаров И.П.* Записки // Рус. архив. 1873. № 6. Стб. 954; *Вацуро В.Э.* Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 57–58.

⁴ Автобиография С.Е. Раича // Рус. библиофил. 1913. № 8. С. 32–33.

становление М.Ю. Лермонтова¹. В эти же годы завязалась его дружба с А.И. Полежаевым². В круг близких знакомых обоих входили Ф.А. Кони и В.И. Соколовский³.

После окончания пансиона Л. Якубович жил то в Туле, куда переехали его родные, то в Москве, где останавливался у своего друга С.И. Терпигорева; общался и с И.П. Сахаровым, в то время студентом Московского университета⁴.

Первые стихи Л. Якубовича появляются в печати с 1828 года в «Атенее» М.Г. Павлова, затем в «Галатее» С.Е. Раича. Они отмечены конфликтностью лирического героя с «глупцом или невеждой», романтической концепцией творчества, философичностью, нотками демократизма, фольклорными элементами, лаконичностью – чертами, присущими в основном и последующей его поэзии. Отдельные произведения поэта навеяны пребыванием в конце 1820-х гг. в Одессе, на Кавказе. Сотрудничает он в это время и с А.Г. Ротчевым, объединяясь с ним на почве ориентализма⁵.

С Пушкиным поэт познакомился в Москве, о чем сообщал 22 января 1831 года П.И. Воняряльской: «Я познакомился с <...> Пушкиным, который на днях женится. Напрасно говорят, что в нем не видно поэта, – решительно скажу вам: весь гений, все пламя жреца муз горит в его прекрасных глазах. Я читал “Годунова” раз 30

---

¹ См.: *Бродский Н.Л.* М.Ю. Лермонтов: Биография. Т. 1. М., 1945. С. 110–111, 122–125, 133–138, 144, 345; *Леонидов Н.Л.* Якубович Л.А. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 642.

² См.: *Сахаров И.П.* Указ. соч. Стб. 955; Письма Полежаева к Л.А. Якубовичу / Публ. Т.Г. Динесман // Лит. наследство. Т. 60. Кн. 1, ч. II. С. 608–614; *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. С. 113–114.

³ См., например: *Сатин Н.М.* Воспоминания // Русские пропилеи. М., 1915. С. 200–201; *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 98.

⁴ *Сахаров И.П.* Указ. соч. Стб. 952–953.

⁵ См.: *Бродский Н.Л.* М.Ю. Лермонтов: Биография. С. 135; *Леонидов Н.Л.* Якубович Л.А. С. 642.

сряду, – превосходно. Я без ума восхищен им – вот поэзия, вот жизнь, вот сила!»¹.

В том же году Л. Якубович переехал в Петербург. Сотрудничал в «Литературной газете» («Филомела: Из Гете», «Старик: Из Саади», «Газель: Из Гафиза», «Лошадь и собака: Басня», «Утро на юге»), «Северных цветах на 1832 год», изданных Пушкиным и О.М. Сомовым в память А.А. Дельвига («Иран: Из Гафиза», «Музыка», «Мольба», «Украинские мелодии», «Леший», «Зима»), «Современнике» (1836, т. 4 – «Предназначение», «Урал и Кавказ», «Подражание Саади»; 1838, т. 9 – «Черкес»); причем в четвертом томе пушкинского журнала имелось редакционное примечание к публикациям поэта: «Из собрания стихотворений, которое на днях выйдет из печати». По свидетельству И.И. Панаева, «гордился тем, что Пушкин всегда выпрашивал у него стихов для своих изданий»².

Л. Якубович опубликовал и рецензию на книгу Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которой процитировал пушкинское «Письмо к издателю “Литературных прибавлений к Русскому инвалиду”» – с комментарием: «Рецензент, будучи совершенно согласен с знаменитым поэтом, радуется, что великий талант, умея постигать все прекрасное, отдает и полную справедливость юному таланту»³, – т. е. выступил в качестве литературного посредника Пушкина...

Есть отдельные «сближения» и между произведениями писателей. По мнению Р.В. Иезуитовой, ориентация Л. Якубовича на восточные мотивы связана с влиянием Пушкина («Подражания Корану», «Из Гафиза» и т. д.), те или иные черты поэтики классика встречаются в его стихотворениях «Утро на юге» (1829), «Нету броду...» (1831), «Леший» (1832), «Желание» (1832) и др.⁴ Более того, исследователь считает, что Л. Якубович, не просто испытал

¹ См.: *Киселев-Сергенин В.С.* Л.А. Якубович // Поэты 1820–1830 годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 2. С. 258.

² *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. С. 66.

³ Лит. прибавления к Рус. инвалиду. 1831. 3 окт. С. 625.

⁴ *Иезуитова Р.В.* Пушкин и эволюция романтической лирики в конце 20-х и в 30-е гг. // Пушкин: Исслед. и материалы. Т. VI. Л., 1969. С. 81–87.

воздействие «пушкинской школы», но и «как поэт сложился в ее недрах»¹.

С другой стороны, стихотворение Л. Якубовича «Поэту» концептуально предвосхищает одноименное пушкинское, датированное 7 июня 1830 года, ср.: «...Орган небес, Пророк избранный, / Тебе ли нужны похвалы?» (Якубович)²; «Поэт! не дорожи любовью народной» (Пушкин). Примечательно также, что в поэзии Л. Якубовича нет внешних знаков внимания к творчеству Пушкина, а следовательно и стремления выглядеть в глазах читателей представителем его «школы» или хотя бы дружески связанным с ним.

После закрытия «Литературной газеты» Л. Якубович печатался преимущественно в «Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду"», сблизившись, соответственно, с окружением А.Ф. Воейкова, а позже и А.А. Краевского³. Не прерывал, однако, связей с О.М. Сомовым, вместе с которым был 3 апр. 1832 г. у А.В. Никитенко⁴. Посещал литературный салон В.И. Карлгофа и его жены⁵. Являлся участником вечеров у Н.В. Кукольника, где собиралась музыкальная богема; сохранился шуточный рисунок П.А. Степанова, запечатлевший Л. Якубовича в обществе М.И. Глинки, Н.В. Кукольника, С.А. Соболевского, А.С. Даргомыжского и др., датировемый зимой 1838–1839 гг. (кажется, единственный графический «портрет» поэта)⁶.

Л. Якубович сотрудничал и в таких изданиях, как «Телескоп», «Молва», «Библиотека для чтения», «Московский наблюдатель», «Сын отечества и Северный архив», «Отечественные записки», альманахах «Сиротка» (М., 1831), «Цинтия» (М., 1831), «Русский альманах» (СПб., 1832), «Альциона» (СПб., 1833), «Осенний вечер»

¹ *Иезуитова Р.В.* Пушкин и эволюция романтической лирики... С. 87.

² Атений. 1829. № 19. С. 86.

³ См.: *Сахаров И.П.* Записки. Стб. 951–952, 956; *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. С. 96.

⁴ *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 1. М., 1955. С. 116.

⁵ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. С. 93.

⁶ См.: *Рудакова Е.* Прижизненные изображения Глинки // М.И. Глинка: Сб. ст. М., 1958. С. 256–257.

(СПб., 1835) и др. Литературная востребованность поэта, использование им малых лирических форм дали повод для анекдота: «Без его стихов не обходился почему-то ни один журнал, ни один альманах. Надеждин рассказывал <...> что, когда он был издателем “Телескопа”, фактор типографии <...> явился к нему однажды с просьбой дать ему оригинала на полстранички для замещения пробела. <...> – Да нет ли хоть Якубовича *на затычку* <...>»¹.

Избавляясь от романтических штампов, Л. Якубович эволюционировал в сторону метафизичности, в духе поэзии Ф.И. Тютчева (натурфилософия, лирическая фрагментарность), что, возможно, объясняется их общими московскими интеллектуальными корнями, влиянием С.Е. Раича². Изредка обращался к историческим фактам, интерпретируя их в патриотическом ключе – «Дуб в Петергофе», «Русская сабля (Найденная на Куликовом поле)», «Старый русский замок». В стихотворении «Гроза (1831)» откликнулся на польское восстание в сходном с Пушкиным («Клеветникам России», «Бородинская годовщина») осудительном тоне, хотя и более сдержанно, отвлеченно: «Распадается на части / Крепко скованный булат; / Вопреки уму и власти – / Восстает на брата брат»³.

В 1833 году поэт непродолжительное время служил⁴. Постоянно бедствовал, поскольку «от литературы не получал ничего... и кое-как поддерживал свое существование уроками русского языка»; «...все его состояние состояло из шинели, сюртука и нескольких книг. Тысячи рублей, присылаемых ему отцом, было недостаточно. Маленькая комнатка на чердаке, в Семеновском полку, зиму и лето нетопленная, была его приютом для ночлега. <...> Железное здоровье его начинало расстроиваться»⁵.

¹ Панаев И.И. Указ. соч. С. 92–93.

² См.: Кузнецова Е. Л.А. Якубович // Поэты тютчевской плеяды. М., 1982. С. 312–314, 388–389 (прим.)

³ Лит. прибавления к Рус. инвалиду. 1832. № 87. С. 695.

⁴ См.: Сахаров И.П. Записки. Стб. 953; Киселев-Сергенин В.С. Л.А. Якубович. С. 259.

⁵ Сахаров И.П. Указ. соч. Стб. 953; Панаев И.И. Литературные воспоминания. С. 94.

Современники отмечали, например, такие черты Л. Якубовича: «наивный... всегда имевший в запасе своей памяти разного рода новости журнального дела»; «философ в душе, беззаботный и беспечный... жил вне всякой сферы», «...был дружен со всеми; да уж коли он, бывало, кого разлюбит, так всюду его преследовал. Неправды не любил и до гроба не мог терпеть Полевого Николая – за старую московскую ссору. Ненавидел и Брамбеуса: полячишка, черная душонка, – говаривал он. Странное дело, что он дружен был с А.Ф. Воейковым»¹.

Контакты Л. Якубовича с Пушкиным вновь активизируются с возобновлением последним журналистской деятельности. 15 янв. 1837 г. М.Л. Яковлев обратился к Пушкину: «Племянник мой, много-известный тебе человек, желает тебе помогать в издании “Современника”. – Малый он с понятием, глядит на вещи прямо, суждение имеет свое, не дожидая, что скажет *такой-то*; а всего более трудол<люб>ив. С такими качествами может он быть тебе полезен *трудами*, а ты ему *деньгами*. Завербовали его покамест Краевский с братиею, да, кажется, хотят его надуть; не велят даже и подписываться в статьях прозаических. По-моему, уж если работать за деньги, так лучше для “Современника”, нежели для “Инвалида”» (XVI, 217). На самом деле Пушкина связывали с А.А. Краевским, несмотря на литературную конкуренцию, партнерские издательские отношения, в том числе и касающиеся первых томов «Современника», материальная же база журнала была крайне скудной и не позволяла редактору выплачивать гонорары своим сотрудникам².

24 января 1837 года Л. Якубович провел несколько часов в гостях у Пушкина, о чем сообщает И.П. Сахаров, подчеркивая доверительные отношения писателей: «С Пушкиным у них (о Л. Якубовиче. – *Н.В.*) была дружба неразрывная. Пред смертью

¹ *Бурнашев В.П.* Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Рус. вестн. 1871. № 9. С. 629–630; *Сахаров И.П.* Указ. соч. Стб. 953, 955.

² См.: А.А. Краевский и В.Ф. Одоевский – Пушкину / Публ. и прим. Ю.Г. Оксмана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 289–296; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 212–213.

Пушкина приходим мы, я и Якубович, к Пушкину. Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положила голову на колени к мужу. Это было в воскресенье, а чрез три дня уже Пушкин стрелялся. Здесь Пушкин горячо спорил с Якубовичем и спорил дельно. Здесь я слышал его предсмертные замечания о “Слове Игорева полка” – и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки. Тогда же Пушкин показывал мне и дополнения к Пугачеву, собранные им после издания. Пушкин думал переделать и вновь издать своего Пугачева»¹. Менее точны воспоминания Н.И. Иваницкого, в то время студента Петербургского университета²: «Он [Пушкин] начал даже получать безыменные письма, в которых поздравляли его с розгами и пр. Это окончательно взорвало Пушкина, и он вызвал Дантеса на дуэль, в среду 27 января... Якубович рассказывал после при мне у Никитенки, что он в этот самый день был у Пушкина с Сахаровым часу во 2-м. Пушкин был очень сердит, и беспрестанно бранил Полевого за его “Историю”: ходил взад и вперед по кабинету, хватал с полки какой-нибудь том “Истории” Полевого и читал для выдержки... Якубович и Сахаров ушли от него в 3-м часу, а в 4-м он поехал вместе с секундантом, старым своим лицейским товарищем, инженерным майором, Данзасом – стреляться...»³.

Неожиданная гибель Пушкина потрясла Л. Якубовича, по свидетельству Е.А. Карлгоф, тоже отметившей близкие отношения писателей как всем известный факт: «Если мне показалось, что на похоронах Пушкина не довольно выражалось горе, то это потому что вокруг меня находились люди, которые не в состоянии были что-нибудь сильно чувствовать. Но беспредельна была скорбь между литераторами, которые были близки покойному. Жуковский, князь Вяземский, Вильегорский были неутешны. Якубович (поэт издавший том очень звучных стихотворений) почти с ума сошел. Он

¹ Сахаров И.П. Записки. Стб. 955. Ср.: Абрамович С.Л. Предыстория последней дуэли Пушкина: янв. 1836 – янв. 1837. СПб., 1994. С. 250; Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 4. С. 581.

² См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 168.

³ Пушкин в воспоминаниях и дневнике Н.И. Иваницкого // Пушкин и его современники: Материалы и исслед. Вып. XIII. СПб., 1910 С. 32–33.

два раза приходил к нам в таком отчаянии, что напугал меня; притом же он с горя прибегнул к русскому утешению и это увеличило еще более его возбужденное состояние»¹.

Тем не менее именно Л. Якубович написал самый известный некролог на смерть классика: «Сегодня, 29-го января, в 3-м часу по полудни, Литература Русская понесла невознаградимую потерю: *Александр Сергеевич Пушкин*, по кратковременных страданиях телесных, оставил юдольную сию обитель. Пораженные глубочайшею горестию, мы не будем многоречивы при сем извещении: Россия обязана Пушкину благодарностию за 22-летние заслуги его на поприще Словесности, которые были ряд блистательнейших и полезнейших успехов в сочинениях всех родов. Пушкин прожил 37 лет: весьма мало для жизни человека обыкновенного, и чрезвычайно много в сравнении с тем, что совершил уже он в столь краткое время существования, хотя много, очень много могло бы еще ожидать от него признательное отечество»².

Некролог имел большой общественный резонанс, что отметил 1 февраля 1837 года А.В. Никитенко: «Похороны Пушкина. Это были действительно народные похороны. Всё, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, – всё стеклось к церкви, где отпевали поэта. <...> Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический корпус присутствовал. Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. <...> Возле меня стояли: барон Розен, <В.И.> Карлгоф, Кукольник и Плетнев. <...> Тут же, по обыкновению, были и нелепейшие распоряжения. Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, – так было означено и на билетах <...>. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях»; «Греч получил строгий выговор от Бенкендорфа за слова, напечатанные в “Северной пчеле”: “Россия обязана Пушкину благодарностию за 22-летние

---

¹ Жизнь прожить не поле перейти: Записки неизвестной *** // Рус. вестн. 1881. № 9. С. 156.

² Сев. пчела. 1837. № 24 (30 янв.).

заслуги его на поприще словесности” (№ 24)»; «Краевский, редактор “Литературных прибавлений к Русскому инвалиду”, тоже имел неприятности за несколько строк, напечатанных в похвалу поэту»¹; «Я получил приказание вымарать совсем несколько таких же строк, назначавшихся для “Библиотеки для чтения”»; «И все это делалось среди всеобщего участия к умершему, среди всеобщего глубокого сожаления. Боялись – но чего?»².

Благодаря журналистской оперативности Л. Якубовича и его гражданской позиции, многие в России узнали о гибели Пушкина. К.А. Полевой вспоминал: «В Москве пронеслись слухи о дуэли и опасном положении Пушкина, но мы не слыхали и не предполагали, что он был уже не жилец мира. Утром <...> принесли с почты “Северную пчелу” <...>. Взглянув на это роковое известие, брат мой изменился в лице <...> И рыдания прервали его слова»³. Ср. также статью Н.А. Полевого «Сочинения Александра Пушкина» с упоминанием о трагическом «известии, подписанном поэтом Якубовичем», где «Якубович извещал русских о смерти Пушкина: настоящая сцена могильщика в “Гамлете”...» (Рус. вестн. 1842. Т. 5. С. 48)⁴, и письмо приятеля Пушкина в юношеские годы, адресата двух его посланий («К Каверину», «Надпись к портрету Каверина»), упомянутого в гл. I «Евгения Онегина», П.П. Каверина к П.А. Вяземскому 25 февраля 1837 года – «Смерть Пушкина поразила меня. Как рано он умер для своей славы! И неужели он не достоин, чтобы об нем кто-нибудь сказал более, чем то, что мы, провинциалы, читали в “Пчеле” и “Петербургских ведомостях”»⁵.

В том же году вышла единственная книга Л. Якубовича – «Стихотворения» (СПб., 1837), «расхватанная в две недели», как

¹ Лит. прибавления к Рус. инвалиду. 1837. № 5 (30 янв.). Автором этого некролога являлся В.Ф. Одоевский.

² *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 196–197.

³ Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 2. С. 68.

⁴ Цит. по: Пушкин. Письма: В 3 т. Т. 2. С. 508.

⁵ Пушкин в неизданной переписке современников <...> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 140. Имеется в виду и краткое сообщение о смерти Пушкина в «С.-Петербургских ведомостях» (1837. 31 янв. № 25).

писал Ф.В. Булгарин, назвав автора «одним из самостоятельных поэтов-мыслителей, пламенным, отважным лириком»¹. Критика встретила ее в целом доброжелательно: «...душа поэта вмещает в себе весь мир поэзии <...>», «...г. Якубович не был подражателем Пушкина <...>», «В г. Якубовиче соединились все необходимые стихии хорошего поэта: самобытность, мысль, полнота чувства и образованный вкус»².

В начале 1838 года Л. Якубович серьезно заболел³. Летом 1839 года, по рекомендации врачей и делам наследства, он отправился к родным в Калужскую губернию, где и умер. В обширном некрологе, написанном – предположительно Ф.В. Булгариным – с большой симпатией к умершему и знанием мельчайших деталей его биографии, говорилось: «На днях получили мы печальное известие из Калуги, что там скончался известный наш русский поэт, Лукьян Андреевич Якубович. Он с лишком год хворал, и не трудился более для литературы»; «Литература наша обязана Якубовичу несколькими прекрасными стихотворениями <...>»; «...он занимал одно из почетных мест между современными русскими стихотворцами»; «...отличался глубоким чувством самоотвержения в пользу ближнего, любви к человечеству и примерною честностию»; «...имел иного странностей, которые, по доброте его характера и прямодушию, ему охотно прощали. Всеми, кто знал Якубовича коротко, он был любим и уважаем»⁴. Эта характеристика поэта помогает объективировать и отношение к нему Пушкина.

Таким образом, Л. Якубович являлся одним из самых искренних почитателей своего современника, близким ему по литературной позиции, вместе с тем сохранявшим творческую независимость, что, по-видимому, и вызывало симпатии к нему Пушкина, начиная со времени их знакомства в Москве и заканчивая

¹ Ф.Б. [Ф. Булгарин] Объявление [анонс «Сборника на 1838 г.»] // Сев. пчела. 1838. 16 апр. С. 311.

² См.: Сев. пчела. 1837. 29, 30 апр. – с подписью Т (Н.Ф. Туровский?); Лит. прибавления к Рус. инвалиду. 1837. 8 мая. Ср., однако: Библиотека для чтения. 1837. Т. 22 (Лит. летопись. С. 37), Т. 23 (Лит. летопись. С. 4).

³ Сахаров И.П. Записки. Стб. 954.

⁴ Сев. пчела. 1839. 28 нояб. С. 1074.

последними встречами в домашнем кругу классика, в тяжелый для него период душевных потрясений и во многом разочарований в прежних дружеских связях...

**ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО
А.С. ПУШКИНА И А.А. ДЕЛЬВИГА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ПИСАТЕЛЬСКИХ ЛЕКСИКОНОВ**

А.А. Дельвиг (1798–1831) – заметная фигура в литературной жизни первой трети XIX века, самобытный поэт, вдумчивый критик, издатель «Литературной газеты» и альманаха «Северные цветы». В последнее время внимание к его наследию заметно усилилось¹.

Творчество писателя обычно рассматривается в контексте «пушкинской плеяды», в тесной связи с биографией и деятельностью Пушкина, с которым его связывала дружба с лицейских лет. Данное обстоятельство, с одной стороны, несколько мешает восприятию литературной оригинальности Дельвига; с другой, придает ему больший вес в глазах исследователей. Определенно это выразил еще В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1844 году»: «Дельвиг своею поэтической славой был обязан больше дружеским отношениям к Пушкину и другим поэтам своего времени, нежели таланту»². Однако вряд ли стоит воспринимать данное высказывание как недооценку критиком творческого масштаба писателя. Ср., например, его более раннее суждение о месте Дельвига в ряду русских поэтов – в рецензии на «Собрание стихотворений Ивана Козлова» (1840): «Двадцатые годы текущего века ознаменовались сильным движением в нашей литературе: явился Пушкин с дружиною молодых, замечательных талантов <...> Четвертое десятилетие текущего века было особенно траурною годиною для нашей

---

¹ См., например: *Жаткин Д.Н.* Поэзия А.А. Дельвига и историко-литературные традиции. М., 2005; *Он же.* Творчество А.А. Дельвига в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей XIX века. М., 2008.

² *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. С. 179.

литературы: Мерзляков, Гнедич, Дельвиг, Пушкин, Полежаев, Марлинский, Дмитриев, Давыдов...»¹.

Существенно то, что Дельвиг был не только другом Пушкина, но и во многом его литературным единомышленником, не потерявшим своей лирической индивидуальности в блеске пушкинской славы и в чем-то даже подпитывавшим современника теми или иными гранями своего дарования², а в критике – развивавшим и отстаивавшим общую для обоих систему эстетических ценностей.

Не случайно, скорбя о поэте, Пушкин писал 21 января 1831 года П.А. Плетневу: «Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Из всех связей детства он один оставался на виду – около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё» (XIV, 147); с грустью вспоминал о друге: «И мнится, очередь за мной, / Зовет меня мой Дельвиг милый, / Товарищ юности живой, / Товарищ юности унылой <...>» («Чем чаще празднует лицей...», 1831. – III, 278). По мнению М.П. Алексева, даже замысел пушкинского «Памятника» (1836) отчасти навеян размышлениями о самом близком из друзей: «Именно Дельвиг первым предсказал ему [Пушкину] бессмертную славу, именно он был утешителем юного поэта во всех истинных и воображаемых несчастиях, неустанным и верным защитником от критики, провозвестником его будущей блистательной поэтической судьбы. <...> О Дельвиге Пушкин думал до последних дней своей жизни, он надеялся издать свою переписку с ним, записывал воспоминания о покойном друге, перечитывал его стихи <...>»³.

¹ *Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 481.

² См., например: *Томашевский Б.В.* А.А. Дельвиг // Дельвиг А.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934. С. 44, 73, 90, 101–102; *Жаткин Д.Н.* Отзвуки поэзии А.А. Дельвига в творчестве А.С. Пушкина // Литературный текст: проблемы и методы исследования: «Свое» и «чужое» слово в худож. тексте. Тверь, 1999. Вып. 5. С. 74–80.

³ *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 217.

Поэтому любое обращение к произведениям Дельвига, в том числе и лексикографическое¹, – знак внимания и к творчеству Пушкина, косвенное постижение его эстетики, поэтики и т. д. Столь же интересно увидеть общее в поэтическом языке обоих писателей, проследить лексико-фразеологические параллели в их критике, эпистолярии; обратиться к дельвиговскому словотворчеству, чтобы конкретизировать представления о своеобразном «метаязыке» пушкинской плеяды поэтов.

Постараемся обосновать тезис о творческой когерентности Пушкина и Дельвига несколько необычным образом – путем сравнения их писательских лексиконов, что ранее не делалось, вследствие отсутствия необходимых для этого филологических инструментов: если «Словарь языка Пушкина» давно стал достоянием лингвистов и литературоведов, то «Словарь языка А.А. Дельвига» опубликован лишь недавно – и тем самым дает возможность системно проследить общее и различное в языке писателей. При этом мы не ставим задачу исчерпывающего анализа параллелей и расхождений в их лексиконах, а лишь намечаем возможные подходы к реализации данной цели.

Методологическим основанием подобного подхода является то, что словарь писателей прямо или опосредованно отражает их поэтику, литературную школу, эстетические векторы². Особенно наглядно это ощутимо при анализе семантически, стилистически и этимологически маркированных языковых средств – научной терминологии, лексики «метафизического» плана, высокого или сниженного характера, западноевропейских заимствований, славянизмов, имен собственных³.

---

¹ См.: Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. 2009.

² См. об этом: Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. С. 9; *Он же*. Словари языка писателей как источник изучения поэтики русской литературы XIX века // Проблемы изучения лирики в школе: К 200-летию со дня рождения Ф.И. Гютчева: Материалы регион. науч.-практ. конф. Арзамас, 2003. С. 152–162.

³ См. об этом, например: Васильев Н.Л. Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина; *Он же*. «...Метафизического языка у нас вовсе не существует» (Из истории русского литературного языка). С. 76–79; *Он же*.

Сравнивая лексиконы Пушкина и Дельвига, мы обнаруживаем, во-первых, массу слов, общих для обоих авторов, что вполне естественно, но и эвристично в плане установления их ментальности и художнической интуиции. Например: *авангард, автор, авторский, агент, ад, азиатский, азийский, ай, алкоран, алмазный, алтарь, амврозия, аминь, амур, амфора, анахорет, анахронизм, анбар, антикритика, аонида, апелляция, аппетит, арабский, арест, аристарх, армейский, аромат, ароматный, артель, арфа, архивный, атлет, афоризм, африканский...* Если говорить о конкретных пластах авторских словарей, то обращают на себя внимание, в частности, лексические стыковки у обоих, касающиеся просторечно-диалектных элементов: *ба, баба, батюшка, бука, горемычный (горемышный), гуляка, гуртом, лих, тож* и др., хотя, заметим, в произведениях Дельвига встречаются и слова такого рода, не отмеченные в пушкинском языке, например *волюшка, горенка*.

С другой стороны, в дельвиговском творчестве широко представлены лексемы, отсутствующие в лексиконе Пушкина, несмотря на, казалось бы, языковую всеядность последнего¹: *алтынничать* «крохоборски вымогать или добывать деньги», *альбаум* «альбом», *алькогель* «алкоголь», *альфреско* «фреска», *амбра* «аромат,

---

Архаичное и современное в языке Пушкина. С. 51–52; *Он же*. Заимствованная лексика в языке А.С. Пушкина. С. 58–60; *Васильев Н.Л., Савина Е.В.* Варваризмы в языке А.С. Пушкина. С. 99–105; *Васильев Н.Л.* Стилистическая структура языка М.Ю. Лермонтова в сравнении с языком А.С. Пушкина (статистические аспекты). С. 71–73; *Жаткин Д.Н.* Ономастикон А.А. Дельвига: опыт лексикографического осмысления (материалы к «Словарю языка А.А. Дельвига») // Изв. высших учебных заведений. Поволж. регион. Сер. Гуманит. науки. [Пенза]. 2008. № 1. С. 71–80.

¹ Подчеркнем, что объем лексикона классика (с учетом черновых редакций и вариантов его произведений, «Истории Петра», «Заметок при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова» и некоторых других текстов), составляет около 24 тысяч слов, в то время как словник произведений Дельвига – около 8 тысяч единиц, т.е. уступает пушкинскому приблизительно в 3 раза. См.: *Васильев Н.Л.* Новые данные о лексическом богатстве языка А.С. Пушкина. С. 93; *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь языка А.А. Дельвига. С. 20.

благовоние», *амфибрахий*, *амфитеатр*, *антикритик* «автор антикритики, т. е. возражения на чужую критику», *аполог* «притча», *апофема* «перпендикуляр, опущенный из центра правильного многоугольника на одну из его сторон; высота треугольника или трапеции, являющихся боковыми гранями правильной пирамиды», *аркадский* (от назв. *Аркадия* – область в центральной части Пелопоннеса в Греции, в перен. знач. «счастливая страна»), *армада*, *археолог*, *атлантиды* «жители легендарной Атлантиды – затонувшего острова в Атлантическом океане» и др. И по ним можно судить о Дельвиге как мыслителе и писателе.

Пушкин, в свою очередь, использует лексемы, которых нет в наследии Дельвига – поэта, критика, автора писем: *абаз*, *аббат*, *аббатство*, *абонировать*, *абшид*, *авангардный*, *августейший*, *авось*, *австрийский*, *автограф*, *авторитет*, *авторство*, *ага*, *агат*, *аггел*, *агнец*, *агроном*, *агу*, *адвокат*, *адепт*, *администрация* и др. Их анализ дает нам пищу для размышлений об интенциях пушкинской мысли, его мировидении, эстетическом микрокосме.

Творческое взаимодействие писателей иллюстрирует, например, употребление обоими редкого слова *метроман*¹, использующегося в значении «человек, одержимый манией, страстью писать стихи; рифмоплет»². Ср.: «Ты любишь звон стаканов / И трубки дым густой, / И демон **метроманов** / Не властвует тобой» (Пушкин. «К Пушкину (4 мая)». 1815. – I, 120),

¹ Оно отсутствует, в частности, в самом значительном по объему словника словаре русского языка XIX в. – В.И. Даля, несмотря на наличие в этом уникальном лексикографическом труде лексем *метр*, *метрика*, *метрический*, *метричный*, *метрикант*, *метрология*, *метрологичный*, *метрологический*, *метроном*, а также *манья*, *маньяк*. См.: *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. [Совмещенная редакция изданий В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ в современном написании]. Т. 1. М., 2002. С. 861, 886.* Хотя и встречается изредка, как и слово *метромания*, в произведениях П.А. Вяземского, В.Г. Белинского, о чем можно судить по иллюстративному материалу, например, «Большого академического словаря русского языка» (М.; СПб., 2008. Т. 10. С. 138), фиксирующего данную лексему с пометой «устар.».

² См.: *Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 571.*

«Увы мне, **метроману**, / Куда сокроюсь я? / Предатели-друзья / Невинное творенье / Украдкой в город шлют / И плод уединенья / Тисненью предают <...>» (Пушкин. «К Дельвигу». 1815. – I, 142, 143); «У нас ли не желать поэтической наклонности ко святому в то время, когда мы в состоянии сотнями считать **метроманов**, а вряд ли найдем пятерых чистых энтузиастов в толпе стихотворцев русских?» (Дельвиг. [Рец.] «История древней и новой литературы». Сочинение Фридриха Шлегеля <...> – Лит. газ. 1830. 8 окт.)¹.

Можно обратиться и к сравнению имен собственных, привлекаемых писателями, хотя «Словарь языка Пушкина» предоставляет такую возможность лишь отчасти – главным образом применительно к мифологизмам, условно-поэтическим именам и онима, употребляемым автором в нарицательном или переносном смысле² а «Словарь языка А.А. Дельвига» ограничивается системным отражением ономастикона последнего только в его художественном творчестве.

Вот примеры общего в этом плане: *Авзония, Адам, Адонис, Аквилон, Амур, Анакреон, Аполлон, Аргус, Аристарх, Афины...* Мы видим в данном случае ориентацию обоих писателей на античную тематику, популярную в западноевропейской литературе, подпитывавшую отечественный классицизм и предромантизм, культивировавшуюся в «садах Лицея». Оба автора, в частности, связывают Царскосельский лицей с *Пенатом* (*пенатом*) – «богом домашнего очага, символом родного дома»: «О друг! в сей незабвенный час / Пади перед **пенатом** <...>» (Дельвиг. «К И.И. Пушкину (4-го мая)». 1817)³; «В последний раз, в сени уединенья, / Моим стихам внимает наш **Пенат**. / Лицейской жизни милый брат, / Делю с тобой последние мгновенья» (Пушкин. «Разлука [послание к В.К. Кюхельбекеру]». 1817. – I, 263). Это «метаязыковое» единение лицейских друзей-писателей проявляется и на более тонком смысловом уровне, сопровождаясь диалогическими обертонами, реминисценциями. Так, оба поэта употребляют слово *смех(и)* в

¹ Дельвиг А.А. Сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. В.Э. Вацуро. Л., 1986. С. 261.

² См.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 11.

³ Дельвиг А.А. Сочинения. С. 130.

мифопоэтическом значении («боги радости и веселья в античной мифологии; символ радости, веселья [мн. ч.]»)¹, пришедшем в русскую поэзию, вероятно, из французского классицизма. Ср., например: «Но невзначай к нему (о Пушкине. – *Н. В.*) в обитель постучится / Затеяливый Эрот младенческой рукой, / Хор **смехов и харит** в приют певца слетится / И слава с громкою трубой» (Дельвиг. К А.С. Пушкину, 1816 или 1817)²; «Ты мне велишь пылать душою: / Отдай же мне минувши дни, / И мой рассвет соедини / С моей вечернею зарею! // Мой век невидимо проходит, / Из круга **Смехов и Харит** / Уж Время скрыться мне велит / И за руку меня выводит» (Пушкин. «Стансы (из Вольтера)». 1817. – I, 248).

Одновременно в поэзии и прозе Дельвига встречаются мифологические элементы, отсутствующие в пушкинских произведениях – от лирики до писем: *Аидов, Айдес, Актеон, Ареев, Арей, Аркадия, Аэт...* Это неслучайно, поскольку Дельвиг известен как поэт, особенно погруженный своими образами в античность. И наоборот, у Пушкина много онимов, не фигурирующих в дельвиговском творчестве: *Аврора, Автомедон, Агамемнон, Азраил, Аид, Айдесский, Аквилон, Алкид, Альбион, Аммон, Амфитрион, Ареонаг, Ареев* (от имени *Атрей*), *Атрид, Афродита, Ахерон, Ахилл (Ахиллес), Аякс...* Впрочем вместо syllабически и метрически тяжеловесной *Афродиты*³ Дельвиг предпочитает более энергичные в фонетическом отношении онимы *Венера, Киприда, Кипра...*

Особенно интересны стыковки в словоупотреблении писателей, отражающие их дружеские, творческие контакты, а может быть, и рожденные в совместных беседах каламбуры. Например: «Не бойтесь дурного общества, вашим пьесам соседи будут хорошие. Они не столк<н>утся ни с Каченовским, ни с А. Писаревым, ни с **Лже-Дмитриевым**, ни с поляком Булгариным» (Дельвиг –

¹ См.: Словарь языка Пушкина. Т. 4. С. 213.

² Дельвиг А.А. Сочинения. С. 124.

³ Пушкин единожды употребил это имя в раннем лицейском стихотворении «Бова (Отрывок из поэмы)» в весьма ироническом контексте: «Не дерзал в стихах бессмысленных / Херувимов жарить пушками, / С сатаню обитать в раю, / Иль святую богородицу / Вместе славить с Афродитою» (I, 63).

П.А. Вяземскому, 10 сент. 1824 г.)¹; «...пришли мне тот № В.<естника> Евр.<опы>, где напечатан 2-ой разговор **лже-Дмитриева** <...>» (Пушкин – Л.С. Пушкину, первая пол. мая 1825 г. – XIII, 174).

Представленные в статье наблюдения и некоторые методики анализа словарных материалов, как мы надеемся, помогают установить степень языкового новаторства того и другого писателя, увидеть диалектику коллективного и индивидуального в творчестве представителей «пушкинской плеяды». Последнее актуально не только по отношению к Дельвигу, но и, например, П.А. Вяземскому, работа над Словарем поэтических произведений которого уже начата². Появление серии персональных авторских словарей со временем позволит исследователям решать самые разнообразные филологические задачи и объективировать выводы о лингвопоэтике прозаиков, поэтов и драматургов XIX века.

---

¹ Дельвиг А.А. Указ. соч. с. 284.

² См.: Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. Об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Поэтика художественного текста: Материалы Междунар. заочн. науч. конф.: В 2 т. Борисоглебск, 2008. Т. 2. С. 15–27; Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845.

**«ПЕРВАЯ НОЧЬ БРАКА»
(ОПЫТ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ)**

В последние годы наметился интерес к изучению анонимных памятников отечественной словесности, бытующих в контексте «теневого» литературной традиции¹.

Среди полузабытых произведений такого рода последнее место занимает стихотворение «Первая ночь (брака)», широко известное в прошлом веке и сыгравшее отрицательную роль в жизни А.С. Пушкина.

В отличие от классической барковьяны оно не содержит грязных натуралистических сцен, бранной лексики и в какой-то мере даже изящно. Это, скорее, литературная эротика, чем собственно порнография.

I. Текст

Стихотворение было напечатано впервые в 1861 году в лондонском сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия»². Позже оно переиздавалось в Женеве, Берлине, Варшаве³. Текст воспроизводится по изданию, осуществленному Н.П. Огаревым. Нами устранены лишь некоторые пунктуационные погрешности, а также архаичные окончания слов *ея*, *молодыя*, *каленья* – в соответствии с современной издательской практикой⁴.

ПЕРВАЯ НОЧЬ БРАКА
(Послание к другу)

Любезный друг! Ты знаешь, я
Люблю дурачиться с друзьями;

¹ См., напр.: Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII – нач. XIX в. М., 1994.

² Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. I. Стихотворения / С предисл. Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 72–76.

³ См.: *Пушкин А.С. Царь Никита и Первая ночь брака: эротические поэмы. Десятая заповедь. Эпиграммы.* [Женева], 1889. С. 72–76; То же. 2-е изд. [Женева], 1896; То же. 3-е изд. [Женева], 1898; То же. Женева, 1896; То же. Берлин, 1904; То же. [Варшава], 1905.

⁴ В одном случае такая коррекция текста пошла ему даже на пользу: в строке 88 рифма *ея/мое* выглядит неидеальной.

- Ты разгадал давно меня,
И потому пускай меж нами
Останутся сии стихи.
Поздравь меня! Уж я женился!
И первой ночи все грехи
Тебе я описать решился.
Представь себе: сначала мы
- 10 Пред ликом будущей жены
Бываем слишком уж стыдливы,
Бываем робки, молчаливы;
Приличье, тонкость – все тогда
В высокой степени хранится;
Вся жизнь в границах. Но, когда
День заповедный совершится,
Как трудно, трудно нам решиться
В роскошной спальне, при огне,
Увидеть деву в наготу...
- 20 Вот все подробности. Сначала
Моя прелестная жена
У ложа страсти, ложа сна
В раздумьи трепетном стояла;
Потом старушку позвала,
Переделась и легла.
И вот, в разубранной постеле,
Она, как робкое дитя,
Смотря сквозь слезы на меня,
Лежала в пышной колыбели...
- 30 И этих чувств чистейший миг
Я в жизни в первый раз постиг;
Оно с небесным чем-то схоже.
Я заглушить страстей не мог,
И очарованный прилег
На очарованное ложе;
Приподнял трепетной рукой
Таинственное покрывало,
Под коим, с томною тоской,
Моя подруга трепетала...
- 40 Но как обряд любви свершить,
Как заглушить приличье света?
И как ее девичьи лета

- Одной минутой поглотить?
 Не долго мысль меня томила;
 Любовь приличье заглушила.
 Я руки милой жертвы взял,
 К устам, к груди моей прижал;
 Преодолев мои мечтанья,
 Все чувства сердца раскалил,
 50 И поцелуем заглушил
 Ее стыдливые роптанья...
 Но как в безумьи ум найти?
 Она мне взглядом мысль вдохнула,
 И грудь моя к ее груди
 С порывом пламенным прильнула,
 И сердце в сердце утонуло.
 Ее воздушный, гибкий стан
 Я обнял жадными руками
 И меж упругими лядвами
 60 Нашел пушистый талисман...
 Вдруг спальня криком огласилась,
 Вздрогнули ножки, сперся дух,
 И чрез ее лебяжий пух
 Струя кровавая скатилась,
 И смолкло все... Телодвиженья,
 Сжиманья, тисканья и тренья
 Воспламеняли дух и ум.
 Я был в забвеньи первобытном,
 И сколько сладострастных дум
 70 Теснилось в сердце ненасытном!
 Взаимный жар два сердца жег,
 Палил два сердца каленые,
 И я ничем, ничем не мог
 Насытить страсти молодые.
 Душа алкала новых нег,
 Душа алкала пресыщенья,
 И я готов был целый век
 Питаться ядом упоенья.
 О, сколько жизни в яде том!
 80 Но я и телом, и умом,
 Увы! пришел в изнеможенье;
 Взглянул – она была бледней

- Природной белизны своей:
Глаза смыкались, размыкались,
Исчезла в них страстей краса
И, как ночные небеса,
Туманной влагой покрывались.
Уста поблекшие ее
Уж знойной страстью не дышали
- 90 И на лобзание мое
Лобзаньем хладным отвечали.
Сорочка смокнула на ней
И в тело бархатное впилась,
И на плечах уж не резвилась
Волна распущенных кудрей,
И под глазами цвет лазури
Синел приметною чертой.
Видал ли ты, как в вихре бури
Дитя, носимое волной,
- 100 На берег хладный приплывает?
Но солнце в нем согреет кровь,
И резвое дитя уж вновь
Волной опасною играет!
Так точно, друг мой, и она
Была страстями утомлена
И только в полдень пробудилась,
Открыла очи – и в очах,
Как бы в лазурных небесах,
Улыбка ясная явилась!

Отличия между списками стихотворения в публикациях 1861 и последующих годов касаются главным образом пунктуации и архитектоники текста (количества отступов)¹.

---

¹ Ср.: *Бессмертных Л.В.* О некоторых изданиях эротических произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // *Новое лит. обозр.* № 6 (1994). С. 292. Автор пишет: «Тексты печатаются без измен. по изд. *Русская потаенная литература XIX ст.* Лондон, 1861».

II. История вопроса об авторстве стихотворения

Когда же мы поймали налету
Крылатый миг небесных упоений
И к радости на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту...
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

А.С.Пушкин. Гавриилиада. 1821

Первые письменные упоминания об этом стихотворении появляются спустя год после женитьбы Пушкина (свадьба состоялась 18 февр. 1831 г.).

Среди рукописей Пушкина имеется черновая вставка к автобиографическому «Отрывку» (26 окт. 1830 г.), датируемая предположительно сентябрем 1832 года (VIII, 1059). «Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то: Эпитафия попу покойного Курганова, четв.<еростишие> о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен, учись, а коль хочешь быть в аду, женись, стихи на брак достойные пера Ив.<ана> Сем.<еновича> Баркова, начитавшегося Ламартина. Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличить стихов Нахимова от стихов Б<аркова> укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэт<ическому> досто<инству> и остроте» (XII, 961)¹. Комментаторы пушкинского творчества считают, что речь в данном случае идет именно о «Первой ночи»².

Упоминание об указанном стихотворении содержится, по-видимому, и в дневнике писателя (10 мая 1834 г.): «Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу, и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика

¹ Ср.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1938. Т. 7. С. 923 (имеется следующее расхождение: «...стихи на брачную перв<ую> ночь>...»).

² См., например: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 363.

благодарно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то»¹. В пользу версии о намеке на «Первую ночь» говорит, в частности, жанр стихотворения – послание (письмо); вопрос о «Гавриилиаде» потерял к этому времени злободневность для Пушкина.

В статье «Несколько слов о Пушкине» (1832 г.), опубликованной в 1835 году в сб. «Арабески», Н.В. Гоголь сообщал в примечании: «Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью. Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости непрекращающимися. Таким образом, начали наконец Пушкину приписывать: “Лекарство от холеры”, “Первую ночь” и тому подобные»².

Со слов Л.Н. Павлищева известно, что в последний год жизни Пушкина между ним и мужем его сестры, Н.И. Павлищевым, состоялся следующий разговор: «– Моя фамилия, – заявил дядя, – кажется, и у вас в Варшаве, сделалась притчей во языцех. “Monsieur Pouchkine у вас par ci, monsieur Pouchkine par là”.

– Не только в Варшаве, но, кажется, и во всей Европе, Пушкин par ci, Пушкин par là, – возразил отец.

– Не в том собственно дело, – отвечал дядя, а в том, что до меня дошли слухи, будто бы в варшавском обществе военных и гражданских русских чиновников ходит по рукам рукопись моего мнимого сочинения “Первая ночь”. Когда вернетесь в Варшаву³, попросите моего милейшего “кунака”, Давида Осиповича (так называл дядя князя Бебулатова⁴, с которым сошелся на Кавказе), – а у него ведь всякий день собирается посмеяться за обедом офицерство – оповестить всем и каждому, что воспевать “Первую ночь” никогда и не думал;

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 50 (см. также: Примечания <Л.Б. Модзалевского>. С. 513).

² Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 7. С. 59.

³ Н.И. Павлищев служил в это время управляющим канцелярией генерал-интенданта Царства Польского. Описываемые события происходили, по словам мемуариста, «весною 1836 года, в Петербурге», куда тот «приезжал, востребованный из Варшавы умиравшей его тещей, Надеждой Осиповной» (дата смерти последней – 29 марта 1836 г.).

⁴ Видимо, Бей-Булат Теймазов (1769–1832). См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 33, 431. О знакомстве с ним Пушкин пишет в «Путешествии в Арзрум». Однако, по его словам, это был «мужчина лет 35» (Т. VIII. С. 479).

чистосердечие мое знаете, и верьте, что если бы я эти стихи написал, то и не утаивал бы»¹.

В.А. Жуковский, занимавшийся разбором бумаг писателя, собирался уведомить А.Х. Бенкендорфа (в февр. – марте 1837 г.) о непричастности покойного поэта к созданию «Первой ночи»: «Множество пьес предосудительных, в которых нет ничего похожего на слог Пушкина (как, например, отвратительная пьеса, в которой описывается его первая ночь), ходили под именем Пушкина; литературные враги низкого класса не дремали, и многие из них чернили его доносами <...>» (первая черновая редакция); «Зато весьма часто ему было приписываемо чужое как бы оно, впрочем, ни было нелепо. (Ставлю здесь в пример ту отвратительную пьесу, в коей описывается его первая ночь, которая приписана ему, хотя уже одного слога, коим она написана, достаточно, чтобы убедиться в том, что она не могла быть сочинена Пушкиным)» (вторая черновая редакция)². Однако в окончательный текст письма к Бенкендорфу упоминание о данном стихотворении Жуковский не включил.

Тот факт, что о приписывании Пушкину «Первой ночи» знали близкие ему люди, причем способные повлиять на общественное мнение, свидетельствует о небезразличии писателя к сложившимся обстоятельствам, стремлении их как-то изменить.

Тем не менее стихотворение продолжало бытовать с именем Пушкина. В 1855 году в ст. «Несколько биографических и библиографических заметок о Пушкине», помещенной в рукописной студенческой газ. «Слухи» (№ 4), Н.А. Добролюбов сообщал: «Что Пушкин любил посмеяться и подшутить над многим, доказывает его “Десятая заповедь” и письмо “О первой ночи после свадьбы”»³.

В 1861 году в Берлине вышло издание не публиковавшихся до этого произведений Пушкина, составитель которого – Н.В. Гербель заявил: «...стихотворение “Первая ночь”, облетевшее всю Россию с

¹ Павлицев Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине. М., 1890. С. 151.

² Цит. по: Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исслед. и материалы. 3-е изд. М., 1987. С. 208, 213.

³ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 119. В том же выпуске «Слухов» вслед за указанной статьей была помещена заметка Н.А. Добролюбова о Полежаеве (это важно для анализа авторства стихотворения).

именем Пушкина <...> написано покойным Полежаевым, что известно всем, знавшим несчастного поэта»¹.

Чуть позже стихотворение было напечатано под именем Пушкина в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». Н.П. Огарев, объясняя свое стремление отразить литературу, в любой форме противостоящую официальной идеологии и эстетике николаевской эпохи, писал: «...как ни странно встретить в одной книге поэзию гражданских устремлений и поэзию неприличную, а они связаны больше, чем кажется»². В предисловии критик сделал оговорку в отношении авторства Пушкина: «Мы были очень рады, узнавши (слишком поздно для нашего издания³), что “Вечерняя прогулка” не Пушкина, а Полежаева, что “Первая ночь брака” по крайней мере сомнительна; иные приписывают ее тоже Полежаеву, но – к сожалению – мы слышали от знакомого с Пушкиным, что это пьеса действительно его»⁴. В примечаниях к сборнику Н.П. Огарев, отмечал: «Едва ли это стихотворение Полежаева, стих не его, да и сюжет ему, никогда не женатому, едва ли бы пришел в голову, – как вовсе не взятый из его личной жизни»⁵.

Версия об авторстве Полежаева тем не менее получила распространение. В 1877 году С.С. Шашков с сожалением отметил, что поэт «тратил свой талант на пустяки вроде “Первой ночи”»⁶. В 1883 году П.П. Каратыгин использовал «полежаевский» аргумент с целью обелить имя Пушкина: «Приступая к очерку семейной жизни великого поэта, заметим, что его женитьба подала повод к пошлой напраслине, чтобы не

¹ См.: Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Доп. к 6 томам петербургского издания. Берлин, 1861. С. 9 (сборник неоднократно переиздавался).

² Цит. по: *Огарев Н.П.* О литературе и искусстве. М., 1988. С. 98.

³ Вероятно, после знакомства с берлинским изданием пушкинских сочинений Н.П. Огарев внес некоторые поправки в корректуру уже набранного сборника. См.: Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: 1859 – июнь 1964. М., 1983. С. 218–219, 230, 240, 314.

⁴ *Огарев Н.П.* Указ. соч. С. 99.

⁵ Русская потаенная литература XIX столетия. С. 72 («Примечания»). Отметим, что Н.П. Огарев, как и А.И. Герцен, хорошо знал произведения и некоторые обстоятельства жизни Полежаева. См.: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев в творчестве Н.П. Огарева // Н.П. Огарев: проблемы творчества. Саранск, 1990. С. 93–109; *Он же.* А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. С. 19–22, 134–136, 142.

⁶ *Шашков С.С.* Эпоха Белинского (ст. вторая) // Дело. 1877. С. 64.

сказать – клевете. Во множестве списков и даже чуть ли не в нецензурных заграничных сборниках сохраняется очень грязное, непристойное стихотворение “Первая ночь”, сочиненное якобы Пушкиным в первые дни его супружества. Надобно было слишком дурно знать поэта, его благородное сердце, его взгляд на жену, чтобы допустить мысль о подобном цинизме!.. Порнографический перл, ему приписываемый, был сочинен А. Полежаевым»¹. Вряд ли случайно затронул эту щекотливую тему и уже упоминавшийся Л.Н. Павлицев: «Все же прочие подобные стихотворения, приписываемые, к сожалению, весьма многими Пушкину, – стихотворения, нашедшие себе место в заграничных изданиях якобы его сочинений, состряпаны другими, между прочим, и известная “Первая ночь”. Напраслина по этому поводу, взведенная на дядю, нашла себе такую веру в тогдашнем, а также и в позднейшем обществе, что даже и некоторые литераторы, усматривая в распространенной рукописи пушкинский слог, излюбленный размер, игривую манеру, никак не уступали моим возражениям, что Александр Сергеевич тут ни при чем <...>»².

Несмотря на это П.А. Ефремов – исследователь и издатель произведений Полежаева и Пушкина – в специальной работе, посвященной приписываемым последнему сочинениям, не упомянул о «Первой ночи» вообще, хотя проанализировал, например, текст «Тени Баркова», сомневаясь в ее принадлежности кому-то из названных поэтов³. Чуть позже данный вопрос был рассмотрен Е.А. Бобровым, сделавшим попытку обосновать полежаевское авторство: «Отнести эту пьесу (“Первую ночь”. – *Н. В.*) на счет Полежаева побуждает то обстоятельство, что опять-таки по манере письма и грубоватому реализму описаний и выражений она более сходна с манерою и реализмом “Вечерней прогулки”, благодаря чему рождается мысль о принадлежности их одному и тому же автору; тот, кто признал автором “прогулки” Полежаева, припишет Полежаеву и “Первую ночь”»⁴.

¹ П.К. Наталья Николаевна Пушкина в 1831–1837 гг. // Рус. старина. 1883. № 1. С. 64.

² Павлицев Л. Из семейной хроники... С. 150–151.

³ См.: Ефремов П.А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 6–7.

⁴ Бобров Е.А. О стихотворениях, приписываемых Полежаеву // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. 1907. Т. 12. Кн. 2. С. 451–452. Вопрос об авторстве «Вечерней прогулки» остается нерешенным. См., например: Под именем Баркова... С. 387 (прим. Н.С. Сапова).

Н.О. Лернер высказал предположение, что в своих автобиографических набросках («Участь моя решена. Я женюсь», «Отрывок») Пушкин намекает именно на Полежаева как подлинного автора «Первой ночи»: «Знал это, надо думать, и сам Пушкин, и не одною только “Первой ночью”, но и многим у Полежаева вполне оправдывается удивительно меткая, язвительная, хотя, конечно, односторонняя характеристика, которую дал разгульному автору явно рассердившийся Пушкин. А сердиться он имел основания: если сам Полежаев и не приписал своей пьесы Пушкину, то во всяком случае, как ее автор, он был косвенным виновником причиненного Пушкину огорчения, которое, хотя и не было в его жизни “главною” неприятностью, но неприятностью все-таки несомненно было, притом тем большею, что срамным смакованием подробностей брачной ночи оскорблялось дорогое Пушкину имя Натальи Николаевны»¹.

В изданиях сочинений Полежаева указанное произведение никогда не фигурировало. В академическом пушкиноведении вопрос о его принадлежности Пушкину тоже не обсуждался². Упоминания о «Первой ночи» встречаются лишь в связи с комментированием «Отрывка» и дневниковой записи писателя, сделанной в 1834 году. Однако не утверждалось доказательно и то, что стихотворение не принадлежит Пушкину³. Несколько неожиданное по своей

¹ Лернер Н.О. Пушкинологические этюды. С. 181.

² Стихотворение отмечено, впрочем, в «Списке произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях» (см.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 17: Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели. М., 1959. С. 557).

³ Характерно, например, следующее осторожное примечание Л.Б. Модзалевского: «...очевидно, ходившее в списках и получившее большое распространение стихотворение “Первая ночь брака”, фривольного характера <...>» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 513), повторяемое во многих изданиях. См. также: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1, 1982. Т. 7. С. 524 (комм. Т.Г. Цявловской); Цявловский М.А. Комментарии <к «Гени Баркова»> // Philologica. Т. 3 (1996). С. 243. Более определенно, отрицая авторство Пушкина, высказываются по этому поводу П.Н. Берков и В.М. Лавров (Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем: 1886–1899. М.; Л., 1949. С. 203). Подобную точку зрения разделяют и комментаторы процитированной статьи Н.П. Огарева (см.: Огарев Н.П. Избр. произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 527; Он же. О литературе и искусстве. С. 319). См. также: Бессмертных Л.В. О некоторых изданиях эротических произведений... С. 292. Последний цитирует пометы М.А. Цявловского в изд. 1896 г.: «Едва ли

категоричности мнение относительно предмета спора встретилось в примечаниях к упомянутой статье Н.А. Добролюбова о Пушкине: «Имеется в виду стихотворение “Первая ночь брака” <...> автор – А.И. Подолинский»¹.

Таким образом, вопрос об авторстве стихотворения остается пока открытым, хотя очевидна необходимость внимания к нему в связи с биографией Пушкина и литературной репутацией Полежаева.

Обратимся к обстоятельствам жизни обоих поэтов, их творчеству, аргументации мемуаристов и исследователей, касавшихся данной проблемы.

III. Пушкин?

«Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне <...> и я, вероятно, отвечу за чужие проказы...».

*А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому,
1 сентября 1828 года*

Свою причастность к «Первой ночи» Пушкин не признавал. Но это не означает, что стихотворение было написано не им, поскольку поэт отрицал в свое время и принадлежность ему «Гавриилиады»², участие в написании «Элегии на смерть Анны Львовны»³, какое-либо

Пушкин, но с его именем ходила еще при его жизни. Возможно, что Полежаев» (с. 293).

¹ См.: Добролюбов Н.А. Собр. соч. Т. 1. С. 584. (прим. Б.Ф. Егорова). Скорее всего, это аберрация памяти комментатора: оба поэта – А.И. Полежаев и А.И. Подолинский – современники Пушкина, почти ровесники и к тому же имеют сходные тройные инициалы.

² См. об этом, например: Пушкин А.С. Гавриилиада / Ред., прим. и коммент. Б.В. Томашевского. М., 1991 (репр. изд.). С. 50–54.

³ «Ради бога докажи Вас.<илию> Льв.<овичу>, что Элегия на смерть *Ан.<ны> Льв.<овны>* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника.. <...> Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате <...>» (Пушкин – П.А. Вяземскому. Вторая пол. сент. 1825 г. – XIII, 231). См. также: Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. / Сост., биогр. очерки и прим. В.В. Кунина. М., 1986. Т. 1. С. 19–20.

отношение к появлению «четверостишия о женитьбе», хотя есть основания видеть в Пушкине по крайней мере инициатора этой шутки¹.

Свидетельства В.А. Жуковского, Л.Н. Павлищева тоже не имеют решающего значения, поскольку выдают заинтересованность в отрицании пушкинского авторства. Заявление Н.В. Гоголя относительно безосновательности увязывания с именем Пушкина «Первой ночи» вряд ли убедительно: позже он приписал поэту стихотворение Полежаева «Четыре нации»², – т. е. утверждать, что Н.В. Гоголь знал пушкинское творчество досконально и в полном объеме, нельзя.

В пользу того, что Пушкин не был автором злополучного стихотворения, говорит, в частности, отсутствие сплетен на этот счет в первые месяцы его супружеской жизни, в то время как упоминаемое им «четверостишие о женитьбе» быстро получило огласку³. Можно, конечно, предположить, что Пушкин приберегал нескромное творение для своих петербургских друзей или, что еще менее вероятно, составил поэтический отчет о происшедшем, покинув Москву. (Распространение списков стихотворения преимущественно в петербургской среде в какой-то мере устраивает обе эти версии, но не обосновывает их.)

Перейдем к анализу поэтики «Первой ночи». В стихотворении не чувствуется пушкинской легкости, грациозности, остроумия⁴. Однако написано оно, как сказали бы в XIX веке, недурно – с вдохновением, хотя и рассудочным, изяществом, в стилевой манере пушкинской школы. Таким образом, предположение, что Пушкин мог быть автором подобного произведения, имеет под собой некоторые эстетические основания.

С целью объективировать данный вывод мы проанализировали лексику стихотворения. Большинство слов, зафиксированных в нем,

¹ Ср.: «Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе; но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный, – обнимаю и поздравляю тебя – рекомендую меня баронессе Дельвиг» (Пушкин – А.А. Дельвигу. 20 февр. 1826 г. – XIII, 262).

² См.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 323.

³ См.: *Овчинникова С.Т.* Пушкин в Москве: Летопись жизни А.С. Пушкина с 5 дек. 1830 г. по 15 мая 1831 г. М., 1985. С. 145, 149–150, 183.

⁴ Ср.: «Всякий, читающий эти стихи, согласится, что для Пушкина они чересчур тяжеловаты <...>» (*Бобров Е.А.* О стихотворениях, приписываемых Полежаеву. С. 452).

встречается в поэтическом языке Пушкина¹. Расхождение выявилось в следующем. Слова *тисканье, тренье, пресыщенье, размыкаться, смыкаться, смокнуть, лядва* не употреблялись им вообще. Слова *тонкость, переодеться, первобытный, насытит* использовались только в прозе, причем обычно нехудожественной. В сумме те и другие составляют 3–4 % от всех знаменательных слов стихотворения. На первый взгляд, разница между словарем Пушкина и лексиконом «Первой ночи» незначительна: можно допустить, что в «новом» произведении писателя встретятся и новые слова. Однако с точки зрения теории вероятностей указанная «разность» существенна и неслучайна, поскольку при общем массиве пушкинского словоупотребления (свыше полумиллиона словоформ²), расхождение с выборкой объемом менее 500 словоформ, отраженных в «Первой ночи», оказывается намного больше ожидаемого.

Не противоречит стилю Пушкина сочетаемость слов в тексте стихотворения. Она вполне в границах пушкинской поэтики и подчас поражает точностью попадания в стилевую норму писателя. Ср., например: «**Любезный** друг! Ты знаешь, я / Люблю **дурачиться** с друзьями... / Поздравь меня! Уж я женился...» (аноним), «**Любезный** Вяземский, поэт и камергер... // Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру» (Пушкин. <Из письма к Вяземскому>. 5 авг. 1831 г.), «Забудь, **любезный** мой Каверин, / Минутной резвости нескромные стихи», «Пуškai умно, хотя неосторожно, / **Дурачиться** мы станем иногда...» («К Каверину», 1817, 1828); «**Представь себе**, сначала мы...» (аноним), «Судьба не перестает с тобой проказить. <...> **Представь себе** ее огромной обезьяной, которой дана полная воля» (Пушкин – Вяземскому. Май 1826 г.³); «Приличье, тонкость – все тогда / В **высокой степени** хранится...» (аноним), «Я наконец в искусстве безграничном / Достигнул **степени высокой**» («Моцарт и Сальери». 1830); «**В роскошной спальне**, при огне...» (аноним), «**В роскошном**

¹ См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961; Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина. М., 1982.

² См.: Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964. С. 48.

³ Обратим внимание на то, что речь в этом письме идет, в частности, о женитббе Баратынского и браке Вяземского; причем Пушкин судит о супружеской жизни с почти циничной откровенностью, используя *bon mots*, наверняка получившие резонанс.

сумрачном **покое**... // Блится **ложе** золотое» («Египетские ночи», 1835).

В стихотворении используются характерные для Пушкина эпитеты: *пышный, стыдливый, пушистый* и др. Пушкинскому стилю в целом соответствуют построение фраз, семантика употребляемых слов (их прямые и переносные значения). Исключения редки, но обращают на себя внимание. Так, слово *бархатный* не встречается у писателя в значении, реализованном в стихотворении (*тело бархатное*). Автор «Первой ночи» злоупотребляет приемом лексического повтора, например: «Как трудно, трудно нам решиться», «У ложа страсти, ложа сна», «И очарованный прилег / На очарованное ложе», «И грудь моя к ее груди», «И сердце в сердце утонуло», «Взаимный жар два сердца жег, / Палил два сердца каленые», «Душа алкала новых нег, / Душа алкала пресыщенья», «Глаза смыкались, размыкались» (порой это ощущается как стилистическая небрежность).

В версификационном отношении стихотворение напоминает пушкинскую манеру: 4-ст. ямб, характерное для посланий поэта отсутствие внешне выраженной строфики, наличие отступов в строках¹. Однако вряд ли можно признать пушкинской «внутреннюю» строфику стихотворения. Оно состоит из бессистемно чередующихся четверостиший, 6-стиший, двух 7-стиший и одного 5-стишия. При этом произвольно используются перекрестные, опоясывающие и парные рифмы. 5-стишие (52–56) структурно (аБаББ) не соответствует строфической модели пушкинского 4-ст. ямба². Конфигурация 7-стиший (аБаББвв, аБаБввБ) в строках 13–19, 75–81 в рамках данного размера также не имеет аналогий в поэзии Пушкина, к тому же подобные «строфы» чрезвычайно редки для него вообще³. Модификации 6-стиший в строках 20–25, 26–31, 65–70, 82–87, 104–109 встречаются у Пушкина либо в единичных случаях (как ААБВБВ, ааБввБ), либо не встречаются вообще (АбБАвв)⁴. Рассмотрение рифм стихотворения также показывает большие расхождения с пушкинским «эталонном». 15 % из них неточны или

¹ Ср., например: «К Батюшкову» (1814), «Князю А.М. Горчакову» (1814), «К Галичу» (1815), «Послание к Юдину» (1815). В более позднее время подобная архитектура дружеского послания встречается у поэта значительно реже.

² См.: *Томашевский Б.В.* Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 321–322, 406–483.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 322–323.

приблизительны (я/меня, мы/жены, хранится/совершится/решился, огне/нагоде, постеле/колыбели, дитя/меня, покрывало/трепетала, найти/грудь, вдохнула/прильнула/утонуло, упоения/изнеможенье), в то время как у зрелого Пушкина подобная небрежность не встречается¹. 25 % рифм в «Первой ночи» являются глагольными, в пушкинской поэзии последних заметно меньше – в среднем 16 %².

Итак, с точки зрения важнейших компонентов поэтики (словарь, строфика, рифмы) «Первую ночь» нельзя признать соответствующей представлению о норме пушкинского языка и стиха.

IV. Полежаев?

Последний день
Сверкал мне в очи;
Последней ночи
Встречал я тень...

А.И. Полежаев. Провидение, 1828

При жизни Полежаева и позже (вплоть до 1861 г.) его имя не фигурировало в связи с данным стихотворением, что само по себе достаточно убедительное доказательство непричастности поэта к этой истории.

Аргумент Н.В. Гербеля, будто бы полежаевское авторство «известно всем, знавшим несчастного поэта» – того же рода, что и указание Н.П. Огарева на «знакового с Пушкиным». Попытка Е.А. Боброва обосновать принадлежность стихотворения Полежаеву не выдерживает критики. С таким же успехом можно было бы приписать перу поэта и другие анонимные эротические произведения лишь на том основании, что за ним закрепилась сомнительная слава последователя И.С. Баркова³. Между тем Н.А. Добролюбов, которому не откажешь в принципиальности

¹ См.: *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 142.

² Там же. С. 85.

³ Заметим, что Полежаев отличался в данном отношении гораздо большей сдержанностью, чем некоторые его современники. См., в частности: *Илюшин А.А.* О русской «фривольной» поэзии XVIII–XIX вв. // «Летите, грусти и печали...»: Неподцензурная рус. поэзия XVIII–XIX вв. М., 1992. С. 9–37; *Санов Н.* «Барков доволен будет мной!»: О массовой барковиане XIX в. // Под именем Баркова... С. 5–20.

оценки поэзии и личности Полежаева, связывал «Первую ночь» с именем Пушкина. Не исключено, что дружные попытки отдельных мемуаристов и литературоведов второй пол. XIX в. приписать Полежаеву стихотворение, которое до этого соотносилось с пушкинским творчеством, были вызваны стремлением охранительной критики принизить значение полежаевской поэзии, ставшей популярной у шестидесятников, косвенно дискредитировать тех, кто ее пропагандировал (главным образом революционных демократов)¹.

Н.П. Огарев, тонко чувствующий поэзию, усомнился в авторстве Полежаева: «...стих не его, да и сюжет <...>». Попробуем обосновать этот вывод.

В нач. 1830-х гг. Полежаев находился на Кавказе. Его поэтические впечатления были далеки от тех, что питали вдохновение автора «Первой ночи». Отношение Полежаева к Пушкину также не дает повода подозревать его в неуважении к современнику; наоборот, Пушкин был для него любимейшим поэтом². Никаких аналогий, подобных указанному стихотворению, в творчестве Полежаева нет. Его лирическому герою свойствен иной темперамент в выражении любовного чувства³. Кроме того, среди знакомых поэта не было тех, кто принадлежал к литературной «аристократии» и той среде, которая могла быть заинтересована в травле Пушкина.

В версификационном плане стихотворение тоже нельзя признать полежаевским. Хотя поэт тяготел к астрофичности стиха, в его творчестве нет такого конгломерата внутренних строф (и большинства их моделей), как в «Первой ночи»⁴. Еще заметнее разница в технике рифмовки: доля приблизительных и неточных рифм в поэзии Полежаева – 8,4 %, глагольных – 13 %⁵. Однако отдельные лексемы, встречающиеся в указанном стихотворении и отсутствующие в

¹ См. об этом: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. С. 19–31.

² Там же. С. 76–91.

³ В ст. «Стихотворения А. Полежаева» Н.А. Добролюбов пишет: «...талант Полежаева отличается еще необыкновенной страстностью и стремительностью. Она-то и увлекает пылких юношей в непечатных стихотворениях Полежаева» (*Добролюбов Н.А.* Собр. соч. Т. 2. С. 53).

⁴ См.: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев: Проблемы мировоззрения, эстетики, стиля и языка. Саранск, 1987. С. 168–172.

⁵ Причем в произведениях Полежаева нач. 1830-х гг. вероятность последних значительно снижается: «Чир-Юрт» – 6 %, «Кориолан» – 6 %.

поэтическом словаре Пушкина, фигурируют в поэзии Полежаева: *пресыщенье* («Сашка», «Рассказ Кузьмы, или Вечер в “Кенигсберге”»), *смыкаться* («Сашка», «Новодевичий монастырь, или Приключение на Воробьевых горах»), *первобытный* («Эрпели»), *насытить* («Негодование»)¹. Использовал поэт и словосочетание *бархатное тело* («Картина»). Но это не может служить доказательством его авторства, поскольку Лермонтов, например, тоже употреблял в поэзии слова *первобытный*, *насытить*, *пресыщенье*, *смыкаться*, а кроме того и *тонкость*².

V. Пушкин и Полежаев

«Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова».

*Пушкин – П.А. Вяземскому,
10 июля 1826 года*

Отношение Пушкина к Полежаеву представляет некоторую загадку, поскольку он не оставил прямых свидетельств своего внимания к творчеству последнего. Между тем в библиотеке писателя были полежаевские произведения, в его сочинениях можно встретить следы знакомства с отдельными стихотворениями и поэмами младшего современника³.

По мнению Н.О. Лернера, Пушкин, говоря об авторе «Первой ночи», имел в виду Полежаева. Исследователь обосновывает это тем, что Полежаев являлся в общественном сознании поклонником Ламартина (воздействие на него Баркова подразумевается как бы само собой). Заметим, однако, что творчество Ламартина соперничало по популярности у русского читателя с поэзией Байрона. И почему не предположить, что Пушкин намекал не на конкретного автора стихотворения, а на современного ему «Баркова» вообще, так сказать в романтической редакции. В письме к А.А. Бестужеву (30 нояб. 1825 г.)

¹ См.: *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев в истории русского литературного языка. С. 25–38; *Он же.* Словарь языка А.И. Полежаева.

² См.: Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 719–762.

³ См.: *Васильев Н.Л.* Пушкин и Полежаев... С. 40–59.

он отмечает: «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина»¹. Возвышенный, религиозно-экстатический эротизм французского лирика не был чужд и самому Пушкину, что мог принять во внимание автор «Первой ночи», если указанное стихотворение рассматривать как мистификацию².

VI. Мистификация?

Когда б никто меня под легкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строгий критик пощелкал...

А.С. Пушкин. Домик в Коломне

Учитывая, что никто из поэтов XIX века не взял на себя ответственности за авторство данного стихотворения, можно предположить, что оно либо случайно стало связываться с именем Пушкина, либо было написано с целью дискредитации писателя в общественном мнении.

В пользу последней версии говорят следующие соображения: 1) слухи о стихотворении появились в петербургской среде, искусственной в интригах подобного рода (вспомним, например, историю с «дипломом рогоносца»); 2) мишенью были выбраны именно Пушкин и его жена, чей брак привлекал внимание высшего света; 3) В.А. Жуковский в письме к А.Х. Бенкендорфу, говоря о «Первой ночи», намекал на происки недоброжелателей поэта; 4) автор стихотворения стремился имитировать стиль Пушкина – тонкость чувств, поэтический словарь, версификационные приемы, привязанность к жанру дружеского послания и т. д.; 5) намек на мистификацию – зловещий по своей двусмысленности – содержится в самом начале стихотворения: «...я / Люблю дурачиться с друзьями; / Ты разгадал давно меня...».

---

¹ Ср. также в письме к П.А. Вяземскому (5 июля 1824 г.): «Ламартин хорош в “Наполеоне”, в “Умиравшем поэте” – вообще хорош какой-то новой гармонией».

² Ср.: «Когда же мы поймали налету / Крылатый миг небесных упоений...» («Гавриилиада»), «Но вы, живые впечатленья, / Первоначальная любовь, / Небесный пламень упоенья, / Не прилетаете вы вновь» («Кавказский пленник»); «И этих чувств чистейший миг / Я в жизни в первый раз постиг; / Оно с небесным чем-то схоже» (аноним).

Анонимный автор был связан с пушкинским окружением, поскольку знал некоторые подробности интимной жизни писателя. Об этом можно судить по одной немаловажной детали, отраженной в указанном стихотворении: «...И только в полдень пробудилась...». По свидетельству П.И. Бартенева, «Н.Н. Пушкина сама сказала княгине Вяземской, что муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду»¹.

Судя по некоторым особенностям поэтики (более смелый словарь, свобода в употреблении неточных и приблизительных рифм²), автором стихотворения был кто-то из поэтов, родившихся в 1800-х – нач. 1810-х гг. Выскажем предположение, что подобный «заказ» – не обязательно по злому умыслу – мог выполнить и А.И. Подолинский (1806–1886), обидевшийся на Пушкина, Дельвига за уничижительную оценку его творчества³. В 1831 году, незадолго до женитьбы Пушкина, он покинул Петербург, перед этим, как можно думать, своеобразно «хлопнув дверью». Основанием для такого вывода являются параллели в мотивах, фразеологии, синтаксисе, метрике между «Первой ночью» и поэмой Подолинского «Смерть Пери» (1834–1836). Ср., например:

Аноним	Подолинский
...Взглянул – она была бледней Природной белизны своей: Глаза смыкались, размыкались, Исчезла в них страстей краса. И, как ночные небеса, Туманной влагой покрывались Уста поблекшие ея... Я руки милой жертвы взял, К устам, к груди моей прижал... И поцелуем заглушил Ее стыдливые роптанья...	<...> Покрыты Могильной бледностью ланиты Прекрасной девы; взор потух, Словам любви не внемлет слух; Ни разу грудь не встрепенется; И только кровь из ран ея... И с громким воплем обхватил Труп девы юноша несчастный, Прижал к груди безумно-страстно, Уста к устам ее склонил...

¹ *Бартенев П.И.* Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских // Рус. архив. 1888. № 7. С. 307.

² См.: *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. С. 142–143.

³ См.: *Киселев-Сергенин В.С.* А.И. Подолинский // Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 2. С. 282–283, 285; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 336.

Еще к пылающим устам
Прижал уста и грудь, и руки...

Открыла очи <...>

И вдруг открыла очи¹.

Оба автора часто используют прием единоначатия, прибегая к многосоюзию. Ср., например: «И вот в разубранной постели...», «И этих чувств чистейший миг...», «И очарованный прилег...», «И поцелуем заглушил...», «И грудь моя к ее груди...» (аноним); «И с громким воплем обхватил...», «И грудь възгнала теплой кровью...», «И с умиленьем Пери внемлет...», «И долгий, сладостный и знойный / Их поцелуй соединил...» (Подолинский. С. 315–325). В поэме Подолинского, кроме того, встречается рифма типа *ея/острия, ея/бытия* (с. 315, 319), характерная – в иной модификации – и для автора «Первой ночи»: *ее/мое*. У Пушкина же она чрезвычайно редка². Вместе с тем Подолинский намного техничнее создателя «Первой ночи»: в его поэме доля неточных и приблизительных рифм –2,6%, глагольных – 12%.

Забавно, что в своих воспоминаниях, опубликованных в 1872 году, Подолинский признавался в своеобразной ревности к таланту старшего современника и стремлении творчески идентифицироваться с ним: «В 1824 году, по выпуске из Петербургского университетского пансиона, я ехал <...> к родным моим в Киев. В Чернигове мы ночевали в какой-то гостинице. Утром, войдя в залу, я увидел в соседней, буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого, по месту прогулки и по костюму, принял за полового. Наряд был очень непредставительный: желтые нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная, измятая рубаха, подвязанная вытертым черным шейным платком <...>. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: “Вы из Царскосельского лица?”. На мне еще был казенный сертук, по форме одинаковый с лицейским.

Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.

¹ Цит. по: Поэты 1820–1830-х годов. Т. 2. С. 315, 316, 331.

² Нам встретился лишь один случай рифмы на *ея* («Евгений Онегин», VII, 16) и четыре на *ее* («Городок», «Кавказский пленник», «Воевода», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

А! Так вы были вместе с моим братом, – возразил собеседник.

Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию.

– Я Пушкин, брат мой Лев был в вашем пансионе.

Слава Пушкина светила тогда в полном блеске, вся молодежь благоговела перед этим именем, и легко можно себе представить, как я, семнадцатилетний школьник, был обрадован неожиданною встречей и сконфужен моею опрометчивостью. <...>

Затем он (Пушкин. – *Н. В.*) попросил меня передать в Киеве записку генералу Раевскому, тут же им написанную. Надобно было ее запечатать, но у Пушкина печати не оказалось. Я достал свою, и она пришлась кстати, так как вырезанные на ней буквы А. П. как раз подходили и к его имени и фамилии. Признаюсь, эта случайность суеверно меня порадовала; я втихомолку начинал уже рифмовать и потому видел в такой тождественности счастливое для себя предзнаменование»¹.

Можно думать, что та же *случайность* позже инициировала своеобразное творческое соперничество Подолинского с Пушкиным, поскольку совпадающие инициалы поэтов (стихи подписывались нередко именно так), подталкивали их современников к различного рода ассоциациям и мистификациям, а читателей, критиков и порой литературоведов приводили к заблуждениям относительно авторства произведений². Ср. у того же Полежаева:

Увидит чтец иной под пальцем
В моих тетрадках *А* и *П*,
Попросит ласковых хозяев
Значенье литер пояснить –
И мне ль забвенным, мне ли быть?
«Эрпели», 1830

По мнению комментатора мемуаров Подолинского, вопрос «об отношениях с литераторами пушкинского окружения», столь волновавший его еще в 1820-х гг., занимает и здесь «центральное

¹ Подолинский А. По поводу статьи г. В. Б.<урнашева> «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году» // Рус. архив. 1872. № 3/4. С. 856–865. Цит. по: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 2. С. 137–138.

² См. об этом, например: Белинский В.Г. [Рец.] Песни, романсы и разные стихотворения. Занятие в свободные часы А. П. (М.: Тип. Пономарева, 1836. 70 с.) // Он же. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 75–76.

место»¹. Это лишний повод предположить, что у поэта были основания «свести счеты» с недооценивавшими его талант современниками...

Удивительно и вряд ли случайно, что трое поэтов с одинаковыми инициалами – А. П<ушкин>, А. П<олежаев>, А. П<одолинский> – оказались тесно связаны причастностью к легенде о написании ими «Первой ночи брака»!

VII. Традиции жанра

Помощь в разгадке авторства стихотворения может оказать рассмотрение его под углом зрения жанровой природы – как интимного дружеского послания, повествующего о первой супружеской ночи. Любой жанр аккумулирует в себе память о предшествующих видовых вариациях и содержит программу будущего развертывания. В данном случае нам не известны ни предшественники «Первой ночи», ни последующие образцы такого рода².

Существует, впрочем, анонимный рассказ в стихах о первых днях супружеской жизни, изложенный от лица молодой женщины – «Письмо к сестре»³. Написан он, судя по отдельным деталям, не ранее 1875–1876 гг. и не намного позже этого срока, поскольку в нем фигурируют, в частности, некоторые реалии, связанные с борьбой южного славянства против турецкого владычества: «Прочитала я в газете / О восстании славян / И о том, какие муки / Им приходится принять. / Когда их

---

¹ См.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 490 (прим. Р.В. Иезуитовой).

² Ср., однако: «Популярнейший текст “Первая ночь брака” <,> уже в 1830-х годах (т. е. сразу после создания) совершенно безосновательно, но прочно приписанный Пушкину, породил вереницу “первых ночей”, порой не имеющих ничего общего не только с исходным образцом, но и в принципе с устойчивой барковской традицией, с которой связан лишь с заголовком» (Санов Н. «Барков доволен будет мной!.. С. 18).

³ См.: Под именем Баркова... С. 242–248. В нашем распоряжении имеется иная редакция этого произведения, отличающаяся большим количеством полноценных строк (274 против 270 в указанной выше версии), многообразными разночтениями и четкой строфической структурой. См.: Васильев Н.Л. К вопросу об авторстве стихотворения «Первая ночь брака», приписываемого А.И. Полежаеву. С. 393 (здесь приведены первые 84 строки стихотворения, т. е. 21 четверостишие).

башибузуки / На кол думают сажать»¹. Если «Первая ночь» создана в духе салонно-куртуазной поэзии, то «Письмо к сестре» гораздо натуралистичнее, отражает мещанские вкусы, что проявилось, например, в опоре на сниженно-бытовую лексику, примитивных глагольных рифмах и выборе метра – 4-ст. хорей, отличающегося известной «лихостью».

Остается гадать, был ли анонимный автор этого произведения знаком с классикой такого рода – «Первой ночью»... Скорее всего, да, тем более что в обоих стихотворениях встречается образное соотнесение чувственных проявлений женской эмоциональности с водной стихией (*туманная влага, волна* и т. д.). Ср.: «После этой бурной сцены / Я очнулась, как от сна; / От какой-то перемены / Сердце билось, **как волна**» («Письмо к сестре»).

---

¹ Естественно, мы должны учитывать и возможность исторической стилизации текста стихотворения, т. е. литературной мистификации, – явления, чрезвычайно распространенного в XIX и отчасти XX вв. не только в сфере «художественного», но и «научного» творчества. См. об этом, например: *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. 2-е изд. М., 1996; *Он же.* Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX в. М., 2001.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА ПО ТЕМЕ КНИГИ

1. Принципы использования научных терминов в произведениях А.С. Пушкина // *Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология.* Новосибирск, 1977. С. 91–101.

2. Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина (к постановке вопроса) // *Эволюция и предыстория русского языкового строя: Межвуз. сб. / Горьков. ун-т. Горький, 1979. С. 91–97.*

3. Научные термины в творчестве А.С. Пушкина // *Стилистика художественной речи: Межвуз. тем. сб. науч. тр. / Мордов. ун-т. Саранск, 1979. С. 150–162.*

4. Функционирование научной терминологии в литературном творчестве А.С. Пушкина // *Терминотермины и их функционирование: Сб. материалов III науч. конф. молодых ученых ист.-филол. фак. Лингв. секция / Горьков. ун-т. Горький, 1979. С. 2–11 (депонировано).*

5. Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1981. 27 с.

6. Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1981. 214 с.

7. Семантические изменения научной лексики в произведениях А.С. Пушкина (вероятностно-статистическая интерпретация) // *Эволюция и предыстория русского языкового строя: Межвуз. сб. / Горьков. ун-т. Горький, 1982. С. 27–35.*

8. Синонимия научной лексики в произведениях А.С. Пушкина (вероятностно-статистическая и кибернетическая интерпретация) // *Эволюция и предыстория русского языкового строя: Межвуз. сб. / Горьков. ун-т. Горький, 1983. С. 46–54.*

9. Способы стилистической, семантической и функциональной адаптации научной лексики в творчестве А.С. Пушкина: новые функции и приемы использования терминов // *Краткое содержание докладов и сообщений на Всесоюзном координационном совещании «Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации» (19–21 окт. 1983 г.).* Орджоникидзе, 1983. С. 64–65.

10. Научная лексика в языке А.С. Пушкина: Спецкурс // *Учебный план и программы по специализации «лингвистика» для студентов III–V курсов филологического факультета / Мордов. ун-т. Саранск, 1984. С. 6–7.*

11. Научная лексика как художественно-изобразительное средство в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // *Рус. яз. в школе.* 1984. № 3. С. 46–49.

12. Особенности функционирования системы научной лексики в произведениях А.С. Пушкина // Системно-структурные отношения в языке: Межвуз. сб. / Мордов. ун-т. Саранск, 1984 (депонировано).

13. Проблема диахронической атрибуции терминов (на материале творчества А.С. Пушкина) // Зональная конференция «Научно-техническая терминология: стандартизация, перевод и редактирование». 1–3 февр. 1984 г.: Тез. докл. и сообщений. Челябинск, 1984. С. 15.

14. Новое о творчестве А.И. Полежаева: «Нас было двое: брат и я...» // Сов. Мордовия. 1989. 10 июня.

О функции эпиграфа из поэмы А.С. Пушкина «Братья разбойники» в стихотворении А.И. Полежаева «Осужденный».

15. Научная лексика в языке А.С. Пушкина: Учеб. пособие. Саранск, 1989. 92 с.

16. Пушкин и Полежаев: «заговор молчания» или...? (К истории взаимоотношений) // Поэзия А.И. Полежаева: Межвуз. сб. науч. тр. / Мордов. ун-т. Саранск, 1989. С. 40–69.

17. Лексические отголоски языка Пушкина в поэзии А.И. Полежаева // Современные проблемы русского языкознания (Памяти акад. А.А. Шахматова): Тез. докл. межвуз. науч. конф. Горький, 1990. С. 17–18.

18. А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. 168 с.

Разделы: Пушкин и его творчество в поэзии Полежаева. – С. 76–91; Пушкин и Полежаев (о возможных отзвуках полежаевской поэзии в пушкинском творчестве). – С. 119–121.

19. К спорам вокруг поэмы А.И. Полежаева «Сашка» // Восхождение: Лит.-худ. сб. Саранск, 1993. С. 294–306.

О связи поэмы А.И. Полежаева «Сашка» с первой главой романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

20. Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы: Дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 1993. 367 с. (Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 33 с.)

Разделы: Пушкинские реминисценции в поэзии Полежаева. – С. 167–194; Пушкин и Полежаев (о возможных отзвуках полежаевской поэзии в пушкинском творчестве). – С. 254–259.

21. Словарь языка писателя: словарь языка или писателя? // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы 7-ой Тверской межвуз. конф. Тверь, 1993. С. 38–39.

О «Словаре языка Пушкина».

22. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, метод, рекомендации и материалы к спецкурсу. Саранск, 1995. 40 с.

Разделы: Сопоставление словаря А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова. – С. 14–21; Приложения: 1. Слова и фразеологизмы, употребляющиеся в произведениях Полежаева, но отсутствующие в письменных текстах Пушкина; 2. Слова и фразеологизмы, употребляющиеся в произведениях Полежаева, но отсутствующие в художественных текстах Пушкина; 3. Слова и фразеологизмы, употребляющиеся в произведениях Полежаева, но отсутствующие в поэтических текстах Пушкина; 4. Слова и фразеологизмы, употребляющиеся в произведениях Полежаева, но отсутствующие в окончательных редакциях и вариантах сочинений Пушкина. – С. 25–38.

23. Фразеология в языке Пушкина // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы 11 Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей. 11–12 апр. 1997 г. Тверь, 1997. С. 186–187.

24. «Чужое слово» в русской поэзии (Из заметок филолога) // Рус. словесность. 1997. № 5. С. 59–62.

О державинской реминисценции («Река времен в своем стремлении...», 1816) в стихотворении А.С. Пушкина «Жуковскому» (1821); о полежаевской реминисценции («Провидение», 1828) в стихотворении А.С. Пушкина «Элегия («Безумных лет угасшее веселье...», 1830). – С. 59–61.

25. «Первая ночь брака» (Опыт историко-литературного комментария) // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исслед. и материалы. Иваново, 1998. С. 221–236.

О приписывании А.С. Пушкину указанного стихотворения.

26. Пушкин Александр Сергеевич // История Мордовии в лицах: Биогр. сб.: В 3 кн. Саранск, 1999. Кн. 3. С. 255.

27. Архаичное и современное в языке Пушкина // Рус. словесность. 1999. № 2. С. 51–52.

28. Бермудский треугольник любви: Пушкин, Гончарова, Дантес // Мордовия – 7 дней. 1999. № 4 (21 янв.). С. 7.

О феномене А.С. Пушкина в связи с 200-летием со дня рождения писателя (беседа корреспондента газеты с автором).

29. «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (Пушкин и мордовский край) // Изв. Мордовии. 1999. 14 мая. С. 6.

30. История одной мистификации: Опыт литературоведческого расследования // Сура. [Пенза]. 1999. № 4. С. 142–156. – Расширенный вариант статьи «Первая ночь брака» (Опыт историко-литературного комментария).

31. На болдинской земле... // Изв. Мордовии. 1999. 1 окт. С. 7.

О XXVII Болдинских чтениях, посвященных 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, и праздновании 50-летия образования Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника «Болдино».

32. Новые данные о лексическом богатстве языка А.С. Пушкина (по материалам «Истории Петра» и «Заметок при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова») // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках: Тез. докл. международной науч. конф. Н. Новгород, 1999. С. 51–52.

33. Пушкинские реминисценции в поэзии Н.П. Огарева // Н.П. Огарев от XIX к XXI веку: Материалы и тез. докл. XXVII Саранских международных Огаревских чтений: к 185-летию со дня рождения (Саранск, 8–9 дек.). Саранск, 1999. С. 28–29.

34. Романтические традиции в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // А.С. Пушкин и мировая культура: Международная науч. конф.: Материалы (Москва, 2–4 февр. 1999 г.). М., 1999. С. 19–20.

35. Стилистическая структура языка А.С. Пушкина (статистические аспекты) // А.С. Пушкин и современность: Науч.-педаг. аспект. Саранск, 1999. С. 15–17.

36. Французский язык в творчестве А.С. Пушкина (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы современной лингвистики и литературоведения: Материалы науч.-практ. конф. (Саранск, 27–28 мая 1997 г.). Саранск, 1999. С. 35–36 (в соавторстве с Е.В. Савиной).

37. Варваризмы в языке А.С. Пушкина // Филол. науки. 2000. № 2. С. 99–105 (в соавторстве с Е.В. Савиной).

38. В.В. Виноградов. Лингвистический анализ поэтического текста (Спецкурс по материалам лирики А.С. Пушкина) / Запись П.Г. Черемисина [1941/1976]; вступ. ст., подгот. текста и комментарии Н.Л. Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3/4. С. 304–355.

39. Заимствованная лексика в языке А.С. Пушкина // Вестн. Мордов. ун-та. 2000. № 3/4. С. 58–60.

40. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3. С. 48–51.

41. Новые данные о лексическом богатстве языка А.С. Пушкина // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2000. С. 87–93.

42. Полежаевская реминисценция в стихотворении Пушкина «Безумных лет угасшее веселье...» // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. Вып. 2 (41). СПб., 2000. С. 194–195.

43. Пушкин Александр Сергеевич // Мордовия: Энциклопедия. Саранск, 2001. С. 523.

44. Пушкин: Связь времени, пространства и культур // Изв. Мордовии. 2001. 13 марта.

О состоявшейся в Москве и Сергиевом Посаде научной конференции «А.С. Пушкин и духовная культура его времени».

45. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001. 88 с.

О «Словаре языка Пушкина». – С. 3–7.

46. Фразеология как художественно-изобразительное средство в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2001. С. 91–100.

47. В гостях у Пушкина... // Изв. Мордовии. 2002. 1 окт.

О XXX Болдинских чтениях, получивших статус международной конференции.

48. «Евгений Онегин» как филологический метатекст Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 4. Арзамас, 2002. С. 92–105.

49. Пушкинские реминисценции в стихотворении В. Ходасевича «Путем зерна» // Тезисы XVI Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей (12–13 апр. 2000 г.). Тверь, 2002. С. 136–137.

50. Стилистическая структура языка М.Ю. Лермонтова в сравнении с языком А.С. Пушкина (статистические аспекты) // Тарханский вестник. Вып. 15. Пенза, 2002. С. 71–73.

51. Пушкин Александр Сергеевич // Мордовия: Кто есть кто: Энциклопедический словарь-справочник. Саранск, 2002. С. 334–335.

52. Иноязычные элементы в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 5. Арзамас, 2003. С. 107–120.

53. Религиозные переживания в романтической поэзии пушкинского времени // Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский: Альбом-каталог выставки в Государственном музее А.С. Пушкина. 20 дек. 2000 г. – 28 февр. 2001 г.; А.С. Пушкин и духовная культура его времени: Материалы науч. конф.: Московская духовная академия; Государственный музей А.С. Пушкина. Сергиев Посад. Москва. 19–20 дек. 2001 г. М., 2003. С. 214–215.

54. Религиозные переживания в романтической поэзии пушкинского времени // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 5. Арзамас, 2003. С. 153–159. – *Расширенный вариант предшествующей статьи.*

55. Словари языка писателей как источник изучения поэтики русской литературы XIX века // Проблемы изучения лирики в школе: К

200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Арзамас, 4–5 дек. 2003 г.). Арзамас, 2003. С. 152–162.

О «Словаре языка Пушкина» и языке писателя. – С. 153–160.

56. Языковое со-творчество Пушкина // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 200–211.

57. «Евгений Онегин» в провинциальном контексте: три литературных отклика на роман Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 6. Арзамас, 2004. С. 93–114.

58. А.С. Пушкин и Струйские: *три луны* русской поэзии в творческом сознании классика // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2004. С. 127–135.

59. Инерция романтической поэтики в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2005. С. 114–122.

60. К вопросу об авторстве стихотворения «Первая ночь брака», приписываемого А.И. Полежаеву // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева (22–24 сент. 2004 г., г. Саранск). Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 375–392.

61. К поэтике «Сна Татьяны» в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 7. Арзамас, 2005. С. 158–162.

62. «Нас было двое: брат и я...» // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Полежаева (22–24 сент. 2004 г., г. Саранск). Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 433–434.

О функции эпиграфа из поэмы А.С. Пушкина «Братья разбойники» в стихотворении А.И. Полежаева «Осужденный».

63. (Не)преднамеренные каламбуры Пушкина: из наблюдений над поэтикой «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2006. С. 50–60.

64. Пушкинское словотворчество в аспекте писательской лексикографии // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конф. СПб., 2006. С. 15–17.

65. Индивидуально-авторские слова в языке А.С. Пушкина // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей рус. языка и литературы (Варна, 17–23 сент. 2007 г.). Т. 3. Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов; Функциональные разновидности рус. языка. Sofia, 2007. С. 320–327.

66. К теме «Пушкин и Полежаев» // Литература и человек (Писатели, читатели, филологи): Сб., посвященный 55-летию проф. М.В. Строганова. Тверь, 2007. С. 12–20.

67. Пушкинский бестиарий // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 9. Арзамас, 2007. С. 77–90.

68. Переводимое и непереваемое (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы международной науч.-практ. конф. [тезисы]. Салоники; Ситония Порто Карас, 2008. С. 46.

69. Переводимое и непереваемое (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы международной науч.-практ. конф. (14–18 мая 2008) [доклады]. М., 2008. С. 90–97.

70. Пушкин и Полежаев: диалог судеб и творчества // Пушкин и мировая культура: Материалы восьмой Международной науч. конф. (Арзамас, Б. Болдино, 27 мая – 1 июня 2007 г.). СПб.; Арзамас; Б. Болдино, 2008. С. 150–164.

71. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в аспекте современной читательской, литературной, филологической и переводческой рецепции // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: Материалы конгресса (С.-Петербург, 15–17 окт. 2008 г.): В 2 т. СПб., 2008. Т. I, ч. II: Новое в истории русской литературы. Литература XIX – нач. XX вв.: новые взгляды и концепции. С. 48–56.

72. Функции курсивных выделений в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2008. С. 302–313.

73. К истории пушкинского стихотворения «Перед гробницею святой...» (Пушкин и Трилунный) // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2009. С. 71–86.

74. Лингвопозитика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и адекватность ее передачи в современной переводческой практике (на материале английского, французского и немецкого языков) // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы III Международной науч.-практ. конф. (г. Ульяновск, март 2009 г.). Ульяновск, 2009. С. 318–321.

75. Словарь языка А.А. Дельвига. М., 2009. 148 с. (в соавторстве с Д.Н. Жаткиным).

О дружеских и творческих связях Пушкина с А.А. Дельвигом, соотношении их лексиконов. – С. 4–8, 22–26.

76. Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Пушкин и мировая культура:

Материалы III Международной науч. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2009 г.): В 2 ч. Минск, 2009. Ч. 1. С. 126–130.

77. Пушкинский bestiарий // Современные средства коммуникации и психолингвистические проблемы преподавания научно-технической и астроавиакосмической терминологии в вузах Узбекистана: Межвуз. сб. науч.-метод. ст. Ч. III. Ташкент, 2009. С. 229–235. – Статья (см. п. 67) перепечатана без согласования с автором.

78. Художественная роль астрономов в произведениях Пушкина // Там же. С. 199–201.

79. Словари языка поэтов пушкинского времени: проект будущего, проекция прошлого... // II Congreso internacional «La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Granada, 8–10 de septiembre de 2010: En conmemoración de los 55 años de enseñanza de la lengua rusa en España / II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8–10 сент. 2010 г.: к 55-летию преподавания рус. языка в Испании: В 2 т. Granada, Madrid, 2010. Т. 2. С. 2006–2010.

80. Творческое взаимодействие А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Болдинские чтения. Саранск, 2010. С. 21–28.

81. А.С. Пушкин и Л.А. Якубович: биографические и творческие контакты // Болдинские чтения. Саранск, 2011. С. 55–63.

82. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» глазами читателя, филолога и редактора // Филологи как читатели: Материалы международной науч. конф. Тверь, 2011. С. 78–94.

83. Из наблюдений над рифмами в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Б. Болдино, 2012. С. 107–120.

84. Поэтические идиолекты А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. СПб., 2012. С. 276–280.

Руководство диссертантами

Савина Е.В. Взаимодействие русской и французской речевых стихий в произведениях А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Язык А.С. Пушкина	7
Архаичное и современное в языке А.С. Пушкина.....	7
Пушкин и современный русский язык.....	10
Стилистическая структура языка А.С. Пушкина.....	15
Научные термины в языке А.С. Пушкина.....	17
Заемствованная лексика в языке А.С. Пушкина.....	28
Варваризмы в языке А.С. Пушкина.....	30
Новые данные о лексическом богатстве языка А.С. Пушкина.....	38
Новые данные о лексической структуре языка А.С. Пушкина.....	45
Языковое со-творчество А.С. Пушкина.....	54
Пушкинский бестиарий.....	65
«Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя.....	79
Сколько слов в «языке Пушкина»?.....	88
ПОЭТИКА РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»	105
Научная лексика как художественно-изобразительное средство в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	105
Фразеология как художественно-изобразительное средство в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	112
Иноязычные элементы в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	123
«Евгений Онегин» как филологический метатекст А.С. Пушкина....	138
К поэтике «Сна Татьяны» в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	152
Инерция романтической поэтики в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (к типологии и эволюции русского романтизма).....	157
(Не)преднамеренные каламбуры Пушкина: из наблюдений над поэтикой «Евгения Онегина».....	171
Функции курсивных выделений в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	181
Переводимое и непереваемое (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»).....	191
Лингвопоэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и адекватность ее передачи в современной переводческой практике (на материале английского, французского и немецкого языков)....	198
«Евгений Онегин» в провинциальном контексте: три литературных отклика на роман А.С. Пушкина	202

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в аспекте современной читательской, литературной, филологической и переводческой рецепции.....	220
Из наблюдений над рифмами в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	231
Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» глазами читателя, филолога и редактора.....	246
А.С. ПУШКИН И ПОЭТЫ ЕГО ВРЕМЕНИ.....	262
Пушкин и Полежаев: «заговор молчания» или...? (К истории взаимоотношений).....	262
Полежаевская реминисценция в стихотворении Пушкина «Безумных лет угасшее веселье...».....	297
А.С.Пушкин и А.И.Полежаев: диалог судеб и творчества.....	299
А.С. Пушкин и Струйские: три луны русской поэзии в творческом сознании классика.....	315
К истории пушкинского стихотворения «Перед гробницею святой...» (Пушкин и Трилунный).....	324
А.С. Пушкин и Л.А. Якубович: биографические и творческие контакты.....	337
Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов.....	347
ПРИЛОЖЕНИЕ. «Первая ночь брака» (опыт историко-литературного комментария).....	355
БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА ПО ТЕМЕ КНИГИ.....	378

Научное издание

Васильев Николай Леонидович

О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин»,
писатель и его современники

Монография

Редактор Пяткин С.Н.

Корректор Любова Е.Ю.

Технический и художественный редактор Никонов С.П.

Компьютерный дизайн, верстка и вывод оригинал-макета Пяткина Е.Н.

Дизайн обложки Сазанов Ан.

Лицензия ИД №04436 от 03.04.2001. Подписано в печать 27.05.2013.

Формат 60х84/16. Печать офсетная. Усл. печ. листов 21.

Тираж 300 экз. Заказ №231

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Арзамасский филиал

607220 г. Арзамас Нижегородской области, ул. К.Маркса, 36.

ГУП РМ «Республиканская типография “Красный октябрь”»

430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а

E-mail: tko-saransk@mail.ru